

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
СИБИРЬ
378/1 1.2020

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Эрестоматия

- 225 лет со дня рождения
Александр Грибоедов. Там, где вьётся Алазань 3
160 лет со дня рождения
Антон Чехов. 75 000. Рассказ 9
120 лет со дня рождения
Михаил Исаковский. Медаль за город Будапешт... 13

Поэзия

- Владимир Гусенков.** Другие названия у памятных улиц 18
Василий Скробот. Они меня не предадут 35
Александр Сокольников. Мы странники на этой земле 74
Валерий Скрипко. Песни других времен 89
Марина Шамсутдинова. Русские отбиваются 94
Елена Попова. Понять свое предназначенье 115
Алена Шипицына. Памяти причудливый узор 120

Проза

- 90 лет со дня рождения
Глеб Пакулов. Во время войны. Рассказ из повествования 24
Олег Солдатов. Парус манит ветер. Повесть 40
70-летие сибирского писателя Н. Зарубина
Николай Зарубин. Даешь синкопу! Рассказ 82
Маргарита Бехтерева. Заря с зарею сходится. Баклашинская быль 99

Сквозь века и истории

- Александр Дулов.** Проблемы охраны памятников истории и культуры Иркутска 125
100 лет со дня гибели адмирала А. Колчака
Павел Новиков. Современная Россия — «колчаковская» 128
Анатолий Степанов. Ошибочная историософия иеромонаха Романа (Матюшина).
О двух антисоветских стихотворениях и возникшей вокруг них полемике 136

Публицистика

75-летие русского историка, музееведа Н.М. Полуниной

Тамара Крючкова. Наша Надежда	140
Тамара Бусаргина. Писательские жены: талант или призвание? <i>Беседа О. Слободчикова с вдовой писателя Глеба Пакулова</i>	147
Людмила Белякова. Дети-на-крови	156

Критика

75-летие поэта Владимира Скифа

Владимир Бондаренко. Поэт эпохи Водолея	160
Алексей Шорохов. Новокрестьянские поэты: исповедничество в слове. <i>О причинах избирательной ненависти к русской деревне и ее певцам</i>	168
Виталий Зоркин. Поэма — это не стихи, а стихия	173
Лилия Ладик. Старая сказка на новый лад. <i>О творчестве Светланы Волковой</i>	177

Радевица

Памяти народной артистки России Людмилы Стрижовой

Татьяна Сазонова. Солнце видела я в отраженьи росы. <i>Очерк</i>	187
Александр Никулин. Вспоминая Семена Климовича Устинова	217

Вернисаж

Федор Ясников. «...К свету... из ночной тени...»	224
---	-----

Книжная лавка

Эдуард Анашкин. Тревога о родном. <i>О книге критики и публицистики В. Семеновой «Под небом родным и тревожным»</i>	234
Валентина Семенова. В Иркутске вспомнили про драматургов: пора! <i>О сборнике современной драматургии «В контакте»</i>	237
Книжная полка	241

Сулочка к другу

Литературные пародии	245
-----------------------------------	-----

События

.....	249
-------	-----

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**

Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв, В.К. Забелло, В.В. Козлов, И.И. Козлов,
А.К. Лаптев, М.П. Попова, О.К. Стасюлевич, Л.А. Сулейманова, В.Н. Хайрюзов

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru

Подписано в печать 22.2022 г. Выход в свет: 22.2022 г. Формат 70x108/16.

Усл-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Принт Лайн», 664006, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4, оф. 21. Тел. 8 (3952) 48-66-00.

Р/сч. № 40702810608030001744 к/с 30101810200000000777 Банк получателя ФЛ ПАО Банк ВТБ в г. Красноярск

Сч. № 30101810200000000777 БИК 040407777

ИНН/ КПП 3808086540/381201001 ОКПО 13623582 ОКПО 13623582

Юрестоматия

225 лет со дня рождения

АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич родился 4 января 1795 года в Москве. Он рос в дворянской семье и отличался особой любознательностью. Его отец, Сергей Иванович, был отставным секунд-майором. Будучи по своей натуре азартным, он нередко проигрывал крупные суммы денег. Являясь же слабохарактерным человеком, он не пользовался авторитетом ни в обществе, ни и у себя дома. Мать Александра, Анастасия Федоровна, была из состоятельной семьи. Интересен факт, что она также принадлежала к родовой линии Грибоедовых. А.С. Грибоедов является великим русским драматургом, поэтом, музыкантом и статским советником. Не всем известно о том, что помимо писательской деятельности, он был еще и выдающимся дипломатом. В его биографии было очень много интересных и необычных событий, а его смерть заслуживает отдельной статьи. Школьники знают Грибоедова только потому, что им приходится читать знаменитую пьесу «Горе от ума». Однако если вы узнаете, сколько гений Грибоедова успел сделать за свою короткую 34-летнюю жизнь, вы не сможете не проникнуться глубоким уважением, и даже восторгом к этому великому человеку. Биографы Грибоедова отмечают, что с самых ранних лет Александр отличался высоким интеллектом. По свидетельству близких людей, в 6-летнем возрасте маленький Саша достаточно хорошо разговаривал на немецком, итальянском, французском и английском языках. В юности он выучил еще латынь и древнегреческий язык. Дважды в неделю в доме Грибоедовых собирался танцкласс Иогеля, который обучал детей танцам. Также у них часто проходили музыкальные вечера, на которых Александр исполнял различные композиции. Воспитанием будущего драматурга занималась, в основном, мать. Когда Грибоедову исполнилось 9 лет, родители отдали его в Московский университетский благородный пансион, в котором он проучился 3 года.

В период биографии 1806–1808 гг., он учился в Московском университете на словесном отделении. Окончив его, Грибоедов стал кандидатом словесных наук. Интересно, что на тот момент времени ему было всего 13 лет. Александра никогда не приходилось заставлять учиться. Он получал особое удовольствие от новых знаний, поэтому с жаром изучал любую науку. В 1808 г. юноша продолжил учебу в том же университете на этико-политическом факультете. Через 2 года он получил степень кандидата прав и остался в учебном заведении изучать математику и естественные науки. Параллельно с этим Грибоедов интересовался музыкой, и даже сочинял композиции. К сожалению, из его музыкального творчества до наших дней дошло только 2 вальса Грибоедова. Другьями Грибоедова были дети из дворянских семей. Помимо этого он имел близкие отношения с будущими декабристами, обсуждая с ними разные «запретные» темы. В этом плане он был похож на другого великого писателя – Федора Достоевского. Александр обладал острым чувством юмора, а также являлся чрезвычайно сообразительным, находчивым и веселым человеком. Благодаря этим качествам он был душой любой компании. Также Грибоедов любил беседовать с людьми, принадлежащими к числу интеллигенции. Он часто проводил время с дипломатами, поэтами, артистами и музыкантами. Интересен факт, что с Грибоедовым поддерживал дружеские отношения Александр Пушкин, считая его одним из самых умных людей России.

1812 год стал переломным в биографии Грибоедова. Когда Наполеон напал на Россию, ему пришлось служить корнетом гусарского полка. Однако военное дело не приносило ему никакого удовольствия. Он чувствовал себя рожденным для другого поприща, и мечтал как можно скорее заняться писательской деятельностью. Будучи блестяще образованным молодым человеком, Грибоедов мог дискутировать на самые разные темы. Но главным увлечением всей его жизни была литература. В 19-летнем возрасте он написал комедию «Молодые супруги». После ее постановки в театрах Петербурга, комедия получила множество положительных отзывов со стороны простых зрителей и критиков. После этого Грибоедов написал еще несколько произведений, а также перевел на русский язык французскую комедию «Притворная неверность». По свидетельству близких друзей, Александр Сергеевич в совершенстве знал произведения Гете, Шиллера и Шекспира. Однажды поручик Шереметьев признался Грибоедову в том, что танцовщица, которую он любил, изменила ему с графом Завадовским. В связи с этим Шереметьев вызвал графа на дуэль, попросив Грибоедова стать его секундантом. Александр Сергеевич долго уговаривал приятеля, чтобы тот отказался от этой затеи, однако тот ни за что не соглашался. В итоге дуэль состоялась, а бедный поручик был смертельно ранен в живот. Возможно, дело бы на том и закончилось, однако между Якубовичем, секундантом Завадовского, и Грибоедовым произошла ссора, которая тоже привела их к дуэли. Но поскольку раненого Шереметьева пришлось срочно везти в больницу, поединок решили перенести. В результате дуэль состоялась в следующем, 1818 году. На ней поэт был ранен в кисть.

В 1818 г. царский чиновник Симон Мазарович предложил Грибоедову занять должность секретаря посольства в Персии, на что тот сразу же согласился. За 3 года работы Александр Сергеевич в совершенстве овладел новым для себя языком. Он даже начал сочинять стихи на персидском языке. Однако пребывание на чужбине тяготило дипломата, и он постоянно мечтал о возвращении на Родину. Обладая глубоким умом и высокой культурой, Грибоедов сумел добиться выдающихся результатов на дипломатическом поприще. Он внес огромный вклад в

составление Туркманчайского договора, а также сыграл важную роль во время русско-персидской войны. В Тегеране Александр Грибоедов работал над мирным договором, условия которого персы никак не желали выполнять. Вскоре в биографии дипломата произошло роковое событие, повлекшее за собой трагическую смерть. Занимаясь дипломатическими делами, Грибоедов сумел забрать из гарема премьер-министра Персии Алляяр-хана двух армянок, которых он планировал отправить на родину. Однако оскорбленный Алляяр-хан стал тайно подстрекать народ к волнениям. Это привело к тому, что толпа религиозных фанатиков начала угрожать жизни дипломата. Здесь следует добавить еще один факт. Дело в том, что у Грибоедова был слуга по имени Александр. Так вот, когда бывших наложниц привели в посольство, чтобы потом отправить их в Армению, слуга начал приставать к ним. Женщины, не желавшие уезжать на родину, где их ждала нищета, воспользовались моментом и, выскочив на улицу, стали кричать, что их бесчестят. В ту же минуту разъяренная толпа персов набросилась на тех, кто был в посольстве. Началась кровавая резня, во время которой были убиты охранники и все чиновники со слугами. Когда обезумевшая толпа ворвалась в комнату Грибоедова, он с удивительным спокойствием спросил, чего они хотят. Поскольку дипломат разговаривал на чистом персидском языке, это смутило бушующий народ. Однако внезапно на голову Александра Сергеевича упал камень, так как мятежники к тому времени уже разобрали перекрытие. Тут же на потерявшего сознание дипломата набросилось несколько десятков ослепленных злобой персов, и его начали яростно рубить шашками. Труп Грибоедова был настолько изуродован, что опознать его удалось только по шраму на кисти руки, который остался после дуэли с Якубовичем. У Грибоедова была возможность укрыться от нападения в армянской церкви, но он отказался от этого. Из всех членов посольства в живых остался только Иван Мальцев, который сумел спрятаться в сундуке. После случившейся трагедии в Тегеране был объявлен государственный траур. Таким образом, власти старались продемонстрировать сожаление о разбойном нападении на русское посольство. Затем, чтобы замаять преступление своего народа, персидский шах отправил в Российскую империю внука с множеством дорогих подарков, в числе которых был алмаз «Шах», украшенный разными драгоценными камнями. Александр Сергеевич Грибоедов был убит 30 января 1829 г. в возрасте 34 лет. Его тело доставили в Тифлис и похоронили на горе Мтацминда, в гроте возле храма Святого Давида.

Через несколько месяцев на могиле драматурга побывал Александр Пушкин. Единственной супругой в биографии Грибоедова была Нина Чавчавадзе, на которой он женился за год до смерти. На момент резни в Тегеране, молодая женщина находилась на 8 месяце беременности. Чтобы не беспокоить ее трагическими известиями, факт гибели супруга старались скрывать. Однако родственники Нины решили все-таки рассказать ей об этом, поскольку боялись, что она узнает о гибели мужа от чужих людей. Узнав о разгроме русской миссии и убийстве мужа толпой фанатиков, она тихо заплакала. Спустя несколько дней у нее начались преждевременные роды, в результате которых ребенок не выжил. После этого Нина до конца дней оставалась одна, навсегда оставшись верной покойному супругу. Вскоре ее стали называть «черной розой Тифлиса». На могиле мужа Нина Чавчавадзе поставила памятник с надписью: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!».

Там, где вьётся Алазань...

Юность вещего

Орёл, едва лишь пухом оперённый,
Едва в себе почуял дерзость сил,
Рассёк эфир, с размаху воспарил;
Хор птиц, его явленьем изумлённый,

Неспорный крик ему навстречу шлёт.
Нет! Дерзость тех очей и тот полёт
Не зрит себе ни равных, ни преслушных
И властвует в селеньях он воздушных,

Не так между людьми: ах! от пелён
Томится столько лет ревнитель славы!
Еще томится возмужалый он,
Отвержен и не признан, угнетен...
Судьба! О, как тверды твои уставы!

Великим средь Австралии зыбей,
Иль в Севера снегах, везде одно ли
Присуждено! — Искать желанной доли
Путем вражды, препятствий и скорбей!

И тот певец, кому никто не смеет
Вослед ступить из бардов сих времен.
Пред кем святая Русь благоговеет,
Он отроком, безвестен и презрен,

Сын рыбаля, чудовищ земноводных
Ловитвой жил; в пучинах ледяных,
Душой алкая стран и дел иных,
Изнемогал в усилиях бесплодных!

От Аполлона

На замечанье Феб даёт,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тиснению
Не по его внушенью!

Там, где вьётся Алазань

Нине Чавчавадзе

Там, где вьётся Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах собирают дань
Пурпурного винограда,

Светло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,

Вечно-юная блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?

Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?

Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,

Раскаляют степь...
Что судьба, разлука, смерть!...

Освобождённый

Луг шелкóвый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!

Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?

Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.

Но где друг?... но я один!...
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.

Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

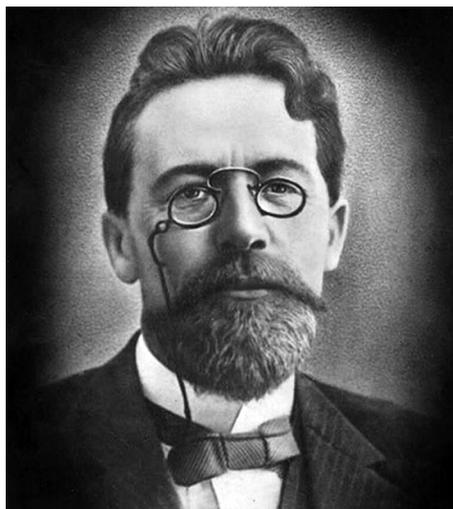
Душа

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное виденье!
Надзвездный дом,
Зари кругом,
Рождало мир моё веленье!
И вот от сна
Привлечена
К земле ветшающей и тесной.
Где рой подруг,
Тьма резвых слуг?
О, хор воздушный и прелестный!
Нет, поживу,
И наяву
Я лучшей жизнью, беспечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Где надышусь свободой вечной!

По духу времени и вкусу

— По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
— За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!..
— Ему не свято ничего...
— Он враг царю!.. — Он друг сестрицын!..
— Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесят ли его?..

АНТОН ЧЕХОВ

75 000

РАССКАЗ

Ночью, часов в 12, по Тверскому бульвару шли два приятеля. Один — высокий красивый брюнет в поношенной медвежьей шубе и цилиндре, другой — маленький рыженький человек в рыжем пальто с белыми костяными пуговицами. Оба шли и молчали. Брюнет слегка насвистывал мазурку, рыжий угрюмо глядел себе под ноги и то и дело сплевывал в сторону.

— Не посидеть ли нам? — предложил наконец брюнет, когда оба приятеля увидели темный силуэт Пушкина и огонек над воротами Страстного монастыря.

Рыжий молча согласился, и приятели уселись.

ЧЕХОВ Антон Павлович (17 (29) января 1860, Таганрог, Екатеринославская губерния (теперь Ростовская область) — 2 (15) июля 1904, Баденвайлер, Германская империя) — русский писатель, прозаик, драматург. Классик мировой литературы. По профессии врач. Почётный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности (1900–1902). Один из самых известных драматургов мира. Его произведения переведены более чем на 100 языков. Его пьесы, в особенности «Чайка», «Три сестры» и «Вишнёвый сад», на протяжении более 100 лет ставятся во многих театрах мира. За 25 лет творчества Чехов создал более 500 различных произведений (коротких юмористических рассказов, серьёзных повестей, пьес), многие из которых стали классикой мировой литературы. Особенное внимание обратили на себя «Степь», «Скучная история», «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Мужики», «Человек в футляре», «В овраге», «Детвора», «Драма на охоте»; из пьес: «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишнёвый сад».

— У меня есть к тебе маленькая просьба, Николай Борисыч, — сказал брюнет после некоторого молчания. — Не можешь ли ты, друг, дать мне займы рублей десять — пятнадцать? Через неделю отдам...

Рыжий молчал.

— Я не стал бы тебя и беспокоить, если бы не нужда. Скверную штуку сыграла со мной сегодня судьба... Жена дала мне сегодня утром заложить свой браслет... Нужно ей за свою сестренку в гимназию заплатить... Я, знаешь, заложил и вот... при тебе сегодня в стуюлку нечаянно проиграл...

Рыжий задвигался и крикнул.

— Пустой ты человек, Василий Иваныч! — сказал он, покрививши рот злой усмешкой. — Пустой человек! Какое ты право имел садиться с барынями играть в стуюлку, если ты знал, что эти деньги не твои, а чужие? Ну, не пустой ли ты человек, не фат ли? Постой, не перебивай... Дай я тебе раз навсегда выскажу... К чему эти вечно новые костюмы, эта вот булавка на галстухе? Для тебя ли, нищего, мода? К чему этот дурацкий цилиндр? Тебе, живущему на счет жены, платить пятнадцать рублей за цилиндр, когда отлично, не в ущерб ни моде, ни эстетике, ты мог бы проходить в трехрублевой шапке! К чему это вечное хвастанье своими несуществующими знакомствами? Знаком и с Хохловым, и с Плевако, и со всеми редакторами! Когда ты сегодня лгал о своих знакомствах, у меня за тебя глаза и уши горели! Лжешь и не краснеешь! А когда ты играешь с этими барынями, проигрываешь им женины деньги, ты так пошло и глупо улыбаешься, что просто... пощечины жалко!

— Ну оставь, оставь... Ты не в духе сегодня...

— Ну, пусть это фатовство есть мальчишество, школьничество... Я согласен допустить это, Василий Иваныч... ты еще молод... Но не допущу я... не пойму одной вещи... Как мог ты, играя с теми куклами... сподличать? Я видел, как ты, сдавая, достал себе из-под низу пикового туза!

Василий Иваныч покраснел, как школьник, и начал оправдываться. Рыжий настаивал на своем. Спорили громко и долго. Наконец оба мало-помалу умолкли и задумались.

— Это правда, я сильно завертелся, — сказал брюнет после долгого молчания. — Правда... Весь я потратился, задолжался, растратил кое-что чужое и теперь не знаю, как выпутаться. Знаешь ли ты то невыносимое, скверное чувство, когда всё тело чешется и когда у тебя нет средства от этой чесотки? Нечто вроде этого чувства я испытываю теперь... Весь по уши залез в дебри... Совестно и людей и самого себя... Делаю массу глупостей, гадостей, из самых мелких побуждений, и в то же время никак не могу остановиться... Скверно! Получи я наследство или выиграй, так бросил бы, кажется, всё на свете и родился бы снова... А ты, Николай Борисыч, не осуждай меня... не бросай камня... Вспомни пальмовского Неклюжева...

— Помню я твоего Неклюжева, — сказал рыжий. — Помню... Сожрал чужие деньги, налопался и после обеда захотел покейфовать: перед девчонкой расхныкался!.. До обеда, небось, не похныкал... Стыдно писателям идеализировать подобных подлецов! Не будь у этого Неклюжева счастливой наружности и галантных манер, не влюбилась бы в него купеческая дочка и не было бы раскаяния... Вообще подлецам судьба дает счастливые наружности... Все ведь вы купидоны. Вас любят, в вас влюбляются... Вам страшно везет по части женщин!

Рыжий встал и заходил около скамьи.

— Твоя жена, например... честная, благородная женщина... за что она могла

полюбить тебя? За что? И сегодня вот, целый вечер, в то время, когда ты врал и ломался, не отрывала от тебя глаз хорошенькая блондинка... Вас, Неклюжевых, любят, вам жертвуют, а тут всю жизнь работаешь, бьешься как рыба об лед... честен, как сама честность, и — хоть бы одна счастливая минута! А еще тоже... помнишь? Был я женихом твоей жены Ольги Алексеевны, когда она еще не знала тебя, был немножко счастлив, но подвернулся ты и... я пропал...

— Рревность! — усмехнулся брюнэт. — А я и не знал, что ты так ревнив!

По лицу Николая Борисыча пробежало чувство досады и гадливости... Он машинально, сам того не сознавая, протянул вперед руку и... махнул ею. Звук пощечины нарушил тишину ночи... Цилиндр слетел с головы брюнета и покатился по утопанному снегу. Всё это произошло в одну секунду, неожиданно, и вышло глупо, нелепо. Рыжему тотчас же стало стыдно этой пощечины. Он уткнул лицо в полинялый воротник своего пальто и зашагал по бульвару. Дойдя до Пушкина, он оглянулся на брюнета, постоял минуту неподвижно и, словно испугавшись чего-то, побежал к Тверской...

Василий Иваныч долго просидел молча и не двигаясь. Мимо него прошла какая-то женщина и со смехом подала ему его цилиндр. Он машинально поблагодарил, поднялся и пошел.

«Сейчас зуденье начнется, — думал он через полчаса, взбираясь по длинной лестнице к себе на квартиру. — Достанется мне от супруги за проигрыш! Всю ночь будет проповедь читать! Чёрт бы ее взял совсем! Скажу, что потерял деньги...»

Дойдя до своей двери, он робко позвонил. Его впустила кухарка...

— Проздравляем вас! — сказала ему кухарка, ухмыляясь во всё лицо.

— С чем это?

— А вот увидите-с! Смилостивился бог!

Василий Иванович пожал плечами и вошел в спальную.

Там за письменным столом сидела его жена Ольга Алексеевна, маленькая блондиночка с папильотками в волосах. Она писала. Перед ней лежало несколько уже готовых, запечатанных писем. Увидев мужа, она вскочила и бросилась ему на шею.

— Ты пришел? — заговорила она. — Какое счастье! Ты не можешь себе представить, какое счастье! Со мной истерика была, Вася, от такой неожиданности... На, читай!

И она, прыгнув к столу, взяла газету и поднесла ее к лицу мужа.

— Читай! Мой билет выиграл 75 000! Ведь у меня есть билет! Честное слово, есть! Я скрывала его от тебя, потому что... потому что... ты бы заложил его. Николай Борисыч, когда был женихом, подарил мне этот билет, а потом не захотел его взять обратно. Какой хороший человек этот Николай Борисыч! Теперь мы ужасно богаты! Ты теперь справишься, не будешь вести беспорядочную жизнь. Ведь ты кутил и обманывал меня от недостатков, от бедности. Я это понимаю. Ты умный, порядочный...

Ольга Алексеевна прошла по комнате и засмеялась.

— Вот неожиданность! Ходила я, ходила из угла в угол, бранила тебя за твое распутство, ненавидела и потом села от тоски газету читать... И вдруг вижу!.. Написала всем письма... сестрам, матери... То-то обрадуются, бедные! Но куда же ты?

Василий Иваныч заглянул в газету... Ошеломленный, бледный, не слушая жены, он простоял некоторое время молча, что-то придумывая, потом надел свой цилиндр и вышел из дому.

— На Большую Дмитровку, номера N N! — крикнул он извозчику.

В номерах он не застал того, кто ему был нужен. Знакомый ему номер был заперт.

«Она, должно быть, в театре, — подумал он, — а из театра... ужинать поехала... Подожду немного...»

И он остался ждать... Прошло полчаса, прошел час... Он прошелся по коридору и поговорил с сонным лакеем... Внизу на номерных часах пробило три... Наконец, потеряв терпение, он начал медленно спускаться вниз к выходу... Но судьба сжалилась над ним...

У самого подъезда он встретился с высокой тощей брюнеткой, окутанной в длинное боа. За ней по пятам следовал какой-то господин в синих очках и мерлушковой шапке.

— Виноват, — обратился Василий Иванович к даме. — Могу ли я беспокоить вас на одну минуту?

Дама и мужчина нахмурились.

— Я сейчас, — сказала дама мужчине и пошла с Василием Ивановичем к газовому рожку. — Что вам нужно?

— Я к тебе... к вам, Надин, по делу, — начал, заикаясь, Василий Иванович. — Жаль, что с тобою этот господин, а то я бы тебе всё рассказал...

— Да что такое? Мне некогда!

— Завела себе новых обожателей, да и некогда! Хороша, нечего сказать! За что ты прогнала меня от себя под Рождество? Ты не захотела со мной жить, потому что... потому что я тебе не доставлял достаточно средств к жизни... Вот ты и неправа, оказывается... Да... Помнишь ты тот билет, что я подарил тебе на именины? На, читай! Он выиграл 75 000!

Дама взяла в руки газету и жадными, словно испуганными глазами стала искать телеграммы из Петербурга... И она нашла...

В это же самое время другие глаза, заплаканные, тупые от горя, почти безумные, глядели в шкатулку и искали билета... Всю ночь искали эти глаза и не нашли. Билет был украден, и Ольга Алексеевна знала, кто украл его.

В эту же самую ночь рыжий Николай Борисыч ворочался с боку на бок и старался уснуть, но не уснул до самого утра. Ему было стыдно той пощечины.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

ИСАКОВСКИЙ Михаил Васильевич родился 7 (19) января 1900 года в деревне Глотовка Ельнинского уезда Смоленской губернии (ныне Угранского района Смоленской области) в бедной крестьянской семье. Самоучкой приобщился к грамоте, научился читать и писать. С осени 1911 года он смог ходить в школу и окончил её весной 1913 года, получив «5» по всем предметам. В 1915 продолжил своё обучение в гимназии. Гимназию пришлось оставить, так как семья терпела большую нужду. Одно из ученических стихотворений — «Просьба солдата» — было опубликовано ещё в 1914 году в общероссийской газете «Новь». Член РКП(б) с 1918 года. В 1921–1931 годах работал в смоленских газетах. В 1931 году переехал в Москву. Многие стихотворения Исаковского положены на музыку. Наиболее известны «Катюша» и «Враги сожгли родную хату» (музыка М.И. Блантера), «В лесу прифронтовом», «Летят перелётные птицы», «Одинокая гармонь», «Под звёздами балканскими» и другие. В фильме «Кубанские казаки» на музыку И.О. Дунаевского прозвучали его песни «Каким ты был, таким ты и остался» и «Ой, цветёт калина». В 1926 году М.В. Исаковский, будучи редактором газеты, помогает своему молодому талантливому земляку А.Т. Твардовскому. В 1927 году выходит первый сборник стихов поэта «Провода в соломё», которые понравились Максиму Горькому. В результате сотрудничества с В.Г. Захаровым песни на слова Исаковского появляются в репертуаре хора им. Пятницкого. Наиболее известные из них: «Вдоль деревни», «Провожанье», «И кто его знает». По словам Александры Пермяковой, современного руководителя хора им. Пятницкого, эти песни сделали хор знаменитым. Поэма «Сказка о правде», написанная в 1945–1946, напечатана только в 1987 году. Ещё в тридцатых годах всюду зазвучали его удивительные песни, в которых так уместно и уютно почувствовало себя наше время, со всеми его новшествами и предчувствиями завтрашнего дня... А самая знаменитая, «Катюша», воевала на фронте, ею назвали наши бойцы самое грозное оружие — реактивные гвардейские минометы. И наконец, его вершина, где уже полная воля дана боли, по своему трагизму, редко достигаемому даже самыми сильными поэтами, — это «Враги сожгли родную хату». Кроме многочисленных поэтических сборников издал книгу «О поэтическом мастерстве». Отдал много времени переложению и обработке старинных песен и сказок, известен переводами с украинского,

белорусского и других языков. Перевёл в частности произведения Тараса Шевченко «Порченая», «Катерина», «Гоголю» и др. Белорусских поэтов: Янки Купалы «А кто там идёт?», «Извечная песня», «Никому», «Над рекою Аресой», «Мальчик и лётчик» (последнее стихотворение любил Юрий Гагарин), Якуба Коласа «Сымон-музыкант», Аркадия Кулешова «Знамя бригады» (с перевода Исаковского черногорский поэт Родован Зонович перевёл поэму Кулешова на сербскохорватский язык, и она стала популярной среди югославских партизан), Адама Русака «Будьте здоровы»; сербские народные песни. Автобиографическая книга «На Ельнинской земле» (1969). Михаил Васильевич занимался политической деятельностью — он был депутатом Верховного совета РСФСР четырёх созывов. Михаил Исаковский умер 20 июля 1973 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Медаль за город Будапешт...

Враги сожгли родную хату

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слезка несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

Прощание

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

А всего сильней желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой».

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
«Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай...»

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
«А еще тебя прошу я, —
Напиши мне письмецо».

И родная отвечала:
«Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны, — небольшой.

«Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?»
«Все равно, — сказал он тихо. —
Напиши... куда-нибудь!»

Вдоль деревни

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда;

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне;

Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого — звезда под потолком.

Небо льется, ветер бьется все больней,
А в деревне — частоколы из огней,

А в деревне и веселье, и краса,
И завидуют деревне небеса.

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда.

1925

В лесу прифронтовом

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,

И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не утрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора, —
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем!

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

Ой, туманы мои, растуманы...

Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.

На прощанье сказали герои:
— Ожидайте хороших вестей.
И на Старой Смоленской дороге
Повстречали незваных гостей.

Повстречали — огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу

За великие наши печали,
За горючую нашу слезу.

С той поры да по всей по округе
Потеряли злодеи покой:
День и ночь партизанские вьюги
Над разбойной гудят головой.

Не уйдет чужеземец незванный,
Своего не увидит жилья...
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя!

1942

Огонёк

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Все, что было загадано,
В свой исполнится срок,—
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

Парня встретила славная
Фронтная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письма.

Но знакомую улицу
Позабить он не мог:
— Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За советскую Родину,
За родной огонек.

1942

Где ж вы, где ж вы, очи карие?

Где ж вы, где ж вы, очи карие?
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай.

И под звездами балканскими
Вспоминаем неспроста
Ярославские, рязанские,
Да смоленские места.

Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но советской нашей Родины
Не забыли мы нигде.

Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех...
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

1944

Лучше нету того цветцу

Лучше нету того цветцу,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придет.

Мы бредем по тем дорожкам,
Где зеленая трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

Как увижу, как услышу —
Все во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц —
Хоть иголки подбирай.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем,
И куда — не знаем сами,—
Словно пьяные, бредем.

За рекой гармонь играет —
То зальется, то замрет...
Лучше нету того цветцу,
Когда яблоня цветет.

Май 1944

ВЛАДИМИР ГУСЕНКОВ

Другие названья у памятных улиц

* * *

Малюты — славные соратники,
В корчме опять сидят без дела?
От рук отбившихся — поправить бы,
Пока свеча не догорела.

Наелась, напилась опричнина,
И застоявшихся коней
Седлает людно и обидчиво:
«Куда?» «Государю видней!»

В оскале песья пасть болтается.
Могают в тороках метлу.
Смирилась на рысах страдалица:
Всё лучше, чем стоять в углу.

А царь опять играет в шахматы,
Семибоярщину клянёт:
Все имениты, все под шапками.
Брюхаты. Ябед полон рот.

ГУСЕНКОВ Владимир Павлович (1932–2019) родился в Иркутске. С двенадцати лет обучался в школе музыкантских воспитанников Советской Армии. Учился в художественном училище, служил в армии. В 1957 году поступил на филологический факультет Иркутского университета, который окончил в 1962. Работал редактором в книжном издательстве. В 1963 году открывал с молодым коллективом Братскую студию телевидения. Через год ушел на стройку, работал плотником и бетонщиком. В 1966 году вернулся в Иркутск. Печататься начал в армии, в газетах Новосибирска. Будучи студентом в 1961 году выпустил сборник стихов. Печатался в Иркутске, Новосибирске, Москве, в Болгарии, Японии. Автор книг: *«Корабли выходят на орбиты»* (1961), *«Между двумя рассветами»* (1968), *«Мой бедный Артаньян. Бесплатка: Повести»* (1987). Член Союза писателей России.

Понять бы, чем он им не нравится?
Прапрадед головы рубил.
А он, тишайший (аль не разница?)
Сколь вотчин роздал, а не мил.

Оно, конечно, иноземное
Злокозненно нас иго гнёт.
Но молодо — ещё ли зелено?
Даст бог, проглянем из тенёт.

Гордится Русь единорогами.
Огнём горынычи смердят:
В намордниках, пока не продали,
Под спудом и в цепях до пят.

В годах уж государь наш батюшка.
Малюта, может, он и есть...
В сметану обмакни оладушек,
И «даждь нам» не забудь прочесть.

* * *

Так хочется жизни хорошей, где, будто в раю,
Никем ты ещё ни обижен, ни с кем на краю,
Сцепившись над бездной, не бьёшься, не катишься вниз
По крыше покатою, где двух не удержит карниз?

Так хочется дольше гулять по красивой земле.
Картошечку щепочкой трогать в горячей золе.
Не думать, глаза прикрывая, хорош этот мир или плох,
Забыв про оградку, где вымахал чертополох.

Два мира,
два солнца,

две лётных уже полосы.

И третья, с которой взлетая, прощально ты щиплешь усы.
Короткого рейса не будет. И, в кресло валясь,
Ты разве что эху закажешь обратную связь.

В просторном салоне (с нулями на сто пятьдесят единиц
По паспорту — граждан, по спискам — указанных лиц)
На всех (кроме без вести канувших)

Маршал один,

Священник один.

И один муэдзин.

Молчит экипаж. Стюардессы не помнят маршрут.
По курсу летишь, а часы с циферблатами врут.
Всё больше свободных становится мест впереди.
Соседа не спрашивай: «Где мы?» — и вниз не гляди.

Там листья не убраны, сгнил надломившийся крест,
И только могилы, и только надгробья окрест...
Там время споткнулось,

лишь некто (ослеп он и глух)

Приходит проведать в оградке увядший лопух.

Так хочется жизни хорошей, пускай не в раю,
Пускай над обрывом, ещё не на самом краю,

Где, прячась в крапиве, тропинка спускается вниз.
Назад оглянись, и увидишь знакомый карниз.

Смирись, моя плоть. Отступилась от нас благодать.
К столу опоздали. На сказочках будем гадать.
Кукушка обманет, чужой похвальбой отоварена.
У бабы Яги побывай да у змея Тугарина.

В потёмках ногой опрокинешь треножник, плати за дисплей.
Оракул о трёх головах, он продвинутых любит гостей.
Стучит Костяная Нога, провожая Иванушку: «Кыш из оконца!».
А он за своё: «И да скроется тьма, и да выглянет солнце!»

О, боги! До новой-то эры и впрямь либо нет, либо как?
Всё барственно, пьянственно, чувственно, умственно —
Дело табак.

Облуплена, точно яичко, младая в застолье паства.
Ещё скорлупу из-под ног подмести не успела, проснувшись едва.

* * *

И век бы лежало, да вдруг покатилося —
Не яблочко с ветки упало, противясь:
У края скалы по-над пропастью камень
Неравные счёты сводил с каблуками.

Легко ль удержаться, попавши в немилость,
Раз гонят с обрыва, где прыгать не надо.
Задвигался склон — и гора надломилась.
Такой уж характер у камнепада.

Тайком ли спихнёшь, всё равно будешь вычтен.
Терпение лопнет: объявят импичмент.
А это до белого, значит, каленья:
Засыпало русло, и нет поколенья.

И словом подталкивать камешек плохо.
Пророком окажешься, сгинешь на плахе.
Вчера бичевали, сегодня Голгофа,
А завтра разбойничек в красной рубаше.

Генезис

Чуть летние сумерки, с крыш соскользнув на пустырь,
Ребячьим восторгам помогут в песке затеряться,
Над детской площадкой в листву тополей нетопырь
Неслышную тенью скользнёт из чердачного ранца.

Летучих мышей поводырь, в перепончатых крыльях привстав,
Как плащ, распахнув их, парит, коготки подбирая,
(Крючки вместо ног, и бессилён тут птичий Минздрав:
Не ходят они, а живут и висят, умирая).

Они тут свои... не из тех, кому век обитать
Под сводом пещер, где растут кувырком сталактиты,
Где, щупая дно, сухоядец, отвыкший летать,
Грызёт известняк, обживая гранитные плиты.

Не зная озноба, но плесенью затхлых грибов
Дыша, и вцепившись в античные ниши карнизов,
Висят эти твари среди исполинских столбов,
В потёмках себя на края капителей нанизав.

Их в сумерках будит луна... Но о многом уже
Летучие мыши с тобой нам поведали сами.
Неважно теперь, на каком через люк этаже
Проникли мы к ним,
а потом их скитальческий быт описали.

Ведь это в офортах у Гойи, где мрак не щадит никого,
Сон разума мнимых рождает чудовищ.
Там ведьмы танцуют маглот, игроки говорят на арго,
Монеты стучат о прилавок, потом — либидо лишь.

Летучие мыши живут за кирпичной трубой
Не гости мы там, а послушаешь — родичи, вроде.
Причислив себя к антиподам, парим в этажерке одной
При облачной, ясной, и даже ненастной погоде.

У них, как у пчёл, а у нас, как всегда, кавардак:
Подвальный этаж. А у этих малюток мансарда:
Жилищный аппендикс (всего-то забытый чердак),
Где пыль пожинает остатки ненужного скарба.

За что избегать их? Невежества мыльный пузырь,
В глазах неофитов придал им иную окраску,
Ведь клички обидные: Оборотень... Нетопырь —
Погосты живых упырей принимают, как ласку.

И мы ведь в глазах нелегалов под крышей
(ну, как их там звать-величать?)
Наверное, вместе к обидам их крохотным ближе.
Читай послесловие века. Не крылья, а руки ломали печать:
Огромными будучи, выше когда-то хотели —
всё выше и выше...

Усох птеродактиль. Набеги кошачьи житья не дают.

Ни пенсий, ни льгот, ни скворечен хотя бы на дачах.
Мол, так им и надо,
ведь кровь по ночам из младенчиков пьют.
А днём, возвратясь, по своим капюшончикам плачут.

* * *

На фото тридцатых (ничьей годовщины)
Ещё не успели пробиться морщины
На лицах героев и юных подруг.
Пушай трибуналы, ночные аресты,
Но ходят на танцы бойцы и невесты.
Любовь не обманешь. Пусть рано. А вдруг!

Ещё головой им не надо в подушку.
Пушай кавалеры берут их на мушку
И водят под ручку в кино на расстрел.
Ведь там, на экране, такая Орлова.
А этот Ильинский, ну, честное слово...
С галёркой весь зал хохотать угорел.

Военную школу кончают курсанты.
Дебют у рабфаковок в клубном ансамбле.
Одним гауптвахта, другим в драмкружок.
Всё дело в платочках, подобранных с пола:
Кармен уронила, потом Перикола.
На страже армейский (как тут) сапожок.

И без увольнительных вечером в парке,
Опять самоволка, опять контрамарки.
А Ванечка — Цезарь, а Колечка — Брут.
Конечно, тревожно на Дальнем Востоке.
Глядишь, и пораньше отправят в итоге...
Сболтнёшь, и ремень с кобурой отберут.

Так весело барышням в частной столовой.
Крюшон и пирожное с коркой слоёной.
Играет оркестр, и не надо вина.
По сопкам маньчжурским грустят инструменты.
Пора патрулям проверять документы.
Такие чудные у всех имена.

Скрипят портупей, смеются петлицы.
Привет с Халхин-Гола, с восточной границы!
Да здравствует Цезарь, да славится Брут.
Под шляпкой Кармен, а в боа Перикола:
Метр семьдесят пять (с каблуками) от пола.
И что? Если замуж пока не берут.

Хорошие курят бойцы папиросы.
Зачем впопыхах отвечать на вопросы?
Достань и открой наградной портсигар.
Появятся жёны. Обрезаны косы:
За милую душу, за то, что курносый,
За то, что хоть пóбыл, и снова пропал.

Судьбу проклиняйте, а жизнь их не троньте.
Под Краковом в Польше, на финском ли фронте,
Большая война их подхватит опять.
А в старом Иркутске, о них памятуя,
Сестрички-медички (Танюша и Уля),
Уже в перевязочной станут их ждать.

На долгую память хотя бы сыночка —
Четвёртую осень усталая почта
Про танцы и туфли не может забыть.
Такой вот расклад. «Напилася я пьяна»...
У Тани отгул, на дежурстве Ульяна —
И не с кем ни той, ни другой покурить.

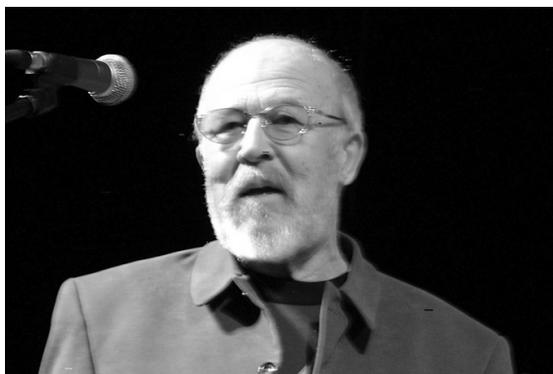
На выцветшем фото глядят, как из дыма:
Под Оршей пропал, не дошёл до Берлина,
Ни Цезарь в погонах, ни стриженный Брут.
Из плена, из темени, из-под Нарыма...
Куда ни напишешь — как в омут с обрыва:
О ком подтвердят, а кого обойдут.

Четыре войны за спиной поперхнулись.
Другие названья у памятных улиц.
Кокарды двуглавый орёл обрамил.
Воскресшие рынды стоят у престола.
В просвирне Кармен, на хорах Перикола.
Кому же, кому же свет белый не мил?

90 лет со дня рождения

ГЛЕБ ПАКУЛОВ

Во время войны

РАССКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Котька в пальтишке, купленном перед самой войной, обиженно присел под вешалкой. Отец подмигнул ему, дескать, делать нечего, сиди дома. Он поднял с пола мешок, коленом толкнул дверь — и как растворился в клубах пара, залетевшего в кухню вместе со снегом.

Мать левой рукой пощипывала кудель, в пальцах правой крутилось веретено, стучало о дно подставленной кастрюльки. Устинья Егоровна готовила посылку для фронта. Вязала из овечьей шерсти подшлемники, варежки, носки, сдавала на

ПАКУЛОВ Глеб Иосифович родился в 1930 году в амурской станице Буссенской, в семье казачьего сотника, кавалера Георгиевских крестов I, II, III, IV степени. Окончив семилетку в Благовещенске, поступил в речное училище и помощником механика ходил по Амуру на пароходе до Николаевска и моря. В 1945 году в день объявления войны с Японией был мобилизован и ходил с десантом моряков по реке Сунгари на Харбин, после чего ещё пять лет отслужил в военном флоте. Окончил художественное училище в Новосибирске, служил в морфлоте, учился на географическом факультете Киевского университета. Работал в геологических партиях Иркутской области. Автор книг: *Славяне*. Стихи; поэмы. — Иркутск, 1964; *Тиара скифского царя*. Повесть. — Иркутск, 1970; *Варвары*. Роман. — Иркутск, 1976, 1985; М., 1993; *Глубинка*. Повесть. — М., 1981; *Гарь*. Роман. — Иркутск, 2005; Новосибирск, 2006; М.: Вече (серия «Сибиряда»), 2010. За роман «Гарь», в котором художественно воспроизведены события религиозного раскола в России в XVII в., писатель награжден премией Губернатора Иркутской области 2006.

приёмный пункт, вкладывала в варежку письмецо с кривыми параличными буквами и надеялась — сыновьям достанется её вязание. Сергей со старшим Константином были на фронте с первых выстрелов, от самой границы ломали войну. Письма от них шли не поймёшь из каких мест: литер да номер полевой почты. Гадай, где эта почта. Одно распознавала безошибочно — от кого письмо. Сергеевы аккуратные, треугольнички чистенькие, на самолёте воюет. Костины — те в мазуте выпачканы, мятые. Понятное дело — танкист старший Константин.

Угораздило Костроминых назвать сыновей одинаковыми именами. Посторонние удивлялись, а родных и знакомых эта история давно смешить перестала. А получилось вот что: Осип Иванович на радостях, что последышем в семье родился парнишка, опора на старость, загулял на неделю. Мать в это время придумала последышу имя Вениамин. Уж очень интеллигентно на слух выходило, и к тому же во всём посёлке такого имени ни у кого не было. Отец нехотя согласился, а когда с похмелья пришел в сельсовет, не смог вспомнить мудрёного имени, назвал и младшего Константином.

Устинья Егоровна стыдила-корила муженька, но не идти же в сельсовет документы переделывать: и волокита и стыдоба. Года четыре мать гнула своё — окликала мальчонку Венькой, а отец — Котькой. Совсем было задёргали парнишку, сдалась мать. Так и остались в семье Костя большой и Костя маленький — Котька.

Сидел Котька под вешалкой и думал: хорошо бы сейчас в клуб махануть, на Ваньку Удодова глянуть. Уж он-то там околачивается, Вику подкарауливает, чтоб навялиться до дому проводить. Вика совсем на поселковых девчонок не походит, и говорит чудно, что не слово — будь добр, пожалуйста. Верить ей, так есть на свете янтарные дворцы, фонтаны-обливашки в виде деревьев, или ещё диковины — мосты разъезжаются. Опоздал домой и жди до утра всю ночь. Да и ночей настоящих нет, белые они, читать можно. Вика к тётке на Амур из Ленинграда эвакуировалась. Худенькая, косточки выпирают, и личико стеаринового просвета. Совсем как мотылёк-подёнок, которого и в руки взять боязно: дыхни — сомнётся. А Ванька вокруг неё гусём вышагивает, вяжется, бугай, жениться небось хочет. А что ему? Паспорт уж год как получил, а всё седьмой класс не осилит. Котьке шестнадцать еще только через два года будет, а догнал его, второгодника. Теперь за одной партией сидят.

Вернулся отец, за ним из клубов пара возник бородатый, в козьей дохе, подпоясанный алым кушаком, хромой батька Ваньки Удодова Филипп Семёнович.

— Здорово были, Устинюшка! — прокуренно забухтил он, охлопывая катанки рукавицами-мохнатушками. Сосульки на усах его тоненько брякнули, он ухватил их в горсть и, оттаивая, медленно потащил вниз, бросил в жестяное корытце умывальника. Они и там брякнули, провалились в дыру, загремели в ведре.

— Здравствуй, Филипп, здравствуй, — кивала Устинья Егоровна. — Разболочкайся, окуржевел весь.

— Знатный мороз приударил к ночи изо всей мочи, — складно и весело доложил Удодов. — Такой буран низовой, спасу нет, а небушко вызвездило, аж жуть берёт, какая люминация.

— Дак долго нонче морозу путного не было, — поддержала разговор Устинья Егоровна. — Зима не зима. Пыжилась-пыжилась, вот и завернула.

— Во-во! — затряс головой Удодов. — Первые-то заснеги в ноябре пали, обнадёжили только, а таперича скоро Новый год, а там Рождество. По всем статьям пара. Зима, она своё возьмёт... Сёдни утресь кобыле ноздри проминать выбегал.

Весь храп лёдом забило, одним ротом сопела, как не задохлась. По стратегии такой рылворот туды бы, на фронт, гитлерцам сопли к пузу признать.

Он достал из-за пазухи кисет, и они с Осипом Ивановичем зашелестели бумагой, сыпя на неё бурое крошево самосада. Удодовский табак злой, не всякий закурит и не закашляется. Осип Иванович, зная это, свернул тоненькую, опасливую, но всё равно захкал, сел на место и начал пальцами промакивать глаза.

— Это ещё чё табачок, так себе, пучеглазка, — посмеялся Удодов. — Вот прошлого году был, тот форменный вырви глаз.

— Как ты глотаешь такую беду, — заворчала Устинья Егоровна, но перебираться с прялкой в другую комнату не спешила. Филипп Семёнович Удодов, по прозвищу Дымокур, просто от нечего делать не придёт.

Дымокур снял барсучью шапку с торчащим вперёд лаковым козырьком от фуражки — приспособление, им изобретённое, подал Устинье Егоровне лохматый малахай и поплыл скуластым лицом в довольной улыбке. Любил, когда ругают его табак.

— Гостевать долго время нету. Я на мигу одну заскочил, — уверил Дымокур, надёжно устраиваясь на скамейке.

— Редко видеться стали, Филипп, посиди, — попросил Осип Иванович, стараясь отгадать, с чем таким пожаловал на этот раз Удодов. Знал он его давно, с молодости. Годы смахнули с головы чуб, когда-то вившийся из-под казацкой фуражки с околышем, а чудаковатинки так и не убавили и костей на язык, по выражению его жены Любавы, не нарастили.

— Ну чё, Филипп, упёрлись наши насмерть? Столица ведь, а? — Осип Иванович уставился на Дымокура.

Тот сложил на коленях беспокойные руки, зачмокал, раскуривая самокрутку, молчал, сопя волосатыми ноздрями. Так и чудилось: что скажет, так оно и случится. Осип Иванович тянул из ворота сатиновой рубахи худую кадыкастую шею, ждал, но не дождался ответа. Заговорил сам:

— Упё-ёрлись! Сколько же можно пятиться? Некуда больше! Эвон! — кивнул на стену. На ней висела карта СССР, густо утыканная по линии фронтов самодельными красными и синими флажками. Осип Иванович прошелся пальцами по красным, каждый придавил, будто приказал — стоять и ни с места! Флажки кольцом подступили к алой башне Кремля с надписью: «Москва». Осип Иванович отвернулся от карты к Удодову. Тот опустил глаза, вздохнул.

Дымокур кашлянул в кулак и как о решенном деле высказался:

— Не сёдня-завтра Москву сдадим.

Осип Иванович отшатнулся от него, как от огня.

— Сду-урел! — выдохнул он, и на обветренном лице запрыгали желваки. Он вновь пробежал пальцами по красным флажкам карты, всаживая их донельзя. — Всё! Предел!

Дымокур с сочувствием, как посвящённый на не ведающего большой тайны, смотрел на него.

— Ты, Оха, стратегию ни хрена не понимаешь. — Он поморгал на карту. — Наполеёна припомни.

— Ну, припомнил, и что?

— А то, что и над Гитлером ту же комбинацию проделают. Народ весь как есть уйдёт, магазины повывезут. Тоже с дровами, топливом всяким, ни оставят ни полена, ни хрена, кумекаешь? А оголодают они, ознобятся, — вша заест, тиф начнёт косить. По стратегии.

— А чё имя в Москве рассиживаться, вшу кормить да с голоду пухнуть? Как же! — кричал Осип Иванович, посверкивая мокрыми от обиды глазами. — Они дальше попрут без остановки! На Урал! Тогда им полный разгул!

— А не попрут! — Дымокур многозначительно подмигнул, выдержал паузу. — Не попрут, в этом-то и сплошной секрет. Дальше имя заслон кутузовский выставят, будьте любезные. Сидите, голодуйте, хотите — сами себя ешьте. Кто вживе останется, тот, значит, в плен советский шагом марш. Понял теперь стратегию?

— Всё это хреновина твоя, а не стратегия! На кой пёс за Москвой его ставить, твой заслон! Вот он, стоит уже. — Осип Иванович с треском провёл ногтем по карте, надвинулся на Дымокура. — Москву сдавать не смей, Филипп! Вот он, япошка, только того и ждёт, сразу пойдёт на нас, это — всякому ваньке-китайцу известно. Ведь понимаешь, а чего выдумываешь? Сдадут... Вот сдадут тебя за болтовню на казённый харч, чтоб на вошь не надеялся!

— Не шуми, Оха, правда твоя. Я ведь зачем всё такое наворачиваю?.. Чтоб сглазу не случилось, чтоб стояли насмерть без помешки. Стратегия умственная, как не понимаешь?

Довольный Дымокур решил перекурить этот больной разговор. Оторвал клочок газетки, зажал в губах и стал разворачивать кишку кожаного кисета.

Спор Котька слушал стеснив дыхание. И только теперь, когда отец категорически отвёл от Москвы беду, он расслабился, пересел на порожек и откинул голову на косяк. Мать за прялкой потупилась, сидела, мёртво опустив руки, будто отодвинулась от жизни. С пальца свисал оборванный конец пряжи, веретено острым концом смирно торчало из кастрюльки.

Осип Иванович взял у Дымокура кисет, начал готовить «козью ножку». Пальцы его подрагивали.

— Стратег, язви его, выискался. Прямо вылитый маршал Будённый, а не Удодов, ёс-кандос, сидит тут, покуривает. Ты газеты не только раскуривай, а и почиывай иногда. Радио слушай, не паникуй.

Филипп Семёнович согласно кивал, видно было, сам на сто рядов передумал то же, а что сомнительное ввернул, так это нарочно, чтоб выслушать обратное и душой успокоиться.

— Ты, Оха, грамотный, всё верно обозначаешь. И немцу холку намнём. Я своим на фронт так и написал: «Сукины вы сыны, Паха с Яхой, раз пятитесь. Боевой орден позорите, что семейству удодовскому назначен!» — Дымокур поднял глаза на карту. — Видать, пробрало, упёрлись как следоват.

— Я сынов не стыдил! — жестко сказал Осип Иванович. — Ведь он, подлец, всю Европу на нас толкнул, на сынов наших. А ты — орден, так вас и разэтак, сукины сыны...

Орденом Боевого Красного Знамени, о котором упомянул Филипп Семёнович, был награждён брат его за штурм Июнь-Кораня, по иному — Волочаевки. Брат поднял залегших под огнём на голом поле бойцов, первым ворвался на вершину сопки. Изувеченный в этом бою японской гранатой, он прожил мало. Филипп рассудил так: раз оба в одном бою были рядом, к тому же и сам получил ранение в ногу, значит право на орден имеет. И стал привинчивать его к пиджаку. Его слегка стыдили, посмеивались, а изъять орден никак было нельзя: выдан с правом хранения в семье. Отступились от Удодова: партизанил, ранен, ну и ладно, пусть носит на здоровье. Орден красивый, что его от народа прятать.

Старики выговорились, сидели молча. Вкрадчиво постукивали настенные хо-

дики, туда-сюда бегали глаза на морде нарисованной поверх циферблата кошки. В доме было тихо и оттого тревожно.

— От твоих ребят письма исправно ходют? — наслонив языком самокрутку, спросил Дымокур. Осип Иванович, втягивая щёки, раскуривал свою «козью ножку», что-то мычал в ответ.

— Неделю уж нет, — тихо ответила за него Устинья Егоровна.

Осип Иванович тихонько сплюнул в ладонь крошки самосада, посмотрел на неё сквозь табачный дым.

— Напишут, мать. Сейчас им, поди, не до писем.

Не прерывая работы, мать смахнула со щеки слезу, тут же снова подхватила веретено, крутнула, вытягивая нить.

— Жалко Вальховскую. Одна радость была — Володя. — Устинья Егоровна тяжело вздохнула. — Бабку б ей какую подыскать, чтоб голову выправили, раз врачи не могут.

— Не-е, — Удодов прикрыл глаза, замотал головой. — Это ж каким снадобьем-лекарством память о Володке из сердца вышибить? Да и грех это, из материнского-то. Вишь, какая выходит сплошная связь.

Устинья Егоровна щёпотью покидала на грудь крестики, шепнула: «Обнеси, Господи!». Котька удивлённо уставился на неё, знал по рассказам, как мать в тридцать втором, после смерти дочери от голода, все иконы выставила в чулан. Све-кровь бросилась было вызволять святое семейство, но крепкая тогда ещё Устинья выперла её грудью из чулана, отрубила: «Нет никакого Спасителя, мамаша! Как не просили, а много он тебе и мне помог? Раз слепой да глухой, пусть в чулане сидит, глаза не мозолит».

Не знал Котька другого: как только остановили немцев под Москвой, Устинья Егоровна и все поселковые старухи толпой двинулись к бывшему священнику, теперь фотографу, загребли с собой, и отслужил он по всем правилам молебен во славу русского оружия на паперти Спасской церкви, занятой под нужды спичечной фабрики.

И снова старики молчали, но видно было — думают они об одном. То Удодов, то Осип Иванович бросит короткий взгляд на карту, словно проверяет — на месте ли красные флажки, не изменилось ли чего в их извилистом строе.

— Да-а, механики у него — жуткое дело сколько! — с завистью проговорил Удодов, обряжая в это «его» всех немцев с их Гитлером и со всеми союзниками.

— Долго готовился, подлец, накопил, — сквозь зубы подтвердил Осип Иванович.

Дымокур матюгнулся, покосился на Котьку, дескать, чего сидишь, уши развесил, поговорить путём нельзя. Вытягивая ногу, пробороzdил катанком по полу, сунул было руку в карман за кисетом, но передумал: в кухне накурено, хоть коромысло вешай.

— Слыхал, небось, что утром репродуктор сказывал? — Он поднял палец, угрозил кому-то там, наверху. — За единый день только еропланов ихних сшибли девяносто штук! Мать честная, это чё же там дется страшное...

Дымокур вспомнил, что Серёга Костромин как раз на самолётах воюет, но как перевести разговор, не знал, а сделать это как-то половчее надо было.

— Или вот танков тыщу наворочали. Эт-та сколько жалеза надо...

И снова запнулся, закурил лысиной, казня себя, что совсем не то брякает. Ведь большой Костя танкист.

Осип Иванович с укором глядел на Удодова. Ведь знает же, что и сводки Совинформбюро Осип Иванович слушает, прикрутив штырёк до самой ничтожной слышимости, а на просьбу жены включить погромче отвечает: радио испорчено, барахлит. Устинья Егоровна слушала его и горестно кивала, знала — врёт как си-
вый мерин, её жалеет. Рассматривала флажки, когда он отлучался, знала — флажки переставляет точно.

— Я к вам чё забежал-то. А вот чё, — начал наконец о деле Удодов. — Мне от фабрики поручили создать типа артели охотничьей. Чтоб, это самое, мяско в столовой было, рабочих посытнее кормить. Просили кандитуры назвать, а каво? Воюют кандитуры. Вот ты да я — и все охотники. А чё? Стрелок ты добрый, ноги ещё носят. Вот и сыты будем, и пьяны, и нос в табаке. Однако... Есть одна зака-
выка.

Он кивнул на Котьку, дескать, пусть бы шёл куда, раз собрался. Не для ушей ребячьих разговор будет. Осип Иванович засуетился, молодо завзблескивали глаза, даже спину распрямил. Устинья Егоровна оставила прялку и так смотрела на него, будто крикнуть готовилась, мол, что ты, отец, соглашайся скорее, ведь дело-то какое подворачивается, счастьем назвать мало.

— Пойду, Нелю встречу, — буркнул Костя, хотя уходить не хотелось, зудило узнать, что там у них за разговор пойдёт про охоту.

Метель разгуливала всюю. Ветер подхватывал снег, завинчивал белыми столб-
бами, и столбы шарахались вдоль улицы, расшибались о заплоты, белой пылью уносились в темень переулков. Обмёрзшие окна домов оранжевыми лафтакми сквозили в снежной кутерьме. Ветер затолкал Котьку за угол дома, и он прижался спиной к толстеному тополю, решил в затишке подождать, всё равно кино, на-
верное, кончилось, и народ начнёт разбежаться по домам. За стволом не дуло, не село снегом. Спиной чувствуя бугристую кору тополя, вспомнил, как стоял тут осенью, совсем недавно, а кажется, давным-давно.

В тот день буханье оркестра свалилось с горы на берег Амура, насторожило рыбачивших парнишек. Они тянули шеи и удивлёнными глазами бегали по угору. Кто-то свистнул, и все дружно сорвались с мест. Пузыря рубашонками, обгоняя друг друга, весёлой стайкой ворвались в посёлок. Народу, всё больше женщин, высыпало на главную улицу непривычно много. В мирные-то дни духовая музыка была в диковину, а теперь... И хлынул народ узнать, по какому случаю торжество. Кто кричал: «Конец войне!», кто: «Перемирие!», другие, наоборот: «Американцы второй фронт открыли».

Гром оркестра наплывал, глушил выкрики. Подскочил Ванька Удодов, про-
орал в самое ухо:

— Ты понял цё? Сталин вызвал Гитлера на кулачки, чтоб кто кого, и баста! Да ка-а-ак взглздил в косицу. И уби-и-ил! А фрицы струхнули без хюрера и в Герма-
нию упендюрили! Моряки в город идут, парад будет!

— Ура-а! — вопил Котька, глядя на дорогу, что вела с базы Краснознамённой Амурской флотилии в их посёлок, дальше — к товарной станции у железнодорожного моста и ещё дальше — в город. Чёрный поток медленно сплывал с пологой горы. Весело взблескивало, гремело и ухало в голове потока. Красным и сине-бе-
лым рябило над бескозырками от развёрнутых на ветру знамён. Голова колонны — по четверо в ряд — уже шагала поселковой улицей, а хвост её всё ещё был откинут за гору.

Матросы шли в бушлатах, винтовки несли дулами вниз, широкие клёши мели дорогу, ленты бескозырок траурными концами захлёстывали суровые лица. Нестройный их хор вторил оркестру:

*Даль-не-восточная,
Смелее в бой!
Красно-зна-мённая,
Даёшь отпор —*

требовали матросы. Сквозь многоголосый рёв еле-еле пробивались испуганные охи мощного барабана. На забор за спиной Котьки взлетел радужнопёрый петух Матрёны Скоровой, соседки Костроминых, отчаянный горлопан и топтун. Ошалело дёргая выщипанной шеей, он широко распахивал желтый клюв, но крика его не было слышно, только маячил острый язычок да от натуги накачивали на глаза голубые веки.

Над колонной неподвижно висела красноватая пыль, над ней далеко и редко стыли в тихом осеннем небе серебристо-зелёные колбасы аэростатов. Даже голуби не кувыркались над посёлком, а стайки воробьёв серыми комочками жались по карнизам. Впереди оркестра метался вислоухий неместный щенок, потом отпрыгнул на обочину, сел на обрубленный хвост и вытянул вверх беззвучную морду.

— Глянь! — подтолкнул Ванька. — Вика с тёткой идёт!

Марина Вальховская семенила сбоку колонны, ухватив рукой полу бушлата молоденького матроса. На одном плече матрос нёс винтовку, на другом висела гитара. Это был Володя, сын Марины Петровны, год назад призванный на службу. Вика приехала недавно и видела двоюродного брата впервые. Она забегала так, чтоб рассмотреть его получше, что-то кричала ему. Володя растерянно улыбался сестре, мягонько отдирая руку матери от полы бушлата, сам косился на политрука. Тот бежал вдоль колонны, отсекая от уставной стены чёрных бушлатов женские душегрейки, платки, береты. Внезапно оркестр смолк, и голос политрука, настроенный на перекрик грома, прозвучал пронзительно-строго: «...оинская часть вам не табор!»

Политрук нёсся в хвост колонны, то и дело отмахивая на спину новенькую планшетку. Она упрямо сползала вперёд, била его по коленкам. Низко подвешенный сзади наган болтался за ним на отлёте. Политрук устал, из-под фуражки с золотым крабом тёк по лбу пот, топил озабоченные непорядком глаза.

— Граждане! — призывал он. — Военнослужащие напишут вам с места! Какие разговоры в походном строю, не положено!

Разваливая по сторонам клубы пыли, сбоку колонны юркнула чёрная «эмка», остановилась. Пожилой моряк с лесенкой золотых шевронов на рукаве кителя крикнул:

— Младший политрук! — и подбежавшему политруку тихо, вразумляюще: — Ну что вы так-то? База и посёлок соседствуют, вот и завели невест, жён, вот и провожают, и правильно делают. По жизни всё правильно, поняли?

Усталый политрук козырнул, проводил «эмку» повеселевшими глазами, и сразу стал как все тут — свой, дорогой. Почувствовав перемену к нему в настроении окружающих, голосом, освобождённым от уставных нот, разрешил:

— Провожай, но не втискивайся в строй, гражданочки! — И чуть построжав: — Ждите со скорой победой! Папаши, не посрамим ваших заслуженных седин!

И зашагал широко и вольно в ногу с колонной.

Рядом с Котькой под тополем скопилось много народа. Старухи крестили про-

ходящие враскачку шеренги, деды курили, хмуρο глядели из-под козырьков, будто сравнивали войско с тем, другим, давним, в котором сами шагали вот так же когда-то. Приписная к военкоматам молодёжь перемигивалась, подталкивала друга друга локтями. Уж не было разговоров о конце войны, о параде. Они поначалу выплеснулись, ликуя, но быстро сникли и завяли, как вянет трава, выползшая не в пору по ранней весне, по неверному еще теплу.

Не скоро хвост колонны пропылил посёлком, втягиваясь на исполосованную рельсами, пропахшую мазутом и освистанную паровозами сортировочную. Котька сунул удочки под крыльцо, влетел в пустую избу, плюхнул связку чебаков в тазик с водой и бросился догонять мальчишечью ораву. Парнишки пристраивались к матросам, усердно подбирали ногу, кое-кто форсил в бескозырке — матросы на ходу набрасывали их на выгоревшие от солнца головы ребятам, как бы приравнивая их к себе.

Бригада рассаживалась по теплушкам. Вдоль вагонов бегали, хлопая клёшми, плечистые военморы, на манер революционных моряков перепоясанные пулемётными лентами. Из вагона-камбуза кок в белом колпаке и переднике раздавал старшинам лужёные бачки.

— За обедом на следующей станции, — каждому наказывал он и бросал в бачок поварёшку.

Сновали улыбчивые медсёстры в синих беретах на кудряшках, в облегающих, будто приутюженных к телу, юбках и синих форменках. Сбоку у них болтались тугие брезентовые сумки с кровавыми крестами в белом круге. Огромный старшина с нашивками комендора выкрикивал из теплушки:

— Первая часть Лунёва!.. Где Лунёв?

— На брановахте Лунёв!

— У него на шее подружка якорем!

Матросы смеялись. Комендор сдвинул бескозырку с огненного чуба на печальные глаза:

— Добро. Подменяет вахта Климшина. Где Климшин?

— Есть!..

С крыши вагона заиграл горнист. Ребятишки пялили на него завистливые глаза, шушукались. Юнга-горнист был одного с ними возраста, но шёл со взрослыми на настоящую войну в ладно подогнанной форме, с маленькой кобурой на флотском ремне. Он был для них мечтой недосягаемой, героем был.

Увидев в толпе Котьку, Ванька Удодов пробрался к нему, заорал, растягивая ворот рубахи:

— Вида-ал?

Заветная, сине-белыми полосками скалилась из прорехи флотская тельняшка. Удод успел, выцыганил её у кого-то, напялил и ошалел от счастья. Откуда-то вернулся тщедушный Вася Ходя и тоже завистливо витаращился на полоски.

— Не чухайтесь, ребя! — Удод притянул их головы к своей. — У кого дома водка есть или какая бражка — тащите. Флотские за четушку ремень с бляхой отваят или тельняху. Беги, Ходя, не стой. От твоего батьки остался чан с самогонкой, в подполье зарыт, я знаю. Ташши, потом с тобой рашшитаемся. И ты беги, Котька.

Васька Чи Фу, по прозвищу Ходя, боготворил Удоду, всюду шлялся за ним, хоть и получал от него всевозможные обидные клички, и на всякую откликнулся с готовностью. Может потому они не прилипали к нему надолго. Мать у него

русская, а отец кореец-зеленщик. Самые ранние огурцы и редиски были у Чи Фу. Отец с корзиной на прямом коромысле вечно раскачивался тощей фигурой по улицам, нараспев предлагая отборный товар. Поселковые плохо покупали его овощи, хотя и стоили они грош. Знали, от каких таких удобрений редиска на грядках прёт в кулак, а огурцы в скалку. Поэтому старик слонялся по городу или по базе флота, где всё шло нарасхват. С началом войны зеленщика куда-то увезли. Васька остался с матерью. Из Чи Фу он стал Чифуновым, вполне русским, хотя русские слова упорно коверкал по-отцовски.

И сейчас на приказание Удода он с готовностью задёргал головой.

— Чичаза моя скоро! — пообещал он, посверкивая плоскими, косо отчёркнутыми к вискам глазками, и сорвался с места. Котька приударил следом и вскоре взлетел на ступени высокого крыльца, рванул дверь. К нему, заполошно прыгнувшему в избу, повернулось испуганно несколько старух, сидящих за кухонным столом. Они собрались у Устиньи Егоровны пошвыркать чаёк, пошепаться. Всякая принесла с собой в платочке сахарку, кусочек хлеба, а кто и чаю шёпот. В каком теперь дому попотчуют как прежде «чем Бог послал»? А со своим — хозяйке не в тягость, подавай кипяток и — полное удовольствие.

— Каво стряслось? — мать привстала с табуретки, пытливо вглядываясь в потное лицо Котьки. А он заворожено смотрел на стол. На нём стояла четвертинка водки, заткнутая газетным катышком. Старухи выставили её для поддержания обычая. Пускай не родные сыны прошли посёлком на фронт, всё равно там своим поможет и уберёжёт соблюдённый матерями обычай — провожать в путь-дорогу горькой чарочкой. И стояла четвертинка распчатой в окружении гранёных стопочек старого стекла с радужной побежалостью, обещанием свидания светилась.

— Отдадут, не отдадут? — гадал Котька, оглядывая старух, и не удивился, увидев среди них соседку Матрёну Скорову, большую ругательницу, вечно враждующую со всеми — вместе с войной утихла всякая вражда и ссоры.

— Ты чё такой? — тихо спросила Устинья Егоровна, и Котька понял — бежал зря.

— Четушку надо, — сказал он, опустив голову. — Флотские за неё тельняшку дадут.

Всё поняли старухи. Лица их вытянулись, стали суровыми, точь-в-точь как на тех иконах, что видел Котька в притворе бывшей церкви. Сваленные в угол, иконы строго смотрели из полутьмы на мальчишек, и не то грозили сложенными пальцами, не то просили: «Тиш-ше». Такие же лица были теперь и у поселковых старух.

— Ах ты, Господи! — Устинья Егоровна колыхнула руками, пальцы её смяли, зажамкали фартук, быстро закарабкались по груди и замерли у горла.

— Чё удумал-то, окаянная твоя душа? — каким-то дальним голосом, севшим до шёпота от стыда, выговорила она и обронила подол фартука. — Парни на зиму глядя воевать идут, а ты...

Мать захватала со стола стопочки и под одобрительный гомон старух начала сливать их тряской рукой в четвертинку.

— Ты имя просто так поднеси. — Она протянула посудинку. — А то грех-то какой удумал, идол такой, гре-ех!

— Оборони Бог! — закрестились старухи.

Устинья Егоровна подтолкнула сникшего Котьку к двери.

— Беги, поднеси на дорожку, да ещё поклонись имя.

Старухи за столом чинно закивали. Котька выбежал из дома. Вслед ему донеслось:

— Попробуй заявись в зебре, отец тебя!..

Эшелон отходил. На путях не было ни одного матроса. Откатив в стороны тяжёлые створки теплушек, они густо стояли в проёмах, висели на заградительных брусках, трясли протянутые к ним руки, тискали растрёпанные головы девушек, целовали в зарёванные глаза, деланно смеялись, громко и невпопад. Уши девчонок были зажаты жениховыми ладонями, они ничего толком не слышали, но тоже улыбались опухшими губами, выкрикивали что-то своё.

Свесив из теплушки ноги, чернявый матрос рвал на коленях старенькую гармошку-хромку, серьёзно орал в лицо окаменевшей подруге:

*Не ревнуй ты, дорогая,
Ревновать неловко!
У меня теперь милая —
Меткая винтовка!*

Взвизгивала, хрюкала гармошка, малиново выпячивая ребристый бок. Топталась у теплушки весёлая вдовушка Катя Поцелуева.

— Куда вы, мальчишечки? — озорно кричала она. — Оборону от япошек мы тут держать станем, бабы, что ли?

И сыпанула стёсаными каблуками тувель по утрамбованному, заляпанному мазутом гравию дробь чечётки. Белые кисти камчатой шали припадочно хлестались на груди о чёрный бархат жилетки.

*Пригревает солнце бок,
Разыгралось солнце.
Смотрят немцы на Восток,
Видно ждут японца —*

частила она, откинув голову и ладно пристроив голос к гармошке. Ноги выделывали такого чёрта, аж брызгали из-под каблуков камешки и пулями щелкали по рельсе.

Котька протискался к теплушке на огненный чуб. Старшина с нашивками комендора стоял, касаясь головой проёма, и хмуро смотрел вдаль поверх бескозырок. Никто не кричал ему последних напутствий, не обнимал.

— Дядя-а! — пробил сквозь гомон свой голос Котька. — Возьми на дорожку, мамка просила!.. Дядя-я!

Вполосно заголосил паровоз, эшелон дёрнулся, заклацал буферами, и людской рёв ударил прибором. Котька пошёл рядом с теплушкой, натываясь на женщин, подныривая под руками.

— Это тебе, дядя-а! — вопил он, протягивая четвертинку. — Возвращайтесь скорее!

Комендор смотрел на него недоумённо, хмурил брови, ничего не разбирая из-за шума.

— Да что же вы, берите! — надрывался Котька. — Возвращайтесь, я вас встречать стану-у!..

Комендор потыкал пальцем в Котьку, потом себя в грудь и начал суматошно расталкивать флотских.

— Раздайся, братва! — сияя, требовал он. — Мой салажонок! Меня провожает!

Он дотронулся до четвертинки, взял и не глядя сунул её назад кому-то. Тут же стащил с головы бескозырку и завозился над ней.

— Братанам Серёже с Костей привет передайте! — прибавляя шаг за набира-

ющей ход теплушкой, наказывал Котька, совсем не думая, знает матрос их или не знает. Раз на фронт едет — встретятся.

Комендор кивал огненной головой, потом протянул ему загорелую руку с синим накрапом татуировки. В пальцах его на ветру полоскалась чёрная ленточка.

— Держи, братка! — он подмигнул мокрым глазом. — Большим вырастай, понял? Учись как следует, понял? Серёга, говоришь? Костя? Переда-ам!

Котька отставал. Уже издали донеслось:

— Носи и помни, братишка-а-а!

На фронт Котька провожал впервые. Братья призывались на службу до войны, и отъезд их был радостен. Теперь провожание было не то...

Всё дальше убегал эшелон, увозил чужого человека, а казалось брата, большого и доброго, увозил. Сквозь слёзы глядел Котька на ленточку, читал золотом оттиснутые, чёткие, но ставшие расплывчатыми буквы:

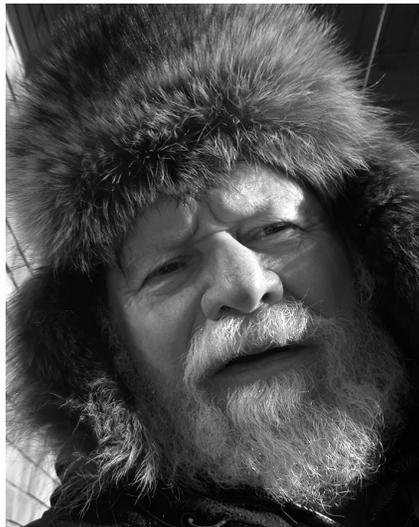
— М-о н-г-о-л, — шевелил он губами. — К-А-Ф.

«Мать поклониться велела!» — вспомнил только теперь и вслед последней теплушке, которую раскачивало и бросало на стыках, поклонился поясно раз, другой, неумело и быстро.

ПОЭЗИЯ

ВАСИЛИЙ СКРОБОТ

Они меня не предадут

Собаки ждут

Каждый день
заботы и дела,
и года неистово бегут.
Вот сегодня
радость обожгла,
Я увидел,
как собаки ждут.

Я спешу в их
Непорочный круг,
чтобы душу
облегчить сполна.

СКРОБОТ Василий Александрович родился в селе Андриюшино, Куйтунского района, Иркутской области в 1941 году. Жил в Белоруссии, где окончил Селецкую среднюю школу в Брестской области. Работал в Братске и Норильске, где и были опубликованы его первые стихи в газетах «Заполярная правда» и «Огни Ангары». Первый поэтический сборник «Я радуюсь весне» издан в Восточно-Сибирском книжном издательстве в 1990 году. Автор книг: «Добротой поделиться» (Братск, 1991), «Моя судьба» (Братск, 1998); «Моя родня» (Братск, 1998) «Я дверь не закрываю никому» (Иркутск, 2001); «Исцеление» (Братск, 2004); «Повиниться хочу...» (Иркутск, 2009) и др. Член Союза журналистов СССР и член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Даже если
заболею вдруг,
вылечат уют и тишина.

Сяду я у входа на крыльцо,
голову седую обнажу.
Бард и Марс
оближут мне лицо,
я им слово доброе скажу.

Марс приляжет
рядышком у ног,
Бард посмотрит
преданно в глаза.
И хоть я немного занемог,
но хочу им
радость показать.

Только вряд ли
и они поймут,
что творится у меня в душе.
Каждый день
меня собаки ждут,
может быть,
в последний раз уже.

* * *

Они меня не предадут,
Они порядочней, чем люди.
И если кто-то их осудит,
Я на подмогу к ним приду.

Они сочувствуют в беде,
Мои заботы понимают.
И по-собачьи обнимают,
Коль задержусь я кое-где.

Они подход ко мне найдут,
Друзья, соратники собаки.
И если вдруг дойдёт до драки,
Они меня не подведут.

И где б я ни был, тороплюсь
Домой, к своим друзьям вернуться.
К их теплым мордам прикоснуться,
Потом едою поделюсь.

Они к другому не уйдут,
Они меня не предадут.

Обыденность

Собаки дремлют на крыльце,
и я скучаю.
Угрюмость на своем лице
расслаблю чаем.

Роятся мысли в голове,
стремясь к свободе.
Кузнечик прячется в траве
на огороде.

Собаки, отгоняя мух,
стригут ушами,

и лечат мой упавший дух,
и возвышают.

А солнышко за горизонт
уйдёт и ляжет.
Мне повезёт, не повезёт —
ромашка скажет.

Взрослеют тени на земле,
воркуют пташки.
Чай остывает на столе,
пустеют чашки.

Грусть

И вот ушёл мой самый верный пёс.
Ушёл туда, откуда нет возврата.
Он часть души моей с собой унёс,
и в этом нет, поверьте, виноватых.

Не будет больше наших верных встреч,
он радостно мне не протянет лапу,
когда, стараясь доброту сберечь,
я перед ним свою снимаю шляпу.

Мне тягостно в звенящей тишине,
собачий лай утрами не тревожит.
Ушёл мой друг не по моей вине,
Не по моей, я думаю, но всё же...

Вот так проходит в этом мире жизнь,
несутся дни то горестно, то ярко.
Мой пёс всегда учил меня: «держись».
И я держусь! Спасибо, друг-овчарка!

Личное

Старею я
быстрее собак едва ли,
стареют раньше времени они.
Но душу мне
собаки согревали
в нелегкие
безрадостные дни.

Они мне лизнут
ласково ладони,
пытаются заглядывать в глаза.
Собаки — люди:
я сегодня понял!
Как и у нас,
у них бежит слеза.

Не циник я,
и не приемлю фальши,
и мне, поверьте,
думать нелегко,
О том, как жить
мы с ними будем дальше,
насколько наши планы далеко?

Сижу порой у своего подъезда,
лежат собаки
преданно у ног.
Я буду дома —
надоело ездить,
мотался я
по свету сколько смог.

Порты, вокзалы,
станции, отели.
Я счастья в суете не замечал.
Прощанья,
встречи тоже надоели,
и я сейчас
нашел себе причал.

Семейный дом,
собаки без породы,
и мне не нужен
городской уют.
Меня качает бережно природа,
ласкает солнце,
звёзды стерегут.

Радость

Я рад сегодня
добрым новостям,
и даже за окном
теплее стало.
Я комплименты
подарю гостям,
забуду про обиды
и усталость.

Но я доволен,
что кружат снега,
что свежестью
наполнилась природа.
Что я хозяин дома —
не слуга,
но вот старею
больше год от года.

Конечно же,
Всевышний мне помог,
я попросил с утра
у всех прощенья.
Мне жаль,
что пёс любимый занемог,
и не бежит,
не просит угощенья.

Поэтому
позвал с утра гостей,
зажёл камин,
и свечи для уюта.
Мне гости
много принесут вестей —
я буду рад,
и грустен почему-то.

Собаке Барду

Старею я.
Со мной стареет пес.
Тревожат нас дожди,
снега и грозы.
Все чаще
меня мучает склероз,
И у него
в глазах я вижу слезы.

Присяду я,
и он лежит у ног,
Тоскливым взглядом
душу согревает.
Вот и сегодня
он опять помог
тем, что молчит
и преданно зевает.

Мы в мире
заколдованном живем,
За днями дни
летят в немую вечность.
И только мы
который год вдвоем,
Друг другу верим,
думаем о вечном.

Я растерял,
иль не сберег друзей,
И верю,
лапу друга пожимая,
Что он честней
и преданней людей,
И боль мою,
как я, переживает.

Тревожит сердце
и душа болит,
Порой не сплю,
а мучаюсь ночами.

И пес тогда
сочувственно скулит,
Меня своими
вздохами встречая.

* * *

Собачонка
сидит на улице,
независимая, сидит.
От снежинок
колючих жмурится,
С любопытством на всех глядит.

Собачонка не вышла ростом,
предков тоже
известных нет.

Оттого на ушах короста
И подпалина
на спине.

Без ошейника
и без злости,
от блаженства
прищурив глаз,
собачонка сидит, как гостья,
и весь день изучает нас.

Мой друг Спартак

Зима прошла,
и было мало снега,
пошло в природе
снова всё не так.
С утра зарядку
делает Спартак,
не задыхаясь
от шального бега.

Я в жизни
много испытал потерь,
я помню Марса,
Фреда и Тимоху.
Без Барда,
Беты было сердцу плохо,
и вот Спартак
нас радует теперь.

Он распорядок
честно сохраняет,
он на посту
и в полночь и чуть свет.
В нём вредности
и суетности нет,
он сутками
усадьбу охраняет.

Я с ним веду
душевные беседы,
он всех собак
пораспугал вокруг.
Он преданный
и настоящий друг...
Пойду
и приглашу его к обеду.

ОЛЕГ СОЛДАТОВ

Парус манит ветер

ПОВЕСТЬ

Часть 1

Тимка

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

А.С. Пушкин

— Тимка! — зовет отец, запрягая лохматую лошаденку, поправляет оглоблю, затягивает постромки. — Тимка!

Пятилетний Тимка бежит к отцу, позабыв в лужице маленький кораблик с бумажным парусом на мачте из щепки.

СОЛДАТОВ Олег Михайлович — заведующий редакцией художественной литературы издательства «Вече», член Союза писателей Москвы и Литературного фонда России (2010), поэт, прозаик, драматург, литературный критик. Главный редактор независимого литературно-художественного журнала «Поляна». Автор публикаций в альманахах, газетах и журналах, таких как «Дружба народов», «Сибирские огни», «Знамя», «Крещатик», «Вектор творчества», «Словесность». Автор книг «Басни», «Парус манит ветер» и «Закулисье».

Отец у Тимки охотник, у него тульская охотничья винтовка и нож охотничий самодельный с костяной рукоятью, такой острый, что режет дерево как масло, лезвие широкое с голубоватым отливом, глядеться в него можно как в зеркало. О таком ноже все лето мечтал Тимка, но отец подарил ему маленький перочинный ножичек. Рано, говорит, тебе, пострел, еще бымахом¹ играть... поранишься. Вот подрастешь, смастерю тебе нож не хуже этого, рукоять из бивня мамонта сделаю, нарочно сам за ним схожу в тундру. Тимка вздыхает, когда это еще он подрастет и сколько еще ждать? Очень уж ему хочется иметь нож с рукоятью из бивня мамонта... Ни у кого из мальчишек такого ножа нет.

Но и то хорошо — первый раз берет его отец с собой в тайгу. Мать не хотела пускать, но отец сказал: кем же ты хочешь, чтоб он вырос? Неженкой, белоручкой, или мужчиной? И мать послушала, отпустила... А Тимке с отцом ничего не страшно... У отца и нож, и винтовка; не раз ходил он в тайгу — родом из здешних мест, сорок медведей добыл своими руками, а уж мелкого зверя — без счету. А прошлой осенью вернулся из тайги с полным возом диких гусей. Всю зиму их ели... Так что после Тимка на мясо смотреть не мог, о хлебе мечтал... Да только плохо было в то время с хлебом. И до Германской было тяжело, а уж Гражданская и вообще натворила дел... Сухарика не найти, не достать... А дичи в тайге, по берегам Лены — сколько хочешь, чуть в сторону отойти от Якутска — места безлюдные, таежные, дикие... Раздолье охотнику.

Задремал Тимка в телеге, на жесткой соломе, под отцовским кафтаном, укачала его ухабистая дорога под скрип колес. Проснулся, когда уже подъезжали к поселку. Деревянные домики рассыпались по берегу над обрывом. Невысокие стены из тонких бревен обмазаны глиной, низкие двускатные крыши крыты корой и дерном.

Заночевали в избенке, а наутро, чуть свет — к реке. Раскинулась широко Елно-Эне, множество островов в ее русле. По берегам леса непроходимые, звериными тропами пронизаны. Отец кинул в лодку невод из конского волоса, сверху усадил Тимку, толкнул от берега, держась за борта, впрыгнул сам — лодка дернулась и заскользила, покачиваясь, по серебряной глади. Тишина кругом, Тимке слышно, как его маленькое сердечко бьется. Вот и начинают сбываться мечты — взял его отец с собой на реку. То-то еще будет... Свежестью пахнет река. Белая ночь разлилась по небу. На веслах дошли до ближнего острова, пристали в песчаной заводи. Отец высадил Тимку на берег, а сам вбил в прибрежное дно арканый кол, сел в лодку и, правя против течения, стал закидывать в воду невод. Сделав небольшой круг, вернулся к берегу, потянул невод. Вдруг плеснуло, побежали круги по воде — и на мелководье, прямо к Тимкиным ногам скользнула черная тень. Тимка схватил ее руками, прижал сверху, а та ударила хвостом, окатив его ледяными брызгами. Крепко держит Тимка, не отпускает, изо всех сил бьется сильная рыба. Чувствует Тимка под стынущими пальцами напряжение жизни и еще крепче сжимает руки...

— Молодец, сынок! — подбадривает отец и, вытянув невод, спешит на помощь.

И вот уже щука на берегу. Килограмма два в ней, не меньше. Тимка гордо вышагивает вокруг. Поглядывает на воду — не приплывет ли еще...

— Теперь ты настоящий мужчина! — говорит отец.

В сети запутались щука поменьше, ряпушка и пара окуней. Отец набрал елового топляка, разжег костер, зачерпнул котелком воды из реки — будет уха. Оста-

¹Быхах (якутский нож) — небольшой нож, 12-18 см, хвостовик 5-7 см, насаживается в рукоять, сделанную из березового корня.

вил Тимку следить за огнем, сам взял винтовку, пошел вдоль берега. Нет стрелка лучше Тимкиного отца, в глаз белки попадет со ста шагов. Он и мамку Тимкину обучил стрельбе, да так, что равных ей не находилось среди мастеров. А сам ни за что не соглашался участвовать в состязаниях. Вот еще, говорил, свинец и порох зря тратить... Услышал Тимка: грохнуло два раза. Вскоре отец вернулся, двух гусей принес.

— Пойдем, — говорит он Тимке, — покажу тебе что-то...

Подкинули топляка в костер. Иссушенный ветрами и солнцем, он вспыхивает словно порох. Отец ведет Тимку вглубь острова. Осторожно ступает, приминая высокую траву. Тимка идет следом. Посреди поляны огромное старое дерево. Кора исцарапана отметинами косолапого, а макушки и не различить — так высоко. Вокруг ствола подлесок и трава вытоптаны, сучья собраны. Нижние ветви украшены цветными лентами и фигурками из дерева и соломы.

— Что это? — спрашивает Тимка.

— Это Кудук — священное дерево, дух тайги, покровитель охоты, — отвечает отец. — Все звери и птицы приходят сюда по неведомому зову. И люди знают о нем издревле, приносят дары и просят духа о помощи, кому что: удачной охоты, достатка в хозяйстве, победы над соперником... Но если вышел на охоту для забавы, то сторонись его — беды не миновать...

— А можно я подарю ему... мою щуку? — спрашивает Тимка.

— Можно. — Отец улыбается. — Только не настоящую. Вот тебе щепка, вырежи сам и прикрепи на ветку... Где бы ты ни был... в трудную минуту позови духа тайги, он вспомнит твой дар и придет на помощь...

Вернулись той же тропой. Вода в котелке кипит. Отец, ловко орудуя ножом, разделал рыбу. Тимка проголодался, но терпеливо ждет, вырезает из щепки фигурку, а получается кораблик, только мачты и паруса не хватает. Приставил Тимка другую щепку, вышла мачта, наколол опавший лист, вот и парус... Наконец, отец зовет его. Получив деревянную ложку, Тимка черпает наваристую уху прямо из котелка.

Пора возвращаться. Холодно сверкает на горизонте низкое солнце. Берег острова закрывает сильная спина отца. Тимка сидит на носу лодки, а в памяти добытая щука — первая большая победа.

Однажды ночью проснулся Тимка. Громкий стук в окно, барабанят в дверь. Отец снял винтовку со стены: «Кто там?» В ответ: «Открывайте...». Тимка видел: отец поник, опустил винтовку, отодвинул засов. Четверо в кожаных плащах ввалились в прихожую, по-хозяйски оглядели жилище, затопали сапожищами по комнатам. Мамка увела Тимку в спальню, дверь прикрыла, велела сидеть тихо. Сквозь щелку видел Тимка: отец сидит понуро, мать собирает ему в дорогу, а чужаки роятся в столах, вытряхивают книги, щупают мебель. Обидно стало Тимке за папку. Не понимает он, что случилось. У папки вон какая винтовка, а у чужаков только маузеры в деревянных коробках. Да если б папка захотел, он бы их всех победил, не дал бы тут хозяйничать. Почему не зовет на помощь могучего духа тайги?..

Потом только узнал Тимка от деда, что отец его первым из северного народа получил высшее образование, стал учителем, вернулся в родные края с молодой женой — дочерью знаменитого на всю страну ученого, — и написал учебник на якутском языке. За это ли, или за что другое... за правду ли, которую не боялся он говорить любому в глаза, за прямолинейность ли характера, за те знания, которые нес он простым людям, или из черной зависти, — обвинили его в измене... Не бывало

навета страшней во все времена. Вот и пришли за ним холодной ночью, и увели неведомо куда... А наутро соседские мальчишки уже дразнили Тимку «врагом народа» и бросались в него мелкими камушками. Даже лучший друг сторонился его. Сказал, мамка строго-настрого запретила дружить с Тимкой, тер распухшее малиновое ухо...

Плакал Тимка от обиды. Ведь его папка самый лучший, почему же этого никто не понимает... Дрался он с мальчишками из-за отца, домой приходил с расквашенным носом, но никогда не сдавался... А мамка, в страхе за детей, правдами-неправдами исправила в паспорте одну букву фамилии, наскоро собрала вещи, схватила Тимку и маленькую его сестренку в охапку и — на пристань. Речным пароходом вверх по течению Лены, к железной дороге, в Москву — там дедова вотчина, многолюдье, там спасение...

В дороге вышла история. На одном полустанке чуть отвернулась мама, Тимке только того и надобно. Пошел гулять по рельсам... Хорошо — чья-то добрая рука успела выхватить его из-под мчащегося на полном ходу встречного поезда...

А в Москве нет таких лесов, как в Якутии, и река против Лены — ручей, и дома повсюду словно горы высоченные, а народищу... Столько Тимка нигде раньше не видывал. Под землей поезда шумят, по проспектам автомобили катят, дудят клаксонами... Есть чему подивиться. Трамваи рогатыми лосями по рельсам бегут, позванивают... Живет Тимка с мамкой теперь в большой дедовой квартире в многоэтажном доме на Октябрьской улице, возле театра, тут и парк рядом, и пруды, и цирк... Сколько всего интересного! На манеже дрессированные слоны и тигры, зебры и львы, развеселые клоуны и акробаты... А Тимке пора в школу. Как-то он сможет учиться?.. Дед в золоченом пенсне, с аккуратной седой бородкой, попыхи-вая трубкой, по вечерам занимается с ним правописанием и арифметикой. Смышлен Тимка, все схватывает на лету, так что к осени держит экзамен в третий класс.

А как исполнилось Тимке десять лет, мама договорилась с проводницей, купила билет, посадила его на поезд и отправила в Ялту к Тимкиной тете. Счастлив Тимка, впервые в жизни он увидит море.

Поезд мчится — черный дым из паровозной трубы стелется, — а то плетется еле-еле, стоит подолгу на станциях и полустанках... Внутри жара, духотища, одно спасение — выйти, подышать в тенечке на перроне... А там бойко идет торговля. Первое время к поезду несли яблоки да груши, потом, чем дальше на юг, дыни и арбузы, пироги с рыбой, а то и вареных раков... Не пропадешь, все недорого... Тимка налопался раков с вареной картошкой и завалился на верхнюю полку... Пролетели леса, кончились бескрайние степи, потянулись вторые сутки пути, а наутро из окошка вагона Тимка увидел сверкнувшую за деревьями гладь. С горы видно далеко-далеко, и нет конца-края изумрудному морю, корабли стоят у причала, четвероногие мачты портовых кранов, катера бегут по волнам, силуэты пароходов вдали... Кажется Тимке, вот еще чуточку повыше забраться, и различил бы на горизонте другой берег, но как ни всматривался, прикинув к мутному стеклу вагона — все напрасно...

Тимка с вокзала шагает на пристань. Теплоход «Крым» идет из Севастополя в Ялту. Под безоблачным лазоревым небом раскинулись укрытые лесами зеленые горы, белый город лежит на прибрежных холмах; а на рейде, щетинясь стволами орудий, высится линкор «Парижская коммуна», матросы моют палубу, струи воды сверкают в утреннем солнце.

Тимка сразу влюбился в море. Целыми днями пропадает он на берегу. Ныряет

с пирса, загорает на песке, играет с мальчишками, а по вечерам бегают к Массандре встречать заходившие в торговый порт белоснежные испанские сухогрузы. На берег выгружали фрукты: апельсины, гранаты, лимоны... До глубокой ночи стояли суда у причалов, а в темноте на борт поднимали тяжелые зачехленные грузы, люди шептались — танки. С рассветом думы пароходов уже виднелись на горизонте. Не было тогда у мальчишек мечты заветнее, чем тайно пробраться на корабль, уходящий в объятую пожаром войны Испанию, и отправиться в опасное плавание на помощь легендарному комбригу Листеру...

Тетя Женя работала в порту. Тимка упросил тетю устроить его на пассажирский теплоход юнгой.

— Куда, оглашенный? На корабль?.. Ни за что! — не соглашалась сперва тетя Женя. — Свалишься за борт... Что я твоей матери скажу? И думать забудь!..

Но Тимка настоял-таки на своем.

Договорились с капитаном, и стал Тимка ходить от Ялты до Алушты на пароходе «Мыс Дооб». Матросов хватало, так что Тимке не приходилось драить палубу, а иногда при спокойной воде ему даже разрешали «порулить». Тимка был страшно горд, наконец-то он, как отважный капитан, стоит на мостике и правит настоящим кораблем.

Вернувшись в Москву, он не мыслил о другой жизни. Повезло, что мама — известная спортсменка, чемпионка страны по стрельбе — увлеклась водно-моторным спортом, гоняла на глассерах в клубе имени Баранова.

— Хочешь, возьму тебя с собой в клуб? — спросила она однажды.

А Тимку и спрашивать не надо. Он готов хоть сейчас ехать. Еле дождался обещанного дня.

На выходные отправились в Зеленую гавань на Клязьминское водохранилище. А там целый парусный флот! В просторных бухтах пришвартованы яхты, катера, швертботы²... Конечно, это не линкоры, не океанские сухогрузы, но от вида парусов Тимка затрепетал. Мать потянула его к быстроходным глассерам, а он никак не мог оторвать взгляда от яхт. Не мир моторов и скорость влекли его, а ветер и паруса...

Наконец мальчишку, слонявшегося целыми днями по берегу возле яхт, заметили.

— Нравятся яхты? — как-то раз спросили с одной из них.

Тимка кивнул.

— Прокатиться хочешь?

У Тимы от восторга перехватило дыхание. Хочет ли он прокатиться? Да что спрашивать? Конечно!

— Прыгай на борт.

Тимка со всех ног бежит по шаткому мостку, миг — и он на судне. Там еще два матроса. Загорелые, сильные, веселые.

— Поднять якорь! — командует командир.

Ветер наполняет паруса, командир на корме у румпеля, правит мимо других швертботов на широкую воду... А вдоль берега «сверлят» веслами байдарочники, «роют воду» гребцы каноэ... Солнце сияет, весело переливается рябь на воде...

Тимка от счастья позабыл все на свете. Яхта идет быстро, почти бесшумно, только слышен плеск волны за бортом. Берег все дальше. Чайки кружат над мачтой.

²Швертбот — тип конструкции парусной яхты.

— Спинакер³! — слышится команда.

Огромный пузырь надувается впереди яхты, и кажется Тимке, что они взлетают над волнами.

Командира зовут Георгий Алексеевич, или просто дядя Жора. Его Р-45 «Моряна» — самая быстроходная яхта в клубе.

— Тебя как звать? — спрашивает он Тимку.

— Тимир.

— Ишь ты, Тимир, почти Тимур... И откуда будешь, Тимир?

Тимке хотелось рассказать, как они с отцом ходили на охоту в тайгу, ловили неводом рыбу, как видели священное дерево Кудук... но разве все сразу расскажешь, и он ответил просто:

— Из Москвы...

— Нравятся, значит, яхты... Ладно... приходи завтра, выдадим тебе швертбот. Гоняй сколько хочешь!..

Тимка счастлив. На следующий день, с рассвета он на берегу. Дядя Жора ведет его к Ш-10 — маленькой одноместной яхте. Букву «Ш» Тимка расшифровал как швертбот, а вот что означает «10» решил спросить.

— Это площадь парусности, — объясняет дядя Жора. — На этой десять метров, а на моей «Моряне» один спинакер — сорок, не меньше. Ну, где нос, где корма, ты, должно быть, знаешь... посерединке — кокпит, на мачте — парус... Давай-ка, попробуй!..

Сколько раз окунулся Тимка в воду тем днем, он и сосчитать не мог. Непросто управиться с шаткой посудиною, с капризным парусом. Но с тех пор все свободное время пропадал в яхт-клубе.

Дядя Жора преподавал в школе яхтенных рулевых. Туда и пошел учиться Тимка. Решил: нет ничего интересней на свете, чем парусные гонки... Думал ли, что судьба навсегда свяжет его с парусом?..

Там узнал Тимка, что история парусного судоходства насчитывает свыше пяти тысяч лет. Еще в древности египтяне конструировали паруса и корпуса судов из папируса. Корабли строили из связанных папирусных пачек, самые толстые из них располагали снаружи. Такие плоты и суда используют в Восточной Африке, в Персидском заливе и в Южной Америке по сей день.

Лучшими мореходами и судостроителями второго тысячелетия до нашей эры считались финикийцы. Знаменитый ливанский кедр, покрывавший склоны гор на побережье Средиземного моря, служил для строительства надежных мореходных судов.

Сыны Поднебесной придумали сворачивающийся парус на рейках и первыми научились идти по морю против ветра. Китайские купцы уже в десятом веке доплывали до Африки на своих джонках. А в 1405–1433 годах впечатляющая флотилия из трехсот семнадцати джонок под командованием флотоводца Чжэн Хэ прошла Тихий и Индийский океаны и посетила более тридцати стран и островов.

Кораблям китайцев в ту пору не было равных. Флагманская джонка Чжэн Хэ несла девять мачт и множество парусов, в то время как в Европе только-только начали строить трехмачтовые корабли. А если говорить о размерах, то рядом с этой джонкой каравеллы Колумба и Магеллана показались бы игрушечными — двадцать пять метров в длину против пятидесяти пяти!

Персидские историки упоминают о появлении русов на Каспийском море око-

³Спинакер — дополнительный парус большой площади, устанавливаемый при слабом ветре перед мачтой.

ло 880 г. В 913-914 годах русы вновь появились на Каспии на пятистах судах, по сто человек в каждом. В Черном море русы проложили водную дорогу в Константинополь, а само море называлось Русским. На Белом море поморы на парусных кочах с двенадцатого века навещали полярные земли и острова, достигали архипелага Шпицберген. Купцы Новгородские исстари ходили в ладьях под парусами.

В 1718 году Петр I учредил в Петербурге «Потомственный Невский флот» — прообраз всех современных яхт-клубов. «Для увеселения народа, наипаче же для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании».

Царь запретил строить мосты в новой столице, повелев жителям переправляться через Неву на лодках, и если дует ветер, то не иначе, как под парусами, «чтобы всяких чинов люди, которые в Санкт-Петербурге обитаются, во время ветра ездили Невою-рекою на судах с парусами, под штрафом».

Специальным указом Петр повелевал заниматься парусным спортом не только адмиралам, корабельным мастерам и врачам, но и сановникам, архиереям и монахам. Для этого он бесплатно роздал им в вечное и потомственное владение полторы сотни парусников, не считая гребных лодок-вереек и буеров. Запретив использовать эти суда для перевозки грузов и каких-либо иных надобностей, «ибо сии суды даны, дабы их употребляли так, как на сухом пути кареты и коляски, а не как навозные телеги».

Все они были построены на специально созданной для этого «Партикулярной верфи». А во главе Невского флота Петр поставил своего лучшего морехода — тайного советника Ивана Потемкина, прозванного «невским адмиралом».

В 1875 году мастерские Санкт-Петербургского Речного яхт-клуба построили первый в России буер «Метель». А в 1912 году Российский парусный гоночный союз получил право на участие в олимпийских гонках в Стокгольме. Одна из пяти русских яхт — десятиметровая «Галлия-II» — вернулась в Петербург с бронзовой медалью.

К началу 1940-х годов парусным спортом занимались тысячи спортсменов. Появилось множество яхт: килевые крейсерско-гоночные яхты классов Л-45, Л-60 и Л-100, швертботы для озерного и прибрежного морского плавания класса М-20, речные гоночные швертботы классов Р-20, Р-30 и Р-45, швертботы-одиночки класса Ш-10. Все эти суда были сконструированы и построены на отечественных верфях.

Вместе с историей узнавал Тимка и новые морские термины. Все тут называлось по-своему: не лодка, а швертбот, не крепления, а «такелаж», не перекладыны, а «рангоут», не просто парус, а «грот» и «стаксель»...

Над новичками, как водится, подшучивали. Просили, например, залить воду в щель швертового колодца. Но Тиму не проведешь, он-то уже знает, что щель сквозная, а в ней «ходит» шверт, заменяющий небольшим яхтам киль.

Тимка учился «вооружать» и «разоружать» яхту, постигал науку «видеть» и «ловить» ветер, ставить паруса под нужным углом, лавировать, совершать повороты, не сталкиваясь с другими яхтами. И снова новые слова: фордевинд⁴, оверштаг⁵, бейдевинд⁶, рельеф дна, лощия...

Магросом на «речнике» ходил он в далекие походы на Икшу и Пестово. С привалами, рыбалкой и ночевками у костра. На обратном пути заступал Тимка ру-

⁴Фордевинд — попутный ветер, дующий прямо в корму.

⁵Оверштаг — поворот судна через линию ветра.

⁶Бейдевинд — курс яхты под острым углом к ветру.

левым. С каждым разом все послушнее становилась яхта. Все уверенней правил юный капитан.

А после занятий звучали песни и стихи о парусах и дальних странствиях. Все мальчишки мечтали о кругосветных путешествиях, наизусть знали маршруты легендарных мореплавателей: Магеллана и Колумба, Васко да Гамы и Джеймса Кука.

Дядя Жора показывал американские и немецкие журналы о парусном спорте. Рассказывал о всемирно известных гонках крейсерских яхт «Кубок Америки». О том, как в 1851 году Джон К. Стивенс — командор и основатель нью-йоркского яхт-клуба, — принял вызов графа Уилтона, адмирала британской Королевской эскадры, и выиграл «Кубок 100 гиней» на шхуне «America». О легендарном конструкторе Натаниэле Херешоффе — создателе огромных яхт, имевших два штурвала, о красавице «Reliance», самой знаменитой его работе — длина по ватерлинии⁷ у нее была восемьдесят девять футов, а полная длина корпуса — почти сто сорок четыре фута⁸! О том, что страна, чье судно одержит победу в кубке Америки, неофициально признается ведущей парусной державой мира...

Раскрыв рты, слушали его мальчишки...

А Тимка решил непременно сконструировать яхту, которая победит на кубке Америки, прославит его на весь мир, и тогда сам «всесоюзный староста» товарищ Калинин вручит ему в Кремле награду...

Опережая события, расскажем, что он действительно построит яхту для участия в розыгрыше знаменитого кубка. Случится это в конце 1980-х на ракетном заводе в Хотьково. Яхту назовут «Варяг» и на могучем «Руслане» перенесут через океан. Где же сейчас эта яхта? Она находится в музее американского военно-морского флота в Сан-Диего. На почетном месте. Величественный парусник с корпусом алого цвета и большим изображением серпа и молота...

Незаметно пролетело время учебы. Наступило лето. В июне 1941 года Тимка успешно держит экзамен — теперь он яхтенный рулевой второго класса.

А уже 22 июня на Клязьменском водохранилище состоялись гонки с пересадкой — чемпионат Москвы. Тимка готовился, целыми днями отрабатывал повороты и лавировки. Для него это первый большой старт. Тут победа зависит не столько от судна, сколько от мастерства спортсмена, шансы уравниваются, главное — верная тактика. Победитель определяется по итогам нескольких гонок. По правилам каждый участник в очередной гонке пересаживался на яхту, на которой до этого выступал кто-то из его соперников. Сорок участников. Долго можно гоняться...

Успели провести две гонки. Лидировал Алексей Наумов — лучший гонщик в клубе, веселый парень, балагур.

Вдруг на берег выбежал директор клуба, сам не свой, размахивает руками, кричит в рупор:

— Остановить гонки!..

— Что случилось? Почему?

— Война!.. Молотов выступает по радио...

К войне готовились, ее ждали, уже не первый год полыхало зарево над Европой, но верили: побойтся Гитлер напасть на такую громадину, как Советский Союз — одна шестая часть суши все-таки, а народу сколько... заводов, а мудрый вождь... и тут — вот оно...

⁷Ватерлиния — черта, по которую судно углубляется в воду.

⁸Фут — 30,48 см или 12 дюймов.

Прервали соревнования. Собрались у приемника слушать речь Молотова. Тимка улавливал только обрывки фраз, так был увлечен гонками, не понимал, что же случилось. «...Атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов... Убито и ранено более двухсот человек... — доносилось из репродуктора. — ...Дан приказ — изгнать германские войска с территории нашей родины... Доблестные армия и флот и смелые соколы... Долг перед родиной... Нанесут сокрушительный удар агрессору... — Ну, сейчас зададут этим фрицам, — думал Тимка, — только держись. — ...Еще теснее сплотить ряды вокруг нашей славной большевистской партии... Вокруг нашего великого вождя товарища Сталина...»

Кончилось обращение. Только репродуктор потрескивает.

И тут Лешка Наумов первым встрепенулся и крикнул:

— Назло Гитлеру догоняемся! Айда на воду!..

И догонялись. Еще семь гонок успели провести до вечера. Наумов тогда и победил. Получая кубок, тряс рыжим чубом, грозил кулаком заходящему солнцу:

— Ну, держитесь, фашисты! Не поздоровится теперь Гитлеру!.. Да здоровствует наш великий вождь товарищ Сталин!..

В первый же день войны была объявлена всеобщая мобилизация. Ушел на фронт и дядя Жора, стал полковником артиллерии. Многие яхтсмены работали на предприятиях, связанных с обороной, другие воевали на катерах. В осажденном Ленинграде яхтсмены-буеристы участвовали в создании Дороги жизни на Ладожском озере и в организации дозорной службы и связи между сигнально-наблюдательными постами на льду Финского залива... Клуб опустел. Целый флот сиротливо стоял у причала — бери любую яхту и гоняйся. Остались мальчишки по 14-15 лет, среди них и Тимка. Шла война, а мальчишки выбирали яхты. Казалось война далеко... Еще чуть-чуть и погонят Гитлера восвояси. Но тревожные приходили вести...

А в ночь на 22 июля, ровно через месяц после начала войны, над Москвой завывли сирены, лучи прожекторов заматались по черному небу, гулом наполнился воздух, забухали зенитки...

Тимка вскочил с постели.

— Тима!.. Скорее! — кричит мама, подхватывая на руки Тимкину сестренку.

Хлопает дверь, они бегут вниз по лестнице... В окнах лестничных пролетов мелькает далекое зарево, грохочет со стороны Кремля... Люди выскакивают из квартир, наспех одетые, перепуганные... Этажом ниже соседка Зинаида Николаевна мечется в дверях, торопит мужа:

— Быстрее, быстрее, брось все!..

— Да подожди ты, дай я хоть штаны надену... Не могу же я без штанов!..

— Иди в халате, Сева... Какие штаны!..

Земля дрожит...

На следующий день во дворе только и разговору:

— Слыхали? Кремль разбомбили!

— Как Кремль?! Не может быть!..

— Цел Кремль... — успокаивает дворник. — Я утречком специально ходил смотреть... Говорят, четвертьтонка попала в Георгиевский, пробила крышу, дошла до полу, но не взорвалась, раскололась на части...

— А верно, что на Арбате всех поубивало?..

— Да не всех... Чего зря пугать. Дома порушило, это верно. Целый квартал,

домов под двадцать, ежели не больше — подчистую, в труху и крошку... Ну и людей, конечно, кто остался...

— А я слышала, всех, кто в метро спустился — затопило водой...

— Пустое говорят... Откачали воду-то... помпами... А перегон точно разбомбили между «Арбатской» и «Смоленской». Поезда не ходят — это факт. И водопровод тоже, и газ... Там неглубокая ветка проходит... — Дворник сокрушенно вздыхает. — Бомбы у немца серьезные...

Линия фронта катилась к Москве. К осени начали прибывать войска. По улицам грохотали танки, катили грузовики, проплывали огромные цилиндры дирижаблей и зачехленные «Катюши». Тимка не отрываясь глядел в окно. Вона какая силища, думал он, разве может такое случиться, чтобы не пбили Гитлера?

А как-то вечером Тимка пришел домой, видит, у матери на глазах слезы, в руке конверт:

— Тима, от папки письмо пришло...

— От папки?!

Тимка бежит к матери, выхватывает конверт.

— Отец жив! Воюет в штрафном батальоне... Снайпер...

«Жив папка, геройски сражается, — радуется Тимка, — значит, мы обязательно победим. Эх, ему бы винтовку получше, да увидеть Гитлера в прицел, уж он не промахнется — и конец войне»...

Передний край оборонительного пояса Москвы проходил по линии Клязьминского водохранилища. Гражданские рыли противотанковые рвы, насыпали эскарпы⁹, строили доты и дзоты... С вооружением было плохо. На позиции завозили английские пулеметы Хайрама, брошенные английским экспедиционным корпусом еще в далеком 1919 году в Мурманске. Солдаты их очень ругали за непомерную тяжесть. Одна станина на треноге весила больше пятидесяти килограммов. Таскать их на себе по осенней хляби — занятие не из приятных. Тимка развозил «Хирамы» на морском швертботе и был счастлив, что не пришлось расставаться с парусом. За это еще и кормили, а в то голодное время каша и тушенка были совсем не лишними...

Рядом с позициями полигон, где пристреливали и проверяли пролежавшее долго на складах иностранное оружие. Там Тимка настрелялся из «Хирамов» вдоволь. Случилось это так. Как-то раз на очередной погрузке к нему подошел молодцеватый майор.

— Твоя яхта? — спрашивает.

— Яхта клуба, а хожу я, — отвечает Тимка.

— Значит, ты капитан?

— Не капитан... Командир.

— Скажи пожалуйста... командир. Ну а что, командир, пострелять хочешь?..

— Смотря из чего...

— Ты глянь, еще выбирает... Ну, например, пулемет... Сгодится?

— Подходяще... — важничает Тимка.

Капитан мнет фуражку.

— Только вот что, я тебе помогу, а ты мне...

— А что надо?

— Прокатить на яхте сможешь?

— Можно...

⁹Эскарп — крутой внутренний откос рва.

— Вот и договорились... Приходи на стрельбище. Я там комендант. Мне как раз помощник нужен, вроде тебя... А на закате будь здесь...

Как условились, вечером Тимка ждет. Глядит, выходит из рожицы его майор, да не один, а с сержантом, а сержант — женщина... Так вот оно что — свидание... Ну, усаживайтесь... Выправил Тимка из гавани, дал широкий круг по озеру, хоть и война, а от любви никуда не денешься...

В середине августа в «Парке культуры» устроили выставку сбитых германских самолетов... Вся Москва ходила смотреть. Ходил и Тимка. Глядя на искореженные «Юнкерсы» и «Мессершмитты», гордо думал, что это дяди Жоры работа... Кого ж еще? Рядом были выставлены витрины с фотографиями летчиков, зенитчиков, бойцов истребительных батальонов, пожарников. Тимка высматривал на фотографиях дядю Жору, но к удивлению так и не нашел... Подумал, видно не доехал фотокорреспондент до дяди Жоры. Или не застал, разминулись... Вон ведь что творится: что ни день — налеты, канонада, бомбежка, в Лаврушинском переулке разбомбило несколько домов, в Соймоновском проезде тоже, у Никитских ворот ухнула тонная бомба, повалила памятник Тимирязеву...

А невдалеке от Тимкиного дома, на площади перед театром Советской Армии «врылась» в землю зенитная батарея... «Гнезда» обложены мешками с песком. Москва оцетинилась зенитками. Они и возле Большого театра, и у планетария, и у всесоюзной выставки... и на крыше Тимкиного дома батарея...

Готовились к уличным боям. Ставили противотанковые ежи и надолбы, баррикадировали проспекты, вывозили заводы, минировали метрополитен... Повсюду только и разговоров: эвакуация, эвакуация! Немцы в Клину, немцы в Подольске!.. Со дня на день штурм!.. Но пришли сибирские полки, ударили сибирские морозы — погнали немцев... Москвичи облегченно вздохнули. В Екатерининском саду залили катки. Всю зиму катался Тимка на коньках.

А весной он опять в яхт-клубе. Сразу видно, тут было жарко, немцы трех километров не дошли до Зеленой гавани — берега изрыты траншеями и воронками, на льду обгорелый остов самолета, из-под талого снега тут и там выглядывают нераззорвавшиеся снаряды, стреляные гильзы...

Тимка нашел в снегу гранату, повернул рукоять — щелчок.

— Бросай! — кричат ему.

Бросил что было сил в сторону, граната стукнулась об лед и осталась лежать... Заржавела, видно, за зиму под снегом...

И Пашка Левин тоже нашел. Только бросил недалеко. Взрывом ранило его и еще двух ребят.

А Володька Лаврентьев отличился. Выкопал из сугроба бутылку с зажигательной смесью, хотел швырнуть, махнул над головой и пролил себе на спину. Тут же запылал. Упал, катается по снегу, кричит:

— Песку!

Присыпали землей, потушили, телогрейка только обгорела.

Зашли в бытовку, а там кто-то возьми и отряхни ему спину. Мол, что это ты такой грязный?.. Володька опять вспыхнул... Пламя по спине бежит... Чуть пожара не наделал, а телогрейки все же лишился.

Несмотря на войну, соревнования не прекращались. В 1942 году Тимка выиграл чемпионат Москвы среди взрослых в классе «М» — морской швертбот. «Эмка» стала тогда самым распространенным классом, у нее было все: грот, стаксель, спинакер, экипаж из трех человек. Делали ее на Таллинской и Ленинградской верфях.

Забегаая вперед, скажем, что много позже, в начале 1970-х «Эмку» заменит «Темпест». Только вместо шверта у него появится киль, вместо трех человек со всеми снастями будут управляться двое...

Потом были победы в 1943, 1944.

— Как тебе удастся все время выигрывать? — спрашивали товарищи.

— А мне дух тайги помогает, — отшучивался Тимка. — Я с ним еще в детстве подружился.

Но главный Тимкин секрет — удачный старт. Часто именно он обеспечивал ему победу в гонке.

У яхтсменов линия на воде не очерчена, это не байдарки, нет стартовых плотиков. Обозначен лишь створ между двумя знаками шириной несколько десятков метров. В зависимости от силы и направления ветра стартовать выгодно у верхнего или у нижнего знака. Все стремятся занять лучшее положение, ведь лидером становится тот, кто ловит «чистый» ветер. Остальным достается «отработанный» — из парусов соперника. Поэтому надо так рассчитать время, чтобы яхта оказалась у намеченного знака в нужный момент и на высокой скорости...

А в 1944 Тимир уже участвовал во всесоюзных соревнованиях в Нижнем Новгороде, в то время — город Горький. Поехали большой командой сборной Москвы. Капитаном был Алексей Петров, инженер-авиаконструктор. Яхты погрузили и отправили теплоходом «Ломоносов». А сами — семь часов на поезде, и вот он славный град! И Ока здесь, и Волга, и кремль Новгородский.

Поселились в спортшколе на берегу возле леса и сразу на реку, изучать местность, где мели, где течения... Пока дождалась теплохода, на котором везли яхты, разобрали лоцию до мельчайших деталей. Потом начались тренировки.

Тимка всегда верил, что яхта, как живое существо, — за обиду может отомстить. Не раз он видел, как рвались снасти на неухоженных судах — так они мстили нерадивым хозяевам. Поэтому сам он всегда относился к яхте с большим вниманием. Чистил, смазывал, красил. Ведь настоящий яхтсмен должен быть не только азартным гонщиком, но и маляром и плотником, и слесарем и даже портным. Каждая деталь, каждая дощечка на судне знала и помнила тепло его рук. Может быть, и в этом крылась причина его побед?

А накануне гонки угостили их радушные хозяева вкуснейшим суфле к чаю, целое ведро, на всю команду хватило с лихвой. Все и смолотили в один момент. А под утро началось... Пора на старт, а команда сидит рядами на опушке, только мальчишечьи филеи, словно капустные кочаны, белеют на утреннем солнце.

Кое-как добрались до берега. Снарядили яхты, стартовали. Хорошо шкотовым — они почти всю гонку висят за бортом. Рулевым тяжелее...

Ходить по реке — это совсем не то, что по озеру. Тут большую роль играет течение. Оно везде имеет разную силу, увеличивается на плёсах, где глубоко, и уменьшается на перекатах. А еще вдоль русла реки встречаются коварные воронки — винтообразные течения, водовороты... Вот их лучше миновать стороной. «Нашупал» стрежень — держись, понесет, если идешь по течению, ну а в обратную сторону — выбирай фарватер...

Юго-восточный ветер наполнил паруса. Тимка подобрал грот¹⁰ на своей Р-20, шел против ветра короткими галсами¹¹. Сидя внутри кокпита, удобней подбирать

¹⁰Грот — нижний прямой парус на грот-мачте парусного судна.

¹¹Галс — движение судна относительно ветра. Различают левый (ветер дует в левый борт) и правый (ветер дует в правый борт) галсы.

парус и рулить, но как тут высидишь. Уж не до теории, не до продумывания маневров, избежать бы аварии, не перевернуться. Даже в тихий ветер, стоит чуть зазеваться, не заметишь порыва — и пиши пропало, а тут такое дело... Галс за галсом шел Тимка, выискивая места, где течение послабже. Пересек реку на усилении ветра. Ба! Да он третий. Не век же мучиться, полегчало на желудке. Ну-ка, кто там впереди? Переложился, прочел ветер, и вот Тимка уже первый, отрыв от преследователей все больше. Осталось пройти под мостом через Оку и финиш... А на мосту зрители. Тимка уже не спешит. И по сторонам посмотрел, и ручкой зрителям сделал... А в ответ засвистели булыжники, прямо как авиабомбы... только сирены не воют, да зенитки не бухают... Плюмб! Плюмб! Взлетают фонтаны слева, справа... Не нравится болельщикам, что заезжий из Москвы побеждает... Ну теперь лишь бы проскочить... Лишь бы не потопили, дьяволы... С ума сошли? Ведь так и попасть можно!..

Зимой 1945 года Тимка увлекся горными лыжами. Как-то раз пришли ребята в яхт-клуб, а там повсюду сложены горы лыж. Белые, лакированные, некоторые даже с креплениями. Наклейки на них австрийские, норвежские, датские. Таких тут и не видели никогда. С гор катались на обычных. А это трофейные лыжи — «подарок» от немецкой горной дивизии «Эдельвейс».

Поехали кататься на Воробьевы горы. Спуск к Москве-реке. Кто дальше по льду проскользит, тот и победил. Сорвались с горы и помчались наперегонки. Тимка летит вниз, только ветер в ушах свистит, выскочил на присыпанный снегом лед впереди всех, вот-вот до другого берега докатит... и не замечает, что за спиной творится. А там уж товарищи барахтаются в ледяной воде. Тонкий лед ломается под лыжами. Тимка проехал дальше всех, ему и плыть обратно к берегу дальше... Когда вытягивали его из воды, живыми оставались только глаза. Ни ног ни рук, ни сердца не чувствовал Тимка.

А через пару лет он уже побеждал на всесоюзных соревнованиях, стал чемпионом в слаломе. Однажды при спуске он пересек линию финиша в падении. Публика была в восторге. И когда зашла речь об участии в Олимпийских играх, его вызвали в сборную команду. По личному распоряжению Ворошилова лыжники с сентября до Нового года тренировались на Кавказе в Бакуриани, а потом пришли грустные вести из Женевы, выяснилось, что СССР не допустили до участия в Олимпиаде. Тимке казалось, что его лишили медали.

Он не знал еще тогда, что главную победу принесет ему парус.

Часть 2

Ветер и паруса

Штурмовать далеко море
Посылает нас страна...

А. Ансалон

Взвыли двигатели, самолет дрогнул и побежал по взлетной полосе; все чаще стучит на стыках, в иллюминаторах убегает аэропорт, самолет качнуло, и земля стала падать вниз. Потянулись леса, линейка шоссе, рваные низкие облака режет крыло, и вот уже все скрывает серая мохнатая мгла...

«Черт бы побрал эту нелетную погоду, — ерзя в кресле, думает Тимир. — Самолет, конечно, вещь хорошая, но шархнет молнией, и привет... Решили пыль в глаза пустить капиталистам... Похвастать реактивной авиацией... Шарахнемся, вот тогда и будет вам Олимпиада...»

— Хорошая примета — дождь в дорогу, — с улыбкой говорит Сашка.

— М-да, — тянет Тимир.

Их кресла рядом. Выступать им в одной команде. Только в разных классах яхт. Сашке в «Финне», а Тимиру в «Звездном».

«Накрутили так, что лучше и не надо, — Тимир припомнил напутственный инструктаж партийного бонзы. — Мы и бойцы передовой, и строители коммунизма, и должны показать торжество социалистического строя, и... лечь костями за честь великой страны... Ну что ж, если надо, ляжем... Было бы, где лечь, а уж лечь костями, это для нашего человека самое обычное дело... В войну ложились, никто не считал, и сейчас ляжем... Вот прямо сейчас и ляжем, только молнии подходящей дождемся, и готово... Хорошо еще, сейчас не 52-й год... Тогда просто сказали, кто не победит, можете не возвращаться... Плыли — пароход дрожал, не от дизелей, а оттого, что всех трясло... Всех потом чуть и не посадили... Что было!.. Какой разнос!.. Какие речи... И предатели, и враги народа, и вредители, агенты империализма, и продались Западу... Кому проиграли, сукины дети, югославам! И это когда мы с Тито — враги!.. А какие мы враги? Люди тут при чем? Ведь это спорт, а не война... Они там у себя наверху ссорятся, а мы должны друг дружку зубами рвать, так, что ли?»

Самолет набрал высоту, вырвался из туч и поплыл над гигантским махровым ковром.

«Ремень давит, ноги не вытянешь... И кто это додумался в салон на тридцать человек пятьдесят кресел втиснуть? Вот мы делали Ла-7 в 44-м — любо дорого смотреть. Сидишь в фонаре, как на диване. Петров Алексей Васильевич взял меня тогда к себе на “Знамя труда”... Тоже яхтсмен заядлый. Завод секретный, три месяца оформлялся. Ух и напознался я там с линейкой в семьдесят два кило... Даже присказка была: почему начертить самолет в натуральную величину на листе фанеры можно с точностью до двух десятых миллиметра? Потому что кохиноровские карандаши нельзя заточить острее...»

— Конфетку хочешь? Помогает при качке... — предлагает Саша.

Тимир рукой делает отрицательный жест.

— Спасибо.

— Ты в порядке?

— Всё нормально...

«Эх, жаль Галю не выпустили... Перестраховщики... Да если кто решит остаться, разве удержишь?.. Там у них пресса такой вой поднимет! На весь мир! Права человека! Гражданские свободы!.. Вон в Мельбурне в 56-м половина венгров осталась на Западе. Не захотели возвращаться в соцлагерь. Это еще месяца не прошло, как мы их танками придавили... И наши ничего сделать не смогли... Война уже и так была. Еще этот ватерпольный матч... Как поняли, что проиграем, так давай им морды бить, весь бассейн в крови. На весь мир картина... А мадьяры — не дураки, подготовились, может, и специально спровоцировали наших, и лозунги откуда-то взяли как по команде, и транспаранты: “Свободу, свободу! Фашисты!..” Вот так! Мы их от Гитлера спасли, сколько народу полегло, а они нас же теперь фашистами выставили... А уж когда Жадору — капитану ихнему бровь разбили, так и вовсе зрители в наших с трибун плевать начали...»

Но мы-то не мадьяры, мы ж свои... Ну понятно, своих надо жестче держать, чтоб чужие пикнуть боялись... Подписки, клятвы, обязательства... И все равно Галю не выпустят... Ничего не скажешь — как диверсантов посылают... Сколько я им отчетов понаписал, схем начертил... и Хельсинки, и Киль, и Мельбурн, Генуя — все до мелочей. Каждый раз целый день убиваешь на зарисовки... Федя, конечно, тоже чертит... И другие, да все, кого выпускают... все чертят... И Сашка тоже... А спросишь — ведь не признается. Еще, поди, нажалуется... Да и я не признался бы... Чертим и сдаем, всё молча. А потом они там у себя сверяют...

Черт, опять живот тянет... И Гали нет. С ней все же спокойней... Почему не пускают жену? Объяснял им, объяснял, что она мне нужна для победы, что она вроде моего талисмана, — когда она на гонках, я выигрываю... Все впустую, без толку... Доказать невозможно. «У нас только члены делегации, квоты, все утверждено...» Знаем мы... Вот этих в штатском полсамолета».

Тимир вспомнил недавнюю черноморскую регату... Галя поехать не смогла, осталась в Москве, срочная работа в конструкторском бюро. Начались гонки. Первый день — неудачно. Он только пятый. А для него теперь любой результат кроме первого — провал. И вдруг видит: она на берегу.

— Ты откуда?

— С неба...

А назавтра — победа. Колдовство какое-то...

На третий день Тимир шел вторым, вслед за Козловым. Последняя лавировка, у того ветер в парусах, никак не догнать... и вдруг ему дисквалификация, навалил на знак.

Галя потом рассказывала:

— А я на судейском катере стою у борта, зажмурилась и твержу: Козлов, получи баранку! Козлов, получи баранку...

На следующий день Галя улетела в Москву. Но Тимир был уже уверен в победе, в остальных гонках тоже выиграл.

«Когда мы познакомились-то? Еще во время войны, в яхт-клубе... Я тогда преподавать начал... Целая толпа девчонок пришла, старшеклассниц... Мы еще детьми были... А через десять лет опять встретились, как раз после Хельсинки, и уже навсегда...»

— Стюардессы какие! — толкает локтем Саша. — Смотри, вон та брюнетка, просто чудо, как хороша. Вот что значит международный рейс. А? Где они таких берут? Ей бы в модели идти. Ты посмотри, глазки, фигура, личико... Нет... ну просто красавица!.. Фотомодель!.. Обязательно надо познакомиться. А? Как ты думаешь?

Тимир кивает.

— Давай, Саш, бог в помощь...

— Вон та блондинка тоже ничего... А? Тима, мы же герои, будущие олимпийники! А времени в обрез, летим без дозаправки! Разве нам откажут? А?

— Не откажут, Саш.

— Ну, так что?.. Смотри, смотри... она мне улыбнулась! Ну, все, я пошел.

— Иди.

— А ты?

— Я пас.

— Ну как знаешь. Жизнь, брат, надо любить. И шансы использовать на всю катушку...

— Желаю удачи.

«Как там Федор? Как яхта?.. Долбанут каким-нибудь краном и все — зря ехали. Как тогда в Касабланке... Пробьют корпус, мачту поломают, с них станется... Грузят, как картошку, а на воде качнет, вот тебе и пожалуйста...»

Яхту, «американку», сделанную под заказ в Соединенных Штатах, оснащенную синтетическими парусами, должны были доставить пароходом из Одессы. Сопровождающим ехал Федор — шкотовый Тимира.

«Хорошо, что Федор там, хоть чужих не подпустит... А оставь без присмотра, ведь разломают все черти, разнесут по винтику, и следов не сыщешь!..»

Федор Шутков — десять лет отслужил матросом на флоте. Деревенский мужик, образование — сельская школа, но крепкий, здоровье богатырское. Ручищи здоровенные, черные, масло и сольерка ввелись в кожу — не отмоешь. Пальцы, словно грабли — не сходятся. Глаза хитрющие, брови пшеничные. На флоте был мотористом. Целый день над ухом дизель тарыхтел, оттого Федор глуховат и слова коверкает на свой лад. Не компас у него, а «контас», крейсер — «кейсер», «голокладущий», вместо главнокомандующий...

Служил он на разных морях. Везде побывал. Воевал на «Охотнике». Однажды судьба занесла его в Севастополь, на адмиральский катер. На катере ходили редко, в основном простаивали ошвартованными. Федор заскучал от такой жизни. И как-то подвернулся случай. Адмирал поднимается на борт, экипаж во фронт. Федор возьми и крикни:

— Товарищ админар, какафки не хотите?

— Это еще что? Да ты пьян!.. Да ты знаешь, куда я тебя сошлю? Где ты и не был никогда... Во Владивосток!

А Федор вытянулся во фронт, отвечает:

— Тарищ админар, та я быв там...

— Ну, тогда... в Таллин!..

— Та я и в Талне быв...

— А где ж ты, шельма, не был?

— В Муранске!..

— Ну вот и отправляйся в Мурманск.

— Слухаюсь!

Как демобилизовался, не смог без моря, затосковал, пошел на гоночные яхты матросом. Стал гонять матросом на «шестерках». Силища в руках медвежья и вес подходящий — под восемьдесят. Отборочные соревнования на Олимпийские игры в Хельсинки прошел. Но не поладил с тренером. Все из-за пустяков... Устроил цирк. По тросу вверх на одних руках, двенадцать метров... на спор за бутылку. А тут тренер идет. «Ты чего устраиваешь?» Федор за словом в карман не лез, выдал по-флотски лаконично... Тот и пригрозил: ты, мол, у меня заграницы не увидишь... И не взяли...

— Трагедь, — вздыхал Федор. — Тю-тю Альпада...

Чуть не запил тогда с огорчения. И тут прибегает приятель:

— Выручай, — говорит, — у нас бегуна не хватает в команде... Всю дистанцию бежать не надо, главное стартовать, для протокола, а там сойдешь, где захочешь...

Федор долго раздумывать не стал.

— Выручить можно... А тапочки дашь?

— Конечно, любой размер, только выручай...

— Ну ладно, давай тапочки.

Вышел на старт, побежал...

Погода хорошая, солнышко светит, бежится в охотку, дистанция десять километров. Прибежал первый, вот его и включили в сборную. А бежал-то за тапочки... В Хельсинки в забег его не поставили, так что пошел к яхтам, а навстречу тот тренер «парусник», который его «зарубил».

— Ты как здесь?

— Та я в команде.

— В какой это команде?

— Легкоатлетов...

Ну что тут скажешь?..

Сашка вернулся, плюхнулся в кресло.

— Москвичка она, живет в Сокольниках, не замужем. Вот телефончик дала...

Что с тобой?

— Что?

— Ты ж нездоров.

— Почему?

— Да посмотри на себя. На тебе лица нет. Зеленый весь...

— Да?

— Подожди, я сейчас зеркало попрошу. Сам увидишь... Дианочка! — он махнул рукой. — На минуточку!

Подошла стюардесса, красоты необыкновенной.

— Что случилось?

— Дианочка, можно зеркальце?

— Пожалуйста. — Тонкая ручка извлекла из кармашка маленькое складное зеркальце. — Что-нибудь еще?

— Водички...

— Сейчас. — Она повернулась и пошла по проходу.

— Ух, черт возьми, — провожая ее взглядом, выдохнул Сашка. — На, смотри.

Тимир покосился на свое отражение.

«Да, вот этой складки на лбу раньше не было... Уже тридцать три. Возраст Христа... Пора свершений...»

— Может, таблетку? — не унимался Сашка. — Доктора позвать? А то от тебя слова не добьешься... Помирать будешь и то, небось, промолчишь.

«Кто много болтает, тот всю силу выбалтывает», — вспомнил Тимир слова отца. В 41-м стали приходить от него письма, с матерью читали-перечитывали их по многу раз, отец оборонял Ленинград. А в 44-м пришла похоронка — пал героической смертью при прорыве блокады...

Самолет приземлился в Риме. Еще нет и полудня, а жара уже стоит нестерпимая. Скомканная экскурсия по вечному городу из разряда весь мир за два часа... все мелькает: термы Каракаллы, площадь Ватикана, римский форум, Колизей... черные квадриги летят над городом... и почти вся делегация остается в Олимпийской деревне, только яхтсмены едут дальше. До Неаполя еще двести километров поездом.

Чужая красивая горная страна...

«Как все-таки они умеют не побеждать природу, а встраиваться в нее, — думал Тимир, глядя в окно вагона. — Не взрывать и перекапывать, а дружить... Ты посмотри, вон на горе крепость, а вокруг домики, два-три этажа, желтые стены,

окошки рядами, красные черепичные крыши. Виноградники на склонах... Да тут что ни гора, то крепость или башня. Если останавливаться возле каждой — вовек не доберешься куда тебе надо... Берегут историю. Аврелианова стена в Риме по всему городу змейкой вьется — восемнадцать километров, почти всю сохранили. А у нас Белый город сначала возвели при Федоре Иоанновиче, а потом разобрали при Екатерине Великой, бульвары проложили... Десять километров крепостной стены в четыре метра толщиной — все раздолбали подчистую... Зачем? Ну не нужна тебе стала крепость, дорога важнее, ну подумай, как сделать так, чтоб не ломать то, что строили десять лет всей казной... Китай-город тоже... Да что говорить, Храм Спасителя где теперь? Еле взорвали, такая мощь... А стоило стараться-то? Тверскую расширяли — целые кварталы долой... Вечная стройка, а тут вечный город. Раз построили, и на века. Правда, Колизей чуть не растащили варвары, весь ободрали как липку...»

В купе Сашка, другие яхтсмены дремлют, сморило после экскурсии. Тимир не спит. Смотрит в бинокль...

Повезло достать в 1955-м. Итальянская оптика...

«Тогда после подрыва в Севастопольской бухте линкора “Новороссийск” — трофейного итальянского “Джулио Чезаре”, — командование флота приказало демонтировать всю иностранную оптику и вооружение, и заменить отечественным. Сказано — сделано. Начали крушить. Палубы кораблей были сплошь усыпаны стеклянной крошкой. Мы тогда тренировались в Севастополе. Я договорился и выкупил бинокль и два спаренных “телескопа”, с таким увеличением, что в них можно было разглядывать поверхность луны и изучать рельеф кратеров. Когда отправились на Олимпийские игры в Мельбурн, прихватили с собой и оптику.

Пароход “Грузия” вышел тогда из Одессы. А в Средиземном море, как по команде, по обоим бортам выросли два натовских эсминца, шли чуть позади, не отставая, пушки повернуты, давили на психику. Ближе не подходили, так и сопровождали, мы идем, они идут, боялись, что мы танки и самолеты Египту везем. Тогда с Насером у нас большая дружба была. Потом Хрущ ему даже Героя Советского Союза пожаловал... Когда по Суэцкому каналу проходили, кто-то предложил: “Давай в оптику посмотрим на пирамиды”. Достали, поставили на треногу. Стали смотреть. Вдруг с капитанского мостика крик: “Уберите шоши! Уберите шоши!” Были такие пулеметы французского конструктора Шоша. Что такое, почему? “Уберите шоши, ...ать вашу!” А! Ну теперь понятно. Вот оно в чем дело: две подозрительные трубы торчат, как два пулеметных ствола. А это ж времена Суэцкого кризиса. Египтяне стреляли тогда во всех без разбору, да и не только они, тут и разбираться никто не станет... Прошли канал, эсминцы не отстают... Чего им надо? Ведь ясно же, что мы не оружие везем... Все равно сопровождают... Идем, не сворачивая, на Мадагаскар, и еще дальше... Только когда айсберги показались, американцы повернули, ну и мы повернули, взяли курс на Австралию.

Жаль только, на обратном пути кто-то вскрыл контейнер, а там и оптика, и снасти, и паруса, инструменты — все. Так ничего ж не взяли кроме оптики. Аккуратно вскрыли, профессионально... Ну мы сразу поняли кто... Шума не поднимали. Намек поняли. Мол, побаловался и хватит. Помалкивай... Нечего тебе отсюда за горизонт глядеть...»

— Тима, не спишь? — Проснулся Сашка.

— Нет.

— Красотами любишься?

— Любуюсь.

— Зря... Лови момент, отдыхай, набирайся сил, они еще пригодятся...

— Хорошо.

— Не нравится мне твой вид. В самолете — зеленый был, сейчас — бледный.

Пора розоветь...

— Ладно... Спи.

Как тут уснешь, когда все мысли о предстоящей гонке?

«Ну что, синьор Страулино? Как же мы будем вас побеждать? Похоже, это будет не просто... Кому же, как не вам, лучше всех известен Неаполитанский залив... Знаком малейший ветерок, течение, фарватер, рельеф дна... Вы ведь в прошлом боевой ныряльщик, сеньор... Много наслышаны о ваших подвигах во время войны... А “Новороссийск” не ваша ли работа? Ну да сейчас не об этом... У вас победа в Хельсинки в 52-м, второе место в Мельбурне в 56-м, и здесь в Неаполе вы намерены победить, это ясно. Здесь все ваше — море, берег, ветер...

Обойти вас я могу, синьор, и продемонстрировал это недавно в Генуе, правда при сильном ветре... Но это даже и к лучшему. Пусть все верят, что моя стихия — шторм. Пусть думают, что я этакий разудалый кавалерист! Когда все осторожничают, берегут яхты, храбро распускаю паруса и лечу вперед сломя голову. Эге-гей, родимые!.. Дорогу сумасшедшему русскому!.. Конечно. У них яхты личные, на свои деньги купленные, они их берегут, хоть и все миллионеры, всякие там магнаты... Солідные банковские счета... Коронованные особы... Князь Монако, король Норвегии... Яхтенный спорт — привилегия богачей. А у меня государственная — чего жалеть?.. Главное победа, результат...

А чуть задует легкий бриз, море спокойно, бури нет, и меня не видно... Тут мастерство требуется, одной удали недостаточно, и яхта нужна наилучшего качества. А откуда у русских мастерство? Они ж никогда ничего не выигрывали... А откуда у русских хорошая яхта? Они ж всегда на всем выгадывают, экономят... Вот нас никто всерьез и не воспринимает. Значит так: нас в расчет не берут — это точно. Мою победу в Генуе объяснят сильным ветром... Еще бы, стартовало пятьдесят семь яхт, а до финиша добрались только четыре... Хорошо еще не потонул никто. Снежный шторм баллов шесть, не меньше!.. Тогда газеты писали: «Русских так вдохновило появление снега, что догнать их было невозможно! Словно снежный ком, они неслись к финишу!..» Зато сейчас мы в тени... Этим и надо воспользоваться. Фактор неожиданности. Все будут смотреть за Страулино, он фаворит. А про нас и думать забудут. И тут уж не зевай!..

В Мельбурне я был восьмым... Оно и понятно, тогда яхта была Таллинской верфи, хорошая, но не идеальная. Смешно вышло. Стали сами делать яхты по американской таблице отклонений, а важнейшее примечание перевести забыли... В результате наши яхты на попутном курсе заметно уступали. Хоть “американка” уже пришла по заказу, стояла на Балтике, но мы ее не успевали освоить к играм... Гонялись на старой. А потом на обратном пути так и оставили ее во Владивостоке. И везти дорого, да и незачем, раз новая дожидается. В Москву катили через всю страну двумя железнодорожными составами... Наши, европейцы... Ехали, пир горой...

Эх, как-то там сейчас Федор? Как наш “Торнадо”? Если яхту доставили нормально, с Федором все в порядке, то, бог даст, первую-то гонку, сеньор Страулино, мы с вами схлестнемся. А там, глядишь, еще посмотрим кто кого... Если все сложится удачно, то за бронзу вполне можем побороться...

Кто у нас еще в соперниках? Багамец Ноульс — старый знакомый, опытный морской волк. Говорят, что если его обходят, даже на тренировках, у него от бешенства выступает пена на губах... Швед Суне Карлсон грозился привезти новую яхту... А впрочем, от кого угодно можно ждать сюрпризов: и от англичан, и от немцев, и от венгров...

А кто этот португалец — Марио Кина? Откуда он взялся? В отборочных соревнованиях разделался с двукратным чемпионом Европы! Не зря говорят: все португальцы с рождения мореходы. Каков он с виду? Флибустьер? Черные как смоль волосы, тонкий нос, огненный взгляд? Серьга в ухе, цепь из чистого золота на шее и кривой нож за поясом?

А мистер Паркс? Типичный американец? Бейсбольная кепка, шорты из американского флага, сигара в зубах? А ведь он обставил двух чемпионов мира — Фиккера и Норта. “О рай, о рай!¹²”, — как говорит Федя. И он родом из Чикаго, откуда и чемпион Мельбурна Вильямс... Одно этого достаточно...»

Поезд подошел к вокзалу.

— Подъем, ребята, — будит Тимир сборников.

— Что, уже приехали?..

Платформа. Привокзальная площадь. Душный воздух, ни свежести, ни ветерка. А ведь море рядом... Пересели в автобус. За стеклом ярко освещенные улицы Неаполя, витрины магазинов. Вот и отель «Мажестик».

У дверей встречает Федор.

— Здравь жлаю!

— Что с «Торнадо»? — сходу спрашивает Тимир.

— Вот те раз... Ни здрасть, ни как дела... сразу «Торнадо»... Та шо с ним сделца? Пасаца на трафке в Кралёвском парке.

У Тимира отлегло от сердца.

— Ну, прости, прости... Предчувствие, понимаешь... После Касабланки уже не знаешь, чего ждать.

Пожали руки.

— Докладаю, — рапортует Федор. — Дошли без потерь. Все живы, раненых нема.

— Когда можно выходить в море?

— Та хыть завтра.

Что такое Неаполь? Город? Прежде всего, Неаполь — это Везувий. Его видно решительно отовсюду. Гигантский черный конус, уходящий в залив. Он словно пытается дотянуться до острова Капри. А кто это там теснится у подножья, поднимается по пологим скатам, карабкается к жерлу кратера в жабо из кружевных облаков? Что это за цветные букашки? Ах! Это город, это дома, в которых живут беззаботные неаполитанцы, позабывшие участь Помпеи, Геркуланума и Стабии...

В самую несносную жару на вершине Везувия прохладно, мелкие камушки осыпаются под ногами, из широченной глотки сочится сернистый дым. С высоты как на ладони виден Неаполитанский залив. Словно взбешенный конь морского владыки ударил в берег копытом, окаймив бухту высокими мысами, убегающими в море островами, скалистыми вершинами полуострова Сорренто.

Утром короткая пресс-конференция в холле отеля.

И без того стоит несносная безветренная жара, а тут еще софиты, корреспонденты, фотокамеры...

¹²Искаж. All right! All right! — Хорошо! Хорошо!

— Как вы оцениваете свою победу в седьмой гонке Генуэзской регаты? Это, по-вашему, случайность или закономерность? — спрашивает репортер.

— Просто повезло с ветром, — отвечает Тимир.

— У вас именитые соперники: чемпионы мира, Европы, победители Олимпийских игр. Кого из них вы можете выделить в первую очередь?

— Агостино Страулино — у него огромный опыт и он тут хозяин.

— Вы всерьез рассчитываете на олимпийскую медаль?

— Если повезет с ветром. Мы неплохо ходим в шторм.

— Вы не оснастили свою яхту пулеметами, чтобы топить конкурентов?

— Пока нет. Вопрос решается...

— Если вы не победите, какое наказание вас ждет на родине? Вас посадят?

— Не думаю.

— Что вам обещали, если вы добьетесь победы? Очередное звание? Орден? Деньги?

— Главная награда для меня, как и для любого советского спортсмена — олимпийская медаль.

«Надоели, — думал Тимир, когда удалось отвязаться, наконец, от газетчиков. — Скорее к яхте...»

У входа в Королевский парк стояли гвардейцы. Публику не пускали. На ровном зеленом газоне стоял «Торнадо», слово ракета перед стартом, белый полированный корпус, стройная мачта, четкие линии...

«Знал бы мистер Вильям Гарднер в 1906 году, во что превратится его «Малыш». Вряд ли он подозревал, гоняя по Лонг-Айленду, какая судьба уготована его яхте. Правда ей изрядно подрезали гик¹³ и удлиннили мачту, но, по-моему, это пошло ей только на пользу. Ведь с 1932 года «Звездный» — олимпийский класс.

Когда после Мельбурна получили ее из США и обмерили, выяснилось, что на шестом шпангоуте¹⁴ допуск аж целых сто миллиметров... Сверились по таблицам — недопустимо. Как же так? Ведь вот же сопроводительное письмо: «Международный мерительный комитет, рассмотрев все размеры этой яхты, утверждает, что они отвечают всем правилам «Звездного класса». И подпись: «Президент международного мерительного комитета Джон Тетерингтон». В чем дело? Да если б мы знали раньше, что разрешен такой допуск, мы бы давно сделали яхту, не уступающую по скорости примам чемпионатов, распрямили бы киль, улучшили обвод... Но ведь нельзя, сами себя «резали». И тут приходит яхта, противоречит всем канонам, да еще и обмеренная главным в мире обмерщиком. Чертовщина какая-то! Где же истина? А истина, как всегда, оказалась в деталях... Стали смотреть оригинал таблиц, и все выяснилось: переводчик забыл перевести коротенькое примечание внизу страницы, а оно как раз о шестом шпангоуте. А если бы перевел, то я бы уже в Мельбурне гонялся на Таллинской яхте вровень с грандами... Сколько лет спорил с конструкторами, обмерщиками, доказывал, что яхта Страулино имеет другой обвод, лучше, чем наш, сам им чертежи делал, пригодились навыки, приобретенные на авиазаводе. Но те только руками разводили: вот таблицы, вот буква закона... А оказалось, все дело в упущенном примечании...»

— Ни царапульки, — улыбается Федор. — Пылинки сдувал.

«Никаких переделок, — твердит сам себе Тимир. — Никаких наладок. Лучше все равно не сделаешь, а хуже — вполне. Только время зря потеряешь».

¹³Гик — горизонтальное рангоутное дерево, по которому растягивается парус.

¹⁴Шпангоут — бортовая поперечная балка корпуса судна.

Но руки так и чешутся перебрать все по косточкам, проверить каждый винтик — как он привык делать всякий раз перед стартом.

— Яхта в полном порядке! — будто читая его мысли, говорит Федор. — Давай спускать на воду.

На берегу царит возбужденная суэта. Флаги разных стран, яхты, паруса... Карло Роланди — шкотовый Страулино — приветливо машет рукой. Все гавани Неаполя забиты крейсерскими яхтами, моторными и парусными. Вон трехмачтовик тайландского принца Бига-Бонзе, а вон океанская яхта венесуэльца Даниэля Камео, строительного «короля», он пересек Атлантический океан за восемнадцать дней и собирался принять участие в гонке «Звездников» со своим сыном Педро.

Автокраном спустили «Торнадо» на воду. Обошлось без происшествий, если не считать, что Федор, закрепляя тросы, поскользнулся и свалился с платформы. Но, что ему сделается? — ни одной царапины.

«Очень уж все гладко складывается, — тревожится Тимир. — Пароход не держали, яхту не повредили, все целы... Не к добру это... Что-то будет...»

Наконец, под легкий, едва уловимый бриз, вышли в море. Пахнет теплой морской водой. Солнце жжет немилосердно... На рейде стоит трехмачтовый парусник «Америго Веспуччи» — гордый красавец, две широких белых полосы вдоль черных бортов. На нем в Неаполь привезли олимпийский огонь.

«Ветер, похоже, совсем стихает. Не стоит отходить далеко от берега, как бы не унесло течением...» — думает Тимир.

Яхта идет легко, четко слушается руля, но при таком ветре особенно не разгонишься.

— Роланди сказал по секрету, что тут ветер дует как по заказу Страулино, — говорит Федор, — в одиннадцать еле-еле, к полудню — один балл, в час — два, к вечеру — три. И отдыхай...

А на берегу их уже ждали отклики местной прессы:

«Советский спортсмен заявил, — писала какая-то газета, — что он очень надеется на штормовую погоду, так как его яхта рассчитана на плавание при ветрах, превышающих пять-шесть баллов. Учитывая, что волнение моря в это время года в Неаполитанском заливе редко превышает три балла, остается пожелать советскому спортсмену прихода цунами, чтобы он сумел продемонстрировать все свои скоростные качества».

«Прекрасно! — обрадовался Тимир. — Пока все идет по плану. Можно приступить к тренировкам. Чтобы сохранить инкогнито до старта, выходить будем с двенадцати до трех, когда все “звезды” отдыхают и обедают. Жарковато, конечно, ну ничего, потерпим. К тому же гонки пройдут как раз в это время. Значит, надо привыкать и к жаре, и к волне».

Экипажи двадцати шести «Звездников» напряженно готовились к гонкам.

Весь день Тимир и Федор провозились с «Торнадо». Ведь от того, как оснащена яхта, зависит очень многое. Хлопот, как всегда, нашлось немало. Лишь к вечеру, подготовив яхту, смыв с бортов соленую морскую воду, они, усталые, отправились в отель.

После ужина и бесед с друзьями Тимир решил пройтись по набережной, подышать перед сном вечерним бризом. Но стоило ему выйти из отеля, как густой удушливый воздух без малейшего намека на свежесть окутал его. Казалось, раскаленные на солнце мостовые, стены и крыши выдыхали накопленный за день жар.

— Полный назад! — скомандовал Тимир, отступая в прохладу гостиничного холла. — Прогулка отменяется. В баню мы еще успеем сходить...

— Ента точно, — поддержал его Федор. — Баня у нас по расписанию завтра с двенадцати до трех.

Ранним утром они уже шагали в яхт-клуб, где до полудня провозились с яхтой, проверяя каждый болтик, каждую деталь. Там они впервые увидели португальца Марио Кина. Его «Ма Линдо» выглядела идеально.

«И вовсе он не флибустьер, обычный человек, взгляд, правда, колючий, пронзительный», — подумал Тимир.

Тимир приветливо помахал ему рукой, в ответ португалец только кивнул небрежно.

«Этого надо опасаться, — отметил для себя Тимир. — ножа за поясом у него, положим, не видно, но вот камень из запазухи в случае чего достать может».

Экипажи некоторых «Звездников» состояли из братьев: мальтийский, кубинский, шведский. А английская команда была представлена супружеской парой. Миссис Митчелл была единственной женщиной-матросом среди всех участников олимпийской регаты.

Закончив наладку, вышли в залив, как и намечали, после полудня. Легкий бриз едва играл парусом.

— Никого, — усмехнулся Федор. — Усе попрятамшись...

Навстречу им попался только багамец Ноульс, он возвращался с дистанции к причалу. Когда их яхты поравнялись, Ноульс, показывая на солнце, объяснил знаками, что для него такая жара чересчур.

— Ничего, ничего, — шептал себе под нос Тимир. — Мы потерпим... — И, натянуто улыбаясь, махал багамцу рукой.

Почти все лучшие гонщики предпочитали тренироваться утром, когда было заметно прохладнее, а в самую жару занимались доводкой яхт в тени навесов или отдыхали в отеле. Американец Паркс и вовсе прибыл в Неаполь последним, за пару дней до начала регаты. Быстро установил мачту, вышел в море, а через час вернулся, поднял яхту на берег, зачехлил ее и пригласил инспекторов-обмерщиков. Больше его в заливе никто не видел. Агостино Страулино тоже не изнурял себя зноем — он и так знал здесь все назубок. Марио Кина выходил в море и утром, и после обеда, ближе к вечеру. С берега Тимир видел, что у него очень быстходная яхта, едва ли не резвей, чем «Мероп III» Страулино.

«Одно плохо, — думал Тимир, — нас, конечно, никто раньше времени не раскроет, но и мы ни с кем из грандов не сможем прикинуться».

Иногда некоторые гонщики пытались пристраиваться к «Торнадо», следуя параллельным курсом, тогда Тимир осторожно придерживал яхту, чтобы показать, что она не рассчитана на малые ветры.

«Пусть думают, что я тихоход», — продолжал Тимир свою тактику, пока будущие соперники, пройдя вместе с «Торнадо» один-два круга десятимильной дистанции, не теряли к нему всякий интерес.

Сказать, что Тимир и Федор уставали от жары — все равно, что не сказать ничего. Пот лил с них градом и застилал глаза, хилый ветерок не приносил облегчения, снять рубашку означало получить сильнейший солнечный ожог. Одежда была мокрая — хоть выжимай, на дне кокпита плескались морская вода и пролитый пот спортсменов. За три часа тренировок они теряли сил не меньше, а может и больше, чем тратит боксер за три раунда напряженного боя в ринге. Но все равно, ежедневно в полдень они начинали лавировку с нижней марки.

На второй день Федор скинул майку и шорты и остался в одних трусах.

— Хорошо тебе, — завидует Тимир, — вон ты какой лохматый, даже на спине шерсть растет.

— Естественная защита, — отшучивается Федор, — без ентава никак... Ента меня и в Муранске спасало... Тельнягу накинул, и тепло...

Как-то вечером, когда жара немного спала, Карло Роланди устроил Тимиру и Федору пешеходную экскурсию по Неаполю.

Тихие, респектабельные улочки, каменные дома, наглухо закрытые деревянными ставнями окна.

По улице Партенопе, мимо дорогих отелей и ресторанов вышли на набережную Борго Маринаро.

— А тама шо за крепость? — спрашивает Федор. — Прямо замок Иф.

Тимир переводит на английский.

— Это древняя крепость «Кастель-дель-Ово», или «Замок яйца», — отвечает Карло. — Ее стены хранят память о Вергилии, который на берегу Неаполитанского залива писал свою «Энеиду». Вергилия считали не только поэтом, но и чародеем. По легенде он связал судьбу Неаполя с волшебным яйцом, которое сокрыто под фундаментом «Кастель-дель-Ово». Предание гласит, что яйцо спрятано в амфору, амфора — в железную клетку, а клетка замурована где-то в основании замка. И пока яйцо цело — стоит и замок, и весь город Неаполь.

— Пряма наш Кощей Бессмертный, — усмехается Федор. — Видал, Тима? Ничего ж своего придумать не могут. Все у нас тибрять...

Разговор всякий раз возвращался к предстоящей регате.

— Паркс приехал побеждать, — говорит Роланди. — А Марио Кина... — улыбка сошла с лица итальянца. — Будь с ним осторожней... У него прекрасная яхта, и он сильный яхтсмен, но от него можно ожидать чего угодно... Поглядывай за ним... Он коварен...

— А как же параграф тридцать первый гоночных правил о честной спортивной борьбе?

— Он знает его не хуже тебя! — смеется Роланди. — Но знать и выполнять — разные вещи. Он так все подстроит, что ты же и окажешься виноватым...

Целую неделю дули слабые ветра.

И в первый день соревнований, 29 августа, погода не изменилась. Яркое слепящее солнце, ленивый ветерок, не больше двух баллов, на «Америго Веспуччи» трепещут праздничные флаги, в заливе мелькают первые паруса, чуть поодаль виднеются пароходы, шхуны, глассеры — словно плавучие трибуны выстроились вдоль дистанции, зрители приникли к бортам, крутят бинокли, настраивают подзорные трубы...

Тимир и Федор с рассветом были в гавани. Не глядя ни на кого вокруг, они готовились к гонке, проверяли все в последний раз перед стартом. Тимир чувствовал, как постепенно исчезали все тревоги прошедшей недели, словно стертые волной рисунки на песке. Появлялись азарт, жажда соперничества, уверенность в своих силах и предельное спокойствие.

«При таком ветре победа наверняка достанется тому, кто выиграет на первом круге, — думал он. — Значит, надо попробовать вырваться вперед на первой же лавировке. Самое главное — поймать две первых перемены ветра».

Одна за другой яхты покидали причалы. От яхт-клуба до старта четыре мили. «Летучие голландцы» и «Звездники» шли от Малосильо. Из бухты Санта-Лючия шли «Драконы», из порта Посиллипо — «Финны».

«Где-то там сейчас среди них на своем “Финне” и Сашка, — подумал Тимир. — Попутного ветра тебе, Саша».

Все яхты смешались в заливе, лавина парусов двигалась к старту, постепенно расходясь по трем дистанциям, размеченным красными, синими и желтыми буями, навстречу своей судьбе.

Тимир поглядывал на соперников, невольно высматривая среди них «Ма Линдо» португальца.

«А разве Страулино менее опасен? — размышлял он. — Конечно, итальянец не пойдет на открытый навал, но здесь ему знакомы все течения. И потом, Роланди — его шкотовый».

Все готово к началу регаты, все на своих местах, судьи — на судейских катерах, зрители — на судах и гидросамолетах, и, кажется, на всем, что способно держаться на море, словно весь Неаполь покинул берег, чтобы следить за гонкой; спортсмены на своих яхтах барражируют вблизи стартовой линии.

Первые две сигнальные ракеты уже выпущены.

Как и рассчитывал Тимир, никто не принимал «Торнадо» в расчет. Большинство «Звездников» собралось у левого края стартового поля, возле Страулино и Паркса. Там же виднелась и «Ма Линдо» португальца. Только француз Пизани на «Фрипе» маневрировал справа. К нему и направился «Торнадо», пристраиваясь с подветренной стороны. Идя круто против ветра, бейдевиндом, француз медленно приближался к линии старта.

«Пора», — решил Тимир и, обойдя француза, двинулся вдоль стартовой линии галфиндом, подставив ветру всю площадь парусов. Когда же в небо взметнулась третья ракета, «Торнадо» вернулся на прежний курс и на высокой скорости возглавил гонку.

— По лезвию ножа проскочили, — кричит Федор.

— Похоже, — отвечает Тимир, до боли в суставах сжимая рукоятку румпеля¹⁵.

«Торнадо» несся вперед между двумя группами яхт, стремительно приближаясь к верхней марке.

«Мы первые, мы первые, — шепчет Тимир. — Пока все складывается удачно».

У верхнего знака «Торнадо» оказался раньше всех, за ним с отрывом в три корпуса пришел немец Сплит, а следом виднелись яхты Паркса и Карлсона... Остальных не различить, они шли очень плотно, сплошным белым комом.

Обогнули знак.

«Ну, теперь не подведи, ветер!» — молит Тимир.

Но ветер Неаполя не спешил помогать гонщикам. С тревогой следил Тимир за парусами. В жизни всякого парусника порой наступает это время унылого бездействия, когда корабль не бежит по волнам и ветер не наполняет опавших парусов, судном играют течения и морские чудовища, команда устраивает бунт. Надвигался штиль...

— Эх! — досадует Федор. — Стартанули знатно, и усе зазря...

Яхты Марио Кина и Страулино все ближе... Они еще не попали в штилевую зону, а «Торнадо» уже покачивается на середине залива.

— Хыть бухсир кличь! — переживает Федор.

— Или проси помощи у повелителя морей, — кивает Тимир.

Словно в ответ на эти слова нехотя потянул легкий ветерок, и «Торнадо» двинулся, наконец, к боковой марке. Но теперь никакого преимущества перед соперниками у него не было. Все яхты шли вровень.

¹⁵Румпель — рычаг у руля для управления им.

После третьего нижнего знака немец Сплит первым из всей кавалькады перешел на правый галс и, поймав ветер, стал заметно отрываться от остальных. Следом за ним повернули Паркс и Страулино. Федор вопросительно покосился на своего капитана. Ну, мол, давай!.. Чего ждешь? Но Тимир не спешил, пройдя за кормой Сплита, он вышел левее его яхты, переложился и, получив «чистый» ветер в паруса, на верхний знак пришел лидером. Но отрыв был очень мал. Сплит, Страулино и Кина находились в пятидесяти метрах, не больше. Теперь все решала гонка на попутном курсе.

«Вот сейчас мы и проверим, правду ли говорят, что американские «Звездники» быстрее немецких и английских», — подумал Тимир.

Ветер усилился до трех баллов. Яхты рвались к финишу. Никто не хотел уступать. Начался спурт.

«Где Кина? — волнуется Тимир. — Вон он, позади, отстал корпуса на два... А Страулино?.. Еще дальше. Паркс и Сплит далеко — бьются друг с другом. А вон и Ноульс... Нет, и он не опасен... А ведь у них все яхты — примы. Вот и довелось прикинуться. Теперь ясно — идем вровень...»

На миг Тимиру показалось, что «Ма Линдо» португальца настигает «Торнадо». Будто черноволосый корсар усилием воли заставлял свою яхту двигаться быстрее и быстрее.

«Чертов португалец!» — Тимир весь сжался от напряжения.

На полном ходу яхты пролетели финишный створ.

— Первые! — кричит Федор и бросается обнимать своего рулевого.

Тимир проводит ладонью по лицу, мокрому от пота, соли и моря...

На берегу Страулино и Роланди пожимают им руки, Паркс дружески хлопает по плечам, а багаец Ноульс, пришедший одиннадцатым, высоко вскидывает брови и качает головой, всем своим видом демонстрируя, что никак не ожидал от «советских» такой прыти.

Ночью Тимир долго ворочался в постели, пытаясь заснуть. Но стоило ему прикрыть глаза, как в памяти снова и снова возникали картины прошедшей гонки: лавина белых парусов с красными звездами наверху...

«Угораздило ведь Гарднера придумать такую эмблему, — думал Тимир под мерное похрапывание Федора. — У него ведь тогда и мысли, наверное, не было о том, что у нас тут в семнадцатом году грянет... Налепил красную звезду, а, скажем, белую нельзя, парус и так белый, ну или синий... А вот алые паруса только в сказках бывают...»

Класс олимпийский, значит, хочешь участвовать в Олимпиаде — осваивай. Изготовили у нас, кажется, году в 49-м партию «Звездников» в Ленинграде. Не припомню сейчас, кто их тогда испытывал, кто-то из корифеев-килевиков, забрались вчетвером на яхту и чуть не потопили... Нет, говорят, для наших морей эта яхта непригодна... Забраковали... Конечно, для нее и троих-то многовато, двое — самый раз, а они, бугаи здоровые, вчетвером...

А мы тогда с китобоем Терехиным на «Варяге» ходили, на «эрке». Знали его вдоль и поперек. Просто, легко, удобно... Чего лучше? Но, как говорится, если партия скажет надо... И сказали, и в 51-м начали осваивать. А в 52-м в Хельсинки Сашка основным поехал, а я запасным. Но не сложилось у него там... Как знать, выпустили бы меня — то же самое вышло бы... Яхта капризная, парус огромный, корпус маленький, скорость бешеная... Тут не год и не два нужно, чтоб свикнуться...

Потом матросы менялись, Слава Шишкин пришел, чемпион мира по вольной борьбе. Английский язык, урду, хинди — знал как родные... в кино даже снялся про тайландского принца... на слоне ездил по джунглям... Принца рядом с ним и видно не было. Вышел фильм про Славку — все смотрели... А потом мы уже с Федором ходить стали. Он себя показал в Хельсинки, даже газеты местные о нем писали, как он во время штормовой гонки, качаясь на вершине мачты, два часа руками удерживал сломавшуюся краспицу¹⁶... Его взял тогда к себе на «шестерку» Александров... Пришли в тот раз последними, но нуля в зачет не получили... Я еще тогда подумал, вот бы мне такого матроса в команду... Помню, предложил ему, а он спрашивает: «На чем ходить будем?» А я отвечаю: «На чем-нибудь сходим». А у меня уже в кармане письмо лежало с верфи, что наш «Звездник» готов. Ну, и он не отказал... Заняли с ним восьмое место в Мельбурне... Наш «Туллинд» — не конкурент новым «американкам» с Олд-Гринвич. Тогда американец и победил на яхте этой верфи. А мы голову ломали. Бог их знает, в чем тут секрет? Вроде бы монотип, чертежи у всех одинаковые, все утверждено: допуски, припуски, материалы, но линия обвода вроде чуть не такая и что-то еще по-другому — понять невозможно, это ж тайны за семью печатями... Словом, подали заявку, нужна яхта верфи Олд-Гринвич. Сами не построим. Вернулись с игр, а нас уже ждет «Торнадо». Вызвали куда надо, говорят, вот вам, получите... Теперь деваться некуда. Надо побеждать... Вы это что же, говорят, у вас на парусе, как на кремлевской башне, красная звезда — символ нашей великой победы! Отцы и деды кровь проливали, а вы гонку выиграть не можете? Ну и другое всякое...»

Только далеко за полночь Тимир забылся беспокойным сном.

И снова безветренное утро, и снова вместе с Федором готовился Тимир к предстоящей гонке. «Торнадо» взял старт у правого знака. Как и накануне все звезды стартовали слева, копируя Страулино. Еще бы, сколько он выиграл чемпионатов мира и Европы, сколько гонок, можно было бы и устать от побед... И опять, как вчера, Тимиру удалось захватить лидерство с первых минут. Такая удача редко повторяется. Ну, теперь вперед!

— Мы первые, Федя! — кричит Тимир.

Но лицо Федора озабочено.

— Сигналют хлагами, — говорит он, кивая на судейский катер. — Отмена старту...

«Что такое? Почему? Ну да судьям виднее... Эх, жаль, такой старт пропал! Теперь начинай все заново... На линии сутолока, не протолкнись. Полезешь — угодишь в навал. Лучше переждать. На таком ветерочке далеко не уйдут... — решает Тимир. — Зато у нас будет пространство для маневра».

Он переложил «Торнадо» на левый галс, вышел на свободную воду и оказался в стороне от основной группы. А ветер решил помочь, продолжил дуть с юго-запада, работая на паруса «Торнадо». И вскоре он уже шел вторым, вслед за «Малиндо».

«У верхнего знака будем вторыми», — определил Тимир. Но в этот момент ветер вдруг поменялся на юго-восточный, и багаец Ноульс, шедший далеко слева и проигрывая многим, набрал ход, проскочил под носом у «Торнадо», опередил португальца и первым обогнул верхний знак.

«Торнадо» идет третьим. Но куда это направляется багаец? Он сбился с курса! Принял красный буй за желтый и отклонился от дистанции. За ним, повторяя

¹⁶Краспица — на больших яхтах поперечный брус на мачте.

ошибку, устремились еще несколько яхт. Но португальца не проведешь. Он идет верно.

А в начале второй лавировки прямо навстречу «Торнадо» левым галсом выскочил «Мероп III» Страулино. По правилам преимущество имела яхта, идущая правым галсом. Итальянец должен был отвернуть, но не сделал этого.

— Ту Райт! Ту Райт Ю Форзал!¹⁷ — закричал, махая рукой, Федор. — Отворачивай!

Тимир едва успел уклониться... «Торнадо» потерял ход.

— Он чаго, болт забил на правила? — бледный от испуга, прокричал Федор.

— Не знаю, — растерянно бормочет Тимир, — наверное, что-то случилось...

Они снова трети. Под шумок вперед выскочил Ноульс.

— Ага!.. Распознал чужой знак и вернулся, — кивает Федор.

Теперь лидировал Кина, следом за ним Ноульс, четвертым, настигая «Торнадо», шел Страулино.

Все гонщики переходят на правый галс, но Тимир не спешит, держит левый. Ветер изменчив, тут или пан или пропал, решил рискнуть, затянуть левый галс... И «Торнадо», разгоняясь, стал обходить багамца... Вот «Гемма VII» Ноульса уже позади, осталось достать португальца...

— Обходим Тима! Первые! — кричит Федор, когда «Торнадо» пролетел финишный створ.

Но судьи решили по-другому... Линия финиша проходила не так как в первый день, помешало большое скопление моторных яхт и катеров. Этого Тимир не заметил. Ладно, пускай вторые... Для сегодняшней гонки это равнозначно победе. Сначала лишили старта, потом лобовой таран итальянца... А может быть, кому-то не нравятся победы «советских»?

Страулино принес извинения тут же в яхт-клубе.

«Никаких протестов, — решил Тимир, пожима ему руку. — Это была случайность... Теперь после двух гонок мы лидеры. Но инкогнито больше не работает... Начнут стеречь...»

Ночью Тимир даже не пытался закрыть глаза...

«Как сложится завтрашняя гонка?.. Теперь, когда все поняли, что я умею ходить при слабом ветре... Не подведет ли «американка»? У меня ведь с ними давнишние счета. Еще зимой 49-го, когда гонялись на буерах¹⁸ по Сенежу — чемпионат страны, кто на чем, свободный класс — Чеботарев, помнится, смастерил буер по американской модели, а я на нем гонялся. На лавировках до ста выжимал, а на бакштагах, когда ветер почти в спину — за сотню... А у «американцев» педаль работает по-другому, не так как на наших. Ну вот я и перепутал, надо было отпустить, а я прижал, и перевернулся на скорости, мачта в щепки, меня подкинуло и со всего размаху хрясть об лед, да еще сверху буером... При такой аварии не выживают... Повезло тогда... Головой шарахнуло и три ребра в легких... Думали сначала — конец... Что там кожаный шлем, разве спасет?.. Привезли в Солнечногорск. Полные легкие крови — не жилец, говорят. И ничего, оклемался... Помню, в моей палате доходяга лежал, тоже весь разбитый, ночами стонал, помирал... А мне ребята и фрукты, и всякое... Столько не съешь, да я и не большой любитель... Ну он и налегал... Быстро на поправку пошел, выписывались вместе...»

¹⁷Искаж. *Turn right! Turn right your foresail!* — Поверните вправо! Поверните вправо ваш фок!

¹⁸Буер — кабина на коньках или колесах, передвигающаяся по льду или суше с ровным рельефом при помощи парусов.

На третий день с утра дул приличный западный ветер. Яхты метались по стартовому полю, выбирая лучшие позиции. Тимир повел «Торнадо» к левому знаку. Когда до старта оставались считанные секунды, и все внимание было приковано к судейскому судну, Тимир услышал громкий крик Федора:

— Кина!

Он оглянулся и увидел, что к ним на полном ходу несется яхта португальца. Резко переложив руль, Тимир успел увалиться, и «Ма Линдо», теснимая Страулино и Ноульсом, проскочила стартовую линию перед самым выстрелом.

«Шел на таран... и это уже в третьей гонке... Что-то будет в четвертой? — подумал Тимир, наблюдая, как пират возвращается к старту. — Сам себе яму вырыл. Теперь хорошего старта у него не выйдет».

Яхты помчались вперед. Идут правым галсом. Страулино, а за ним и Паркс, переходят на левый. Только «Торнадо» и еще три яхты продолжают идти прежним галсом. Не зря Тимир изучал морские приметы. Впереди показалась темная полоса на воде. Это сильный юго-западный ветер Сирокко подоспел из жаркой Сахары и наполнил паруса «Торнадо». Вот теперь самое время перейти на левый галс! У верхнего знака они первые.

— Глиссернем?! — кричит Федор.

Откренивая яхту, помчались к финишу.

Ноульс пришел вторым, Паркс — четвертым, а Страулино — фаворит и самый грозный соперник — только пятым.

— Кина — восьмой, — говорит Федор. — Начал последним, и почти всех съел... Ему таперича терять нечего... Видать, пойдет ва-банк...

«Вот-вот, — думает Тимир, — теперь-то и начнется самое интересное...»

И снова бессонная ночь. Короткое полузабытье, малейший шорох — и сна нет... наплывают воспоминания...

«Где-то сейчас старина Панкофер? Не забросил ли яхтенный спорт? Не пала ли тяга к парусным гонкам? Помнится, на Кильскую регату приехали два немецких экипажа — Панкофера и Бертольда, — а по условиям чемпионата допущалось по одному от флота... И вот Панкофера не допустили, хотя он-то как раз и имел право... Бедняга был очень расстроен. Он — владелец огромных мясных холодильников в Мюнхене, богач, миллионер — питал юношескую страсть к парусному спорту. Сам оплачивал и яхту, и дорогу, и все накладные расходы... Для него регата не спорт, а праздник... Это мы, высунув языки, рвемся к победе, а для него пройтись на яхте — счастье. А уж перехлестнуться с мировыми грандами — вдвойне... Но делать нечего, пришлось паковать вещи. Он уже новые паруса с мачтой продал, так и не опробовав их в гонке... Жаль было старика. Я пошел в судейскую коллегию и объяснил им все, всю их несправедливость... И его допустили к участию в виде исключения... Ну уж наверное и денег содрали с него дополнительно... Правда, если б я не пошел, то и деньги бы не помогли... А он всем рассказывал потом, как я за него заступился. Лучшим другом для него стал. И угощал нас с Федором, и к себе приглашал... А гонка-то уже на носу... А мачта и паруса давно проданы... Так ему на следующее утро самолетом из Штатов доставили аж две мачты и комплект парусов с Олд-Гринвич. Все новехонькое! Гонщиком он был, правда, не ахти каким, призов не брал, места — все во второй десятке... Вот он за мной и ходил, упрасивал, чтоб я ему яхту настроил... Разве откажешь? Пошли, там подтянул, тут подкрутил, да по-хорошему сказать, ничего особенного и не сделал, но говорю: «Завтра, гер Панкофер, вы непременно выиграте!» Он доволен, ну и слава богу.

А назавтра, подхожу я шестым к первому знаку, Панкофер отстал на целую милю, где уж ему быть первым... Вот, думаю, он мне это припомнит... Вдруг, словно по волшебству, мертвая зона, штиль, наша яхта стоит словно на якоре прикована, будто к ней пудовые гири привесили... А от берега бриз пошел, и все, кто отстал, мимо нас прямо к финишу... И Панкофер первый!.. Потом всем рассказывал, что это я ему так хорошо яхту настроил, поэтому он и выиграл! Чудной старик...

А после этого за мной многие ходили, упрашивали. Один немец вагон мебели обещал, только б я ему яхту настроил так же, как Панкоферу...»

Первое сентября. Четвертая гонка.

«Если продержаться, то победа почти обеспечена... Кто бы мог подумать? Перед началом регаты надеялись самое большое на бронзу. После второй задумались о серебре, а теперь, глядишь, и золото светит... Золото!.. Уф... Лучше об этом и не думать... Ну, теперь помогай дух тайги, и все духи на свете, помогайте...»

Португалец не собирался сдаваться, его «Ма Линдо», словно приклеенная, повторяла все маневры «Торнадо». Куда бы ни уходил Тимир, всюду за ним следили колючие глаза португальца.

— Стережет, — кивает Федор. — Видать, готовит навал. Уж, наверна, протест заранее накалякал.

Проскользнув между двумя яхтами, Тимир оторвался от португальца, угодившего в «тиски», но его место тотчас занял Дьювард Ноульс.

«Бешеный багамец сейчас по очкам идет на втором месте, — прикинул Тимир. — Ему тоже выгодно нас ковырнуть...»

До старта меньше минуты. Тимир, уходя от погони, оказался возле левого знака, хотя собирался стартовать от правого. Хорошая позиция утеряна.

«Все равно не дадут дышать спокойно, — решает Тимир, уваливаясь в сторону. — Пускай стартуют, я следом».

В результате «Торнадо» ушел со старта позади всех, с двадцатисекундным опозданием.

«Нет смысла гнаться за основной группой... В лучшем случае буду в конце первой десятки... Надо попытаться поймать ветер... Если угадаю, есть шанс».

Тимир продолжал идти правым галсом.

«Дуй, ветер, дуй, пусть лопнут щеки, дуй!» — упрощивает Тимир.

И ветер услышал, и натянул шедший в стороне от всех белый парус, или, может, это Тимир угадал, ведь иди он сейчас другим галсом — проиграл бы всем. Награда за риск — удача. «Торнадо» на финише первый.

Страшен вид разгневанного корсара — из-под самого носа вырвал у него победу Тимир. Свирепый багамец Ноульс кусает сжатый кулак, он лишь четырнадцатый, дорого ему стоила предстартовая погоня за «Торнадо». Страулино и Роланди десятые... Похоже фортуна изменила адмиралу Агостино...

Теперь в оставшихся трех гонках Тимиру и Федору достаточно занять третье и пятое места, и тогда в последней они могут не участвовать вовсе.

Ночью Тимиру удалось-таки заснуть впервые за последние несколько ночей. Помогло Сашкино снотворное. Таблеток у того целый комплект. Как у доктора. Лучше бы их не было... Словно в глубокий темный колодец провалился Тимир. Снизлась гонка, мертвый штиль, уныло повисшие паруса «Торнадо», все яхты проносятся мимо с раздутыми парусами, в них тычут пальцами, португалец Кина, поднимая пиратский флаг, раскатисто хохочет на корме «Ма Линдо», Страулино

в костюме аквалангиста, Роланди на носу «Мероп III» готовит глубинную бомбу, Тимир остервенело рвет волосы, они последние, так и не доходят до финиша, течение уносит их в открытое море...

Утром читали свежую прессу.

«Советский спортсмен спутал карты признанным грандам! — писала газета “Рома”. — Его способность угадывать перемену ветра достойна восхищения! Этот дерзкий мальчишка показал себя настоящим профессором парусной науки. Он выходит победителем из самых безнадежных ситуаций. Кажется, сами боги направляют ветер в паруса его яхты. Остается предположить, что русские придумали радар, который способен предугадывать ветер...»

В регате объявили трехдневный перерыв. Вечером позвонил Роланди и пригласил «советских друзей» совершить небольшую прогулку по окрестностям Неаполя. Он заехал за ними в отель на своем «Фиате».

— Ваша новая яхта очень быстрая, — говорил он по дороге. — Вы никогда раньше не ходили с такой скоростью... И вам здорово повезло в последней гонке. Никто не мог предсказать такой ветер...

— Да, — кивал Тимир. — Повезло.

— И все-таки на одном везенье невозможно выиграть все гонки, не так ли? Вы здорово научились управляться с вашим «Звездником».

— Мы учились у вас, — ответил Тимир. — Первые уроки Агостино преподавал нам еще в Хельсинки.

— Да, Агостино взял тогда золото, а ваш товарищ, кажется, был семнадцатым... Но теперь у вас совсем другая яхта... И другой экипаж...

— Саша перешел на «Финн». Он сейчас один из лидеров...

— Да?.. Что ж, пожелаем ему удачи!

Приехав к Флегрейским полям, они отправились прямо в кратер действующего вулкана Сольфатара.

По всему дну кратера виднелись дымящиеся скважины, расцвеченные желтовато-оранжевым цветом серы.

— Задушить он нас тут решил или поджарить? — спросил Федор, пробуя ладонью горячую белую глину под ногами.

— Из этой глины делают прекрасный фарфор, — объяснил Роланди.

Потом он взял в руки деревянную палку и проковырял под ногами неглубокую дырку. Вынув палку, он предложил потрогать ее. Конец палки был горячим, как раскаленный утюг. Затем Карло подобрал небольшой камень и подбросил его высоко вверх. При падении раздался глухой удар, точно под коркой глины была пустота.

Федор испуганно покосился на Тимира.

— Пора делать ноги, Тима... Ему, видно, терять нечего...

— Под нами газы и пустоты, — сказал Роланди. — А там дальше сауна.

Необычное строение, высеченное в скале, оказалось настоящей природной термой, вход в нее был обложен кирпичом, изнутри валил горячий пар.

— Попаримся? — спросил Федор.

— Тебе гонок мало? — усмехнулся Тимир. — Подожди, послезавтра баню я тебе обещаю...

И пятую гонку Тимир начал одним из последних, избегая опасной толкотни на старте, и опять ушел в сторону в поисках ветра. На верхнем знаке он был лишь восьмым. Ну, теперь только вперед! На второй лавировке «Торнадо» обошел немца и багамца, затем француза...

«Надо следить за Страулино, он лидирует, главное не прозевать его маневр!» — решает Тимир.

Сосредоточив все внимание на итальянце, он пропустил рывок Паркса, и тот успел повернуть раньше. С отрывом в полкорпуса, одна за другой финишировали три яхты. Паркс второй, «Торнадо» третий.

Теперь уже Тимир и Федор поздравляли итальянцев с победой. Но те совсем не радовались успеху.

— Паркс подал протест, — мрачно говорит Роланди. — Говорит, будто мы задели гротом его мачту... Если нам не засчитают гонку, то мы не попадем даже в десятку... Вы же проходили рядом, все видели... Разве это так?..

Тимир вспомнил вторую гонку, когда итальянцы не уступили ему дорогу.

«Парксу пришлось сбавить ход, чтобы избежать навала, — подумал он про себя. — Вы, ребята, не любите играть честно».

— Мы будем протестовать, но у него есть свидетели, — продолжал Роланди. — Сплит и Ноульс выступают на его стороне... Вы ведь находились ближе, чем они. Подтвердите, что мы не нарушали правил...

Яхтсмен обязан соображать быстро.

«Если итальянцам впаяют баранку, а победу отдадут Парксу, то он выйдет на третье место, — моментально прикинул Тимир, — и в оставшихся гонках сможет бороться за золото... А если выигрыш оставят Страулино, то у него появится шанс на бронзу, не больше... Ну что ж, поможем друзьям».

Четыре часа просидел Тимир в апелляционной комиссии вместо того, чтобы отдыхать после гонки. Искали Ноульса. В конце концов, Паркс забрал свой протест. А багаец так и не объявился.

— Ноульс испугался, пронюхав, что вы выступаете за нас, — шепнул Роланди Тимиру.

— В общем, касания, может, и не было, — говорил Паркс, пожимая руку Страулино. — Но я из осторожности сбавил ход... Это Сплит сказал, что видел удар, и багаец тоже, ну я и завелся... К тому же газетчики выводят меня из себя... Пишут неведомо что... На днях меня сравнили с красивым, но не говорящим попугаем... Клянусь, черт возьми, я разыщу этого писаку!..

Короткой ночью опять пришли кошмары. «Мероп III» шла на таран. До утра итальянцы гонялись за «Торнадо» по всему заливу. Уходя от погони, Тимир взял курс на Босфор, затем моментально перенесся на Каспий, стремительно промчался вверх по Волге и только в родных болотистых водах Клязьменского водохранилища почувствовал себя в безопасности.

На следующее утро зарядил дождь. Ветер резко менял направление, переходя в шквал. Стартовое судно блуждало между знаками. Старт откладывался.

— Помокнем сегодня, Федя.

— Не впервой, Тима, — отвечает Федор, — хорошо, что снега нет покамест...

Наконец ветер установился, и дали старт.

И снова Тимир не полез в толчею яхт, снова пропустил всех вперед. Ветер метался из стороны в сторону — успевай только поворачиваться. Когда же Тимир смог, наконец, оглядеться, то увидел, что с подветренной стороны у него идет Марио Кина.

«Опять этот дьявол!» — испугался Тимир, травя грот и пропуская вперед югослава и венгра.

На верхнем знаке Страулино был первым, между ним и Торнадо виднелась всего одна яхта Ноульса. На второй лавировке соперники пошли левым галсом, а

Тимир все тянул и тянул правый, надеясь, что сейчас вон из-за той черной тучи дунет свежий ветерок и понесет его к победе. Но ветер сыграл с ним в этот раз злую шутку... На последней лавировке вперед вырвался Марио Кина, а «Торнадо» обошли Паркс и Ноульс. Страулино финишировал вторым, «Торнадо» — пятым... Но ведь это победа! По сумме всех гонок они первые! И это уже окончательно! Даже если они не выйдут завтра на старт — это ничего не изменит. Никто не сможет опередить их.

— Тима, победа! — кричит Федор.

Тимир кивает, словно многотонный груз падает с плеч... «Что это — шторм, или кружится голова, сказались бессонные ночи, напряжение, усталость... все кончено, выиграли, победа, неужели все?... все, золото, у них золото, первое олимпийское золото... Победа, красная звезда на парусе, кремлевские звезды, отцы и братья проливали кровь... Мы взяли, мы взяли...»

Ночью опять не было сна. Но теперь уже не от волнения перед гонкой. Слезы текли из глаз Тимира, слезы нечеловеческой усталости, слезы счастья, слезы победы и непередаваемого восторга...

А на следующее утро, тихое и солнечное, «Торнадо» вновь вышел в залив. По пути к старту советскую яхту приветствовали как победителей. Зрители с пароходов и катеров махали им флагами. А Тимир желал успеха великому Страулино, у того еще сохранились шансы на бронзу, а если сильно повезет, он мог бы побиться за серебро с Марио Кина.

«Пусть теперь он меня боится, — посмеивался Тимир, выискивая среди других яхт «Ма Линдо» португальца. — Прочим наглеца!»

Пришел черед португальца носиться как от чумы от «Торнадо». На всю жизнь он запомнит эту последнюю гонку.

«Где же Страулино? Он идет мористее всех... Рискует. Значит, хочет взять серебро... Без риска не победить... Но береговые яхты идут быстрее... Вот тебе и знаток Неаполитанского залива...»

Следя за маневрами итальянца, Тимир совсем потерял ход и едва не столкнулся с кубинской яхтой. За что Федор отругал его немилосердно сурово, по-морскому...

«Он будет во второй десятке, — сокрушался Тимир. — Может, еще не все потеряно? Кажется, ветер пришел к нему в паруса...»

«Мероп III» и в самом деле обошла одну за другой несколько яхт.

«Может быть, дотянет до четвертого места? Тогда возьмет бронзу. Но как же?... “Торнадо” ведь идет на пятом!»

На финише Паркс был первым, Кина — вторым, «Торнадо» вновь пятый, Ноульс — шестой, а Страулино? — только седьмой... Нет, не видать ему бронзовой медали...

А вечером состоялось награждение. На набережной Неаполя, при волшебном свете прожекторов Тимиру и Федору вручили золотые медали.

Сашка на «Финне» взял серебро. И это тоже большая победа.

Ночью к Тимиру вернулся сон. Ему снился отец, снилось священное дерево Кудук, будто он снимает с себя золотую медаль и вешает ее на протянутую ветвь.

— Спасибо, дух тайги, покровитель охоты, спасибо за ветер, за победу и за верного надежного друга...

На следующий день газеты и журналы пестрели заголовками.

«Мы видели, как медленно угасает капитализм! — писал американский журнал “Newsweek”. — Советский Союз впервые завоевал золотую олимпийскую ме-

даль в парусном спорте — традиционной забаве банкиров и биржевиков. Америка осталась без медалей в этом самом “американском” классе яхт. В то время как в США насчитывается почти полторы тысячи “Звездников”, у Советского Союза их только двести. Правда, русские победили на яхте американского производства, а значит все же можно считать, что в их успехе есть частица и нашей победы...»

— Ишь ты, и тут примазались, — смеялся Федор.

«Победа русских — самая последняя вещь на свете, которую мы ожидали!» — приводила слова президента ассоциации яхтсменов «Звездного класса» Стэнли Огэлви другая газета.

«Их победа невероятна! Никто не знает, как они победили. Я сам не понимаю этого...» — говорил известный конструктор «Звездников» Роберт Этчелл.

Больше всех порадовал Тимира отклик американца Паркса, не занявшего призового места на Олимпиаде.

«Везение тут ни при чем, — сказал Паркс. — Просто русский всегда оказывался в нужное время в нужном месте».

Тимир — по-якутски означает «железо». В древности алхимики тщетно искали философский камень, мечтая получить из железа золото, а Тимир добыл его своей победой.

А впереди уже ждали новые испытания: сломанная мачта в Японии, пробитая корма в германском Киле... шторма, палящее солнце, искусные соперники... Но перед каждым новым стартом всегда оставалось только самое главное — облака, горизонт и цвет моря...

Справка:

Тимир Алексеевич Пинёгин (12 июня 1927, Москва — 30 января 2013) — советский яхтсмен, первый чемпион Олимпийских игр по парусному спорту в СССР, победитель чемпионатов Европы и Северной Африки, заслуженный мастер спорта СССР (1960), почётный президент «Фонда возрождения культуры парусного спорта», основатель системы дополнительного образования юношей «Парусная Академия». 16-кратный чемпион СССР: «Звёздный» — 13 титулов: 1953–1962, 1964–1965, 1969.

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР СОКОЛЬНИКОВ

Мы странники на этой земле

Ода вину

Алику, Валерию Стукову

Пил человек
Плохое вино
Процеживал через сито
Крепленую кровь
Пьянел человек
Причмокивая
И через
Единственный глаз
Стакана
Уже не сочилась
Нежность
Стакан наливался
Человеческой пустотой.

СОКОЛЬНИКОВ Александр Алексеевич родился в 1947 году в селе Верхоленское Качугского района Иркутской области. Автор трёх книг: «Свиток одиночества» (1992), «Вне канона» (2007), «Вне канона» (издание второе, дополненное — 2013). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Велимира Хлебникова и премии Губернатора Иркутской области. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Во славу музыки

Владимиру Харитонову

Душа опрокинута	К перилам звонниц
Как пустой стакан	Как язык
Колоколом	Загнанного коня
Напоившая небо	Во все тяжкие
Малиновым звоном	Во славу музыки
Ботало привязано	Небесной

* * *

Ларье Табаевой

Мне приснились твои глаза	С которой начиналась
В отлетающем лифте	Ваша и наша Сибирь.
Створки дверей	Слышу как стены
Гильотиной	Расправляют плечи
Разрубили надвое	Уставшие носить крышу
На прошлое и будущее	Над срубом
Разделили нас	Над моей головой
Обвитых дыханием ветра	В альматере
На день и ночь	Ходили с погонялом
В календаре	Сибариты
Непрочитанных календ	А однажды
И теперь я еще искатель	Я как ветер
Женьшени	Поправил локон
В Уссурийской тайге	Упавший на твой высокий лоб
Ищу свои родовые корни	Прошептала
На некисельных берегах	Прошелестела словно трава
Усыхающей Лены	Вслушалась в песню мою
Падчерицы Байкала	Лебеда ты моя
На разворванной печке	Лебедушка
Кипячу иван-чай	Лебеда ты моя лебеда
Слышу как скрипят	И кутаясь в теплые слова
Половицы	Словно в шаль
Под мягкой поступью	В унисон
Шагов	Подпевала мне
Сибирских казаков	Луна
Рубивших Верхоленскую засеку	В околос звездной мишуре...

«И след медвежий сияет радугой»

Н. Сильвестрову

Чуть ниже губ	где запах черемши
Чуть выше глаз	что Русью пахнет
где обоняние фехтуя	с души воротит
флиртует с обонянием	где в паутине

духов тончайших
уводят в плен и тлен
цветущие поляны
Соболезнуня
сочувствую собакам
Их черно-белый мир
понятен им одним
И след медвежий
для них одних сияет
радугой
под которой
в таратайке грома
проскакал июльский дождь
О Ахиллесова пята мужчин
носки
О нюх
приноровленных к изыску
женщин
И счастлив блудный сын
кремнистою сверкая пяткой
И в призме Млечного тумана
где в белом молоке
купают утренние звезды
звук обрастает цветом
Как воробьи

купаются в пыли
вокруг цветка
жужжавшей каруселью
роятся пчелы
Губами пухлыми от меда
пьют на нектаре
замешанный зной
И в эфемерности миров
словно в золотом лесу осеннем
так остро пахнет женщиной
Кто чесноком
А кто селедкой
Гурманно все
пока безумен
Духмяно все
пока не сыт
Ладонью
опахальной
мы разгоняем дым
чтобы вдохнуть
аромат незабудок
с благоуханием роз
укрытых
одной шанелью
номер пять.

Радуемся солнцу

Нинель Тененбаум

Прилежными учениками
Корпящими над домашним заданием
Не поднимая головы от земли
Коровы хрумкают
Песню вечной жвачки
Заблудшими язычниками
Радуемся солнцу
Истуканами
На освещенных полянах
Не для кухонного застолья
Раздуваем кострище
Печем картошку
С подгорелой кожурицей
Варим во славу лешего
Чай лесной
Под жужжанье незлобивой мошкары
Перед зимою

Все не злы
Желтой проседью
Хорохорятся зеленые листья
Надорванной паутиной
Вижу в уголках глаз
Твоих
Морщинку
И твоя улыбка
Улиткой
Догоняет мою улыбку
В чащобе виноградных листьев
Как богоборец
Укравший с неба огонь
Не обжигая рук
несу тебе
Разгоревшийся
Осенний букет.

На лестнице, уходящей в небо

Сергею Иоффе

Как птицы	ветряной мельницы
Перед пением распевкой	Дискомфортно все
Росой полощут горло	И палата эдемской оскоминой
На лестнице крутой	И арестантская пижама
уходящей в небо	Приговоренных
С врачом сердешным	Заживо умереть
Глушили спирт	Налейте и мне
Я был величаво велик	Медицинской утехи
напечатал в большой газете	Плесните
с графоманским придыханьем	Придуманной
шелестел страницами	радости
подписуя	Я тоже могу шагать
автограф	По листу белой бумаги
шелестел страницами	Бумаги белее мела
Как ветер шелестит листвой	А бледность на лице
Глаза прищурив	Когда-нибудь пройдет
Как закадычный монгол	Когда захлопнут
Друг сердешный нес вздор	Дверь
Про переселенье душ	Надо мной
Про тайны слова	Сквозняк
И иносказанья	От прошедшей санитарки
Вдруг с поднебесья	С крестом на белой шапочке
С пролёта верхнего	И полетели
Голос мягкоуловатый:	Листы газетные
«Я с вами в лодке	По лестничным пролётам.
Но я не смочил весло	Хотелось петь
И крылья неподвижны	И плакать навзрыд
В штиле поникшие паруса	Утыкаться в чью-то жилетку
Какая может быть тяга	Теленком в сосцы
В лестничных пролетах	матери коровы
в запредельное небо	цензурой госпитальная тишина
но и у идущих	и цезуры на тонких ногах
бьется сердце	Вышагиваю важно
биением трепещущего стяга	По болоту
в диссонанс крыльям	Застоявшейся жизни.

Дороги

Любови Сухаревской

Слепые	на мизинце миллионы
Выбирают	ангельских глаз
лиру наощупь	и согласно
пятилучием пальцев	монаршему вкусу
где даже	играю

кто на сэмисэне	Пилигрим
кто на арфе	Бродяга
на лютне и кифаре	клошар (не иркутский поэт)
А ты	бродим
Самая светлая женщина	каждый по своей тропе
Даже в белой петербургской	строфе
Ночи	и по прочей поэтической
В невидном сарафане	галиматье
Сшитом из нашего	и у каждого свой талмуд
Сибирского разнотравья	тропарь
Казалось	часослов и несуетный требник
Что ты в высокой зале	Ты как-то сказала:
На балу	Не мы выбираем дороги
Скифы играли на сопилке	Дороги выбирают нас...
И в щиты колотили	И тебя
Акипаками	Закружила своя дорога
Как в барабан	Господи
Что ж	Напои колодезной водой
Даже и в печальной	Чтобы холодом ледяным
Музыке	Стыли голодные зубы
Струится светлый родник	Небесного гаишника
Все мы	Чтобы твоя дорога
Странники на этой земле	Плавно и не помпезно
Кто дервиш	Влилась во Млечный Путь

«Пока в прожилках листа»

Пока в прожилках листа	разбросаны письма
Еще пульсирует	прошедшего лета
Черная кровь земли	и в их шуршании
И все проводившие лето	слышен слабый писк
Почерневшей от загара рукой	цикад
Сморкаются от простудной погибели	Хотя так безумно
В носовые платки облаков	Хорошо пелось
И шубы вздымаются	Когда звезды закрывали
залежавшейся шерстью	Чарующие глаза
и пуговицы блестят восторгом	А луна задергивала
девиц перед зимним балом	Полог небесного алькова
и нагретые июльским	И камни
августовским солнцем	Которые не держали за пазухой
перчатки как норы	Еще хранят тепло
ждут замерзшие пальцы	И запоздавший муравей
ветер неизвестно по кому тоскуя	Такое множество лапок
гремит пустыми бутылками	Что разлив по наперсткам
в рваной авоське	Всему живому на свете
как горемычный пьяница	Хватило бы
бредущий в приемо-сдаточный киоск	На веки вечные

В забытой паутине	Произойдет
Погибает несмышленная муха	И не хочется верить
Заплутавшая в тропах судьбы	Что мертвые листья
И на карандашах	Сраму не имут
Заскучавших	Как метели
От бездельного лета	Заблудившемуся путнику
Набухают почки	Жалости не имут
Значит что-то в мире	И теплится
Случится	Чей-то очаг
Значит что-нибудь	И приоткрыта дверь...

Ветер

Под заунывную песню ямщика
 Поднимем бокалы
 Потеплевшие желтые окна
 До краев наполнены теплом
 И можно замерзшей
 веткой как лапкой
 постучать в стекло
 на вопрос
 кто
 ответят
 ветер.

«За вуалью крыл»

По-над пропастью	Ночь не пролившая
Рассвет	Из черных туч ни капли
Погибель и реквием	Не проронившая ни зёрнышка
По сгнувшейся	Заученной трагедией
Безвестно пропавшей ночи	Прольётся всеЛенский дождь
Спотыкаясь	Спелой ржи
Устал брести глаза	И без вины виноватые
Ресницами простукивая путь	Завтра
Словно слепые	Голубоглазые васильки
Отлюбивших	Всебазарно и всенародно
Безмолвствуют погасшие рты	Назовут сорняками
Как воду спокойные рыбы	И в случайной вазе
Глощают поелику воздух	По колено в воде
Вскрикивают птицы во сне	Сполохами
Прячась за вуалью крыл	Заполошно проохают
От шторма истончается нить	Всенощную
Удержавшая над бездной меня	По утерянной красоте.

Очеуль*

*Неточке Жилиной
посвящается...*

Зыбка трясена леностью гниющих трав	В индигированную
скрежетом проржавевших мечей осоки	Твердь неба
отгоняет	И танцующая капля
зазевавшихся прозрачных стрекоз	На пустой сцене
Болотной ряской как	Запыленного стекла
истрёпанной церковной рясой	Под крики восторженных оленей
Укрыта	Зрители
Рябь	Непокрытой головой
Отволновавшейся	Копытом перелистывающей
Проточной воды	Засохшие зимние травы
И чавкает сытая грязь	как страницы Красной книги
Льнущая к сапогам	И море разлитое
Уходящим прочь	марьиного коренья
В ночь	Исплетена
И подальше	не высохла свежая паутина
От затихающей затхлости	и золотая муха видит радужные сны
Как в старости	как рассыпает бисер
Уходящей жизнью очарованной	на ковер травы зеленой
Воды	гусятинная порванная нить
И не спросит участливо	из толстых губ
Надувшая щёки лягушка	разорвавшихся оленей
Не болит ли головка у родника	вместо надоевших Бис
Как в самоделишной трагедии	срывается хлопьями пены:
И вбит журавлиный клин	Очеуль, Очеуль, Очеуль...

Руки

Предощущение весны

Молчановой Жене

Провисают	В себе подмену —
Под взглядом моим	Холод талой воды
Молнии	В подмышках
Словно тысячу лет	До бога обречённым облаком
Спускаясь	До боли
Заклято	Рукава пустые
Не прикоснуться губами	Словно кто-то спрятался там
К закату	Чуть-чуть припудриваешь глаза
Тают дворцов ледяных	Прикрывая свою наготу
Отражениями	И как щит
Первое поражение	Прибитый к голубому небу
И чувствуют девочки	Твой ноготок парит...

*Очеуль — непереводимое слово восхищения, как очей очарование.

Полуденный сон

Оксане Ходий (Запольской)

И когда посох солнца
Полуденного
тенью себя
Нарисовало полдень
И за что нам господи
Пекло такое
Сознаюсь как на Ду Фу
Мы не гршили
На этой земле
А любовались цветами
Посаженные как попало
В угодных Богу местах

Лёгким кивком головы
Остановил облако
Проплывающее надо мной
И прикрыл солнце
Стыдливой ладонью заката
И заблестели
Заиграли
Конопушки на твоём лице
Как крупинки золота
В лотке старателя
Застолбивших удачное место
В горних ручьях.

70-летие сибирского писателя Н. Зарубина

НИКОЛАЙ ЗАРУБИН

Даешь синкопу!

РАССКАЗ

Из цикла «РАССКАЗЫ МУЗЫКАНТА»

Клуб железнодорожников во время танцев всегда полон молодежи. Девушки жмутся друг к другу кучками, парни сбиваются в стайки. Но, как только раздаются первые звуки духового оркестра, в зале сразу начинается движение: вот от мужской стайки отделился один парняга и направился в сторону женской кучки. Вот другой, а там и третий.

В зале полумрак, поддерживающие балкон колонны высвобождаются — это значит, что весь танцующий народ устремился к центру, цепляясь друг за дружку локтями, плечами, иными частями тел.

ЗАРУБИН Николай Капитонович (14 января 1950, г. Тулун) — прозаик, поэт, журналист, краевед. Окончил Иркутский Государственный университет имени А.А. Жданова по специальности журналистика. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. В 80-х годах состоял членом творческого Союза самодеятельных композиторов Иркутской области. Автор книг «Родимая сторона» (1997), «Послужи земле» (2000), «Осенние песни» (2007), «Пока память жива» (2007), «Крестный ход» (2013), «Надсада» (2014), «Духов день» (2017), «Сибирская глубинка и Валентин Распутин: заметки провинциала» (2018) и др. Лауреат Всесибирского конкурса «Сибирь — территория надежды» (номинация «Очерк», 2005), лауреат премии писателя Алексея Зверева (диплом журнала «Сибирь», 2006). Живет в г. Тулуне.

Клуб железнодорожников — место в поселке приметное. Приметное красивой деревянной архитектурой, за которой угадываются вкус и прилежание строителей, поставивших сие здание в двадцатые годы двадцатого же столетия, когда в людях с необычайной силой проявилась тяга к культуре. Рассказывали даже, что поставлен он был на средства самих железнодорожников, объединившихся в некое товарищество, дабы из тех взносов, что поступали от пайщиков, не пропала понапрасну ни единая копейка. Но, как бы там ни было, клуб был построен, имелись в нем обширный зал для просмотра кинофильмов, поменьше размерами фойе, помещение, где разместилась раздевалка, слева от главного входа — лестница: по ней люди поднимались на балкон, а повернувшись на девяносто градусов, можно было пройти в кинобудку. За кинобудкой располагалось еще одно помещение — в нем-то и проводил занятия духового оркестра его руководитель Борис Дмитриевич Краев.

О Борисе Дмитриевиче стоит рассказать более обстоятельно. Он явился в поселок по распределению после педагогического института аж из самой Москвы, и должен был, согласно существовавшему тогда порядку, отработать три года в той школе, куда его определяют в отделе образования, чтобы уж после этих трех годов разъезжать по Советскому Союзу, как вольный человек, отдавший государству долг за обучение в вузе.

Человек этот был еще молодой, но уже, как бы сейчас сказали, крученный жизнью — в общем, московская штучка, потершавшаяся среди всякого тамошнего народца, привыкшего к веселой дармовой жизни. Но Борис Дмитриевич дармовой жизни не хотел, а вот повадки народца усвоил в той, нужной ему для жизни собственной части, когда не боятся ни перемен, ни чужих людей, а готовы ввязаться в любую не противоречащую Уголовному кодексу историю, и поймать с того собственную выгоду. Захотел получить высшее образование и — получил. Отправили по распределению в «тмутаракань» и — поехал. Покрутил на месте головой, прикинул, что скучно будет жить только одними занятиями в школе, да и на зарплату учительскую слишком-то не разживешься, и решил организовать духовой оркестр в местном железнодорожном клубе.

Почему духовой оркестр, а не какой-нибудь кружок кройки и шитья, — здесь тоже своя сторона вопроса, о которой можно сказать в двух словах следующее: Борис Дмитриевич с детства готовил себя к профессии музыканта, но что-то мешало осуществить мечту. Однако он выучился играть на трубе, причем довольно прилично, и, будучи студентом, подрабатывал в одном из ресторанов Москвы, где в ту пору в моду входил джаз. На нем-то и воспитался будущий учитель географии. Музыка для Бориса Дмитриевича стала тем занятием для души, без которого он не мыслил свою жизнь.

Директор клуба Иван Пантелеевич, увидев перед собой улыбающегося напористого молодого человека, несколько подивился его самоуверенности, но решил не торопиться с выводами и осторожно спросил:

— Так вы... как вас, Борис Дмитриевич, говорите, что имеете опыт, к тому же долгое время играли в хороших оркестрах Москвы? Так-так... У нас в клубе тоже есть оркестр, есть и руководитель. Духовики со стажем. Но вот молодежь бы поучить им на замену — тут я бы ничего не имел против. А пока — влейтесь в уже существующий коллектив, да и мы на вас поглядим, поучимся...

Иван Пантелеевич говорил, а сам имел свою, примерно такую думку: кто ж тебя знает, московский вертун. Наедете, взбаламутите, людей разгоните, а я потом и расхлебывай. Не-ет, меня, старого воробья, на мякине не проведешь...

С «духовиками» у него не все сложилось гладко. Мужики и правда матерые, прошедшие огни и воды, и потому — плохо управляемые: могли запросто напиться, сорвать танцы, большие любители играть на похоронах, где всегда была живая копейка и дармовая выпивка. Но других не имелось — эта болезнь «лабухов», как промеж собой именовали себя «духовики», носила характер повсеместный, скорее похожий на хроническую болезнь, излечить которую не представлялось возможным. Этот же — явно пришел из-за желания подработать и, вероятно, в бутылку заглядывать не собирается. К тому ж учитель, компрометировать себя вряд ли станет.

«Пусть занимается молодежью, может из нее и выйдет толк, а там поглядим», — подумал напоследок Иван Пантелеевич, поднялся со стула и отправился по своим делам.

На первую же репетицию новый «духовик» из столицы прибыл в самое время, в руке держал футляр с инструментом, под мышкой — папку с нотами. Взошел в «духовушку» весело, громко поздоровался, протягивая поочередно то одному, то другому руку, представился: Борис, мол. Трубач. Имеет, мол, желание влиться в коллектив музыкантов.

Кто-то, кажется Вовка Казанец, придвинул в сторону Бориса Дмитриевича пульт с нотами какого-то вальса — сыграй, дескать, а мы послушаем.

Новый музыкант открыл футляр, и глазам духовиков предстала светлая блестящая труба иностранного изготовления, в которую тот вставил невиданной формы мундштук. Затем небрежно глянул в ноты и заиграл совсем иную мелодию, причем требующую изрядной технической подготовки, так что и сам Казанец тут же позабыл о том, что желал услышать.

Игра Бориса Дмитриевича действительно отличалась от той, к какой привыкли местные музыканты. Отличалась она манерой выделять отдельные ноты, и потому они звучали отрывисто, как бы даже выпрыгивали из раструба инструмента, после чего следовал замысловатый пассаж, сыгранный «легато». Закончил новичок коротким ржанием, что именуется на музыкальном языке «тремоло».

— Ты вот это сыграй, — показал кивком головы на придвинутые ноты тенорист Саня по кличке «Саня-лажапиамосо». — Посмотрим, как читаешь с листа. А твои пассажи мы уже слышали — пыль в глаза и более ничего.

И прибавил, видно, для убедительности:

— Лажапиамосо...

Борис Дмитриевич глянул на листы во второй раз и заиграл вальс так, будто игрывал его десятки, а то и сотни раз.

Звук его трубы проявился в полную меру и оказался красивым по своему тембру, глубоким, с ярко выраженным вибрато.

Посрамленный Саня-лажапиамосо взял в руки свой тенор, отвернулся к окну и что-то заиграл. Казанец широко заулыбался, начал расспрашивать приезжего о жите-бытье в столице, время от времени заливаясь громким смехом.

Борис Дмитриевич вошел в эту «духоперскую» ватагу, что называется, с налету, разложив перед музыкантами в первый же день принесенные с собой ноты модной тогда песенки про неразделенную любовь. Расписана она была в непривычной для духовиков манере с элементами джаза, где надо было выделять отдельные синкопированные места. Музыканты попробовали, один, другой — получалась то ли полька-бабочка, то ли фокстрот. В общем, Бог весть что. Борис Дмитриевич смеялся, показывал, как надо играть, чем злил буквально всех без исключения духовиков, не привыкших к такому неуважительному обращению.

Мало-помалу отношения начали сглаживаться, новый трубач играл со всеми на танцах, но в особые дни занимался с молодежью — школьниками от десяти до четырнадцати лет, пришедшими в кружок духовой музыки по объявлению, вывешенному сбоку от входной двери в клуб.

Казанец, Саня-лажапиамосо занятиями его не интересовались, считая, что толку с этой кружковой работы коллеги будет мало, и конкуренции им, старым лабухам, молодежь не составит.

Однако если бы кто-то из них удосужился побывать на репетиции этой молодежи, то мнение свое об уровне юных музыкантов сменил бы со знака минус на знак плюс. Борис Дмитриевич в свой кружок отбирал самых одаренных, и по одной лишь ему ведомой методе. Принял двух цыганят, например, — Кешку и Леньку, и обоим же дал в руки по трубе. Эти отличались от прочих воспитанников почти абсолютным слухом и все схватывали на лету, причем, оба подростка старались одинаково, пропадая в «духовушке» все свое свободное от школы время.

Кешка и Ленька были двоюродными братьями по своим матерям. Первый имел светлое лицо, красивые томные глаза и отличался мягкостью и незлобливостью характера. Ленька же, наоборот, имел лицо черное, как головешка, в глазах прыгал огонек бесшабашности и упрямства.

Братья любили друг дружку и всегда были вместе. Предположим, Ленька опаздывал на репетицию, и Кешка говорил Борису Дмитриевичу:

— Вы не ругайте брата, ему мать наказала двор убрать — значит, не успевает.

— Так ты бы помог, — отвечал простодушно Борис Дмитриевич. — Что ж ты брата оставил без помощи?

— Дак я и хотел, да торопился уроки сделать, — оправдывался Кешка.

— С вечера надо было делать, а утром и подмог бы Леониду, — не отступал руководитель. — Следующий раз так и сделай.

— Сделаю, Борис Дмитриевич, сделаю...

Кешка краснел, отворачивался, и тут появлялся запыхавшийся Ленька Иванов, с порога устремляясь к своему месту среди музыкантов.

— Кеша вот сказал мне сейчас, что в следующий раз, когда надо будет убирать двор, он тебе обязательно поможет, — замечал, улыбаясь, Борис Дмитриевич.

Кешка мотал головой и снова краснел.

На трубе же стал играть еще один подросток по кличке Коробочка. Этот, чтобы во всем походить на руководителя, начистил до блеска старую помповую трубу, из которой трудно было что-либо выдуть, так как инструмент, видно, действительно отжил свой век, но Коробочка выдувал, и своим упорством нравился Борису Дмитриевичу, который замечал иной раз, что из подростка может выйти хороший музыкант. На альте вовсю старался долговязый Сема, так что «альтушка» у него звучала, как саксофон, что в дальнейшем Борис Дмитриевич использовал при расписывании партий. На басы играл Вовка Ковалев, на баритоне — Витька Башун. Юные музыканты выдували звуки с прилежанием, готовые в клубе хоть ночевать. В иные дни приходили они с самого утра, а покидали духовушку поздно вечером, когда уже родители хватились своих чад, прислушиваясь, не стукнет ли щеколда ворот и не появится ли в проеме двери потерянное возросшее дитя.

От усердного дутья в разные по размерам и формам инструменты у музыкантов уже начало что-то получаться, причем духовой оркестр Бориса Дмитриевича звучал, как эстрадный.

Оркестр действительно звучал, как эстрадный, а точнее, как какой-нибудь за-

морский джаз-банд, чему несказанно дивился приходивший посидеть и послушать директор клуба железнодорожников Иван Пантелеевич Зайцев, радующийся тому, что пацаны уже способны заменить матерых «духоперов», и скоро надо будет выводить их «в люди».

Борис Дмитриевич обучал подростков по собственной методе. На репетиции он приносил магнитофон и включал, к примеру, Сент-Луис блюз в исполнении Луи Армстронга, по ходу поясняя, что великий негритянский трубач начал играть в таком же возрасте, как и они. Когда ему было чуть больше двадцати, организовал и возглавил уже собственный оркестр. Сейчас это признанный музыкант, которого по праву называют «Золотой трубой мира».

Подростки слушали затаив дыхание, во все глаза глядели на своего руководителя, а Борис Дмитриевич прикладывал к губам мундштук трубы и повторял отдельные пассажи негритянского трубача. Потом раскладывал перед юношами ноты и говорил:

— А теперь попробуем разучить этот самый Сент-Луис блюз и мы с вами. Вот послушайте, что получилось...

И играл поочередно партии трубы, баритона, тенора, альты, баса.

После прослушивания магнитофона и проигранного Борисом Дмитриевичем, юные музыканты осваивались быстро, и вскоре в пока еще небогатом репертуаре подросткового оркестра появлялось новое произведение.

Легко усвоили они и эти самые синкопы, которые подчеркивал Борис Дмитриевич резким движением руки.

«Та-та-та-та...»

Но больше всего подростки ожидали того дня, когда их оркестр будет играть на поселковых танцах.

И такой день подошел, когда сам Борис Дмитриевич явился к директору Ивану Пантелеевичу и предложил выставить молодежь на всеобщее обозрение и прослушивание на предстоящих в субботний день танцах.

— Давай, — с готовностью отозвался Иван Пантелеевич. И добавил: — Я и сам уже собирался предложить тебе не тянуть. В работе твои пацаны быстрее пооботрут, да и кое-какие деньжата начнут прирабатывать — глядишь, и со стороны родителей меньше будет претензий (между директором клуба и руководителем оркестра к тому времени уже сложились почти приятельские отношения, и оба обращались друг к другу на «ты»).

Так и сделали. А матерым «духоперам» Иван Пантелеевич сказал коротко, все равно, что приказал:

— Ну че, мужики, сегодня на танцах в перерывах радиолу заводить не будем. Паузы будет заполнять детский духовой оркестр, который подготовил Борис Дмитриевич.

Те хмыкнули, дескать, давай-давай, Ваня, может чего и получится с пацанвы, а пока что без нас, лабухов, ты — пустое место. Бросим «лабать», и в клуб твой никто ходить не будет...

Мысли такие в глазах и усмешках матерых лабухов Иван Пантелеевич, конечно, прочел, но в перепалку не счел нужным вступить, обронив напоследок:

— В общем, я вас поставил в известность...

Придвинулся вечер. Народ подходил, как всегда, не спеша, заполняя собой то помещение, которое предвляло вход в зал, где и происходили танцы-манцы. Потолкавшись, люди протискивались между дверным косяком и пышнотелой билетершей тетей Марусей.

На сцене старый состав музыкантов наигрывал вальс «На сопках Маньчжурии», именуемый промеж себя как «На сопках зажмурились». Они коверкали на свой лад названия произведений. К примеру, вальс «Над волнами» именовали вальсом «Над волами», или попросту «бычачьим». Похоронный марш Бетховена называли «Из-за угла». Марш «Все выше и выше» на их языке проходил почему-то под номером первым. Ну и так далее.

Когда начинались танцы, на круг выходили чисто девичьи пары — юноши терпеливо дожидались объявления «белого танца», когда разрешалось девицам приглашать парней, о чем хорошо знали всю старавшиеся лабухи, и уже третьим по счету звучал этот самый «белый танец», после которого молодежь смелела, а иной раз и наглела, высматривая заранее подходящую себе пару.

Но вот лабухи поднимались, отложив свои инструменты, и публика пригорюнивалась, ожидая, что вот-вот из динамика, висевшего возле двери в кабинет директора, польется какая-нибудь до одури известная мелодия.

На этот раз на сцену вышли подростки, сели, взяли в руки инструменты.

Между тем Казанец, на правах старшего, уже «дирижировал» бутылкой с водкой, разливая по очереди лабухам в один-единственный граненый стакан. Традиция эта — «кирнуть» в перерыве — была заведена давно, и никем никогда не нарушалась. Даже Иван Пантелеевич ничего не мог сказать охмеляющимся лабухам, позволяя себе только заметить, чтобы не пили лишнего.

— Не бойсь, Пантелеич, — обычно скалились «духоперы». — Мы свою меру знаем. Кирнем и пойдем лабать.

На этот раз Иван Пантелеевич не предостерегал, и даже не соизволил появиться на глаза. Он ожидал свое.

А за стеной, отгораживающей сцену от комнаты, где распивали свой пузырь лабухи, вдруг понеслись стройные звуки новоявленного духового оркестра, в котором играли, как они знали, одни пацаны. Да так задиристо, мастерски, что матерые «духоперы» замерли с открытыми ртами и начали переглядываться.

Звуки неслись, заполняя собой углы помещения, поднимаясь к потолку и вырываясь за пределы стен — на улицу.

Высоко звенели трубы, чуть пониже выли альты, низко вторили им баритон с тенором, глухо гудели басы и ухал барабан.

А перед оркестром с трубой в руке стоял Борис Дмитриевич и дирижировал, резкими движениями руки выделяя отдельные звуки или, по-музыкальному — синкопы:

«Та-та-та-та...»

«Та-та-та-та...»

Если бы кто-нибудь из матерых «духоперов» в этот момент оказался рядом с музыкантами, то услышал и увидел бы, как Борис Дмитриевич попутно выкрикивал отдельные слова и фразы:

— Даешь синкопу, ребята!.. Молодцы!.. Еще жару!..

И ребята старались всю. Кешка с Ленкой на своих трубах легко выигрывали сложные музыкальные пассажи, долговязый Сема вел главную мелодию Сент-Луис блюза, Витька Башун старательно выводил свою партию баритона.

«Та-та-та-та...», — несло в зал со сцены.

«Та-та-та-та», — било по ушам притихших за стеной лабухов, мало соображающих, что же это такое происходит в их клубе, где они привыкли чувствовать себя безраздельными хозяевами, и где теперь хозяйничали пацаны и этот, свалившийся на их головы, Борис Дмитриевич со своими ресторанными замашками.

Наконец, кто-то из них не выдержал и подался к двери, чтобы уже воочию лицезреть новоявленных музыкантов. За первым потянулся второй, а там и третий.

И каждого из них более всего удивила не игра пацанов, а поведение танцующих.

Молодь отплясывала остервенело, с выражением на лицах какой-то блаженной зачумленности и отрешенности от прочего мира. По всему видно было, что все происходящее на сцене молодежи нравится.

Округлилось лицо Володьки Казанца. Вытянулось лицо Сани-лажапиамосо. Скособоились лица их товарищей-лабухов.

А сбоку от сцены, скрестив руки на груди, стоял улыбающийся Иван Пантелевич и молча поглядывал на танцующих. Видно, подлец, подсчитывал доходы от танцев, какие сулил вновь образовавшийся оркестр из набранных Борисом Дмитриевичем с улицы пацанов — так, по крайней мере, подумалось выглядывающим из-за кулис лабухам, до которых смутно доходило, что время их безвозвратно кончилось. А пришло время иных музыкантов, иного репертуара, иного уровня и подхода к исполнению танцевальной музыки, которой в ближайшем и отдаленном будущем суждено занять свое прочное место на клубных площадках.

Запад стучался в двери со своей культурой, и наехавший из столицы Борис Дмитриевич был ее проводником.

«Та-та-та-та» — неслось между тем со сцены.

«Та-та-та-та» — било по мозгам потерявших дар речи лабухов, до которых уже начинало доходить, что пора им надевать свои тужурки, нахлобучивать на головы шапки и подаваться по своим домам, что они, в конце концов, и сделали.

А вслед им неслось:

«Та-та-та-та...»

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

Песни других времён

* * *

Как с женщиной — с морскою красотой
Наедине ты должен сочетаться...
Вздыхать на людях — это святотатство...
Твой рай земной — вечерний пляж пустой.

Войди в него и сам себе скажи:
Вот это всё, что надо мне от мира,
Чтоб край волны да к краешку души,
Которую стихия истомила...

Всё бурно, слепо, всё несётся прочь,
Как иностранка смотрится секвойя...
Лишь море сострадает мне живое
И мне чужую скрашивает ночь!

СКРИПКО Валерий Иванович родился в 1948 году. Окончил юридический факультет Иркутского университета. Много лет работал юристом по гражданским делам. Участник сборника «Стихи по кругу» 1990 г. Восточно-Сибирское книжное издательство. Постоянный автор журнала «Сибирь» с 1986 г. Печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Природа и человек 21-й век», в красноярском журнале «День и ночь», в «Литературной газете», газетах «День литературы» и «Российский писатель». Лауреат литературной премии «Русский позитив» (2013). Лауреат литературной премии газеты «День литературы» (2018). Живёт в г. Минусинске Красноярского края.

Петергоф

Октябрь. Снег. Дворец Екатерины
(Второй, конечно). И кругом равнины.
Ты с горки — вниз, не ведая преград,
Скатись в хрестоматийный листопад,
И дальше мчись во времени просторы
Туда, где янычар скрывают горы,
Где сладкое вино Бахчисарай
В бокалы наливает через край!
Где запахи и ароматы новы,
и мир — то презабавный, то — суровый...
То — лёгкую любовь подарит вам,
То — заблестит мечом по головам!
Узнав здесь всё — от ада и до рая,
И, всё же, — ничего не понимая,
Ты для забавы включишься в игру
Среди гостей — у жизни на пиру.
Забава — жизнь, забава золотая,
И пальчиком с хихиканьем листая
Её страницы — помни в море слёз:
Ты это всё — не принимай всерьёз!
Смотри — её величество царица
На саночках — под гики — с горки мчится,
И весело — пресытившейся ей,
И даже, чем старей, тем — веселей!

Рассказ ветерана

Уйти из дома, из семьи, Взгляд детский чувствуя спиною... Вот что, товарищи мои, На фронте — самое больное!	А дома — чая кипяток, С дверей — тайги морозный запах... Взгляну с тоскою — на Восток, И вновь за танками — на Запад!
Пил чай, шутил, а через час Рёв самолётов, лязг вагонов... И словно нету прежних нас, И снег нездешний на погонах!	В атаках, маршах без конца Себя — иного — не жалеешь. Стерпел тот первый шаг с крыльца, Всё остальное — одолеешь!
Уже вокруг меня война, И где теперь её граница? А дома, знаю, тишина, Какою ввек не насладиться!	Так шёл я летом и зимой. И потому пришёл к Победе, Что очень я хотел домой, Хотел сильнее всех на свете!

В театре

Анатолию Байбородину

Всё думаю, что я люблю на свете?
Неужто век, что даром проживешь?
Иль скучных будней суетную ложь?
Нет, я люблю, когда уютно светит
в театре ложа,

а вокруг во тьме,
лишь музыка плывет по бахrome
и бархату багрово-красных тканей.
Что тут творится в чувствах и уме!
Я верю, что душа моя не канет
в конвейере машин, людей, огней,
когда я в дождь из театральной ложи
иду, и лоб касание тревожит
небесных рук — всё ближе, всё сильней!..
Я там живу, где тьма и сумрак сцен,
где люд простой патетикою болен,
где скромною закускою доволен
седой актер, игравший Авиценн!
Волнуют книг старинных вороха,
и разговор на кухне до рассвета,
где кроме нас всё в мире — чепуха,
где нету не великого стиха,
где стол вина и блюдечко омлета.
Мы как гусары, но иных времен,
подростерявши скакунов и шпаги,
все ж закипим безумием отваги,
услышав, как призыв, бокалов звон!
Что нам нашепчет мировой суфлер,
кому блеснет очами Демон новый?
Над смогом повседневности суровой
невидимый духовный видим флёр!
...Спектакль прошел,
и дождь, и поздний час,
волшебник улетел последним рейсом,
богатства все забрав и щелкнув кейсом,
и снова в мире нет беднее нас!

Утиная охота

Владимиру Скифу

Ещё писатель спит — не время создавать,
Ещё рабочий спит — придёт пора трудиться,
А мы спешим за утками опять,
Пока туман над озером клубится.

С постели — в пять утра,
и завтрак впопыхах,
И душу холодит мне древнее волнение.
...Вот если б так вставал
писать стихотворенье
На цыпочках,
впотьмах,
испытывая страх,

Что время улетит с туманом по горам,
Что не было, и нет счастливее минуты...
Но я спешу стрелять взлетевших в осень уток
К вмерзающим в залив последним катерам.

Природа — обрати ко мне своё участие,
Когда роднит с землёй предутренняя дрожь,
И птице на крыло грядущих песен счастье
Слагает первый снег и льёт последний дождь!

Беседы о любимой

Пришли тут ангел с чертом испытать
меня в высоком звании супруга,
перебивают, вечные, друг друга
и каждый хочет истиной предстать!
Мне черт поет: а любит ли жена?
Что космос разгадать супруги душу!
Свой голос верный внутренний послушай,
один ли ты счастливец, старина!
Но ангел мне: любовь, что птиц полет,
на миг вспорхнет и вновь на ветку сядет,
придешь домой — усталого погладит,
ей мило всё — слеза твоя и пот!
А черт опять: Ты — средство, а не цель!
Ей сладок пот, когда дрова ты колешь,
О, женщина — любить ты соизволишь
не птичек трель, а быта канитель!
Тут я вмешался — грозен был мой вид!
Все рассужденья ложь, скажу вам прямо,
внутри меня святой огонь горит,
и с жизни тьмой сражается упрямо!
Жена моя не женщина, а сон,
подаренный мне богом в одночасье,
она лишь сердцем видимое счастье,
как песни звук, что чувствам в унисон!
И сон любви её, как райский шелк,
всё кружится в каком-то сладком танце...
Заплакал я,
и тут же черт ушел,
но ангел мой, но ангел мой остался!

Москва 70-х и 90-х

Василию Козлову

Как раньше пели! Как бузили!
Строкой придуманною жили,
пусть позы было через край,
зато и юным чувствам рай!
Зато из парка и трамвая
мы шли как боги, напевая,
и дождь в рассветные часы
(нам не постылый от «попсы»)
еще был теплый, чистый, свежий.
И краски выставок в Манеже
Блестели, как глаза подруг.
Кто ж погасил всё это вдруг?
Асфальта мокрого просторы
и путь на Ленинские горы,
пространство, полное души,
где все предметы хороши!?

Быть может, нам уснуть на годы
И, словно от плохой погоды,
в сон спрятаться от бардака,
который метит на века
всё кровью пропитать под нами,
застроить рощи теремами,
где божий свет не входит в дом
и отсвет дьявола на всём!
Пусть черти перебьют друг друга
в объятьях замкнутого круга
пройдох, убийц, ростовщиков...
Быть может, через сто веков
с Тальковым вместе побороться
за Бога — пусть опять прорвется
ватага бардов и певцов,
и победит в конце концов!

Сон на Пасху

То сон ли лёг на лоб как шёлк,
Иль был реальным вид?
Я в палестинский двор вошёл
На гладь нестарых плит.
Где храм по грудь еще не врос
В пески других времен,
Где только что прошёл Христос,
Толпе отдав поклон.
За ним, всё зная, я бежал
Меж лавок и людей,
И, встретив, руку мне пожал
Мирянин-иудей.
Сквозь пыль жары, жаровен чад,
Что город городил
Я снова в Гефсиманский сад
Как в новый мир входил.
— Прошу, не надо мне чудес! —
Сквозь чашу я орал, —

Не надо, чтобы ты воскрес,
А чтоб не умирал...
Пускай дает здоровье врач,
А вина — винодел,
И покарает всех палач
За грех кровавых дел.
Чтоб отступил от сердца бес
У роковой черты,
Совсем не надо мне чудес,
Мне нужен только Ты.
— Оставь унынье, — был ответ. —
Ведь ты теперь со мной,
А значит, смерти больше нет
в судьбе твоей земной!
— Не будет смерти! — был мой крик
И эхом в тишине.
— А будет вечность, Бог велик! —
Все отвечали мне!

МАРИНА ШАМСУТДИНОВА

Русские отбиваются

Глаза прадеда

В «Бессмертном полку» мы не нация,
Мы живая реинкарнация.

У правнука глаза прадеда,
Его же суровая статья.
Жизнь свою проживи правильно,
Чтоб таким же бессмертным стать.

Марина вторая

Умирают, а я остаюсь в одиночестве.
По ночам, при луне, одинокой вдвойне...
Мне писать некрологи смертельно не хочется.
Умирают живые, что дороги мне.
Умирая, толпятся, наверно, у Рая.
Отражаясь земным в окулярах Небес.
Сочиняю стихи — я — Марина вторая.
Повторяю невольно их профиль и жест.

ШАМСУТДИНОВА Марина Сагитовна родилась 10 апреля 1975 г. в г. Иркутске. В 2003 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького (мастерскую Станислава Куняева). Автор семи книг стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011), «Русская сказка» (2015), «Правда» (2016), «Женищина на Шаре» (2017). Печаталась в журналах «Наш современник», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Викинг», «Литературная Вена», «День и Ночь», «Берега» и в др. Лауреат поэтической премии им. Юрия Кузнецова за 2010 (журнал «Наш современник»). Награждена общественной медалью «Защитник Отечества» и грамотой правления Союза писателей России «За высокие достижения в литературном творчестве». Член Союза писателей России, Союза писателей Республики Крым. Живёт в Крыму.

* * *

Люди Ангельского возраста, Согреваете меня. Пусть вас сравнивает с хворостом Молодёжь другого дня.	В голубые, поднебесные Я глаза смотреть боюсь. Ведь совсем бесполезные — Ваши «восемьдесят плюс».
---	--

Ликвидаторам пожара на Чернобыльской АЭС

Пожар на реакторе — ты превращаешься в солнце.
Тело ползёт по волокнам в бездушный эфир.
Где-то сестра моет окна, и бабушка кормит питомца.
Бабочка крыльями тушит и море, и мир.

Крыша течёт, под ногами горячая лава.
Воды реактора моешь проточной водой.
Это Голгофа, отпущен разбойник Варавва.
Стой на своём и на крыше реактора стой.

Это пожарище тушит пожарный в рубашке.
Стержни графита не карандаш простой.
Марля и простынь — спасение для первоклашки.
Ты же Спаситель — останешься холостой.

С крыши реактора леса оранжевый атом,
Рыжее всё как на ранних картинах Дали.
Ты позабыл про язык,
мыслишь слабо оформленным матом.
В адском солярии времечко провели.

Город гуськом укатился в малиновом дыме.
Пожарные в землю, в свинцовых гробах, молодыми...

Русский допинг

Это в нашей крови, В каждом шарике гемоглобина. Позаразней ОРВИ И лечебней, чем белая глина. С ним не страшно в бою, Одному против целого войска, Ты попал в западню, Но ни тени в душе беспокойства. Иностранные львы Похоронены в русском подзоле.	Поворот головы На снегу каменеющей Зои. Не сдавали герои Анализ крови на допинг, Не мозолил мельдоний Глаза, как прозападный троллинг. Отмените итоги Всех русских великих сражений, Почему наши боги Не знали в бою поражений?
---	--

Потому что за други своя Край кровавый передний,
Смерть красна на миру, Предсмертной агонии вздох.
Ближе к телу рубаха у труса Кто на небо последний?
И весь не умру... Там встретит мой допинг, мой Бог.

Богатырша

Величественна на коне былинном,
Ты тоже женщина, красава-богатырша!
В холодном поле, жёлтом и полынном,
Не ветер воет — ледяная крыжа.

Тебе бы стать поменьше, может, вдвое,
Прижавшись к крепкому плечу мужскому.
Но не родился на земле тот воин,
Чтоб ровней быть, — и ты идёшь к другому.

Он встанет на пуанты и котурны,
Тебе подаст с дороги чай с малиной.
Они наивны и миниатюрны,
А ты в походе, на коне былинном.

Сбежит и этот — переплавит латы
На сто колец и дюжину серёжек
И будет жить уныло до зарплаты,
Когда в бою ты вырвешь меч из ножен.

Инструкция

Назови раба гражданином второго сорта,
Посади в вагон, пошли на немецкую ферму,
Подними квартплату, чтоб быстро дожил до комфорта.
Бухенвальдов не надо — они не вписались в систему.
Будут гимны петь и охотно скакать от счастья,
Назовут фашистами антифашистов,
Несогласных без шума и пыли порвут на части,
Двадцать первого века война — триумф реваншистов.

Мир и война

Русский мир — Английская война,
Две колониальные системы.
У одной — терпение без дна,
У другой — таблицы, теоремы.
Пирамиды избранность одной

Стёрлась равноправием равнины.
Прожило бы человечество без войн,
Если б не английские «равнины»
(Алгебра гармонии чужда).
Эти — превращают мир в пустыню,
Мы — в пустыне строим города.

Что такое Россия

Что такое Россия? Россия — надежда.
Камуфляж надевает — не в блёстках святые одежды.
И в бою с чёрным злом век за веком Россия одна.
Но отступит она — остальным ни покрывки, ни дна:
Методично раздавят весь мир по славянскому гену,
Чучела из людей и музеям — по фольк-манекену.
Что такое Россия? Россия — молитва,
Та, короткая, горькая, если последняя, битва.
Враг хитёр и силён, только мёртвые сраму не имут.
Но пока живы мы — Россию у нас не отнимут.

Русские отбиваются

В пабах и барах до лысых чертей напиваются —
Русские отбиваются.
В прессе прессуют и в книгах своих издеваются.
Русские — отбиваются.
Ложью святою любая брехня называется.
Русские отбиваются.
Цепью, свиньёю и клином идут, ухмыляются...
Русские не нападают.
Русские отбиваются.

Игра

Под зрелище отнимут хлеб И пенсию с зарплатой. Зачем разбойникам кастет? У них бюджет с заплатай.	Фан-зоны вместо баррикад, И митингов, и стачек, Болельщик как ребёнок рад — По полю скачет мячик.
Пусть изо всех валютных дыр Течёт ресурс рекою. Тут на кону спортивный мир — Аперитив с крою.	Патриотизма — стадион, Братание с толпою. Там под шумок прошёл закон, А здесь балет с борьбою.

«Ты Родину не любишь, гад.	Сценарий шоу утверждён,
Не чтишь её успеха», —	Прочитан и заклеен:
Шипит мне в спину демократ.	«Царизм и золото погон»
Я для таких — помеха...	И лавочек аллея!

* * *

Единственное равенство в стране —
Тарифы коммунальные на хату.
За них отдашь в далёкой стороне
На пенсию похожую зарплату.
«Шесть тысяч» — хоть в Москве, хоть в Воркуте,
С зарплатой «двадцать», редко «девяносто»,
А эти: что довольные вполне,
Ее смягчат, и станет «тридцать» просто...
Удавятся за кружку молока,
Троих детей повяжут ипотекой,
Жди пенсии, как нищий пятака,
И вымри, не дождавшись, под аптекой...

МАРГАРИТА БЕХТЕРЕВА

Заря с зарею сходится

БАКЛАШИНСКАЯ БЫЛЬ

I

Сквозь зарешечённое окно лились потоки солнечного света. «...И наречётся Мариамной она...» — провозгласил священник. В прохладном сумраке церкви расцветали алые огоньки тонких свечей с радужными нимбами. И вот огоньки уже словно плывут по вечерней реке, подобно девичьим венкам из жарков, уплывают всё дальше и дальше...

«Ой, — встрепенулась мать Варвара, — никак сморило. Эк, ведро на улице, так и играет! Хоть бы и жизнь выдалась ясная моей девоньке, хоть бы всё ладно было...»

— Н-но, пошёл, трогай! — натянул вожжи отец, когда все уселись в телегу.

— Слава те, Господи! — торопливо перекрестилась мать на церковь. — Ты только глянь, крёстна, — купола так и блещут, с крестами, как положено, а в сёлах-то, говорят, всё посдирали. Никак в толк не возьму, если они шибко грамотные, то почто им красота глаз режет? Хошь веруй, хошь не веруй, а безобразничать-то зачем?

— За дитём больше приглядывай, мать, — оборвал отец, — не на печи, поди!

БЕХТЕРЕВА Маргарита Вадимовна родилась и выросла в г. Иркутске, где окончила среднюю и музыкальную школу. Получила филологическое образование в Иркутском государственном университете. В Красноярске работала журналистом, вела литературную страницу в газете. В настоящее время живет в г. Шелехове. Посещает литературное объединение «Слово». Пишет прозу и стихи, которые печатает в газете «Шелеховский вестник».

— Ох, крутенёк... — тихонько отозвалась она, и каждый погрузился в свои думы.

Радуясь короткой передышке от нескончаемых деревенских хлопот, они с удовольствием вглядывались в раздольные луга, холмы и весёлые перелески душистой дороги. Но в грудь уже закрадывалось приятное волнение при мысли о скорой встрече с желанным домом на своей кровной стороне. Да и сельчане встречали их так, словно они уехали не день назад, а невесть когда.

— Имечко-то како дали? — обступили соседи остановившуюся подводку.

— Да известно, по святцам, Мариамной, ли чё ли, — приветливо заулыбалась мать.

— По-русски Марьяной, значит, — уточнил отец.

— Маряшкой, стало быть, — закивали соседи, — ну, в добрый час, в добрый час...

— Все в дом, гулять будем! — гаркнул отец.

— А как же, гостюшки, полагается. — Засуетилась хозяйка. Люди гужом повалили в дом.

II

Как нередко случалось в деревне, семья, а то и род назывались не по фамилии, а по отчеству отца. Так семья Ивана Макарова звалась Макаровской. Из шести детей — пять дочерей-погодков и только один сын. Когда отец бывал не в духе, он исподлобья оглядывал свой присмиривший девичник, потом обращался к жене:

— Ну, Варвара, твоё счастье, что хоть один парень вылупился! — девочки привычно опускали виноватые глаза, а мать делала робкую попытку свести всё к шутке.

— Дак я чё, я ничё...

— Она ничё, видали её, а девки-то чьи же?

— Дак наши, Макарыч...

— Наши... — ворчливо передразнивал он и снова поворачивался к дочерям. — Пошто дерётесь промеж себя хуже парней, ежели вы девки? По всей улице вас слышно, страмовки вы этакие!

— Не я, тятя, не я первая начинаю... — вразнобой оправдывались те.

— Молчать! — рявкал отец, стукнув кулаком об стол. — Все хлещетесь, окромя Маряшки!

Недовольно покосившись на сестру, девочки потихоньку выбирались из-за стола и с особым рвением набрасывались на работу, краешком глаза наблюдая за отцом. А тот с шумом отодвигал лавку и выходил во двор, к любимым лошадям, лучше которых не видывали в селе, — он знал в них толк. Мать с дочками весело переглядывались, облегчённо переводя дух: гроза миновала, после «разговора» с лошадьми отец возвращался умиротворённым. Была в этом чернявом коренастом человеке недюжинная сила — не раз он на спор подымал коня! Никто не решался ему перечить, зная его пороховой нрав, а во хмелю он и вовсе был опасен. Жена ладила с ним, благодаря своему кроткому характеру.

Иной раз бабы останавливали её в улице и нашёптывали, опасливо косясь по сторонам.

— Как ты терпишь, Варвара, или не знаешь ещё, что твой ночевал...

— У Акульки, — вставляла та.

— Откуда узнала?

— А от него же и знаю. У нас всегда так: сначала упредит, к которой пойдёт и когда возвратится, — посмеивалась Варвара.

— Бабоньки, чего вы расшумелись? Он как пойдёт блудить, так я только радая, — ну, думаю, хоть отдохну нонче, да выплюсь, работы-то сами знаете, невпроворот! А он с того не убудет, надоест ещё.

— Ну, бабы, с таким характером до ста лет дожить можно! — говорили советчицы, обалдело глядя ей вслед.

А Варвара тем временем заходила во двор и, опустив таз с выполосканным в реке бельём, так обращалась к мужу:

— Ну что, Макарыч, Акулька здорова? Всё забываю привет ей передать...

— Ох уж эти бабы! — вскакивал тот. — Доберусь я до них и все их длинные языки на свой кулак перемотаю, чтоб не ввали тебе почём зря! Не слушай ты их, Варварушка, не верь, завидуют они нам!..

— А я их ещё и не слышала.

— Как, а откуда же ты...

— А ты сам мне ночью всё рассказал: ты мне во сне на все вопросы отвечаешь, да так толково...

— У-у! — мычал тот, обхватив голову руками.

— Не мычал бы ты, чай не корова, — на свой лад утешала жена, — сходил и ладно, вишь, какой покладистый стал — знать, полегчало? Вот и славно.

Скрежеща зубами, он хватался за работу. А Варвара спокойно продолжала развешивать бельё, но кто знал, чего ей стоит это спокойствие?..

И драчливые дочки, все как одна красавицы, не подозревали, что за ясной улыбкой их матери скрывалась далеко не безоблачная жизнь. На тот случай, если девочки слишком уж раздурятся, она знала испытанное средство.

— Девки, — как бы мимоходом говорила она, — скоро отец будет, а у нас ещё ни у шубы рукав: ись-то чё будет? Да и на пол глаза б не глядели. Вот он расшумится...

Дочки сначала застывали на месте, испуганно округлив глаза, потом каждая налетала на своё дело, и к приходу отца всё было в порядке.

Ранними зимними вечерами сестрицы порой собирались в кружок и нащёлкивали матери полную миску кедровых орехов.

— Ой, да куда же мне столько! — радостно всплёскивала она руками.

— Тебе, тебе, мамынька! — довольно приговаривали те.

— У, подлизухи! — презрительно отворачивался братец Андрей.

— Знать, опять где-то напроказили, — сплёвывал шелуху отец, — а за просто так не будут, я их знаю... А Маряшка где, снова с соседским, с Лекандровским?

— С Ваньшей, с ним, — кивнула мать, — славный парнишонка, только на год и постарше: нашей — 5, а тому — 6 годочков... избы рядом, опять же, не ссорятся.

— Так-то оно так, да не совсем так. Они же подрастать будут, а привычка останется. Что ей, подружек мало, что они такие неразлучные?

— Да ведь дети ещё...

— То-то и оно, что ещё...

— Глянись на них — сердце радуется! — продолжала мать. — За ручонки возьмутся и бегают, и смеются, а то лопочут об чём-то...

— Маруська! — гаркнул отец. — Марш за Маряшкой!

— Я живо, тятя! — сорвалась та, на ходу накидывая платок.

Сёстры Надя и Лиза остались ёрзать на лавке под пытливым взглядом отца.

III

Семья Лекандровских тоже была многолюдной: в ней росло восемь детей, что по тем временам считалось обычным явлением. Ванина мать, Мария Зиновеевна, была иного склада. От неё, набожной и суровой, не много было привету, хотя и польза немалая. Отец же, Степан Лекандрович, не уступал Маряшкиному в крутости характера и силы. Только он был столь же белобрыс, сколько тот чёрен. Лекандрыч слыл опытным охотником. Зимой Зиновеевна настряпывала и намораживала ему мешок пельменей, он запрягал коня и отправлялся на промысел в тайгу: за 30-40 вёрст в сторону Байкала. Немало на его счету было завидных трофеев — побеждённых медведей, так и пристало к нему прозвище медвежатника.

Но последний, «сороковой» медведь дорого обошёлся кряжистому сибиряку. Минул назначенный срок, но Лекандрыч всё не возвращался. Зиновеевна все окна проглядела, не находя себе места от тоски. Как-то ночью, опустившись на колени перед образом, она не смогла начать молитву, взглядом приковавшись к лампадному огоньку: «Что случилось, ведь всегда возвращался в срок?.. Пусть к другим строг, но и себе поблажки не давал: не пустобрёх, не гулящий... Или со зверем не разминулся на одной тропе? Беду сердце чует...»

Ване тоже не спалось. Глотнув холодной воды, он поставил ковш на место и сказал матери своё решение.

— Мама, мне уже семнадцать, тятя брал меня с собой в тайгу, я смогу найти его зимовье. Дольше ждать нельзя.

— ...Поезжай, Иван, — не сразу, но твёрдо ответила мать.

...В хрустальной тишине зимнего леса гулко колотилось Ванино сердце: вот и землянка, но следы отца замело. Не помня себя, он рванулся туда, но ослеп, окунувшись во мрак после резкого света...

...Мать, в чём была, выбежала в улицу встречать подводу, но едва взглянув в лицо лежащего мужа, повалилась навзничь. Когда отец пришёл в себя, он смог рассказать, что с ним произошло: матёрый медведь вышиб из его рук ружьё и, не вынося человеческого взгляда, наложил лапу на лицо охотника, пытаясь содрать скальп. Лекандрыч успел всадить нож и добить зверя, но сам был в тяжелейшем состоянии. Он сразу сдал и одряхлел, из порванной щеки до конца сочилась слюна. Это была не первая рукопашная схватка с медведем, но последняя. Отец знал, что это когда-нибудь должно было произойти, но надеялся, что попозже. Он угасал, кручинясь, что его страсть к охоте не продолжится в Иване, как ни старался он его к ней приобщить.

— Что-то, мать, не пойму я, в кого он и уродился, — жаловался он жене, — чернявый, да и нутром не в нас: всё ему гармошка на уме, шутки-прибаутки. На охоту его брал, так ему, вишь, стрелять жалко! Что за мужик тогда из него выйдет?..

— И хорошо, что жалко, — вступилась она, — если бы все мужики жалели убивать хотя бы людей, то и войн бы не было! С десятков годов прошло после Гражданской, не больше. И что любую живность зазря не тронет — тоже правильно: ведь есть же домашняя скотина на убой, купил ты её, вырастил, ну, и самим чем-то кормиться надо, тут я понимаю. А вот охотников не одобряю, ты не сердчай, Лекандрыч, но не случилось бы этакое с тобой, если б не охота треклятая. Лесной зверь для жизни рождён, он её и защищает, чем может. Человеку же он не вредит, жить не мешает, так зачем человек идёт по его душу? Ладно, если из-за голодовки, а так, ради потехи-забавы стрельнуть птицу с лёту или ободрать чью-то шкуру... — стыдно это, нехорошо.

— Что-то я тебя не пойму, мать, — насупился отец, — ты куды это клонишь: я что же, по-твоему, всю жизнь стыдным делом занимался?!

— Я этого не сказала, — спохватилась Зиновеевна, — лучше давай подумаем, чем Ивану заняться, чтоб в люди ему выйти, дураком-то он, отец, у нас не был.

— Это что и говорить, — примирительно ответил тот, — как придёт от Маряшки, припрём к стенке и баста — пусть решает!

IV

А Ваня, вызнав, что отца Маряши нет дома, прихватил гармошку и, весело потряхнув чубатой головой, запел свою любимую песню.

*Под окном черёмуха колышется,
Распуская лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится
И поют всю ночь соловьи...*

— Маряшка, — посмеивалась мать, — твоя «черёмушка» снова под окошком выросла. Сколь можно прихорашиваться, парень заждался!

— Бегу, мамуля! — Девушка бегом спустилась с крыльца, но у калитки невольно замедлила шаги. Марьяна впервые была влюблена и волновалась перед каждым свиданием, зоревая краска разливалась по округлым щекам, а губы сами шептали заветные слова, которые она стеснялась произнести при нём: «Ванечка, любимый...». С сияющими глазами она выходила к нему навстречу, не зная, что вся её ясная, незамутнённая душа плещется в них, как на ладони, выплёскивая наружу сокровенные слова. Взявшись за руки, они бродили по берегу Иркута, провожая за гору закатное солнце.

— Маряша, а тебе хотелось уехать отсюда, свет повидать? — вдруг спросил Ваня.

— Что ты? — удивилась девушка, — по мне так лучше наших Баклашей и быть не может!.. Знаешь, если бы мне предложили прожить три жизни, я бы их все здесь прожила, а ты?

— Я тоже... А если бы тебе предложили в этих трёх жизнях каждый раз нового друга выбирать, то...

— Я бы выбирала только тебя! — быстро проговорила Марьяна и смущённо отвернулась.

Парень остановился, потом догнал её, решив объясниться:

— Марьяшечка, постой, люблю я тебя!

— Я тоже...

— Да?! Значит, всё решено, мы женимся? И всегда будем вместе — неразлучно! — Ваня схватил девичьи ладошки и спрятал в них счастливое лицо.

— Ванечка, я не знаю, когда это будет с тобой, — тятя хочет отдать меня за другого...

— Как за другого? А как же я?

— Отец привык всё делать по-своему, сваты на днях будут, он уже упредил.

— Так... Их я укараулю, а ты сбежишь со мной?

— Боязно тяти, конечно, но как-нибудь. Только как жить будем без отцовского благословенья? — взгрустнула девушка.

— Разве нас уже не благословил Бог любовью? — возразил Ваня. — Разве не мы должны любовь сберечь?

— Всё так, но и родительское благословение необходимо. Да ты не печалься, я не струшу...

Взбежав на крыльцо, Марьяна столкнулась с матерью.

— Мамуся, что я тебе скажу! — взбудораженно зашептала она. — Мы с Ваней решили пожениться, он мне поможет сбежать из дома, ну, насовсем, когда сваты заявятся! Ты же меня не выдашь, благословишь?

— Ах, батюшки-светы, да рази я враг тебе, не понимаю? Так и так пора, семнадцать сровнялось. Да как отца-то провести?... — переполошилась мать Варвара.

В назначенный день явились сваты. Варвара, как могла, пыталась скрыть волнение, и всё же выронила миску из рук. Глянув в её растерянное лицо, отец усмехнулся: «Привыкай, мать, ещё хоровод девок придётся замуж отдать!».

Тем временем Марьяна выпрыгнула через окошко в Ванины руки.

— Да хоть бы всё ладно было! — перекрестила мать их вслед.

V

Кому на радость, кому на зависть, а только семейная жизнь молодых и впрямь заладилась. Иван не оставил гармонь, но и работником стал хоть куда: выучился на комбайнера и механика МТС. Жену называл не иначе, как «Марьяшечка», голова на неё не повысил, да и не за что было, — оба жили друг для друга; сами были счастливы и — другим хотели того же, а потому люди тянулись на свет и тепло их души. Макарыч только гнев на сердце держал...

— Марьяшка, ужаси-то какие! Тятя насадился: снова на спор коня поднял, а годы-то уже не те! — с такой вестью однажды вбежала её сестра Надежда.

Передав малышку на руки свекрови, Марьяна опрометью бросилась из дома. Распахнув родительскую дверь, она окунулась в щемящие запахи отчего дома, незабываемые, но уже далёкие.

В то же мгновение её отрезвил голос матери, надрывно стонущей над телом отца. С подламывающимися коленями дочь вошла в горницу... Так Марьяна с Иваном остались без отцов. «Обоих нрав сгубил — допрежь сроку сгорели», — говорили люди, но запомнили богатырей крепко.

...Галинка была единственной дочкой, остальные пошли мальчишки, но и она однажды не проснулась. Горевали об этом молодые родители, сильно хотелось им девочку. Вторым был Серёжа, но и его унесла скарлатина, выкосившая немало ребятшек. За него Марьяна казнила себя всю жизнь. Тогда она в первый и последний раз восстала против свекрови.

— Зачем я вас послушалась, что не увезла Серёжу в город, в больницу, зачем?! — кричала она в её прямую спину, захлёбываясь от слёз. — Вон Ленку Михину, однолетку, вылечили же там, живая осталась, а наш-то, наш!.. Белобородовы же не забоялись!

Скорбно сжав губы, свекровь молча глядела в окно на зеленеющий луг, по которому уже никогда не пробежаться её внучонку. Прежде она считала, что нельзя перечить судьбе, но после того, как племянницу привезли домой живой, а не «заколотой», — поколебалось её убеждение в своей правоте.

Рожала Марьяна тяжелее других: «Ведь ядрёная же баба, да и на ферме за двоих ворочает, не охнет, — судачили соседки, — а роды тяжелыше некуда!»

Но она быстро поправлялась, возвращаясь к жизни. Уцелело три сына: Володя, Юрча и Олег — и жизнь пошла своим чередом. Иван был весёлым человеком,

но в рюмку за спиной жены не заглядывал. Лишь однажды завернул на другой конец деревни, к свояку, и здорово захмелел.

— Слышь, Миха, поделись одной дочкой, у тебя же их три? — попросил Иван. — У вас вон сколько ртов, самим легче будет, в одной же деревне, не увозом. Удочерить мы Ленку хотим, что скажешь?

— Нет, это ты зря, сколько ни есть ртов, а все наши. Не серчай, брат. А ловко мы с тобой в лопухах укрылись? — подмигнул свояк, наполняя следующую кружку.

Возвращался Иван поздней ночью, громко и радостно распевая: «За окном черёмуха колышется!..» Разбуженные сельчане улыбались: «Никак Иван Соколов? Ну, счас Зиновеевна ему такую черёмуху выдаст, ай да ну!»

— Марьяшечка, встречай свово сокола! Можно сказать, летел к тебе на крыльях любви! — забалагурил он, с шумом распахнув дверь.

— А, вернулся, «сокол», ну я из тебя перья-то повыпущу! — Зиновеевна замахнулась на сына ремнём.

— Не надо, мама! — возопила Марьяна. — Не трожьте его ради первого раза, он больше не будет!

— Не лезь под руку, а то и тебе достанется! — гневно сказала свекровь и для острастки всё-таки стеганула сына пониже спины.

— Ну, погоди до утра! — погрозила она пальцем. — Я из тебя вышибу охоту к зелью поганому. А тебе, дева, так скажу, — развернулась она к невестке, — мужика надо сразу брать в железные шоры, а ты всё «Ванечка» да «Ванечка».

Получив с утра от матери крепкий нагоняй, Иван вышел в огород охолонуться. Стоял босиком на росистой земле, хотелось заглядеть вину перед домашними. Зайдя в избу, задержал взгляд на жене, не уставая любоваться ею, не привыкая к её незатейливому, но притягательному чистому облику: ровный пробор темно-русых волос, открытые, добрые глаза, прямой смягченный нос, улыбочивые губы. Телом она была деревенской крепко сбитой стати, а вот лицо её часто напоминало Ивану лик одной из родовых икон, что виднелись в их кухне в верхнем правом углу, окруженные дымчатой вербой.

Марьяна мыла посуду, с трудом сдерживая улыбку, зная, как неловко сейчас провинившемуся мужу.

— Марьяшечка, — тронул он её за плечо, — я что думаю, не съездить ли нам в город? Гостинцев бы всем накупили, тебе добрый наряд справили... Давай возьмём все деньги с кубышки и пустим их по ветру! А чего — неровен час, заплесневеют!

Марьяна чмокнула его в щёку и поспешила в казёнку переодеться.

— Я с дитями нынче не останусь, так и знайте! Проучить вас надо маненько, — заявила свекровь и в кои-то веки пошла по гостям.

Молодые растерянно опустили на лавку

— А можно я с ребятами останусь? — попросила Ленка, оставив игру.

— А мы тебе гостинчик привезём! — разом вскочили молодые. — Чего бы тебе хотелось?

— Пряников, розовых, чтоб молочком припивать! — с готовностью ответила племянница.

...Вернулись они радостно усталые. Дверь оказалась запертой изнутри, но сколько они не стучали, никто не отворял. Тогда перепуганный Иван выставил окно и вбежал к детям: вволю надуревшись, они просто крепко заснули. Зато сколько было радости, когда ребяташки проснулись в окружении подарков!

— Марьяшечка, — позвал Иван, — прикинь обновы, не терпится!

Оставив детей, она занялась нарядами.

— Дядь Вань, — обратилась Лена, насытившись пряниками, — а у Вовочки есть больша-а-ая родинка! Знаете, где? — Она смущённо, но хитровато хихикнула, шлёпнув мальчика по мягкому месту. — Баба говорит, что это счастливая примета, значит, он будет счастливый?

— Эх, Лена! — засмеялся Иван, — ну, кто такая родинка, чтобы от неё зависело наше счастье?

В шумную горницу вошла Марьяна, сконфуженно улыбаясь, в непривычной одежде.

— Вот это да! — воскликнула Ленка, открыв рот.

— До чего же ты!.. — оборвал себя Иван, не найдя нужного слова.

А Марьяна и впрямь была хороша: с головы на зелёную плиссированную юбку спадала золотистая тончайшая шаль, трепеща нежным кистями.

— Ты сейчас похожа на дерево, — наконец заговорил Иван, — да, на ольху, когда она вся в серёжках...

— ...Правда? А ты в любом виде похож только на самого себя, — нежно ответила жена, — и хорошо.

Но носить такую красоту Марьяна не решилась: «Что ты, Ваня, люди засмеют, скажут, выпендрилась, как городская. Так, сохраню на память... об ольхе», — пояснила она, глубоко в комод запрятав наряд, лишь изредка на него любуясь.

...Иван первым в Баклашах приобрёл голубой мотоцикл «Москва». Дети только уселись за обеденный стол, как в сенях что-то диковато и радостно для мальчишьего уха зарокотало! Побросав ложки, они высыпали в сени и застыли от восхищения.

— Папаня, он что, будет наш? — выдохнул старший.

— Приручим! — широко улыбнулся отец, довольный произведённым впечатлением.

— Это же надо додуматься, тако пугало вонючее в избу вкатить! — возмутилась Зиновеевна.

— Ну, мама, он же такой... голубенький, пусть их, забавятся? — растроганно вступилась Марьяна.

— Два сапога пара! — заключила свекровь, в сердцах хлопнув дверью.

Иванов мотоцикл вызвал бурю чувств у сельских мальчишек. По соседству жила семья директора школы Филиппа Яковлевича Бехтерева. Его сыну, пятикласснику Вадимке, тоже не терпелось покататься. Как-то он встретился на улице, держа под мышкой библиотечные книги.

— Здравсьте, дядя Ваня! — шмыгнул он конопатым носом.

— Здорово, Вадимка! — приветливо ответил тот и спросил: — вот ты, я замечаю, много книжек читаешь, — интересно, что ли?

— Интересно!

— Скажи, какая штука. А вот, к примеру, в этой книжке про что написано, можешь рассказать, всё понял?

Мальчонка с азартом пересказал прочитанное.

— А ведь и впрямь интересно!.. — задумался Иван.

— Дядь Вань! Покатайте меня на мотоцикле, пожалуйста! — выпалил Вадимка.

— А что, дело! — оживился тот, — сейчас же и покатаю, а чего нам?

— Вот здорово! — просиял парнишка, но тут же сник, завидя его товарищей по работе.

— Пошли, Иван, дело есть, — потянули они его за собой.

— Не могу, — высвободился он, и в глазах его заплясали весёлые огоньки, — я человеку слово дал.

— Какому человеку?

— А это кто, — кивнул на мальчика, — чем не человек?

— Чудишь ты, Ваня, ну, мы тебя на месте подождём, — пожали мужики плечами и двинулись дальше.

А Иван озорно подмигнул воспрянувшему Вадимке, и вскоре пыль за ними за клубилась столбом.

VI

Ледяное дыхание войны проникло сквозь многие стены, но избу Ивана обошло стороной: в армию его не взяли, оставив держать трудовой фронт. До той поры Марьяна не знала на себе завистливых косых женских взглядов, не слышала едких слов, но сдерживалась, понимая и оправдывая их. Иван работал почти круглосуточно, а в страду и вовсе не появлялся домой, одни мослы остались, а гармонь и вовсе ушла на чердак «до лучших времён»... Ивану и до войны случалось ночевать вне дома, но тогда он уходил спать к своему юному штурвальному Ване Миронову — родственнику жены из села Олха. И не потому, что в себе был не уверен, а для того лишь, чтоб недобрый язык не смог его оговорить, смутив покой Марьяны. Да и молодые бабёнки, поварихи, ночующие с ними в поле, не отличались скромным поведением. А в военную пору иные из них и вовсе теряли стыд в редкий час передышки. Зло и жалобно они глядели в его лицо, преграждая дорогу к штурвальному. Не утерпел Иван и осадил их.

— Что ж вы, бабы, одни, что ли, без мужиков остались? Время такое. Я ведь свою жену тоже не вижу, но не бросаюсь же на вас!..

— Это тебя Зиновеевна так в своей вере выучила? — кусая губы, съехидничала одна.

— Моя вера — совесть, другой пока не знаю. Но мать мою вы не трожьте: она и со своей верой достойнее, чем вы — безо всякой.

— Повезло же Маряхе! — с горькой завистью сказала другая, когда Иван исчез из виду.

— Да... — поддержали остальные, — кому всё, а кому и ничё...

Но для всех пришёл весенний день, когда солнце сливалось с грибным дождём, а смех с плачем. Тот священный день торжества надежды и добра над злом! В войну бедовали сообща, но и счастье Победы не пировали в одиночку. Люди обнимались и снова бежали из праздничных изб под ликующий свет неба. Спешили к большой поляне в центре села, где раскинулась вековая лиственница, захватив из дома, помимо снеди и спиртного, горшки с алыми геранями.

Но не все бабы ликовали; мало пришло счастливцев-мужиков хотя и с хищными отметинами войны: по лицу одного война провела когтем осколка, у другого отгрызла руку, а скольких погребла в землю или разорвала на куски...

В тот день Иван достал с чердака гармонь, — стирая с неё пыль, он беззвучно заплакал. Потом надел чистую белую рубаху, и Марьяна вдруг заметила, как постарел её любимый, хотя лишь за тридцать перевалило...

— Садись, свояк, — подвинулся Миха Белобородов, демобилизовавшийся по ранению, — грянь нашу «черемуху», пусть снова цветёт! — И песня расправила крылья:

*Пусть у нас черёмуха колышется,
Распуская лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится
И поют всю ночь соловьи...*

VII

Шёл 1948 год, когда Вадим, свернув на улицу Соколовщину, услышал страшный женский крик, ломающийся и снова накатывающий чёрной волной; доносился и тревожный гул других голосов, хлопали соседские калитки. Подойдя ближе, он понял, что бегут к дому Марьяны, — это был её крик, крик подстреленной на лету птицы. Паренёк бросился к побледневшей матери Анне Петровне, пришедшей оттуда.

— Что случилось?!

— Ивана... смертельно ранили в голову...

— Как... ранили, войны же нет?!

— Войны-то нет, да сволочи на земле ещё не скоро переведутся!

Мать перевела дух, прислоняясь к воротам:

— Иван нес в соседнее село деньги, большие деньги... Нашлись негодяи, решили отнять. Подкараулили в лесу и пристали: морды завязали до глаз, чтоб не узнать. Сперва велели отдать, пригрозив оружием. Иван ни в какую, тогда они и...

Вадим до боли сжал кулаки, сглотив накопившие слёзы. Вопреки рассудку, он вдруг увидел себя с дядей Ваней на голубом мотоцикле, несущимся в солнечную круговерть... Но неожиданное воспоминание разлетелось на множество солнечных осколков, пробитое воплями Марьяны.

Ивана решили везти в иркутскую больницу. Придя в сознание, он еле слышно проговорил:

— Зря вы всё это затеяли, лишний бы час дома побыл, — и, обводя мающими глазами родные стены, попросил: — оставьте нас вдвоём... Марьяночка, ты не плачь, давай простимся счастливо, как жили, — зашептал Иван.

— Тебя вылечат, Ваня, родной ты мой!

— Давай простимся счастливо, как и жили. Мне умирать не страшно, только жалко, что рано... Сбереги сынов... Как я люблю тебя! Сулил тебе счастье на век, а сам... Горемычная ты моя...

— Ваня, не дети, так за тобой бы пошла!.. Ванечка, очнись!!! Не будет у меня другого счастья, кроме тебя, услышь!..

VIII

После похорон мужа Марьяне и всплакнуть-то было некогда и негде: вся на глазах, от зари до зари на ферме. Благо, Зиновеевна ещё держалась, приглядывала за внуками. Домой она приходила ночью, усталая вдребезги, а в три часа утра уже спешила на ферму. Выплакивалась Марьяна только... по праздникам. Поджав под себя ноги, она забивалась в угол кровати и, спрятавшись за занавеску, билась, билась в безысходных слезах.

— Марьяшка, ты что же, думаешь с тридцати лет одна куковать? — тормошили её сёстры, все давно замужние.

— Я не одна, — всхлипывала Марьяна, — у меня дети есть, мама, вы...

— Каку холеру говоришь! — сердились сестры, — не о том мы, сама знаешь, об чём. В одной улице все живём, а как застолие, тебя не докличешься. Год-то уже прошёл когда себе! У Марии на именинах не была, ко мне не пришла!

— Невмоготу мне идти без Ивана, поймите вы! Мы же с ним одно, без него я — полчеловека, не до веселья мне. К вам идти, пить надо, а ну, как захмелею да и помыслию чё... Нет, девки, пока не состарюсь, не зовите, — отрезала Марьяна.

— Ну и дура, зла на тебя не хватат! — горячились сёстры, но жалость к обездоленной сестре брала верх, и они уходили, приласкав её, втайне всё же сокрушаясь.

Свекровь Марьяна по-прежнему почитала и слегка побаивалась.

— Ты бы хоть молитву каку выучила, — порой ворчала Зиновеевна.

— Не идёт на язык мне молитва, ну, не умею я, да и дыхнуть некогда, — защищалась невестка, — разве что перекреститься на икону. Да мало того, что мы с ребятишками постимся по твоей указке?!

В первые годы вдовства пудовым камнем навалилось на Марьяну переживание за сыновей, что от темна до темна жили без материного призора.

— Ребяты, — наказывала им, — от вашего деда-охотника осталось ружье, так вы перед сном выходите во двор и в воздух пуляйте!

— Вот здорово, а зачем?

— Пусть знают, что в доме есть мужик, на случай чего. Мало ли, кто забредёт в село? Тьфу-тьфу-тьфу!

— Мамка, — наперебой загалдели мальчишки, радуясь редкой возможности побыть с матерью, — бабка Зиновеевна с нами шибко сердитая!

— Слушайте, слушайте её, ребята, — грустно улыбнулась мать, — она для вашего же добра строгая. Она же папкина мама... Да и что бы я без неё с вами делала, вы подумали?.. То-то.

— Бабушка Варвара Петровна, ну, Петрушка котора, тоже нам добра хочет, а не сердитая же? Всегда улыбается, девчонкам платья шьёт, даром под иконой лечит, а бабка Зиновеевна для себя крестится!

— Много вы понимаете, — нахмурилась мать, — за собой бы больше замечали.

— Все ребята к ней забегают, всех за стол садит, щей горячих наливает, а мясо так крошит, чтобы каждому маленький кусочек достался...

— Да, — согласилась Марьяна, — у меня мама добрая.

— А к нам ребята боятся заходить, — приободрились те, — чтобы на полонки не наследить, а всё из-за бабки!.. Они нас свистом на улицу вызывают... А бабка их с заборов сгоняет хворостинной, а они ещё пуще свистят...

— Хватит! — не выдержала мать. — Сами-то озорники... Обе бабушки хороши... одинаковых людей на свете нету, вот и вы у меня все разные...

Мальчишки пошли, размышляя над словами матери, которая отправилась на берег Иркуты полоскать бельё. За островом, на другом берегу реки виднелись замшевые крутобокие горы с нежными ложбинами, где среди березняка паслись алые кудрявые саранки.

«Ваня любил эти горы... — запечалилась Марьяна, — любил речку...» Иван говорил, что Иркут вроде с монгольского или бурятского переводится — «круть-верть»... То обмелеет так, что каменные рёбра наружу торчат, и на каменистом дне люди загорают, жгут костры, а то вдруг прибудет, да так, что наводнением прибрежные избы сносит. Так и жизнь человечья: то заполонит счастьем, то досуха обездолит...

Думала Марьяна, вспоминала, потом взяла ребячьи штаны, опустила в речку; студёная вода обжигала, а ей всё нипочём: в самый лютой мороз обходилась без рукавиц.

— Тётя Марьяша, здравствуйте! — услышала девчоночий голосок.

— А, Лена, здравствуй, моя хорошая! Вишь, одни штаны стираю... хоть бы одну юбочку! — Марьяна вытерла руки и села рядом с племянницей.

— Ну что, как там моя сеструха Нюра?.. Замоталась?.. Вас девятеро да ферма — труднёхонько без бабки.

— Я же ей помогаю.

— Да-а, Нюре с тобой подфартило...

— Знаете, кого я сейчас вспомнила? Дядю Ваню! — взволнованно сообщила девочка.

— Ты его помни, он добрый был, удочерить тебя хотел... А чё вспомнила-то?

— А когда дядю Ваню схоронили, я на поминки не осталась, ушла домой, наревелась и так спать захотелось. Заснула и дядя Ваня приснился, спрашивает: «Разве я тебя обидел, Лена, пошто не осталась помянуть?» А глаза такие добрые-добрые, хотя и грустные. Как я соскочу, да побегу к вам, думаю: а вдруг ещё раз увижу его живым, как во сне?..

— Помню, влетела, как угорелая... Да разве тогда до расспросов было!.. — Марьяна промокнула глаза концом серого фартука.

Лена осторожно встала.

— Ну, я пойду, а то мама потеряет.

— Ты забегай почаще, родная, кажись, — поднялась и Марьяна.

...Летом Марьянины сыновья, как и вся ребятня, бегали по черёмуху: кто за деревню, кто на остров, а старики и в палисадах набирали. В иных краях бывает так, что цветёт черёмуха буйно, а ягод нет. В Баклашах на черёмуху всегда обильный урожай, всех осыпет через край. И дети любили сентябрьскую пору — гнуса почти нет, взрослых окриков тоже не слышать, кругом тишина, пахнущая поздними цветами и травами. Можно поваляться подле копёшек сена, обрывая заячьи ушки ромашек, потом снова брать черемуху. Домой возвращались с полными бидонами тёплой ягоды, вглядывались в лик закатного солнца. А зимой вспоминали сентябрь, когда уминали румяные пирожки с черемуховой мукой, что выплыли из русской печи прямо с пылу-жару.

А летом в сенокос Марьяниным ребятишкам некогда было прохладиться, помогали матери: старший Володя и средний Юрча, что учились в начальной школе, запрягали коня и возили копны сена от темна до темна, попутно присматривали за младшим братом Олегом.

— Мужички вы мои, — вздыхала Марьяна, утирая пот с лица, — вы хоть сменяйте друг дружку! На речку, небось, охота сгонять?.. Так вы уж попеременке возите...

В одну из таких переменок Юрка решил осуществить давнее желание: натужно кряхтя, выкатил отцов мотоцикл из амбара и, обливаясь потом, кое-как докатил до лужайки огородом. Дрожа от нетерпения, всё-таки завёл и, замерев от восторга, покатился... Но вскоре восторг сменился страхом: он не знал, как остановить мотоцикл, к сему, о ужас, до него донеслись раскатистые угрозы бабки Зиновеевны, что возвращалась из сельмага. Юрка мельком обернулся на её высокую сухопарую фигуру и свалился вместе с мотоциклом. Пока выкарабкивался из-под него, подоспела Зиновеевна.

— А, попался! — схватила за ухо. — Ну, теперь держись, макардовское отродье, пакось черномазая! Всё матери расскажу!

Вскоре, помянув мотоцикл, выговаривала невестке, усталой после маятного дня.

— Что делать с Юркой будем, не слушается совсем?! Вот те двое — дети как дети: ласковые, послушные, а с этим волчонком никакого сладу нет!

— Это Олег-то послушный?! — возмущённо выкрикнул Юрка из своего угла.

— Он ишо карапуз, — слегка запнувшись, ответила бабка.

— Любимчик он, а не карапуз!

— Во как, видела? — Зиновеевна снова повернулась к Марьяне.

— Ну, я задам ему, мама, задам... Не ушибся хоть?..

Зиновеевна и впрямь недолюбливала среднего. С её лёгкой руки белобрысые братовья стали дразнить чёрного среднего — цыганом. Тот ничего ещё не знал о цыганах, а потому налетал на обидчиков с кулаками. Как-то прыгнул в подпол, чтобы скрыть слёзы. Раззадорившиеся братцы свесили и туда свои щекастые головы, не переставая дразниться. Тогда Юра не своим голосом завопил: «Застрелю!». Старший, зная его психоватость, бросился вон, а тот и вправду схватился за ружьё и пальнул, брат едва успел скрыться за воротами. А тут и Зиновеевна на выстрел выбежала из огорода. Отодрав парнишку за уши, заперла в амбаре до прихода матери. Выслушав, мать побагровела от гнева, открыла амбар, откуда вылетел парнишка, и погналась за Юркой с прутом.

— Ты как смел, оголец, в брата из ружья стрелять?! А если б он не успел выскочить за ворота?! Ой, Ванечка, что мне с ними делать?!.. — схватилась за голову, потом снова пошла на среднего. — А голой задницей зачем в крапиву да колючки падаешь перед пацаньём?.. Хочешь героем стать?.. А матершинную песню тоже для геройства на телеге распевал?! Слышал бы отец!

Юрка невольно покраснел и отвёл глаза.

— Ты ж лётчиком вроде собирался стать? — вздохнула мать.

— А лётчики что, по-твоему, не герои?

— Не знаю я, что из тебя выйдет, — с сомнением покачала головой мать, — со школы пятёрки таскаешь, а дома, Зиновеевна сказывала, дурака валяешь: сколь раз мимо тебе не пройдёт, ты всё над одной страницей сидишь. А под учебником книжку прячешь, читаешь украдкой... Не стыдно обманывать? Володька хоть и не пятерошник, зато усидчивостью и терпением всего в жизни добьётся. А вот будет ли толк из тебя?.. — вздохнула мать и задумалась.

— Ты ещё не всё знаешь, — снова встряла бабка, — он ведь в мой сундук понавадилась лазить, конфеты воровать...

— Как так? — удивилась мать. — Сундук же у тебя вечно запертый, а ключ при тебе...

— А вчерась и захватила: он, пакось, какой-то железкой его отворял, втихомолку.

— Ты что, Юрча, сдурел? Или не знаешь, как это называется? — напустилась Марьяна.

— Знаю, — снова покраснел тот. — Но ты же сама говорила, что надо делиться, а она не делится!

— Потому что для вас же к празднику бережёт.

— Ага, а я видел, как она в будний день съела одну «подушечку» с чаем.

— Все старухи любят сладкое, — смутилась мать, — а подглядывать нехорошо. И пошто ты всегда отпираешься, выворачиваешься? Нет, чтоб извиниться.

— Вот-вот, — поддакнула бабка, — до чё вреднущий!

Но случилось, что Юрка радовал мать: сам надумал посадить в огороде смородину, а вёснами, зажмурившись, нюхал её распускающиеся листочки. В садике насадил яблони, у своей крёстной брал луковицы красных георгинов, выращивал чуть ли не с его голову. Марьяна с нежностью наблюдала, как заботливо сын ухаживал за своим садом. И, будучи наедине со свекровкой, сказала:

— Нет, мама, Юрка парнишка хороший. Ты бы с ним поласковой, ведь он один обличьем на Ванечку пошибат... А как любил его отец!.. Характерец, правда, не тот, ну, дак чё ж теперь...

Зиновеевны не стало, когда Юрке пошёл двенадцатый год, а вторая бабушка, Варвара Петровна, или Петрушка, как звала её ребятня, прожила до девяноста лет, не зная хвори.

— А всё одно, с бабой лучше было, — оплакивали Зиновеевну трое внуков, — пусть бы ругалась, лишь бы жила с нами!

Поплакала и Марьяна, потом повесила в светелке над комодом, рядом с портретом свёкра портрет свекрови.

IX

Как-то вернулась с работы Марьяна веселее обычного.

— Ну, ребятки, — объявила она с порога, — посылают вашу мать на слёт передовых животноводов, в Иркутск! Что деется, аж на доску почёта зафотографировали!

Мальчишки с гордостью переглянулись. Вернулась мать, полная впечатлений. Набежали сёстры, соседи, порасспросить о том, о сём.

Марьяна, выгрузив гостинцы, усадила всех за стол.

— Какую картину нам в Иркутске показывали, век не забуду!

— А как называтца-то?

— «Тихий Дон»... Это речка у казаков такая. Вот где любовь, аж дух захватывает!

— Ишь чё... — качали соседи головами.

— Ну, а на слёте-то об чём говорили, уразумела? — хитро шурились бабы.

— Да ить не всё и поймёшь, — смутилась хозяйка. — Ой, куды деватца? — вдруг соскочила с места, глянув в окно. — Никак сваты явились! Знать, не шутил...

Все сбились у окна. Взяв себя в руки, Марьяна вышла в ограду навстречу гостям.

— Что в дом не зовёшь, хозяйюшка? — спросили те. — Да спрячь ты этого петуха чеканутого: налетает, клюёт, кукаречет, как оглашенный! Вместо пса его, что ль, держишь?

— Ага, он у нас такой, соседи знают, дак с прутом заходят. А в дом не зову, потому как чую, с чем вы пожаловали — перед детьми совестно. Столько холостячек после войны осталось, а вы ко мне...

Гости опустились на лавку у поленницы.

— Слава о тебе добрая. Баба ты ещё справная, работница, надо бы тебе в другой раз замуж идтить.

— Пустой это разговор, — нахмурилась Марьяна.

— Опять же, ежели посмотреть с другого боку, нет у тебя подмоги больше.

Ребятишки малы, Зиновеевна преставилась, Царство Небесное! Во-от... Так что, решай, тяжело тебе одной сынов поднимать, а Ляксандр — мужик работающий, из себя приглядный...

— После тридцати сватам отказывала, а после сорока замуж выскочу?! Тоже мне, нашли «невесту»! Вон Вадимка на днях женился на Лене Михиной, в Троицу свадьбу играли: во дворе берёзок наставили вокруг стола... Так славно!.. Вот таким жениться впору... — грустно ответила Марьяна.

— Да ты раньше свекровь боялась, вот и отказывала сватам.

— Замуж мне идти она, верно, не велела, — усмехнулась та. — Да только я не из робких. Или не помните, как девкой от отца сбежала? Что же я, взрослая баба, старухи забоюсь? Просто, никто не заменит отца моим детям, а мне — мужа. Неужто не понятно?..

Марьяна уткнулась лбом в поленницу и неожиданно расплакалась.

— Нечего бередить душу, так и передайте: что лучше мово Ивана нету, а хуже не надо...

Понуро двинулись сваты к воротам.

— Ты не сердчай на нас, Марьянушка, хотели как лучше...

— Ага, — отозвалась Марьяна, успокаиваясь, — вы тоже извиняйте.

Медленно поднялась на крыльцо, опустив глаза под взглядами притихших женщин.

— А что, Марьяна, — спросила одна из них, чтобы отвлечь её, — с гармошкой-то Ивановой твои ребята не могут сладить?

— Талану не хватат, так на чердаке и пылится.

— Так продай, — посоветовали ей.

— Пуцдай лежит. На память...

Послесловие

Выросли Марьянины сыновья. Старший, Володя, стал полковником морской авиации. Женившись, поселился с женой и дочкой на юге. Матери аккуратно присылал короткие письма, неделю из отпуска проводил у неё, уведомив телеграммой. Из такси выходил высокий и представительный.

Средний, Юрча, закончил лётное училище, но получил сильное сотрясение мозга, после чего медкомиссия запретила ему летать. Он запил, одно время совсем спился, и жизнь его пошла наперекосяк. Колесил с места на место. Дважды проходил по конкурсу в институты и оба раза бросал учёбу. Писем домой не писал, заявлялся неожиданно: ночью, пешком, стукнув в окошко. А днём, с парнями, частенько на берегу выплясывал «ассу» — голыми ступнями по торчащим осколкам только что выпитой и разбитой бутылки, не чувствуя боли, не пролив ни капли крови — на спор. Плакала по нему Марьяна, но чем дальше, тем крепче и любила, — кавказским обличем напоминал ей отца, далёкие предки которого были пришлыми казаками с Терека.

Младший, Олег, работал шофёром, жил с матерью в одном доме. Женился и на свет появилась отрада Марьяне на старости лет — светлый веснушчатый крепыш, курносый внучонок Ванька, названный в честь своего молодого деда.

Что же касается самой Марьяны, то она осталась подвижной и работающей, скорой на шутку, не завистливой на чужую радость и отзывчивой на чужую боль. Превозмогая горести, оглядываясь назад, ни о чём не жалела. Две ещё живые сестры ушли на пенсию, и частенько в их избах затевалось пьяное драчливое застолье, что сменялось тяжким похмельем. Но Марьяна не судила сестер, как не судила никого. Она не могла прожить без них и полдня: сёстры постоянно бегали друг к другу, ночуя там, где застанет их ночь.

Марьяна быстро хмелела в сестринских застольях, но, в отличие от сестёр, её клонило в слёзы и сон. Как-то под вечер выбралась она из-за душного стола и побрела на берег Иркуты, не замечая, что гребёнка в седых поредевших волосах съехала набок, а платок сполз на плечи. Марьяна брела по росистой траве и, как всегда после вина, тихо плакала. Потом старая женщина свернулась калачиком на краю бережка и заснула. Марьяне снилось, что ей семнадцать, а рядом по берегу идёт восемнадцатилетний Иван, держа её за руку. И сладкой болью в её сердце отзывались их юные голоса: «Марьяшечка, если б тебе дали три жизни и самой предложили каждый раз друга выбирать...» «То я бы выбрала только тебя...».

ЕЛЕНА ПОПОВА

Понять своё предназначенье

* * *

Не прогоняй, не привыкай,
А, сколько сможешь, будь со мною.
В прошедших днях не упрекай,
А жизнь наполни новизною.

И что ждёт дальше нас — Бог весть.
Ты все цвета смешай в палитре
Да мир раскрась привычный. Весь...
Добро и зло в нём — в вечной битве.

И, обмакнув кисть в акварель,
У трав наполни соком стебли.

Несётся жизни карусель,
Но ею мир непоколеблен...

Всегда мы будем или нет?
Кто нас заметит, кто ответит —
Зачем нас выбрал этот свет,
А, может, сразу — тот и этот?!

Будь другом в выбранном пути,
Надеждой, крепкою опорой.
Но от себя не отпусти:
Уйти в бессмертье нам не скоро.

ПОПОВА Елена Алексеевна родилась в 1971 году в г. Нижнеудинске. До 7 лет проживала вместе с семьей в п. Атагай Нижнеудинского района, с семилетнего возраста — в п. Верхнемарково Усть-Кутского района Иркутской обл. Именно к этому возрасту относятся первые литературные опыты. В 1995 году переехала в город Усть-Кут. Окончила Томский государственный педагогический университет. Автор книг: «В калейдоскопе дней» (2010), «Падает небо» (2014), «Серебряный дождь» (2014), «Через скорби благодать» (2015), «Старая ива» (2015), «Жребий» (2015»), «Что такое лето?» (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Усть-Куте.

* * *

Закрутилась судьбы нашей нить
И в клубочке запуталась пряжей.
Не могу я тебя не любить!
Снова что-то обидное скажешь...

Мне по чувствам нахлынувшим плыть,
К берегам — не стремиться приткнуться...
Не могу я тебя не любить,
Но в любви так легко обмануться!..

* * *

Мы в небесах парим с тобой	Она — основа всех основ.
Как птицы. Крылья за спиною...	Возвышенная и святая...
Дарованная нам любовь —	Друг друга понимать без слов
Земное счастье? Неземное?	Мы вдруг способность обретаем.

* * *

Тьма плотней перед самым рассветом.	Он под солнцем. Он ждёт пробужденья,
Монотонен космический гул...	На заре оживёт, зацветёт!
Освещённый мерцающим светом,	Так за смертью всегда возрожденье
Мир затих, до утра прикорнул.	Неизменно в природе грядёт.

* * *

Любовь безгрешная, святая	Как широки её владенья!..
И неподвластная векам,	Не всем дано на них взглянуть.
Взмахнув крылами, ввысь взлетает,	Необъяснимое явление,
Взмывает к самым облакам.	Всего живого в мире суть...

* * *

В бездне неба звёзды тонут,	И ползут тысячелетья...
Всё тускней к утру их свет.	Жизнь менять земную им.
Мир дыханьем ночи тронут.	И нарушить — не посметь нам
Было так бессчётно лет.	Единения с живым.

* * *

Зарю вполнеба постелю,	Я всё прощаю наперёд,
Намечу путь окольный.	Тебе, себе и людям.
Тебя, несносного, люблю,	Вновь розовеет небосвод?
Ты, словно ветер вольный.	Где мы когда-то будем...

* * *

Летим в пространстве семенем Крылатым, невесомым, Так каждый — то ли временем, То ль ветром унесённый.	Стремимся к созиданию, Мир изменяя мыслью, Проникнув в мироздание Над необъятной высью.
---	--

* * *

Вижу речки струю голубую И черёмуху в белом цвету... Мир огромный пока познаю я: Необъятность его, пестроту.	Он пока ещё мной не изведен, Да и сам изучает меня... Утро радуется солнечным светом. Жизнь прекраснее день ото дня!..
---	---

* * *

Подарку щедрому Творца Найти ль возможно объясненье?.. Любовь проникла к нам в сердца И зародила в них сомненье.	Пусть дням счастливым нет конца, Как нет конца у мирозданья... Но эти звёзды у лица — Безумство или оправданье?
---	--

* * *

Когда-нибудь попозже я пойму,
Что наше счастье — как мираж в пустыне.
Любовь такая вовсе ни к чему,
Когда все чувства яркие остыли.

Когда-нибудь останусь я одна
И обрету душевное блаженство.
Мне доля будет эта не страшна,
Ведь я увижу мира совершенство.

* * *

Сонный мир в вечерней мгле,
Он пропитан тишиною.
Где же ты? Придёшь ко мне?
Заждалась тебя давно я,

Чтоб к утру уснуть вдвоём,
Раздразнить людскую зависть.
Поращён потом быльём,
Как мы вместе оказались.

Нам побудку петухи
Прокричат на красной зорьке...
Пересудам вопреки
Будет сладко... Будет горько!..

* * *

Звёзды — жемчужин горошины,
Днём в небесах — бирюза.
Мне на события прошлого
Время открыло глаза.

Дни пронеслись беспокойные.
Им бы чуток погодить!..

Может, жила недостойно я?
Толку судить да рядить...

Годы прошли, как мгновения.
Жалко минувшего?.. Нет!
Странствовать дальше во времени
Сколько отмерено лет?..

* * *

Не жду и больше не зову,
Устала от твоих укоров.
И днём одним пока живу,
Забвение придёт не скоро.

А ветер трогает листву
Да звёзды светятся далёко...
Не жду и больше не зову.
Хватило мне твоих упрёков...

* * *

Если рядом не станет тебя,
Буду так же я верить кому-то?..
Поезд мчит, сам себя торопя,
Городок белым снегом укутан.

И, сверкнув, словно сталь корабля,
Держит курс к звёздам тающим месяц.
Почему меня держит земля?
Может, в небо отпустит без лестниц?

Взгляд от неба я не отвожу,
Что внизу происходит — не вижу:
Знать, не слишком земным дорожу.
Месяц замер и двинулся ближе...

Вот он — рядом... Но утром, горя,
Словно пламя душевных агоний,
Разольётся по небу заря.
И нелёгкие мысли прогонит.

* * *

Я познала, видно, на беду
Чувства, незнакомые досель,
Закружила жизни карусель,
Не суметь мне спрыгнуть на ходу.

Не унять течение времён,
Вовсе не постичь себя умом.

Я лечу в какой-то странный сон,
Вспоминаю позабытый дом...

Вспоминаю невозвратный час.
И не знаю, как мне дальше жить...
Жизнь измерить нужно много раз,
А потом — раскраивать да шить.

* * *

Этот вечер дивил меня сказкою.
Стал он ближе ещё на шагок,
И заря поднебесная, ясная
Осветила уснувший лесок.

И стояла в мерцающем воздухе
Тишина. Первозданный покой.
Небо с сопками — в отсвете розовом.
Снег кружился, струился рекой.

И летел с пламенеющей выси он,
Сонный мир под собою скрывал.
Рассыпался искрящимся бисером,
Будто мир красотой вышивал?..

Согревались сосёночки в бархате,
Божьим светом иль небом сквозя.
Под ногами ковёр — просто ахнете!
Повторить бы узор, да нельзя...

* * *

Ночка чёрная, как уголь —
В двух шагах темным-темно.
Летний день пошёл на убыль,
Солнце спряталось давно.

Где тенёк, там и прохлада.
Не идут никак дожди.
Разбрелось по небу стадо.
Тут попробуй, уследи!

Затерялся месяц в тучах,
Вывел звёзды на лужок.
Испугались. Сбились в кучу,
Да запел для них рожок.

И паслось во тьме кромешной,
А под утро свет потух.
И пошёл домой неспешно
Месяц — ласковый пастух.

Скрижали

Они столетия лежали
И древнюю хранили речь,
Как будто думали скрижали:
Кого в веках предостеречь?

На плитах — каменных обломках —
И ныне символы видны.
В них — назидание потомкам,
Бесценный опыт старины:

Понять своё предназначенье,
Изведать долгий путь земной,
Где Стикса мёртвое течение
Нависло чёрною волной.

Мы бились насмерть — не бежали
(Знать, предок наш был прозорлив).
О чём молчали те скрижали,
Спустя века заговорив?..

АЛЁНА ШИПИЦЫНА

Памяти причудливый узор

Проводи меня

Проводи меня до той двери,
За которой темень и молчание.

Ни о чём не будем говорить.
Ни к чему условности прощания.

Я останусь в полной тишине,
Не страшась тоски и отчуждения.

Там в крошечном царствии камней
Опустелость и уединение.

Пусть сгорят листвою календари,
Осень память ворошит отчаянно.

Проводи меня до той двери,
За которой темень и молчание.

ШИПИЦЫНА Алёна Викторовна родилась 4 августа 1980 года в деревне Улзет (кумысолечебница), Аларского района, Иркутской области. Первая специальность — учитель русского языка и литературы, в данное время студентка ИГУ (ИФИЯМ), факультета «филологии и журналистики». С 12 лет публиковалась в районных и областных газетах. В 2011 году первая публикация в журнале «Юность». Участвовала в различных конкурсах и литературных фестивалях. В 2019 году стала победителем Большого Литературного Конкурса на портале Стихи.ру в номинации «лучшее стихотворение». В данное время является индивидуальным предпринимателем и одновременно работает корреспондентом в газете «Мои года». Живёт в Иркутске.

Ты говори

Ты говори, я буду знать, что здесь	И гаснет свет, и тает жёлтый лист.
Не пустота, что рядом кто-то есть.	Печаль моя исполнит отраженье
Лица не увидеть, и увядает	На той реке, в которой нету дна.
В кашпо песочном сонный декабрист.	Ты говори, твори полутона,
Ты говори, чего мне не хватает...	Спасающие нас от пробужденья.

* * *

Памяти причудливый узор:
У печи так жарко мне и сладко.
На стене раскинулся ковёр,
В золотистом фантике помадка.

Бабушка заводит пирожки,
Действия размеренны и чинны.
— Бабушка, немного подожди,
Я сама придумаю начинки.

Тесто дышит, вширь растёт и ввысь,
Ноздревато, пышно, ароматно.
Годы друг за другом пронеслись,
Детство упорхнуло безвозвратно.

Вот бы кто затеял пирожки.
— Бабушка!!! — Да, кто теперь услышит...
За окном сентябрьские дожди,
И тихонько опадают вишни.

Водоворот

Нет никого, кто здесь возник случайно
И заплывал с тобою за буйки.
А было что?
Вода была вначале,
И той воды хватало для реки,
И было той воды для океана
И ввысь, и вширь распелась, раздалась.
Что ей туманы, что ей ураганы...
Она шумела, пенилась, неслась
По всем дорогам, наполняя жизнью
Любой забытый солнцем закуток.
Она любила ризных и капризных,
Любила так, как завещал ей Бог.
И было той воды для зарожденья
От плоти, крови, духа и ума
И было Слово — Слово во спасенье.
...Но вдруг зима.

Нить прошлого

Дед разбирает хлам на чердаке.
Безделицы, затейливые штучки.
Вот деревянный меч в его руке,
В резном лотке крючки и закорючки.
Раскладывает вещи по местам:
«Тут кое-что пора уже на выброс».

Я помню, будто и поныне там...
Мне эта память всё ещё на вырост.
Дед вяжет снасти, ельчиком челнок
Нырять в полноводье нитей белых.
И долог день, медвяно-сладок сок
Малины дикой ягод переспелых.

Мне ближе этот день издалека.
Где каждый миг теперь по-детски светел.
Нить прошлого надёжна и крепка,
Как дедовы причудливые сети.

* * *

У меня были разные имена,
У меня были разные фамилии.
Меня вы любили.
В этой жизни я трижды меняла кожу.
Вы делали оригами,
Ожидая меня у подножия Фудзиямы.
Или Мак-Кинли, или Монблана.
У меня были длинные волосы
Красного цвета
И браслеты сандаловой теплоты.
А когда мы вдруг стали на «ты»,
Я выбрала себе только одно имя
И только один взгляд.
Каждая моя слеза — бриллиант.
Теперь ты приносишь усатых сомов.
Я готовлю рыбные пироги
И трижды в день принимаю капли
От памяти. Чтобы забыть,
Как же прекрасно мы жили.

В август

Человек, входящий в август,	Ты готов признать любовью.
Что, скажи, несёшь с собою?	Называешь сердце птицей.
Повышающийся градус	Называешь птицу вещей.

А наружу рвётся рыцарь,	Не спеши узнать прогнозов.
И душа его трепещет.	Разбежится, разойдётся
Пусть рябиной недоспелой	Шумный августовский ливень.
Горизонт под вечер розов.	Человек светло смеётся.
У скучающей омелы	Но своё не скажет имя...

* * *

Прими его и пронеси над бездной.	Ему ещё командовать парадом
Ему и так несладко в этой книге.	И покорять вершины и просторы.
Пока ты остаёшься неизвестной,	Наступит завтра, он придёт с охоты
Он может стать могучим и великим.	Или вернётся из далёких странствий...
Согрей его дыханием и взглядом,	И на его «спасибо за заботу»
Он ощутит тепло за монитором.	Ты скажешь: «Здравствуй!»

Аларь

Здесь веков не потревоженная пыль,
Вдоль дороги подорожник и ковыль.
К небесам восходят маковки Саян,
Укрывает солонцы трава-буян.

Ламский сад, улзетской рощи полоса,
Звонких скворушек родные голоса.
Вдалеке узор загадочной тайги,
За Аларкой кружевные тальники.

Детский смех и осторожный детский след.
Неуверенный вопрос, простой ответ.
Мы невольно сердцем тянемся домой,
Где для нас ещё горит огонь живой.

Дочери Александре

Бог индейцев затеплил солнце,
Пробудились дымы и ливни.
Золотая моя, найдётся
Молодой, озорной, красивый.
Мы, рождённые рыжей степью,
Так отчаянно-лучезарны.
Золотая моя, ты крепни
Телом, духом, клинком и кармой.
Мы пойдём по тропе шамана,
Побеседуем с белым камнем.
Нас хранят тайники-туманы,
Нам вожатые ветры-стаи.
Чем не прерии — наши дали?
Словно воины строим обо.
Мы с тобой ещё не летали.
Золотая моя, попробуй!

Часы

Часы, как старые гадалки,
Пророчат шёпотом судьбу.
Стрекочут стрелки. Из-под палки
Я за пророчеством бреду.

То щёлкнет кнут, то пряник сладкий
Внезапно к чаю подадут.
Пока решаем мы загадки,
Часы для нас ещё идут.

Вдвоём

Осень долгая, как пятница в четверг.
Телефоны ни к чему, когда нет слов.
Расставанья круг опять берёт разбег,
Циферблатам вопреки течёт любовь.

На мелованной бумаге пустяки,
В расстояниях измеренная грусть.
Остывают безответные гудки.
Осень долгая, как вечность. Ну и пусть.

Позабудется отцветшая весна,
Тихий август, до него июль хмельной.
Отшумели, отплескали два весла,
Осень долгая застыла над водой.

Четверга исход, и вот уже зима.
Наконец ты нас нашла за январём.
Телефоны разгорелись добела,
Значит, чувства. Значит, мы ещё живём.

Скрижали истории

АЛЕКСАНДР ДУЛОВ

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, АКАДЕМИК РАН

Проблемы охраны памятников истории и культуры Иркутска

Дулов Александр Всеволодович

Каковы итоги последнего десятилетия в сфере охраны памятников Иркутска, включенного в 1970 г. в список исторических городов России? Сначала отметим главные положительные достижения. Восстановлены величественные Московские ворота (1813 г.). Создан 130-й квартал — сказочный, фантастический городок со многими замечательными памятниками деревянного зодчества. Поставлены памятники Основателям Иркутска, удачная скульптура выдающегося государственного деятеля России М.М. Сперанского (его именем названа часть центральной площади), скромный бюст митрополита Московского и Коломенского Иннокентия Вениаминова, монумент дважды Герою Советского Союза лётчику Н.В. Челнокову.

Охрана объектов культурного наследия в России традиционно страдает от слабого финансирования, несовершенства законодательства, недостаточного внимания государственных органов к этой проблеме. Официальные ведомства по охране памятников возникли по инициативе ВООПИК в 1980-х гг., но их сотрудники зависят от начальников, далеко не всегда объективных и хорошо подготовленных, и вынуждены выполнять их распоряжения.

ДУЛОВ Александр Всеволодович (1938, г. Иркутск) — доктор исторических наук, профессор, академик РАН. В 1961 окончил исторический факультет ИГУ. В 1965 защитил кандидатскую диссертацию. С ноября 1964 преподаватель кафедры истории СССР ИГУ. С 1989 профессор кафедры истории СССР (в 1992 переименована в кафедру истории России) ИГУ. С 1993 член спецсовета по защите докторских диссертаций в ИГУ. С 1983 заместитель председателя президиума Иркутского областного отделения ВООПИК; в 1988–1989 сопредседатель Иркутского областного отделения общества «Мемориал». В 1990–1992 член Иркутского горисполкома, в 1992–1997 член консультативного комитета при мэре города Иркутска. С 1999 — председатель комиссии по переименованию улиц Иркутска и увековечению памяти известных иркутян. В 2004 избран действительным членом Российской академии естествознания. Тематика исследований: история взаимодействия природы и общества в России, история политической ссылки, история Русской православной церкви, история Восточной Сибири, история железнодорожного транспорта, памятники истории и культуры. Автор 147 научных публикаций, в том числе 7 монографий (из них 4 — в соавторстве). Подготовил 8 кандидатов наук. Награждён орденом «*Labore et Scientia*» за значительный вклад в развитие мировой науки, медалью Российского союза исторических городов и регионов «За вклад в наследие народов России» (2002), почётными грамотами губернатора Иркутской области (1998), Центрального совета ВООПИК (1992), дважды лауреат премий губернатора Иркутской области в области культуры и искусства.

Приведу несколько примеров. Так, В.В. Якубовский, мэр Иркутска в 1997–2009 гг., несмотря на сопротивление активистов ВООПИК, стремился сократить число памятников деревянного зодчества. Невзирая на протесты 44 представителей общественности, в том числе 18 профессоров, вместо запланированного памятника декабристам, он водрузил памятник «жёнам декабристов», в качестве которого поставил статую М.Н. Волконской в бальном светском костюме. По-видимому, это было сделано, чтобы можно было купить подешевле уже готовый памятник Марии Николаевны, т.е., намерения общественности города были извращены — вместо декабристов прославляются их жёны!

Деятельности Иркутского отделения Всероссийского общества охраны памятников активно мешал бывший губернатор С.Е. Ерошенко, организовавший судебное преследование отделения, чтобы изъять у него ледокол «Ангара», отреставрированный в 1990 г. по инициативе и на средства, собранные ВООПИК, и переданный администрацией области в пользование общества.

С февраля 2012 г. начались прямые попытки захватить корабль. Три года судебных заседаний измотали руководство отделения и серьёзно затруднили его работу. Наконец, в 2014 г. суд принял решение отобрать ледокол в пользу администрации области. Тем самым отделение ВООПИК лишилось своей базы, на которой велась большая и разнообразная культурно-патриотическая деятельность (читались лекции, работали кружки для детей и взрослых).

Особенно поражает своей безнравственностью деятельность бывшего председателя городской Думы А.Н. Лабыгина. В начале октября 2012 г. по его распоряжению на месте бывшего Лютеранского кладбища XVIII века была установлена крупная скульптура «бабра», против чего высказались все специалисты: Комиссия по городской топонимике и увековечению известных иркутян, областной министр культуры В.В. Барышников, президиум регионального отделения ВООПИК. То есть на виду у всего Иркутска совершён акт «вандализма» (ст. 214 УК РФ), «надругательства над телами умерших и местами их захоронения» (ст. 244 УК РФ).

10 октября 2012 г. несколько представителей общественности, в том числе и автор этих строк, обратились через газету с открытым письмом к губернатору, председателю Общественной палаты Иркутской области, мэру города с просьбой убрать «бабра» с места Лютеранского кладбища, но ответа не получили.²

В декабре 2012 г. я отправил письмо на имя губернатора С.Г. Левченко и председателя Законодательного собрания С.Ф. Брилки с просьбой потребовать от А.Н. Лабыгина убрать монстра с кладбища и добиться, чтобы на этом месте был поставлен памятный знак двум выдающимся администраторам XVIII в., похороненным там: вице-губернатору Иркутской области Лоренцу Лангу (1740–1752 г.г.) и первому иркутскому губернатору К.Х. Фрауендорфу (1765–1767 г.г.). К областным руководителям я вынужден был обратиться потому, что мэр города Д.В. Бердников отказался это сделать.

Председатель Законодательного собрания С.Ф. Брилка ответил мне, что оно не может обязать администрацию города перенести «бабра» на другое место. Такой вот парадокс: наказать население Иркутска, лишив его права избирать мэра, Законодательное собрание может (оно уже с удовольствием это сделало!), а погрозить бывшему председателю городской Думы даже пальчиком — не имеет возможности!

Губернатор С.Г. Левченко, в духе традиций прежнего губернатора, на моё письмо не ответил. Правда, ответила министр культуры и архивов области

О.К. Стасюлевич. Она написала, что вполне понимает мою позицию, но все мои предложения следует решать только с администрацией Иркутска. Однако, нынешнему мэру города, как оказалось, монстр на кладбище, где покоятся заслуженные деятели прошлого, жить не мешает.

И еще один вопиющий факт. Многие представители общественности, в том числе такие авторитетные, как писатель В.Г. Распутин, архиепископ Иркутский (ныне — митрополит) Вадим, предлагали иркутским губернаторам и мэрам Иркутска вернуть примерно два десятка исторических названий улиц Иркутска. Почти все центры регионов России сделали подобное. Однако наши последние градоначальники — А.Н. Лабыгин и Д.В. Бердников не желают ничего менять, и в результате многие улицы города «блистают» трафаретными именами террористов и организаторов незаконных репрессий, а оригинальные и характерные именно для Иркутска названия — забыты! Что поделаешь, низкий уровень культуры руководителей и, очевидно, депутатов городской Думы, сказывается.

И наконец, последнее. В течение 8 лет я искал подтверждение предположению, что в нашем городе родился в 1806 г. выдающийся военачальник, герой обороны Севастополя 1854 г., вице-адмирал В.А. Корнилов, отец которого, А.И. Корнилов с июля 1805 по июль 1806 г. работал в Иркутске в качестве иркутского губернатора. Мною опубликовано об этом несколько статей³, причем особенно важна статья в «Московском журнале...», редакция которого сообщила мне, что её могут напечатать только «после тщательной проверки фактов». И вот, специалисты в Москве опубликовали эту статью, а Комиссия по городской топонимике и увековечиванию известных иркутян, несмотря на московскую статью и предложение ИРО ВООПИК, посчитала, что факт рождения В.А. Корнилова в Иркутске «не доказан». Доказан, и кстати, мэр Иркутска В.И. Кондрашов, к которому я обратился ранее по этому же вопросу, идею установки памятника В.И. Корнилову одобрил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Открытое письмо губернатору Д.Ф. Мезенцеву и мэру Иркутска В.И. Кондрашову...// ВСП, 23 декабря 2010 г., № 182. 2. /В.Комарова. Письмом против бабра//Вост.-Сиб. Правда.11 октября.

2. В.Комарова. Письмом против бабра // Вост.-Сиб.Правда. 2012. — 11 октября.

3. Дулов А.В. Корниловы: губернатор и вице-адмирал//Сибирь,2006, № 3. Его же. Вице-адмирал В.А. Корнилов — уроженец Иркутска // Сибирь, 2011, № 5; Его же. Где родился вице-адмирал В.А. Корнилов (1806-1854)? Выводы на основе новых фактов // Московский журнал. История государства Российского. № 2 (254). Февраль 2012, с. 50-53.

100 лет со дня гибели адмирала А. Колчака

ПАВЕЛ НОВИКОВ

Доктор исторических наук,
профессор Иркутского государственного университета

Современная Россия — «колчаковская»

Споры сопровождают поиск исторической истины, способствуя восстановлению картины событий, очевидцами которых мы сами не были. Научное и общественное осмысление значения Гражданской войны закономерно в настоящее время находится на своеобразном перепутье. Если упростить картину, очевидно, что адмирал А.В. Колчак и его сподвижники, сражаясь с большевиками, отстаивали ту социально-экономическую модель, которую реализует или как минимум декларирует сейчас Российская Федерация: частная, а не общественная собственность; приоритет национальных интересов над интернациональными. Иначе говоря, получается, что **«колчаковцы» в 1918-1919 гг. предлагали идти по тому пути, к которому наша страна вернулась в 1991-1992 гг., спустя семь десятилетий.** А дальше предстоит взвешенно проанализировать — это сейчас мы идем не туда, или тогда пошли не туда?

Если же направить идеологические пристрастия и коммунистическую ностальгию в конструктивное русло, то есть вероятность получить ответ — почему не случилась «неизбежная и закономерная» мировая революция? Каковы глубинные причины того, что сама советская административно-командная система выдвинула на руководящие посты М.С. Горбачева или Б.Н. Ельцина, сделавших больше всех для её же демонтажа. Какую роль в крахе СССР сыграл изначальный выбор — приоритет полного контроля над ростом производства.

Перспективы сентенций на тему «связи времен» вообще весьма обширны: **«Колчак как первый борец с троцкизмом»:** ведь если воспринять положения советской историографии конца 1930-х годов, то Л.Д. Троцкий «вредительски» выиграл Гражданскую войну и т.д. Или понять «Значение боевого опыта колчаковской армии в 1919 г. для боеспособности сибиряков 1897–1901 гг. рождения в Великой Отечественной войне».

Современные российские историки добились очевидных успехов в предметном изучении боевых действий Гражданской войны. С детальностью определены обстоятельства военных операций и даже отдельных боев¹. Реконструкция подробностей обеспечивает предельную отчетливость, очевидность, ясность, быстро вскрывая нестыковки и противоречия последующей пропаганды. Интересен и предметный анализ возможных альтернатив, использование метода контрфактического моделирования.

Успехи научного осмысления обусловлены расширением источниковой базы, уходом от идеологической предвзятости, совершенствованием исследовательской методологии и методов. Отечественными исследователями проделана большая

¹Винокуров О. *Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области.* - Шумиха, 2013.- 272 с.; *Из предшествующих событий: Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография.* — Новосибирск, 2010. — 612 с.

работа по уточнению исторической роли ключевых персоналий (причем на широком фоне) и введению в научный оборот соответствующих источников².

Дискуссии и споры, на наш взгляд, утратили эмоциональную остроту, но стали более предметными, приобрели несоразмерно большую, чем когда-либо прежде, фактологическую и логическую содержательность³. Историки не торопятся переходить к обобщению, воздерживаются (возможно только пока) от выдвижения общих схем и теоретических моделей, объясняющих все и вся. Авторы чаще предпочитают следовать за источниками, анализировать и преимущественно развивать уже сложившиеся в историографии положения.

Особо отметим, что прежние историографические трактовки уже сами стали историей, обеспечили социально-политические и экономические последствия, развившиеся позднее в управленческие решения, в пропаганду, в общий интеллектуальный фон и т.п. и т.д. В развитие тезиса выразим надежду, что исследовательские трактовки не будут впредь подгоняться под политическую конъюнктуру, как это бывало почти всегда и везде. Либо следует признать эту подгонку неизбежной и выводить за скобки методологически.

В развитие вышесказанного в настоящей статье хотелось бы рассмотреть три взаимосвязанных сюжета: очень кратко, сжато напомнить биографию А.В. Колчака, высказаться по собственно юридической оценке деятельности «белого адмирала», привести производственные показатели, сравнивающие созидательные достижения противников по Гражданской войне.

Биография

Александр Васильевич Колчак родился 4 (16) ноября 1874 г. в селе Александрово Петербургского уезда Петербургской губернии, где находился Обуховский завод.

Отец Василий Иванович Колчак (1837-1913), морской артиллерист, участник Крымской войны, с 1863 г. служил на указанном заводе приемщиком, в 1883 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. Род восходил к Ильяссу Колчак-паше (?-1743) — генералу турецкой армии молдавского происхождения, попавшему в русский плен в 1739 г. при сдаче крепости Хотин.

Мать Ольга Ильинична, урожденная Посохова (1855-1894).

А.В. Колчак обучался в 6-й Санкт-Петербургской гимназии, в 1888-1894 гг. в Морском корпусе, окончив его вторым в выпуске. С весны 1895 г. служил на крейсерах «Рюрик», «Князь Пожарский», броненосцах «Полтава», «Петропавловск» в чине мичмана, с 1898 г. лейтенанта.

Участвовал в полярной экспедиции (1900-1902) барона Э.В. Толля на шхуне «Заря». Описанный экспедицией **остров в Таймырском заливе был назван именем Колчака** (в 1935-2005 гг. назывался о. Расторгуева, затем возвращено первоначальное название). Летом 1902 г. экспедиция потеряла барона Толля и трех его спутников, не вернувшихся из похода на о. Беннета. В мае — декабре 1903 г. А.В. Колчак проводит поиски и делает вывод, что они погибли осенью 1902 г. В Иркутске 5 (18) марта 1904 г. в Михайло-Архангельской (Харлампиевской) церкви Колчак обвенчался с Софьей Федоровной Омировой (1876-1956).

²Ганин А.В. *Черногорец на русской службе: генерал Бакич*. М.: Русский путь, 2004. — 240 с.; *Генерал Дитерихс*. М.: НП «Посев», 2004. — 634 с.; Ганин А.В. *Атаман А.И. Дутов*. — М.: Центрполиграф, 2006. — 623 с.; *Капель и капелевцы*. 2-е изд., испр. и доп. М.: НП «Посев», 2007. — 734 с.; Ганин А.В. *Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России*. - М.: Кучково поле, 2012. — 320 с.

³Хандорин В.Г. *Мифы и факты о Верховном правителе России*. - М.: Общество развития русского исторического просвещения «Двуглавый орел»; Изд-во М.Б. Смолна (ФИВ), 2019. — 200 с.

Во время русско-японской войны участвовал в обороне крепости Порт-Артур: с 20 марта 1904 г. служил на крейсере «Аскольд», минном транспорте «Амур», с 21 апреля командовал эсминцем «Сердитый» и, несмотря на технические недостатки корабля, осуществлял боевую работу: вел разведку, обстреливал сухопутные цели, прикрывал постановки мин, сам ставил мины. 30 ноября после подрыва затонул японский крейсер «Такасаго».

2 ноября Колчак перешел на сухопутный фронт, став командиром батареи 47-мм и 120-мм орудий в секторе Скалистых гор и до сдачи Порт-Артура 20 декабря 1904 г. участвовал в боях. Из-за болей в суставах, следствия вынужденных купаний 1903 г., японцы признали его больным, отправив в апреле 1905 г. через США в Россию для лечения. **За отличия в русско-японской войне Колчак был удостоен двух орденов и Золотой сабли с надписью «За храбрость».**

После четырехмесячного отпуска Колчак отчитался об исследованиях 1903 г., упорядочил научные материалы. Географическое общество наградило его большой Константиновской медалью.

С 1 мая 1906 г. Колчак прикомандирован к Морскому Генеральному Штабу, а 26 июня зачислен в его штат по отделению русской статистики. МГШ стал центром по воссозданию военно-морского могущества России, разработке документов, судостроительных программ. Также участвует в различных комиссиях и совещаниях, в «Санкт-Петербургском военно-морском кружке» 21 декабря 1907 г. сделал доклад «Какой нужен России флот?»

В 1908 г. участвовал в подготовке Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (1910-1915), наблюдал за постройкой, а затем командовал транспортом «Вайгач». В 1910 г. совершил плавание из Балтии на Тихий океан, в ноябре отозван для работы над военной судостроительной программой, в феврале 1911 г. назначается начальником 1-й оперативной части МГШ. Участвует в работе над десятилетней программой (1910-1920) кораблестроения, разработке оперативных планов и деталей проекта линейных крейсеров типа «Измаил». В апреле 1912 г. Колчак принял командование эсминцем «Уссуриец», а в мае 1913 г. возглавил однотипный «Пограничник». В декабре 1913 г. произведен в капитаны 1-го ранга и назначен начальником оперативной части Балтийского флота, став ближайшим помощником его командующего Н.О. Эссена (1860-1915).

Первые два месяца после начала Первой мировой войны Колчак занимался разработкой планов морских операций, выполнял различные поручения. В Данцигской операции февраля 1915 г. Колчак предотвратил ее срыв, выполнив постановку мин силами 4 эсминцев в сложнейших условиях.

В сентябре 1915 г. Колчаку временно были поручены обязанности начальника Минной дивизии и подчинены Морские силы Рижского залива. Колчак и командующий 12-й русской армией генерал Радко-Дмитриев разработали план совместных действий. Русские войска при огневой поддержке кораблей выбили войска противника из Кеммерна и остановили продвижение немцев на Ригу. 7 октября высажен десант в немецкий тыл в районе мыса Домеснес (Калкарагс). Высадившиеся уничтожили роту германцев и ряд военных объектов, после чего вернулись на корабли. Колчак отмечен орденом святого Георгия 4-й степени. В ноябре Колчак вернулся на должность начальника оперативной части штаба флота, а 19 декабря назначен на должность начальника Минной дивизии с исполнением обязанностей командующего Морскими силами Рижского залива.

10 апреля 1916 г. Колчак произведен в контр-адмиралы с оставлением

в прежней должности. 31 мая в Норчепингской бухте три эсминца — «Новик», «Победитель» и «Гром» под командованием контр-адмирала Колчака обнаружили германский конвой с грузом железной руды, атаковали его, и уничтожили вспомогательный крейсер «Герман».

26 июня 1916 г. Колчак был назначен командующим Черноморским флотом с производством в чин вице-адмирала. По пути на новый театр войны, в Могилеве встретился с Верховным Главнокомандующим императором Николаем II и начальником его штаба генералом М.В. Алексеевым. Они проинформировали его о необходимости подготовить Черноморский флот к проведению «Босфорской» операции весной 1917 г. Уже было согласовано с союзниками присоединение к России зоны черноморских проливов с Константинополем, а также раздел Азиатской Турции.

Постоянной угрозой Черноморскому флоту были набеги германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау». Прибыв в Севастополь и узнав о выходе «Бреслау», Колчак 9 июля вышел в море с линкором «Императрица Мария», крейсером «Кагул» и 5 эсминцами. Обнаружив вражеский крейсер, русский отряд до темноты преследовал и обстреливал его. В дальнейшем постановки мин у Босфора затруднили противнику выход в Черное море.

От предложения генерала М.В. Алексева 2 марта 1917 г. телеграфно просить императора Николая II отречься от престола, в отличие от всех других командующих фронтами и Балтийским флотом, Колчак отказался. После Февральской революции Черноморский флот сравнительно с Балтийским гораздо дольше сохранял боеспособность. Однако 6 июня 1917 г. Севастопольский Совет постановил отстранить Колчака от руководства флотом, разоружить офицеров. Колчак построил команду флагмана «Георгий Победоносец», сказал несколько слов, отдал кобуру с револьвером ближайшему матросу, вынул из ножен, переломил и выбросил за борт золотое оружие со словами: «Море меня наградило, морю я и возвращаю награду». На следующий же день Колчак выехал из Севастополя в Петроград.

В августе — октябре 1917 г. А.В. Колчак руководил русской военно-морской миссией в Великобритании, затем в США. Возвращаясь в Россию, узнал о большевистском перевороте и сепаратных переговорах с немцами. 30 декабря 1917 г. поступил на английскую службу на Месопотамский фронт, где рядом в Персии еще держали фронт русские войска. Из Сингапура отозван русским послом в Китае князем Н.А. Кудашевым в Харбин. С апреля по июль 1918 г. — член правления Китайско-Восточной железной дороги, где формировал антибольшевистские силы. Возник конфликт с атаманом Г.М. Семеновым, сражавшимся с красными с начала 1918 г. В результате интриг японцев Колчак удален с поста члена правления, июль — август 1918 г. провел в Японии. В сентябре направился через Сибирь на Юг России, в Добровольческую армию, к генералу М.В. Алексееву. 13 октября 1918 г. прибыл в Омск, а 4 ноября 1918 г. стал военным и морским министром Временного Всероссийского правительства (Директории).

В Омске 18 ноября 1918 г. казачьими офицерами была свергнута власть недееспособной Директории, арестованы ее члены, а А.В. Колчак провозглашен Верховным Правителем России. Был признан всеми руководителями белых сил. Являлся верховным руководителем всех антибольшевистских сил России, а также непосредственным организатором белой борьбы на Востоке.

Кульминация военных успехов колчаковских войск пришлась на весну 1919 г.

12 апреля В.И. Ленин выступил в печати с «Тезисами ЦК РКП (б)...», заявив: «Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака».

Во время отступления белых армий Сибири, будучи блокированным в Нижнеудинске «союзниками» в лице чехов, Колчак 4 января 1920 г. последним своим указом передал полномочия Верховного Правителя генералу А.И. Деникину, а «всю полноту военной и гражданской власти на территории Российской Восточной окраины» атаману Г.М. Семенову. Чехами «взят под международную охрану», а 15 января в Иркутске выдан эсеровскому Политцентру, который 21 января передал власть большевистскому Военно-революционному комитету. 7 февраля 1920 г. А.В. Колчак и председатель Совета министров В.Н. Пепеляев были расстреляны. Объявленные мотивы: *«Решение о расстреле Колчака А.В. является мерой предотвращения возможного мятежа в г. Иркутске, который мог быть организован лицами, недовольными арестом Колчака А.В. Кроме того, отдельные части белогвардейских войск, находившихся вблизи Иркутска, могли предпринять боевые действия по освобождению бывшего верховного правителя, что также могло вызвать бесцельные жертвы с обеих сторон и очередной всплеск в регионе гражданской войны».*

С начала 1990-х гг. иркутские казаки ежегодно проводили многолюдные траурные мероприятия, приуроченные к дате расстрела. 21 ноября 1998 г. в здании Спасской церкви г. Иркутска состоялись «Колчаковские чтения». 21 ноября 1999 г. у устья Ушаковки на берегу Ангары был установлен деревянный крест, 17 ноября 2014 г. он заменен железным. В 2002 г. в Санкт-Петербурге в Морском корпусе Петра Великого открыта мемориальная доска Колчаку.

4 ноября 2004 г. у Знаменского монастыря в Иркутске открыт памятник Александру Васильевичу Колчаку. Автор памятника народный художник России Вячеслав Михайлович Клыков, инициатор установки Сергей Валерьевич Андреев.

15 июля 2005 г. постановлением Правительства России № 433 острову в Таймырском заливе возвращено имя Колчака. 6 февраля 2007 г. в Иркутске открыта надпись «Колчак» на фронтоне здания Восточно-Сибирского Географического общества (ныне областной краеведческий музей).

1 сентября 2009 г. на мысе Случевского острова Колчака в рамках работ Морской Арктической Комплексной Экспедиции и Фонда полярных исследований в честь А.В. Колчака был установлен памятный знак...

Юридические аспекты

Закон РФ от 18 ноября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» указывает, что *«За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам. Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости... и провозглашает своей целью... реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах...»* Статья 1. Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам. Статья 3. Подлежат реабилитации

лица, которые по политическим мотивам были: а) осуждены за государственные и иные преступления; Статья 4. Не подлежат реабилитации лица, перечисленные в статье 3 настоящего Закона, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений: б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны; г) военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия.

Определение военного суда Забайкальского военного округа № 3-Н от 26 января 1999 г. гласит, что *«с ведома Колчака неоднократно допускались случаи грубого игнорирования законности, что выражалось в актах террора и репрессий, как в отношении большевиков, так и гражданского населения, поджога деревень, уничтожения заложников. Возглавив вооруженную борьбу против большевиков, Колчак А.В. стал врагом Советской власти, и его физическое уничтожение диктовалось революционными законами того времени и создавшейся политической обстановкой»*. Очевидно, что ни одно из обвинений не соответствует статье 4 пункту г), не применим и пункт б), как относящийся к Великой Отечественной войне. В двух предложениях военный суд сначала пишет о грубом игнорировании Колчаком законности (не уточняя, какие законы имеются в виду), а следом оправдывает физическое уничтожение политического и военного руководителя антибольшевистского движения России (это прямо противоречит статье 3 закона о реабилитации, ссылаясь на неопределенные, но явно отличные от законности революционные законы того времени).

Очевидно, что Александр Васильевич Колчак был расстрелян именно за свои политические убеждения, которые открыто и подробно обнародовал, и которые осознанно и с оружием в руках поддержала значительная часть населения России. Он боролся с тем самым еще формирующимся тоталитарным режимом, на устранение юридически осужденных (постановление Конституционного суда РФ № 9-П от 30 ноября 1992 г.) преступлений которого и направлен Закон РФ от 18 ноября 1991 г. № 1761.

Именно большевики публично призывали к массовому террору, последовательно и планомерно его организовывали, всячески поощряли насилие и социальную рознь. В своей деятельности они неизменно руководствовались не законами, а революционной целесообразностью или политической обстановкой. Наглядным доказательством является мотивировочная часть постановления Иркутского военно-революционного комитета: «Решение о расстреле Колчака А.В. является мерой предотвращения возможного мятежа в г. Иркутске, который мог быть организован лицами, недовольными арестом Колчака А.В. Кроме того, отдельные части белогвардейских войск, находившихся вблизи Иркутска, могли предпринять боевые действия по освобождению бывшего верховного правителя, что также могло вызвать бесцельные жертвы с обеих сторон и очередной всплеск в регионе гражданской войны». Очевидно, что с точки зрения права подобные аргументы накладывают на тюремщиков обязанность обеспечить доставку обвиняемого в место, пригодное для судебных заседаний. Они же были использованы как обоснование расстрела, что и является примером большевистского (а не мифического колчаковского) заложничества.

Несовместимость советских законов с идеей права и справедливости подтверждает бесконечный ряд репрессированных советским режимом деятелей советского же режима, в том числе и красных партизан Сибири. В Иркутской губернии против власти Колчака весной — осенью 1919 г. действовало до 1500 красных партизан (против большевиков осенью 1920 г. выступило до 5000 крестьянских повстанцев) при населении региона около 750000 человек.

А.В. Колчак последовательно придерживался преемственности российского законодательства, в частности книг XXII и XXIV Свода военных положений 1869 г., подробным образом регламентирующих действия войск в разных ситуациях, в т.ч. в случаях вооруженного мятежа военнослужащих или гражданских лиц. Соблюдение статей этого Свода и было законностью, а не актами террора и репрессий.

Обвинения Колчака в предательстве интересов России путем сотрудничества с интервентами в настоящее время встречаются достаточно часто. Характерно, что современные ему **большевики** не предъявляли подобных претензий, ибо сами недвусмысленно **следовали приоритету интересов мировой пролетарской революции над интересами России,** приоритету интернационализма над патриотизмом. Череда действий Советского правительства, начиная с Брестского мирного договора, включавшего передачу Германии 90 тонн золота. Откат в Восточной Европе к российским границам XVII века, признание независимости Украины, Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии с территориальными уступками. Знаковой вершиной коммунистического национального самоотречения стал отказ от самого имени «Россия» в названии государства с 1922 по 1991 г.

Особо подчеркнем, что именно **отношение большевиков к России стало для значительной части белых побудительным мотивом выступить против сторонников В.И. Ленина.** Например, 4 июля 1918 г., т.е. задолго до прихода Колчака к верховной власти, руководители оренбургского казачества в официальном приказе писали о *«шайке, именующей себя большевиками и составленной преимущественно лицами нерусского происхождения, приехавшими из Германии для уничтожения Российского государства, а также для совершения тяжких преступлений: разбоя, убийства, грабежа, козунства, похищения святынь, святотатства, без различия вероисповедания, и захвата чужого имущества».*

Производственные достижения

Особенно подчеркнем, что ни одна территория, контролируемая белыми, никогда не голодала. Тогда как большевики всегда сознательно использовали голод как управленческий ресурс, чтобы решать — кто умрёт с голода, кто нет. И такой подход никогда не скрывался. Выбирая между производством и контролем, большевики всегда предпочитали даже допустить дезорганизацию производства, но установить полный контроль за всеми ресурсами.

Простой пример — показатели аграрного производства в Иркутской губернии за 1919 г. совпадали с предшествовавшими пятью годами. За 1921–1923 гг. посевы уменьшились примерно в 1,5 раза, что и стало реакцией крестьянства на первую для Приангарья практику «военного коммунизма». Причем изменение государственной политики (замена продразверстки на продналог) в 1921 г. лишь остановило падение площади посевов. Заметный же их рост, означавший восстановление прежних показателей, отмечен только с 1924 г. Вторая попытка большевиков поставить российскую деревню под полный контроль в 1928–1929 гг. не вызвала подобного падения в полеводстве, но привела к уменьшению поголовья скота за 1930–1931 гг. в 2 раза.

* * *

Повторим, Александр Васильевич Колчак был расстрелян за свои политические убеждения, которые открыто и подробно обнародовал, и которые осознанно и с оружием в руках поддержала значительная часть населения России. Колчак и возглавляемое им антибольшевистское движение уже давно реабилитированы самой историей, ибо современная Россия следует социально-экономической и правовой модели, за которую они выступали. Ее признаки — рыночная экономика, частная собственность, многопартийная система, национальный суверенитет и т. д.

АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВ

Главный редактор «Русской народной линии»,
председатель «Русского собрания»

Ошибочная историософия иеромонаха Романа (Матюшина)

О ДВУХ АНТИСОВЕТСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ И ВОЗНИКШЕЙ ВОКРУГ НИХ ПОЛЕМИКЕ

В самом конце Рождественского поста наш известный стихотворец иеромонах Роман (Матюшин) попросил нас опубликовать свое стихотворение «Тоска по плену». В стихотворении обличалось «советское православие» (по выражению о. Романа) на «Русской народной линии», а конкретно — материал протоиерея Николая Булгакова «Сталин был пострижен в монашество», в котором приводилось свидетельство Патриарха Алексия Второго о том, что И.В. Сталин был тайно пострижен в монашество с именем Георгий, и комментарий доктора экономических наук, протоиерея Александра Миняйло «И моя душа тоскует по Советскому Союзу». И хотя стихотворение задевало наших постоянных авторов, из уважения к о. Роману мы его опубликовали, но в краткой редакционной врезке я указал, что стихотворение, на мой взгляд, откровенно идеологизированное и политизированное.

Под этой публикацией на форуме РНЛ разгорелись нешуточные страсти. Споры долго не утихали, их не сбило даже закрытие форума на последней седмице поста, что мы по традиции делаем. На форуме личного сайта отца Романа «Ветрово», где публикуются его стихотворения, дискуссия была еще более жаркой, поскольку там «недельного Рождественского карантина» не было.

Поначалу я хотел ограничиться краткой характеристикой ошибочности позиции автора, однако публикатор текстов о. Романа Ольга Надпорожская вступила со мной в полемику, защищая правоту историософии иеромонаха-поэта, которую я охарактеризовал как «необелогвардейскую». Времени писать развернутые ответы у меня, к сожалению, не было. Затем в полемику включился и сам отец Роман. Среди прочего он обвинил меня в том, что я наклеил на него ярлык «необелогвардейца»: «Пора бы уже перестать приклеивать ярлыки. Зачем приписывать своё мнение невесть откуда взявшимся необелогвардейцам? Откуда Степанов знает, каково отношение иеромонаха к Божиему попущению? Не понимаю, о каких необелогвардейцах идёт речь, но приписывать богохульные мысли священнику никого не красит. За грехи правителей и народа Господь попустил всем величайшее испытание. Преклоняюсь пред подвигом новомучеников, мучеников и исповедников русских, благодарю Бога за горькую чашу, но прославлять убийц?..».

Из контекста следует понимать, что это «Русская народная линия» и её авторы «прославляют убийц». Хорошенькая борьба против навешивания ярлыков! Впрочем, дальше отец Роман и вовсе обзывает своих оппонентов «советскими христианами». Он сам, надо полагать, настоящий христианин. «После ухода советской власти в небытие многие потянулись к Церкви, мутировали, стали мутантами, потерявшимися мутантами. Прошу не принять это как ярлык, которые некоторые любят изобретать и приклеивать. Даже не подозревая, гл. редактор уже создал ссср — сталинский сайт советских романтиков», — пишет монах-поэт.

Значит, обзывать своих оппонентов «советскими христианами» и «мутантами» — это не навешивание ярлыков? А что же это, отче?! Культурная полемика? Вы можете сколь угодно тешить себя иллюзией, что ведете уважительную полемику, только на деле это и есть навешивание ярлыков. Вы как раз и занимаетесь навешиванием ярлыков.

По следам развернувшейся полемики о. Роман написал стихотворение «Вспять», которое через ту же О.Надпорожскую предложил нам опубликовать. Но теперь уже я решил более обстоятельно разобрать историсофию отца Романа. Два эти стихотворения — «Тоска по плену» и «Вспять» дают о ней довольно ясное представление.

Главный тезис автора заключается в том, что советская эпоха — это плен, причем, «плен советский намного страшней вавилонского плена — // Становился безбожной ордой православный народ». Мысль понятна. Но тут неизбежно возникает вопрос: мы, русские, у кого были в плену? По логике о. Романа — у советской власти. Впрочем, он тут не оригинален. В этом же нас убеждали многие сладкоголосые сирены перестройки конца 80-х годов прошлого века, призывая освободиться от плена. Мы их послушались и освободились... При этом позволили разрушить наше государство, бросив на произвол судьбы миллионы своих братьев, живших на окраинах империи. Эту «свободу от плена» воспевают наш православный пиит? Почему бы не сочинить тут же панегирик Ельцину, который и освободил нас от советского плена?

Я предполагаю, что о. Роман с гневом отвергнет мои предположения и скажет, что он имеет в виду освобождение из советского плена Русской Церкви, что, действительно, произошло с падением СССР. Но проблема в том, что падение советской власти принесло не только свободу Церкви, но привело и к десяткам тысяч убийств русских людей на окраинах империи, к изгнанию многих наших соотечественников из своих жилищ, к падению нравственности, к пьянству и наркомании. Поэтому я и написал, что отец Роман грубо упрощает реальную историю. Поэтому его образы и выглядят однобокими, неправдивыми. Можно было еще мечтать об избавлении от вавилонского плена в советское время. Но после того, когда мы испили горькую чашу развала страны, сопровождавшуюся не только нравственным унижением, но и прямыми гонениями против русских в лихие 90-е, странно это не понимать и не видеть.

В стихотворении иеромонаха Романа мы читаем: «Кто когда на Руси оды тяжкому игу слагал?! Был ли русич такой, чтобы он, воротившись из плена, // Воспевал полоненье и чтил юбилеи врага?». Это какие юбилеи имеет в виду наш стихотворец? Может быть, речь идет о Великой Победе, которой нас хотят лишить идейные потомки фашистов и заокеанские «партнеры»? Или может быть таким юбилеем, который нельзя чтить, является покорение космоса русским человеком Юрием Гагариным? В среде моих единомышленников и авторов РНЛ нет людей, которые чтят юбилеи революций 1917 года или «красного террора». А вот юбилеи Великой Отечественной и русской (советской) науки и культуры мы очень даже чтим, считая их своими, родными, русскими. А вот некоторые вроде бы православные наши собратья хотят, чтобы мы избавились от этого почитания. Один из идейных единомышленников отца Романа в этом вопросе, как можно понять, протоиерей Георгий Митрофанов даже подленькое словечко придумал «победобесие».

Повторюсь, на мой взгляд, главная ошибка отца Романа состоит в том, что он весьма примитивно изображает сложнейшую советскую эпоху. Он не жела-

ет видеть, что советские солдаты защищали Святую Русь, хотя на их пилотках и шапках были не кресты, а красные звездочки. А вот на немецких самолетах и танках были кресты (не свастики, а именно обычные кресты), на солдатских бляхах немецких солдат было написано «С нами бог». Сложность советской эпохи, которую нам нужно вместить, заключается именно в том, что Бог был не с ними, а с красноармейцами. Это — реальная диалектика советской эпохи. Её куда глубже понимал великий русский поэт советской эпохи Николай Рубцов, написавший об «иных времен татарях и монголах»: «Они несут на флагах черный крест// они крестами небо закрестили».

А вот отец Роман настолько дорожит своей примитивной историософией, что и в стихотворении «Вспять» снова пишет: «Носящих в сердце пентаграмму// Нательный Крестик не спасёт». И в другом месте: «И вырви звёздочку из сердца —// Или сними нательный Крест». К кому обращается поэт? Неужели он настолько не понимает реальной жизни, что видит вокруг себя таких людей?! Это — призыв в пустоту. Даже в годы войны «носивших в сердце пентаграмму» были единицы, даже среди офицерского состава, а уж большинству русских солдат-красноармейцев не нужно было «вырывать звездочку из сердца», там у них была любовь к Родине и готовность к самопожертвованию — истинно христианские качества. А сегодня те, кто носит нательный крест, а в сердце — звездочку, в смысле является идейным атеистом-коммунистом, и вовсе днём с огнём не сыщешь. Ну разве что их выдумать, чтобы с ними бороться.

Поэтому и не верится в «миротворческий вывод» иеромонаха Романа в его последнем стихотворении: «Да истребится всяк зовущий// К братоубийственной войне!// Ни с красными, ни с казаками —// Хотел бы под пасхальный звон// Встать между братьями-врагами// Преградой пулям с двух сторон». Не верится, потому что все предыдущие строки являют в авторе представителя именно одной партии — партии казаков, как он сам выражается, а точнее, на мой взгляд, партии необелогвардейцев.

По моим наблюдениям, яркими антисоветчиками сегодня в церковной среде являются в основном люди модернистского склада, к каковым, насколько мне известно, отец Роман не относится. Тем печальней читать его стихотворные и публицистические строки антисоветского содержания. Думаю, причина заблуждений отца Романа в некотором крене в русский национализм, негативно относящийся к любой государственности — и монархической, и советской, которая, по убеждению националистов, угнетала русский народ, и приводит его к таким печальным выводам.

Историософия, на которой основывает свои мысли иеромонах Роман, как известно, не новая и, увы, довольно примитивная. Её заложили еще русские эмигранты, потерпевшие поражение в Гражданской войне и вынужденные бежать из России. Очень немногие из них попытались трезво взглянуть на происшедшее, признать свою вину (вину своих друзей и сослуживцев) за случившуюся катастрофу. Большинство обвиняло других: «слабого Царя», неблагодарный народ, коварных и кровавых большевиков. Многие пытались интерпретировать изгнание как некую миссию: «Мы не в изгнании, мы в послании»; «Мы унесли Россию на подошвах своих сапог». Поначалу, когда большевизм носил откровенно антирусский, безбожный и антигосударственный характер, понимание своей избранности у эмиграции только укреплялось. Наступило «новое средневековье», — провозгласил Николай Бердяев. И русская эмиграция представляла себя последним островком русского мира.

Однако, постепенно ситуация начала меняться. Первым понял, что советская власть держится не только на штыках, но это — часть русской души Святейший Патриарх Тихон. Его линию продолжил и довёл до логического конца местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей, подписавший Декларацию, которая провозглашала: православные русские христиане — не враги Советской власти. Это был вызов сформировавшейся антисоветской эмигрантской историософии. Эмиграция прокляла митрополита Сергея, его имя стало нарицательным, словом «сергианство» стали называть соглашательство, сотрудничество с безбожной властью. Будто власть в западных странах была богоданной... Мы, кстати, до сих пор «не отмыли» имя Патриарха Сергея от этой эмигрантской клеветы, согласившись во имя воссоединения с РПЦЗ свалить на него все вины, обелив тем самым Зарубежную Церковь, представители которой сотрудничали с зарубежными спецслужбами и даже с Гитлером.

Серьезным ударом по необелогвардейской антисоветской историософии стала Великая Отечественная война, объединившая весь народ во имя спасения Отечества. Часть последовательных эмигрантов-антисоветчиков рассматривала войну не как Отечественную, а как продолжение Гражданской, и пошла на сотрудничество с Гитлером. После войны наступила закономерная расплата. И никакие ссылки на то, что Краснов, Шкуро и даже Власов были верующими людьми, не позволят нам оправдать их предательство. В конце концов, князь Курбский, гетман Мазепа и генерал-изменник Ружский тоже были православными.

Однако большая часть антисоветчиков в своих взглядах не была последовательной, и войну отвергать не могла. Но нужно было как-то объяснить феномен Сталина. И тут родилась замечательная идея «вопрекизма». Мол, народ победил в войне не благодаря, а вопреки Сталину, что воевали не «за Родину, за Сталина», а только за Родину, а Сталина боялись и проклинали. В своей «Тоске по плену» о. Роман этот тезис также формулирует, отвечая тем, кто посмеет его обвинить в предательстве отца-фронтовика: «Мой отец воевал, защищая не власть, а народ». Однако эта «теория вопрекизма» убедительной кажется только ее adeptам, а народом дружно отторгается.

Распад Советского Союза представители необелогвардейской историософии восприняли как свое торжество, как реванш. И поначалу весьма активно поддерживали Ельцина, а некоторые и сейчас считают его спасителем России.

Для меня очевидно, что без выработки здорового отношения к советскому прошлому мы не продвинемся в чаемом возрождении России. Впрочем, о здоровой русской историософии в противовес сугубо партийной и ограниченной необелогвардейской напишу как-нибудь в другой раз.

*75-летие русского историка,
музееведа Н.М. Полунина*

ТАМАРА КРЮЧКОВА

Наша Надежда

Надежда Михайловна Полунина

«...Принадлежит к очень редкой ныне породе людей: страстная и увлекающаяся, тонко чувствующая, благожелательно внимательная к людям, в то же время — дошная, усердная и очень четкая в своих многообразных и многочисленных трудах, умеющая работать необыкновенно плодотворно. Гармоничное сочетание суховатых черт ученого и изящной легкости популяризатора позволили Надежде Михайловне идти по жизни, оставляя след заметный и привлекательный», — такую характеристику дала Надежде Михайловне её коллега по работе в Государственном историческом музее Ольга Васильевна Молчанова, заведующая фондовым отделом дерева и мебели¹. О том, как сформировалась такая незаурядная личность, — наш очерк.

Надежда Полунина — известный российский историк, музеевед, библиограф. Родилась 14 октября 1945 г. на полуострове

Таймыр, в заполярном городе Дудинка Красноярского края. На Крайний Север по сфабрикованному обвинению как член террористической рабочей организации, готовившей покушение на С.М. Кирова, был выслан из Москвы в 1934 г. ее отец, Михаил Алексеевич Полунин (1910–2006), рязанский крестьянин, приехавший в столицу на заработки. Мать, Зоя Григорьевна (1921–2009), родилась в Омске, осиротела, когда ей исполнился только год (родители были убиты на Омском железнодорожном вокзале при налете банды), и воспитывалась в детдоме. Выйдя из детдома, в поисках работы приехала в порт Игарку, откуда чуть позднее, опять же в поисках работы, зимой, пешком по льду Енисея отправилась в Дудинку. Здесь и

¹Молчанова О. Слово о московской сибирячке // *Лики культуры*. 2016. № 8. С. 170–171; Она же. Надежда Михайловна Полунина — исследователь и публикатор // *Н.М. Полунина; библиографический указатель*. М., 2015. С. 5–8.

встретились родители Надежды Полуниной. Она выросла в большой семье — у неё было три сестры и два брата.

Работать начала в 16 лет в Дудинском порту, одновременно закончила образование в Дудинской школе рабочей молодежи. Потом переехала в Норильск, работала на Норильском комбинате им. А.П. Завенягина, на Талнахе. Жизнь на Таймыре, в суровых условиях Севера, когда ей уже с 7 лет приходилось помогать родителям — ловить рыбу (летом в Енисее, зимой на тундровых озерах), ставить силки на куропаток (на острове Кабацком, пересекая в одиночку Енисей на лыжах) — закалила ее и сформировала характер целеустремленный и решительный, самостоятельный и инициативный, настойчивый и энергичный.

В 21 год Надежда Михайловна покидает Таймыр, приезжает в Иркутск и в том же 1966 году поступает на историческое отделение историко-филологического факультета Иркутского государственного университета. Уже в студенческие годы она выделялась среди своих однокурсников склонностью к методичному и серьезному сбору исторических материалов, любовью к архивным и книжным разысканиям. Постоянная участница историко-этнографических экспедиций, она самостоятельно подготовила и провела экспедиции в Тобольск, Кяхту, по декабристским местам Иркутской области. Ее первая публикация появилась ещё в годы учёбы в университете — в 1967 г.

После окончания в 1971 г. ИГУ Надежда Полунина в 1972–1978 гг. работала в Иркутском областном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) ответственным секретарем, научным консультантом, а затем возглавила областное отделение как заместитель председателя президиума Совета. Это были годы, когда Общество охраны памятников в своем лице консолидировало все силы, ратовавшие за сохранение историко-культурного наследия, и сумело много сделать на этом многотрудном пути. Как руководитель Общества она принимала самое активное участие в создании историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» и Архитектурно-этнографического музея под открытым небом «Тальцы» на 47-м км Байкальского тракта; в реставрации Спасской церкви, Богоявленского собора и Польского костела; организовывала историко-архитектурные экспедиции; проводила научные конференции. Она внесла существенный вклад в выявление и изучение историко-культурного наследия, в организацию работы по составлению Свода памятников истории и культуры Иркутской области. Благодаря ее архивным изысканиям была доказана принадлежность усадьбы декабристу С.Г. Волконскому, ранее относимая к легендарным сведениям².

В 1978 г. Надежда Михайловна переехала в Москву. Первоначально работала в организационно-инструкторском отделе Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а с 1983 г. по настоящее время — научным сотрудником научно-методического отдела Государственного исторического музея. При этом в 1983–1988 гг. Полунина трудилась в секторе Свода памятников народов СССР, который являлся всероссийским методическим центром и разрабатывал методические пособия по составлению паспортов на памятники истории и культуры, сотрудники сектора также редактировали паспорта, присылаемые из всех регионов России. Полунина и сама составила около 500 научных паспортов на памятники истории и культуры Москвы. К сожалению, после перестройки сек-

²Полунина Н.М. Сочувственная поддержка: Заметки к «Летописи Иркутского музея декабристов» // *Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2018. Вып. 4. С. 208–223.*

тор был ликвидирован, а его сотрудники стали заниматься организацией методической помощи российским историческим и краеведческим музеям, подготовкой и проведением межрегиональных семинаров, конференций, круглых столов для музейной общественности России. Также Полунина выступала составителем и редактором сборников научных статей по материалам проведенных семинаров и конференций.

С 1975 г. стали регулярно публиковаться ее статьи в журналах, сборниках, справочниках и энциклопедических изданиях Иркутска, Новосибирска, Москвы. Надежда Михайловна стала автором ряда книг, которые внесли существенный вклад в историческую науку, музееведение и искусствоведение. Научные интересы исследователя широки и разнообразны: это история городов Иркутска и Москвы, Государственный исторический музей, частное собирательство и музейное дело в России в XVII–XXI вв., искусство силуэта и др. В настоящее время она автор около 200 публикаций, в том числе 12 книг.

Первую книгу, «У истоков каменного града»³, Надежда Михайловна посвятила каменным шедеврам сибирского зодчества — Спасской церкви и Богоявленскому собору, возведенным в начале XVIII в. Необходимо отметить, что среди иркутских историков Полунина одной из первых обратилась к православной тематике, которая в силу идеологических установок того времени не приветствовалась в исторической науке.

Вторая книга, «Живая старина Приангарья»⁴, рассказывала об историко-культурном наследии здешнего края — архитектурных памятниках XVII–XX вв. Иркутска, Урика, Усть-Куды, Тельмы, Бельска; музеях Иркутска, Ангарска; Хайтинском фарфоровом заводе; Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы»; библиотеках; древних промыслах.

Капитальное исследование «Иркутская земля: через годы, через расстояния... Путеводные рассказы»⁵ посвящено 70-летию образования Иркутской области. Книга переведена на английский язык и издана в Иркутске⁶.

Полунина стала ведущим специалистом в авторском коллективе, подготовившем книгу, открывающую серию «Иркутск. Храмы и судьбы»⁷, — первую исчерпывающую монографию об иркутской Спасской церкви. Исследование включает историю создания храма, характеристику его архитектурного облика; жизнь приходской общины с приложением словаря всего причта со дня основания церкви.

Книги Полуниной стали настольными изданиями для многих поколений иркутских краеведов.

В своих статьях она впервые обратила внимание на многие глубинные темы иркутской и сибирской истории, «похороненные» в годы советской власти. Интереснейшие исследования Надежда Михайловна опубликовала о Бельской сто-

³У истоков каменного града / Н.М. Полунина. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. 128 с., ил.

⁴Живая старина Приангарья / Н.М. Полунина. М.: Изд-во «Искусство», 1990. 176 с., ил. (Дороги к прекрасному).

⁵Иркутская земля: через годы, через расстояния... Путеводные рассказы / Н.М. Полунина, фотохудожник Г. Коробова. Иркутск: Издательство «Анком», 2007. 376 с., ил.

⁶Her Majesty — Queen of Siberia: A travellers guide = Королева Сибири — Иркутская земля / N.M. Polunina; literary translation J.M. Sutton; photographer G. Korobova; conceptual plan Sergei Korobov. Irkutsk: Korobov Publishers, 2008. 420 pages, ill.

⁷Во имя Спаса Нерукотворного Образа: Документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706–2006 / Авторский коллектив: О.А. Акулич, Т.А. Крючкова, Н.М. Полунина; ответ. ред. Н.М. Полунина; худож. Э. Змановских; фотохудож. В. Белов. Иркутск: ИРООПМ «Иркутский Кремль» (Репроцентр АИ), 2008. 487 с., ил. (Иркутск. Храмы и судьбы).

рожевой башне⁸, об истории Иркутской Крестовоздвиженской церкви⁹, о планах и картах старого Иркутска¹⁰, о старинных здешних кладбищах¹¹. Особая тема исследований Н.М. Полуниной — выдающиеся сибирские деятели и их вклад в историческое наследие. Героями ее научных трудов стали: иркутский летописец Нит Степанович Романов (1871–1942)¹²; иркутский архитектор и землемер, картограф, выдающийся краевед Антон Иванович Лосев (1765–1829)¹³; представители известного иркутского рода Басниных, в том числе основатель рода Максим Баснин (конец XVII — начало XVIII в.), Тимофей Максимович (XVIII в.), Николай, Дмитрий и Петр Тимофеевичи (вторая половина XVIII — начало XIX в.), Василий Николаевич (1799–1876), Николай Васильевич (1843–1918), Петр Павлович (1851–1904)¹⁴; выдающийся государственный деятель Франц Николаевич Кличка (1730–1786), иркутский губернатор в 1778–1783 гг., основавший в городе публичную библиотеку и при ней музей — один из первых в России краеведческих музеев¹⁵; уроженец села Анга Иркутской губернии святитель Иннокентий (Вениаминов) (1797–1879)¹⁶; иркутские купцы Второвы¹⁷ и многие другие.

В числе заметно преобладающих в научном творчестве Н.М. Полуниной биографических исследований особо хочется отметить ее плодотворнейший труд, посвященный Юлию Владимировичу Невзорову (1913–2010). Уроженец Иркутска (в Иркутске родился и прожил первые 11 лет), затем житель Москвы, страстный любитель искусства, он собрал в 1930–1960-х гг. значительную коллекцию произведений искусства и

⁸Бельская сторожевая башня: Из истории одного памятника (Сибирская старина) / Н.М. Полунина // Сибирь. 1980. № 4. С. 121–123.

⁹Из истории одного памятника / Н.М. Полунина // Сибирь. 1982. № 2. С. 125–127; К истории сибирского барокко: Иркутская Крестовоздвиженская церковь (Краеведение) / Н.М. Полунина // Сибирь. 1989. № 6. С. 89–98.

¹⁰Обзор картографической коллекции дореволюционного Иркутска / Н.М. Полунина // Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XX века: Сб. научных статей / Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск, 1983. С. 95–111; Иркутск в 1790 году / Н.М. Полунина // Иркутск: из прошлого в будущее. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. С. 14–34; План и панорама Иркутска 1790 года / Н.М. Полунина // Городская культура Сибири: история, памятники, люди: Сб. научных статей. Новосибирск: Издательство Новосибирского ун-та, 1994. С. 55–72.

¹¹Некрополь Иркутска / Н.М. Полунина // Иркутск: из прошлого в будущее. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. С. 244–254.

¹²Последний русский летописец (О Ните Степановиче Романове) / Н.М. Полунина // Первые итоги перестройки. М.: Советская Россия, 1989. С. 69–78 (Библиотечка «В помощь клубному работнику». № 12).

¹³О дате основания Иркутска, неизвестной летописи города и ее авторе Антоне Ивановиче Лосеве: К постановке проблемы / Н.М. Полунина // Иркутск: из прошлого в будущее. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1990. С. 4–13; Лосев Антон Иванович. 1765–1829 гг. / Н.М. Полунина // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3 (К–М). М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 398.

¹⁴Баснины / Н.М. Полунина // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 1 (А–Д). М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1994. С.173; «Совершенный купец» / Н.М. Полунина // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 62–65, ил.; Имущественное состояние В.Н. Баснина в 1850 году / Н.М. Полунина // Связь времен: Баснины в истории Иркутска: Сб. статей. Иркутск, 2008. С. 33–36; Баснины / Н.М. Полунина // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия: В 2 т. М.: Изд-во «РОССПЭН», 2008. Т. 1. А–М. С. 301–304; Иркутский род Басниных в истории Отечества / Н.М. Полунина // Шедевры европейской графики из коллекции В.Н. и Н.В. Басниных: [каталог]: к 100-летию Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина / Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.: Красная площадь, 2010. С. 43–54. (Серия: Гос. музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина); Иркутский купеческий род Басниных в истории Отечества (Иркутск — 350) / Н.М. Полунина // Иркутский Кремль: православный альманах. 2011. № 2 (6). С. 116–125; Иркутск, купцы Баснины и торжество истины (Наследие) / Н.М. Полунина // Музей. 2011. № 2. С. 34–39.

¹⁵Кличка Франц Николаевич. 1730–1786 гг. / Н.М. Полунина // Там же. С. 592–593.

¹⁶Краткая летопись земной жизни и апостольских деяний свт. Иннокентия / Н.М. Полунина // Тальцы. 1999. № 1 (5). С. 5–11.

¹⁷Купцы-предприниматели новой формации Второвы. 1841–2014 гг.: опыт хроники / Н.М. Полунина // Второвские чтения: третья научно-практическая конференция: доклады / Управление по культуре и делам молодежи городского округа Электросталь Московской области, Муниципальное учреждение «Музейно-выставочный центр». Электросталь: [б. и.], 2014. С. 12–21. Библиогр.: С. 19–21.

принял решение передать ее в дар музеям. Первый дар он сделал родному Иркутску в 1964–1965 гг. (около 100 работ), а последний (свыше 500) — городу Семипалатинску (ныне г. Семей Республики Казахстан), где теперь Восточно-Казахстанский областной музей изобразительных искусств носит имя семьи Невзоровых.

Длительная и кропотливая поисковая работа по выявлению источников, характеризующих личность Ю.В. Невзорова, его собирательскую деятельность, а также по реконструкции состава его коллекции, части которой вошли в музейные фонды разных государств и записаны в инвентари разных музеев, первоначально вылилась в ряд статей¹⁸, а затем завершилась фундаментальной монографией¹⁹, включающей в себя биографическую хронику, каталог собрания (опыт реконструкции; каталог включает свыше 1000 произведений русской и западноевропейской живописи и графики). Книга проиллюстрирована фотографиями коллекционера, изображениями картин и графических произведений из собраний более 20 музеев России, Казахстана, Белоруссии, Украины.

«Благодаря точному и обширному справочному материалу, пронизывающему всю почти шестисотстраничную книгу, это уникальное издание окажется важным пособием для специалистов различного профиля, найдет свое место в университетских и музейных библиотеках. А уж современные коллекционеры в лице этой книги обретут бесценное пособие»²⁰.

В силу регионального характера нашей публикации мы заострили внимание на одной из ведущих и любимых исследовательских тем Надежды Михайловны — истории Сибири и Иркутска. Но круг ее научных интересов весьма широк и имеет явную тенденцию к разрастанию и углублению. Существенный вклад внесен ею в историю коллекционирования в России в XVII–XXI вв. Рассмотрев собирательство как выдающееся явление и как фундамент русской культуры, она выявила около 10 000 имен коллекционеров старой России и опубликовала исследования по данной теме, капитально изучив материалы не только российских столиц — Москвы и Петербурга, но и региональных центров²¹.

¹⁸Юлий Владимирович Невзоров: коллекционер, меценат, просветитель: к 100-летию со дня рождения: Буклет / Н.М. Полунина / Иркутское землячество «Байкал». М., 2013. 40 с., ил. (Коллекционеры XX века); Воспоминания коллекционера Юлия Владимировича Невзорова как источник по истории частного собирательства советской эпохи / Н.М. Полунина // Коллекционеры советского периода: Вклад коллекционеров в формирование музейного фонда России: по материалам научно-практического семинара. 16–17 апреля 2013 / Иркутское землячество «Байкал». М., 2013. С. 32–36; Личность коллекционера Юлия Владимировича Невзорова (1913–2010) по страницам его автобиографических записок 1968 года / Н.М. Полунина // Роль меценатства в формировании музейных коллекций: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Юлия Владимировича Невзорова. 30–31 мая 2013 / Восточно-Казахстанский областной музей изобразительных искусств имени семьи Невзоровых. Казахстан, Семей, 2013. С. 7–14; Знатные иркутяне: коллекционер Ю.В. Невзоров (1913–2010) и его вклад в формирование общероссийского музейного фонда / Н.М. Полунина // Сибиряковские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 2013–2014 гг. / Адм. города Иркутска; Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова; Иркутский гос. университет. Иркутск, 2014. С. 18–25.

¹⁹Юлий Владимирович Невзоров: коллекционер, меценат, просветитель. 1913–2010 / Н.М. Полунина / Иркутское землячество «Байкал». М., 2015. 600 с., ил.

²⁰Отзыв о книге Н.М. Полуниной «Юлий Владимирович Невзоров. Коллекционер. Меценат. Просветитель». М., 2016 / Молчанова О.В. (заведующая отделом дерева и мебели Государственного Исторического музея (Москва), кандидат исторических наук // Архив Н.М. Полуниной.

²¹Главные публикации по теме: Коллекционеры старой Москвы: Иллюстрированный биографический словарь / Н.М. Полунина, А.И. Фролов; предисловие академика РАО С.О. Шмидта. М.: Изд-во «Независимая газета». 1997. 528 с., ил.; Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь. М.: Рипол классик, 2003. 560 с., ил.; Коллекционеры России. XVII — начало XX в.: Энциклопедический словарь. М.: Рипол классик, 2005. 556 с., ил.; Биографический словарь собирателей икон. XVIII–XXI вв. // Шедевры русской иконописи XIV–XVI вв. из частных собраний / Гос. музей изобразительных искусств им. А. Пушкина, Благотворительный фонд «Частный музей русской иконы». М., 2009. С. 10–24; 538–575.

Еще одним важным направлением научной работы Полуниной является история музейного дела в России в XVII–XXI вв. Изучая тему, связанную с ролью личности в истории отечественной культуры, она выявила около 250 имен основателей российских музеев²².

Особая и несколько неожиданная тема в научном творчестве Надежды Михайловны — история искусства силуэта в России. Исследуя истоки зарождения и развития этой техники в нашей стране и её связь с искусством силуэта в странах Европы, а также с народным искусством художественного вырезания из бумаги, она совершила поездку в Германию и Швейцарию, где этот вид народного творчества весьма распространен²³.

Очень плодотворно Надежда Михайловна занимается историей Москвы и историческими деятелями российской столицы. В 2013 г. вышло в свет коллекционное издание²⁴, которое дает широкую панораму культурной жизни столицы. Книга включает 68 биографий генерал-губернаторов Москвы; в очерках их правления сделан культурологический акцент, и события культурной жизни освещаются более подробно.

Все монографии Полуниной отличаются своеобразной структурой, новизной подачи информации, а также ясным образным языком. Их очень комфортно читать. Кроме того они сопровождаются прекрасно составленным научным аппаратом, включающим в себя различные указатели.

Проживая в Москве, Надежда Михайловна постоянно поддерживает контакты с любимым Иркутском, часто приезжает в город на Ангаре. Она активный член Иркутского землячества «Байкал» в Москве. По ее инициативе и непосредственном руководстве в Государственном историческом музее 17–20 мая 2011 г. прошла научно-практическая конференция, посвященная 350-летию основания города Иркутска. На конференции прозвучали 35 докладов, подготовленных представителями научной и творческой интеллигенции Москвы, Иркутска, Хабаровска, Великого Новгорода и Новосибирска. Материалы конференции опубликованы²⁵.

Благодаря инициативе Надежды Михайловны Полуниной в сентябре–ноябре 2014 г. в Иркутском областном художественном музее им. В.П. Сукачева состоялась выставка «Иркутская история в фотографиях», на которой из собрания Государственного исторического музея был представлен подносной альбом ге-

²²Главные публикации по теме: *Основатели. Российские просветители. Биографические очерки* / Н.М. Полунина, А.И. Фролов. М.: Сов. Россия, 1990. 136 с., ил.; *Дарители, меценаты, покровители Российского Исторического музея: Биографический словарь* / Н.М. Полунина. М.: ГИМ, 1998. 128 с., ил.; *Национальный музей: наброски к вопросу об истоках понятия* / Н.М. Полунина // *Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев* М.: ГИМ, 2002. С. 33–41.

²³Главные публикации по теме: *Приятнейшая тень: Русский силуэт. Три века* / Н.М. Полунина, А.И. Фролов. М.: Классика Плюс, 1997. 192 с., ил.; *Из истории русского силуэта: Портретная сюита Георгия Ивановича Нарбута (1886–1920) // Проблемы изучения, сохранения и использования искусства художественной вырезки из бумаги: Материалы Первого международного симпозиума. Домодедово, 2006. С. 38–41; Каталог выставки. Эгломизе и силуэт 18–20 веков из частных собраний / Фонд «Русское культурное наследие»; сост. Е.А. Малинко, Н.М. Полунина; отв. редактор Н.М. Полунина. М., 2013. 152 с., ил. Библиогр.: с. 142–145.*

²⁴Во главе Первопрестольной. Первые лица московской власти за три века. 1709–2009: Иллюстрированный историко-биографический словарь / Н.М. Полунина. М.: ООО «ВИТО», 2013. 616 с., ил.

²⁵Иркутск: роль города в политической, экономической и культурной жизни России. К 350-летию основания. 1661–2011: по материалам науч. конф. 17–20 мая 2011: в 2 ч. / Гос. ист. музей, Адм. г. Иркутска, Иркут. землячество «Байкал» (Москва); [сост.], отв. ред. Н.М. Полунина. М.: [ГИМ], 2011. Ч. 1: Доклады. 343 с., ил.; Ч. 2: Каталог выставки. Фотохроника. 59 с., ил.

нерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова с фотографиями иркутян 1874–1875 гг.²⁶

Надежда Михайловна — большой друг Молчановки: она не только участвует в научных мероприятиях библиотеки (конференция «Святитель Иннокентий (Вениаминов) — миссионер, исследователь, просветитель», 2014 г., и др.), но и является дарителем. Ею переданы в фонды библиотеки многие ценные издания из личного собрания. Уместно вспомнить, что она передала ряд ценных, собранных ею в Москве материалов в музей Иркутска, в том числе: в Иркутский областной музей поступили мемории московского архитектора Галины Геннадьевны Оранской (1913–1986), занимавшейся многие годы реставрацией иркутских памятников и созданием музея «Тальцы»; в Музей истории города Иркутска поступила коллекция мемориальных вещей выдающегося оперного певца, солиста Большого театра (1943–1970), уроженца Иркутска Ивана Ивановича Петрова (Краузе).

Труд Полуниной отмечен наградами: 1997 г. — медаль «В память 850-летия Москвы» за книги «Коллекционеры старой Москвы» (1997); 2004 г. — лауреат премии имени историка и музейного деятеля И.Е. Забелина в области научных исследований среди музейных работников Минкультуры РФ за книгу «Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь» (2003); 2010 г. — лауреат премии «Имперская культура» имени профессора Эдуарда Володина за книгу «Во имя Спаса Нерукотворного образа: Документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706–2006» (2008; в соавт.), премия учреждена Союзом писателей России, журналом «Новая книга России», Фондом святителя Иоанна Златоуста.

На всем исследовательском и творческом пути Надежду Михайловну Полунину неизменно сопровождают уважение и любовь коллег. Сегодня она, как всегда, полна сил и замыслов, у которых есть все шансы воплотиться в жизнь.

²⁶Альбом генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Петровича Синельникова с фотографиями иркутян из собрания Государственного исторического музея как уникальный источник по истории Иркутска 1874–1875 гг. / Н.М. Полунина // Сибиряковские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 2013–2014 гг. / Адм. города Иркутска; Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова; Иркутский гос. университет. Иркутск, 2014; Альбом генерал-губернатора (Артефакт) / Н.М. Полунина // Сердце нашего города. 2014. № 11. С. 24–29.

ТАМАРА БУСАРГИНА

Писательские жены: талант или призвание?

БЕСЕДА О. Слободчикова с вдовой писателя Глеба Пакулова

О.С. Тамара Георгиевна, иркутские писатели моего поколения с любовью вспоминают вашего покойного мужа, яркого представителя литераторов 70–80-х годов прошлого века, когда писатели еще оставались баловнями партии, но уже не преследовались за инакомыслие и отступы от социалистического реализма. Характер у Глеба Иосифовича, прямо скажем, был не мягким и покладистым, но очень искренним даже в своей неправоте. Те, кто его близко знал, наверное, за это и уважали. На мой взгляд, иркутская писательская организация Союза писателей России с уходом Пакулова потеряла свой прежний дух, свою привлекательность. Но, каким он был в семье?

Тамара Георгиевна, легко ли быть женой писателя, даже в те времена, когда писательский труд хорошо оплачивался?

Т.Б. Если отвечать по порядку поставленных вопросов, то надо, Олег Васильевич, сказать — не все писатели были баловнями партии, а Глеб уже точно не из их числа. Конечно, в те времена государство заботилось о писателях не в пример нынешней России. Какая вам радость, что есть День писателя, а в реестре профессий нет профессии «писатель»?

Вы бывали в музее Валентина Распутина?

О.С. К сожалению, нет. Во мне еще слишком свежа память о нем живом.

Т.Б. Побывайте и посмотрите, какие у него были награды: и орден Трудового Красного Знамени, и Знак Почета, и Герой Труда — о нем можно сказать: баловень КПСС. Но ведь гимнов партии он не пел, его повести даже с большой натяжкой не соотнесёшь с требованиями социалистического реализма. Впрочем, как и «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Доктрина соцреализма была надумана партийными функционерами, далекими от творческих организаций, а потому и не считалась обязательной в писательском творчестве.

Гонорары тоже были всякие. Безбедно жили те, что писали толстые производственные романы, либо были при должностях. Большинство писателей и тогда жили скромно.

*Я принёс тебе, родная, кучу денег,
Мы на них неделю будем жить.
С этих денег и на новый веник
Ты, наверно, сможешь отложить.*

Так писал о своих гонорарах регулярно печатавшийся Пётр Реутский.

Приходилось подрабатывать — сторож, дворник, кочегар — были самыми распространенными писательскими профессиями.

Легко ли быть женой писателя? Думаю, терпимо, если заранее поймёшь, куда голову засунул, приготовишь себя к его «ничегонеделанию», обычному для большинства писателей. Нет, есть, конечно, и те, что не могут прожить «ни дня без строчки», но Глеб был из других.

Ну, а если серьезно, то надо понимать знаменитое писательское «ничего неделанье», лежание на диване с книжкой или без нее, как напряженную умственную работу, может быть, самый важный этап в процессе творчества. У Глеба были большие, признаюсь, раздражающе большие интервалы в работе. Но я никогда не позволяла себе упрекать его в этом. Поскольку сама я — научный работник и постоянно работаю с книгой, то когда мне попадались нужные ему, с моей точки зрения, статьи, книги, я ненавязчиво подкидывала их мужу, ни к чему не принуждая. В том, наверное, и есть секрет нашей сорокалетней совместной жизни. Я думаю, Глебу очень помог в работе над «Гарью» мой исследовательский опыт: я посоветовала ему завести ящик-каталог с рубриками — события, персоналии (Пашков, Ртищев, Никон и т.д.), службы (их значение и смысл), праздники, одежда, вооружение и т.д.

Да, это правда, я не только от вас, Олег Васильевич, слышала, что Иркутская писательская организация с его уходом, как вы говорите, «потеряла свою духовную привлекательность». Видимо, Глеб Пакулов был не только самобытным писателем, но и самобытным человеком. Тем и запомнился близким людям.

Я много работала (мой рабочий стаж пятьдесят четыре года!), жили, конечно, трудновато, особенно до защиты мною диссертации, но помогало и то, что Глеб был мастер на все руки, дом и кухня были его заботой. То же самое было в семье нашего соседа писателя Бориса Лапина, который говорил, что его жена давно забыла дорогу на кухню.

О.С. То есть вы содержали семью, поскольку гонорары мужа были не частыми, кроме того, деликатно помогали ему подбором материала. А как критик и искусствовед, всегда ли вы восхищались произведениями мужа, или были критиком и в семье? Как Глеб относился к критическим замечаниям жены?

Т.Б. Домашний критик? Это, по-моему, уж слишком. Глеб был чуток к слову, и если я что-то подсказывала, то чаще по смыслу. Иногда мне что-то не нравилось, не без того. Но я не считала себя человеком, который уверен в своих суждениях. Есть такие рецензенты, которые могут безапелляционно сказать — это плохо, это не то. Мы не всегда понимаем общий замысел художника, мы можем только, на свой страх и риск, что-то интерпретировать.

Совсем сырую рукопись я не читала. Она попадала ко мне уже после рукописной и дважды отпечатанной им самим на машинке. Он очень любил править, делать, как говорил, «точнее». Вот этот текст я и должна была печатать на компьютере, с которым он так никогда и не подружился. Иногда он просил править компьютерный текст.

Глеб мне доверял. Помню — хотел написать роман о Никоне, но понимал, что на это не хватит жизни, и ограничился главой в новом издании «Гари». Я прочитала начало главы и говорю ему: «А что это так сразу, без интриги, сидит на камне Никон? Может быть, просто старик?» Глеб сначала не согласился: «Почему старик, если это Никон?» Но через какое-то время, при очередной редакции, гляжу — текст исправлен: все-таки «старик».

О.С. Вы говорите об идеальных условиях для писательской работы. Но среди известных мне писателей немало работников другого типа, которые пишут каждый день, выжимая из себя определенное количество страниц, строк. Ярким примером был Алексей Толстой, который работал каждый день, и даже с великого похмелья, обвязав голову мокрым полотенцем, делал свой план в социалистическом соревновании с самим собой. Причем, таких писателей не всегда понимает семья:

«Что лежишь?» «Думаю!» «А почему всхрапываешь?» Или «Ты мне уже снишься с затылком вместо лица».

Но у многих великих писателей все-таки были еще более великие писательские жены. Дарование писательской жены встречается в жизни, пожалуй, куда как реже, чем писательское. Из нашей беседы я понял, что вы еще и распечатывали рукописи мужа, Тамара Георгиевна, я думаю, что вы были гениальной писательской женой. В этом плане Глебу Иосифовичу мог бы позавидовать и великий Лев Толстой.

Т.Б. Я думаю, если бы было в мире больше гениальных писателей, то за «гениальными жёнами» дело бы не стало. Возможно, если бы рядом с Глебом была женщина, которая позволяла бы себе расслабляться, где надо и не надо, он мог бы и не сделать того, что сделал. А Льву Толстому что завидовать — у великого писателя были великие завихрения, которые Софья Андреевна с честью выдерживала. По-моему, здесь многое определяется окраской таланта. Не всем из них жёны были нужны.

О.С. Ко всему тому, вы не только искусствовед, критик, но и хороший литератор. Помню, ваша статья о кончине Александра Вампилова, опубликованная в журнале «Сибирь», произвела на меня большое впечатление. Затрудняюсь определить жанр той работы, скорее это повесть: в ней очень яркие образы, картины природы, глубокая психология, эзотерика, под стать повестям Глеба Иосифовича. В моей памяти остались многие картины произведения. Хорошо запомнилась описанная вами ночь перед трагедией, черная вода Ангары, лунная дорожка, на которой из глубин реки появляется топляк — дурной предвестник. Ярко описаны вампиловский азиатский профиль со скошенным лбом, и ощущение надвигающейся беды.

Ваш брак с Глебом Иосифовичем был браком равных или браком творческих соперников? Или вы, все-таки, были локомотивом творчества Глеба Пакулова? А может быть, в семье кто-то у кого-то учился?

Т.Б. «Тот вечер, та ночь» — я не задумывалась о жанре той работы. Она была написана, как говорится, «в один дых», за одну ночь. Что-то меня тогда задело. Видно все это долго бродило и зрело во мне. Наверное, поэтому мои воспоминания и отличаются от большинства воспоминаний о Вампилове, необязательных, написанных по случаю, либо вовсе из желания быть хоть с какого-то боку причастным к судьбе драматурга.

Что касается творчества — мы были людьми совершенно разными и по характеру, и по роду деятельности. Я — педагог, и писательских амбиций никогда не имела. Каждый в семье занимался своим делом. И если прослеживается что-то общее в моих статьях и повестях Пакулова, то мы ведь прожили вместе более сорока лет. Я думаю, наш брак был браком равных.

Кто у кого учился? Я думаю, все учатся у жизни. Писателям нужно много читать, наблюдать жизнь, уметь слушать и слышать потрясающую русскую народную речь. Глеб, как и я, отдав в молодости дань модным, вдруг пришедшим к нам Хемингуэям, Сэлинджерам и Сартрам, читал в основном русских писателей, любил Лескова, Пришвина, Мельникова-Печерского, Ивана Шмелёва и др.

О.С. Тамара Георгиевна! Ваш муж очень долго работал над своим последним романом «Гарь», как вы думаете, а могла ли такая книга появиться в благополучное для писателей доперестроечное время? В давние восьмидесятые годы, когда

работал в республиканском книжном издательстве, мне приходилось по требованию цензуры расписываться на полях рукописей за слова сниженной лексики, особенно строго «главлит» следил за словом «бог», даже в качестве междометия, его сотрудники считали, сколько раз это слово употреблено в произведении, заставляли сокращать. А в «Гари», несмотря на «классовые противоречия», которые так любил соцреализм, описываются церковные службы, их значение, обрядность и многое, что, на мой взгляд, могло покоробить убеждения и чувства тогдашних бюрократов.

Т.Б. Могла ли быть напечатана «Гарь» в доперестроечное время? Наверное, в том виде, в каком появилась в двухтысячные, не могла. Ещё и сейчас замалчивают гениального Аввакума из соображений, не имеющих к русской словесности никакого отношения. А вкуса к сниженной лексике в творчестве, в отличие от быта, у Глеба никогда не было. И кого сейчас могут покоробить церковные службы — мы видим на них и нашу государственную верхушку. Всё меняется. Возможно, и к расколу, нашей духовной трагедии, будут возвращаться и возвращаться. И видеть всё по-другому.

О.С. Глеб Иосифович пришел в литературу в середине семидесятых годов, когда появились идеологические послабления, стали выходить замалчиваемые прежде произведения русских и зарубежных писателей. Помню, что уже в преклонном возрасте он с неприязнью вспоминал, как его принудили оставить в живых главного героя повести «Расписка». Позже он напечатал ее в первоизданном виде, но исправил только концовку.

Пакулов по жизни был бунтарем и революционером, в литературе, по-моему, тоже стремился изобразить жизненную правду. И все же, основной текст остался прежним. Мне, работавшему в геологии, понятно, что происходило в партии в местах повышенной радиации. Начальник партии был отправлен туда без выбора: или работа, или партбилет на стол. Он с инженерами попивал спирт при окладах, рабочие, оставшиеся без работы и зарплаты, получали облучение бесплатно, им начальство и брагу не позволяло пить. Но, при всей правдивости повести, красочности описаний, изяществе диалогов, главной проблемы в ней нет.

То же самое, как мне представляется, прослеживается в повести «Останцы». Если бы автор пояснил причину ненависти отрицательного героя к своим землякам тем, что он отбыл в лагерях «десятку», как побывавший в плену, то конфликт был бы более понятен. Но Глеб Иосифович не отредактировал повести и тогда, когда это было можно сделать. И мне интересно, это его авторское нежелание возвращаться к прежним работам, или опасение, что повторную редактуру примут за конъюнктурную? Или, все-таки, у довоенного поколения писателей был еще силен самоцензор?

Т.Б. Не был Пакулов ни бунтарём, ни революционером. По жизни он был, это правда, громкоживущим человеком, и все, и вы, Олег Васильевич, это знаете. А в творчестве, скорее, традиционалистом, и заботился о правде, как он её понимал. «Останцы» писались, когда цензура уже не лютовала. Скорей всего Глеб писал о той действительной ситуации так, как о ней рассудили сами молчановцы. И никакой «ненависти отрицательного героя к своим землякам» автор не усмотрел, как и неприязни жителей посёлка ни к Степану, ни к Михаилу. Все понимали, что хоть и по-разному, но одинаково страшно война для них закончилась. И нет здесь виноватых.

Я думаю, цензор, писательская самоцензура должны быть и в самые свободные идеологические времена. Дело не в том, что автор боится властных окликов,

а в том, что есть жизненная правда, и есть правда божья. Она же и художественная. С точки зрения жизненной правды — зачем погибла Настёна у Распутина? Кстати, Астафьев говорил ему об этом. С житейской точки зрения, зачем автору губить хорошую женщину, да еще с ребенком? Мне кажется в том страшном конце, который судил ей Распутин, есть некая высшая правда. Автор считал, что предательство — смертный грех, который будет передаваться из рода в род. Жить с этим нельзя.

Насчет повести «Расписка». Да, пришлось пойти на компромисс ради напечатания повести, позже вернуть прежнюю концовку, не меня больше ничего. Вы, Олег Васильевич, говорите, что главной проблемы в повести нет. Вы просто имеете своё представление о том, что должно быть в повести главным и исходите из собственного геологического опыта. У Глеба был другой опыт. Насколько я помню из рассказов Глеба, спирт у инженеров кончался скоро, а вот брага у работяг была всегда. Да и не о «классовых» конфликтах там речь. Это повесть о людях, которые, попав в экстремальные условия, сумели сохранить человеческое достоинство, профессиональную, если хотите, честь, а также о тех, кто потерял себя, не выдержав обычных капризов сибирской природы.

О.С. Так сложилась судьба, что вы всегда были в центре литературных событий Иркутска, встречались и близко знали самых известных писателей Сибири и Советского Союза. С кем из них у Глеба Иосифовича были наиболее близкие отношения? Кого-нибудь из них он считал своим учителем, или был самостоятельным, самодостаточным, умея при этом искренне восхищаться талантами и талантливыми произведениями?

Т.Б. Глеб жил и формировался в другое время. Писателей было мало. Все жили дружно, скученно, знали, кто над чем работает. Тогда писательская организация мыслилась как школа, было принято читать друг друга, устраивать чтения и обсуждения, помогать молодым. Это сейчас только в вашей организации восемьдесят писателей, не все даже знают друг друга в лицо, не говоря о творчестве. Недаром Глеб перед смертью просил меня не указывать на памятнике его принадлежность к писательскому цеху. Это стыдно, сказал. Я его послушалась.

Можно прочесть в воспоминаниях Геннадия Машкина, как иркутские писатели того времени собирались на квартире Пакулова и сочиняли пьесу о Ваське Хряке. Конечно, это был молодежный балдёж, но еще и учеба. В те времена в писательской организации были люди, не преуспевшие в творчестве, но высокообразованные, с задатками редакторов и критиков, например Г. Кинжалов, не говоря уже о Г. Гайде.

В воспоминаниях Машкина есть описание, как они читали «Утиную охоту» Вампилова, и Глеб тоже забавно это вспоминал: «Саня закончил читать “Утиную охоту”, а мы молчим: то ли не поняли, что это конец, то ли ошеломила непривычная тема, понимали, что такой пьесе постановка не светит. Мы молчим ещё и потому, что она, на наш взгляд, не окончена. Не совсем поняли — будет Зилов жить или нет? Саня помолчал, потом пришел нам на помощь, выдохнув: “Занавес!”

А были у Глеба тот или те, которых он мог бы назвать «Учитель»? Вряд ли. Не всем везёт.

Конечно, все они учились друг у друга, много читали. В те годы появилось в печати много ярких произведений наших и зарубежных писателей. Глеб следил за творчеством не только ближайших друзей. У него было безошибочное чутьё на талант. Кроме Распутина, он читал и высоко ценил Валентину Сидоренко, Альберта

Гурулева, Евгения Суворова, позже Байбородина, с которым дружил. Следил и за вашими, Олег Васильевич, романами, может быть и с некоторым пристрастием, поскольку вы тоже исторический писатель.

Тогдашние писатели умели радоваться успехам друг друга. Когда Глеб прочитал «Прощание с Матерой», помню, он сказал: «Все, Валентину уже и умирать не страшно»...

О.С. В каждом творце есть тайна. Глеб Пакулов начинал свой творческий путь с живописи и получил образование художника. На мой взгляд, это очень чувствуется в его повестях, он и в прозе оставался художником, создавая очень зримые образы. Мне этого всегда не хватало, и я пытался учиться у него с помощью компьютера: убирал прямую речь и действие, оставляя описания, но так и не понял, как он доби- вался такой образности. Видимо, препарировать художника невозможно.

Но в наше время театр и кино оставляют за собой право на свой взгляд, и зача- стую просто переделывают писателя так, что это уже и не он. Я говорю о фильме «Ведьмин ключ». Фамилия Пакулова в титрах присутствует, но Пакулова в сцена- рии нет, использован всего лишь один эпизод повести, все остальное — жалкое и неумелое подражание Голливуду. Но попутно с фильмом была издана книга пове- стей с иллюстрациями из фильма.

Помогают ли подобные инсценировки увеличению тиража, рекламе творче- ства писателя, или наоборот, отторгают читателя от подлинника?

Т.Б. «Беглецы» — это фильм по поводу повести «Ведьмин ключ». Глеб его не ви- дел. Зачем повесть использовали? Вероятно, это был какой-то только им понятный маркетинговый ход. Сам куратор писал по этому поводу: «Сценаристы прошлись по произведению довольно смело, убив при этом его художественную суть...»

Фильм «Беглецы» предназначался для подростков, для молодёжи, заиклен- ной на так называемых «истернах». Вот они и сделали стрелялки и гонялки по красивой восточно-казахстанской природе. Кроме того, создатели «истерна» при- гласили известных актёров, рассчитывая, вероятно, что и это сработает на успех. Фильм даже отхватил два приза; один где-то в Африке, а другой на задворках Европы. Не думаю, что «Беглецы» помогли заинтересовать читателей прозой Па- кулова. «Ведьмин ключ» — психологически сложная повесть, она вовсе не для тинейджеров.

О.С. Умершие иркутские писатели: Станислав Китайский, Евгений Суворов, Глеб Пакулов, Валентин Распутин — по порядку их ухода — и другие писатели довоенных лет рождения сохраняли в своем творчестве школу русской литератур- ной изящной словесности XIX, начала XX веков. У каждого была своя точка или шкала, где соединяются меры: как написано, о чем написано и для чего? Для кого это понятней.

С этих позиций два романа Глеба Пакулова: «Варвары» и «Гарь» по стилю и содержанию написаны настолько по-разному, будто работа сделана разными людьми. Это следствие творческого взросления, или погружения в исходный ма- териал: прекрасно владея литературным языком, ваш муж писал о протопопе Ав- вакуме не языком «Жития протопопы Аввакума, им самим писанного», а стилизо- ванным церковно-славянским. Работал он над этим романом долго, и считал его лучшим своим произведением.

По содержанию вопросов нет, но как вы расцениваете форму романа, стиль письма? Посильна ли эта книга для современного массового читателя, в большей степени поглощающего информацию, чем наслаждающегося чтением?

Т.Б. Мне говорили о том, что произведения Пакулова написаны по-разному. Но это особый почерк и его принципиальная позиция. При этом во всех произведениях Глеба я чувствую его руку, его взволнованность, цветистость, иногда, может быть, и избыточную — он ведь по первому образованию живописец (ещё зримость, визуальность его слова особенно видна в его поэзии). Да, он всё писал по-разному и считал, что каждая тема требует своей лексики. «Расписка» писалась в те времена, когда все были увлечены Хемингуэем, разговаривая, ерничали под него. «Глубинка» — это ностальгические воспоминания о детстве, и язык соответствующий. «Варвары» писались для молодёжи, это приключенческий роман на историческом материале. Автор считал важным донести до читателя, особенно молодого, свои представления о любви, верности и предательстве, об искусстве, о судьбе художника во все времена. Естественно, роман написан современным, понятным читателю языком.

Трудней всего было с «Гарью». Писать книгу современным языком — значит утратить время. Стилизовать под «протопопа Аввакума» — утратить читателя. Мария Авакумова назвала язык «Гари» волшебным, а это может означать, что Пакулов сумел нащупать золотую середину между современным языком и языком четырехсотлетней давности.

Вы, наверное, заметили, что и внутри романа язык разный: с книжником Крижаничем Аввакум разговаривает языком, близким к литературному того времени, а с сатаной говорит современным языком. Потому что сатана — персонаж вне времени. А Марковна? Кто знает, как она говорила на самом деле. У Пакулова она как бы поёт. А в речи царя Алексея Михайловича, даже когда он говорит вещи обычные, чувствуется некоторая «державность». Пакулов тщательно работал над языком. Пожалуй, это было самое трудное в его писательском деле.

Меня, как и вас, Олег Васильевич, как и Пакулова, тоже занимает вопрос: а надо ли при написании романов, повестей, стихов так уж заботиться о массовом читателе? У нас тьма пишущих, которые только этим и озабочены. Вы уж, пожалуйста, им эту заботу и оставьте.

1 января 2020 года Глебу Пакулову исполнилось бы 90 лет. В этом же году исполняется 400 лет великому писателю и великому гражданину России протопопу Аввакуму. Не знаю, будет ли отмечать эту дату наше государство. Может, вспомнят, что «Житие» — книга семейного чтения Льва Толстого, Тургенев всегда возил ее с собой, а Алексей Толстой признавался, что при написании романа о Петре не раз перечитывал «Житие». Аввакум — первый писатель России, посетивший Сибирь, он проплывал мимо строящегося Иркутска и видел начало нашего города. Это великий из великих, его «Житие» изучают институты всего мира, «ЮНЕСКО» включило его в список всемирного культурного наследия. Протопопу Аввакуму поставить бы памятник в первую очередь, а не Сперанскому, который пробыл в Иркутске полгода и очень плохо о нем отзывался.

О.С. Возвращаюсь к тому, что вы знали очень многих видных писателей прошлого века и теперь имеете возможность оценить их с позиций нынешнего века. На ваш взгляд, из чего возникают или складываются слава, известность, популярность? В основе этого лежит читательский спрос, общественная деятельность или личное обаяние, как сейчас говорят, харизматичность личности?

Т.Б. Складывается из всего того, что вы перечислили. Но мне кажется, в этом есть своя иерархия. Общественная деятельность — да, важна, особенно для возможности публикаций. Ловко закрученная интрига, «жареные факты», злободнев-

ность — могут обеспечить популярность роману, повести. (Злободневность темы может быть даже и полезной, но числиться должна всё-таки по другому, отнюдь не литературному, ведомству.) Харизматичность тоже многого стоит, но она работает, пока живут их носители или, по крайней мере, люди, окружавшие харизматика. Здесь я считаю классическим примером Александра Вампилова. И всё-таки, для устойчивой, нарастающей со временем славы нужен талант и, прежде всего, талант. Время будет отбирать произведения и их авторов именно по этому признаку.

Те или иные события уходят, вспоминаются все реже и даже забываются. Всякое произведение искусства сопрягает в себе «Что?» и «Как?» В любом произведении со временем взаимосвязь содержания и формы изменяется. «Как» — т.е. форма, мера художественности, становится много важнее. Конечно, она не может быть отделена от содержания: и всё-таки именно «как» всегда будет определять весомость «что». Я в этом убеждена. Сюжет не спасёт. К примеру, любовный треугольник кочует из века в век, из романа в роман, но «Анна Каренина» — одна.

О.С. Тамара Георгиевна! Вы были знакомы со многими видными писателями, были свидетелем многих событий. На ваш взгляд, насколько соответствует образ подлинного Вампилова образу, созданному в фильме «Облепиховое лето»?

Т.Б. В моей памяти образ Александра Вампилова не имеет ничего общего с образом, созданным в фильме. В фильме много откровенной лжи. Дело вовсе не в том, что Мерзликин внешне нисколько на Вампилова не похож, враньё в том, что, как нас пытаются уверить создатели фильма, Вампилов вырос не в иркутской писательской среде, а среди московских диссидентов. Я уже не говорю о мелочах: не в той лодке сидели, не тот был за рулем. В фильме нет никаких намеков на творчество Вампилова, создаётся впечатление, что авторы не читали его пьес, не заглянули в его записные книжки. У них он, бедный, работает-работает, а его не печатают. Это неправда. Его и печатали, и ставили при жизни.

О Распутине в фильме нет ни слова даже за кадром, хотя творчески они были очень связаны. Это была своеобразная творческая спайка, дружба-соперничество, вполне плодотворное для обоих. Я думаю, этот фильм не стоит разговора о нём, никакого отношения к Вампилову он не имеет. Тема оказалась не по зубам создателям фильма.

О.С. Если бы это был единичный случай, случайность, ошибка. Я уже не распространяюсь про историю Сибири, России, Иркутска, улицы которого носят названия политических интриганов и террористов, но ведь, будто умышленно кто-то создает антиобразы и антиисторию: возвеличиваются интриганы и подлецы, замалчиваются подлинные герои, меняется их облик. На всякую знаменитость, как вороны на тухляк, бросаются киношники, писатели, драматурги, художники и делают с ним все, что вздумается, оправдываясь своим творческим видением. Затем подлинное подменяется вымышленным. И кто-то за все это им платит, куда как весомей, чем за романы.

Тамара Георгиевна, что вы думаете по этому поводу с высоты вашего богатого жизненного опыта?

Т.Б. Ничего нового здесь нет — так было, так будет. А за романы сейчас кто платит? За хорошие? Это не рентабельно. Спасибо, что печатают. Целые команды «донцовых» и другие команды, ещё ниже качеством, производят «чтиво». Все работают на массового потребителя, и так будет всегда, если государство не возьмётся за культуру. Культура — не генетическая память народа о себе и она не наследуется биологически, она исторически сохраняется и взращивается, т.е.

культивируется, возделывается живущим поколением людей и передаётся следующим. Без воли государства ничего этого происходить не может. Подлецы будут ходить в героях, а графоманы в классиках.

Что за эти тридцать лет сделало наше государство, чтобы воспитать культурного читателя, зрителя? Мы потеряли не одно поколение читателей, понимающих толк в художественной литературе, поэзии, живописи. А потому надо учиться самостоятельно, отыскивать в куче культуropодобного хлама то, что имеет отношение к искусству.

О.С. Как искусствовед и критик, вы не пытались обобщить Иркутскую литературу второй половины прошлого века, из каких истоков она питалась, что хотела донести читателям в целом? Каков был ее вектор?

И если следите за прозой, поэзией и драматургией уже далеко не молодых литераторов послевоенного поколения и моложе, насколько они последовательны творчеству ушедших иркутских писателей?

Т.Б. Вообще-то, литература — не моя специальность. Но мне, как просто читателю, кажется, что сохраняя некоторые региональные черты, связанные со своеобразием сибирской природы, сибирского характера, иркутская литература развивалась в русле всех магистральных течений русской литературы. Так будет и впредь. Конечно, новое время — новые песни. И всё лучшее, как всегда, появится лишь на основе корневой, предками завещанной, веками проверенной на прочность великой русской культуры. В том числе и литературы.

ЛЮДМИЛА БЕЛЯКОВА

Дети-на-крови

Бережно храню номер газеты «Пионерская правда» за 1960 год. Удивительно, но на каждой странице — много хороших слов о морали, нравственности, совести. Почти в каждой статье или краткой заметке детям объясняют, что такое хорошо и что такое плохо. А нынче? Редкий кроха подойдёт с подобным вопросом к папе или маме. Ему некогда: он играет в компьютерные игры.

Задумаемся, часто ли мы слышим слово «совесть»? Да, пожалуй, нигде, кроме как в редких художественных фильмах, которые являются художественным вымыслом и, как правило, далеки от реальности. Например, недавно в очередном телесериале можно было слышать такое: «Совесть — штука неоперабельная». Герою, по замыслу сценариста и режиссёра, видимо, положительному, важно было не столько упомянуть о совести, сколько показать своё остроумие и уровень интеллекта. А ведь совесть — искра Божья, малая толика в душе человека. Мы забыли, не помним. А если и помним, то вспоминаем редко, от случая к случаю, и то по отношению к другим людям: «Бессовестный какой!», «Совести на вас нет», «Ни стыда у него, ни совести» и так далее и тому подобное.

Владимир Даль определяет совесть как тайник души, в котором отзывается одобрение и осуждение каждого поступка, нравственное сознание, нравственное чутьё в человеке, внутреннее сознание добра и зла. Сегодня, к большому сожалению, у многих людей разум присутствует чаще всего для того, чтобы заглушать совесть.

Почему так происходит? Обратимся к недавно ушедшему XX веку. Что же видели наши деды и прадеды? Жестокие времена первых десятилетий, когда брат убивал брата за идею или потому, что так сложились обстоятельства. Кровавые разборки периода раскулачивания, наглядно показавшие, как личное имущество, добро, богатство, «нажитое потом», становится дороже общечеловеческих ценностей. И одновременно с этим — великие стройки, энтузиазм молодых. Видели эпоху культа личности, когда брат уже не убивал брата, а «стучал» на него в соответствующие органы, а те уже совершали аресты, расстрелы и отправляли в лагеря. Войну с фашистской Германией, уничтожившую самых лучших и не самых равнодушных. Голод и разруху. Восстановление народного хозяйства. Потом были хрущёвская оттепель, полёт Гагарина в космос, спокойные брежневские времена. Перестройка, когда сносное и терпимое заменили на худшее. Но так и осталось непонятным: а что перестраивали-то? Не столь далёкие лихие 90-е. И опять кое-кто у нас порой не захотел жить честно и пошёл убивать себе подобных, щеголяющих в малиновых пиджаках, а заодно и попавших под руку законопослушных граждан. Беспорядков, так и не дождавшихся своего Дзержинского.

Словом, пережили и всеобщую электрификацию, и коллективизацию. Мобилизацию заменила всеобщая компьютеризация и растущее не по дням, а по часам налоговое бремя. Богатые уже не плачут, а чиновники боятся потерять свои нагретые места. Где уж тут думать о собственной душе! Выжить бы, не потеряться и найти силы тянуть свою бурлацкую бечеву. Прилепиться к чему-то более достойному, чем реальность. Находим утешение в религии, разделяя жизнь на бытовую и воцерковленную. Зачастую эти половинки не соприкасаются. Ну кто, скажите,

соблюдает все десять заповедей? Как судили других, так и продолжаем осуждать. Как желали того, что есть у соседа, так по-прежнему изнываем от неуёмного желания иметь намного больше и качественнее, чем есть у кого-то. Мы-то лучше. Почему не нам, а кому-то? Вот и плодится на земле зло, при этом смело бахвалится численным превосходством. А душа то — живая. Нет-нет, да и тянется к высокому и светлому.

Где же найти близкое к собственной душе? К чему прилепиться? Вера в Бога хороша уже тем, что отрывает от повседневных забот и приподнимает над обыденностью. Сегодня, когда всё вокруг пропитано властью денег, кажется, одна только церковь говорит о духовности, о вечной душе и морали. Получается, если исповедуем русскую православную веру, значит, мы — духовные и высококонрастные люди. Если же с гордостью заявляем, что в Бога не верим, то нам тут же объяснят: «Всё равно к вере придёте! Надо же найти смысл нынешней бестолковой, бездумной жизни». Вот и получается, что духовность принято считать чем-то, относящимся только к православию.

А как же быть с двумя вышеупомянутыми половинками? Однажды довелось видеть на автобусной остановке, как после службы в церкви старушки и женщины разного возраста с просветлёнными лицами кинулись к подошедшему автобусу. Расталкивая друг друга локтями и возмущаясь, они полезли в салон, чтобы занять сидячие места. Ехать-то, действительно, было не близко. И куда делась их просветлённость? Так, получили сеанс психотерапии, скинули груз забот ненадолго и продолжают идти по обочине истинной веры. Невольно закралась мысль: неужели и впрямь некоторые люди придумали Бога, чтобы увернуться от обязанностей к человеку?

В своё время очень уважаемый нами Михаил Пришвин заметил, что надо бы «людям пути отрезать от неба, чтобы они были на земле и знали одно: Бог на земле». И кто его знает, может, тогда и сострадания, и желания помочь ближнему станет больше? А пока получается с точностью до наоборот. Замученные условиями жизни, обозлённые и задёранные, мы продолжаем борьбу не за светлое будущее — за собственное существование и более тёплое место под солнцем, достигнуть которого хотелось бы с наименьшими потерями. Самоутверждаемся.

В каждом человеке есть зачатки способностей. Если покопаться, всё равно что-нибудь да найдётся. Только как эти способности обнаружить и развить? Тоже вопрос. Иная безголосая певичка, как бы ни старалась, как бы ни кривлялась, вызывает, в лучшем случае, жалость. А может, она умеет красиво вышивать крестиком? Может, это её призвание, только она не знает об этом? А если знает, всё равно хочется реализовать себя на эстраде? Что же, красиво жить не запретишь. Хочется да колется. Вот и наличествует желание самоутвердиться, когда наша бесценная и взлелеянная честь становится дороже, чем совесть? У нас, нет, не русских, а русскоязычных, имеется огромный пласт культуры и от этого — понимание собственной исключительности. Что, в общем-то, справедливо. Но сколько же нереализованных возможностей! Сколько же могли бы, но не смогли, не сделали, не выразили, не проявили себя! По ряду самых разных причин. Не сумели, не захотели из-за ложной системы ценностей, слишком уж кривобокой.

Не потому ли способность понять и простить у большинства народонаселения нашей страны отсутствует? Проходим мимо друг друга, равнодушные, не имеющие ни малейшего интереса к чужой судьбе. И даже помыслить не можем, что встреченные нами на жизненном пути — тоже люди, нам подобные. Хотя не за-

бываем при всём при этом мерить их своей меркой и судить по себе. Не отсюда ли все попытки сберечь остатки имеющейся чести и унижить ближнего, начиная с семейных склок по поводу невымытой тарелки и заканчивая незаметным убийством чувства личной ответственности за всё происходящее вокруг. А может, этого чувства и не было в том или ином человеке изначально? Как-то не верится. Воспитание, особенно семейное, не сбросишь со счетов. «Каковы ветки — таковы и детки». Духовность прививается, прежде всего, в семье.

Конечно, у каждого появившегося на свет младенца — своя, отличная от всех прочих, особенная душа или, как сейчас говорят, свой стартовый капитал. Но лишь от семьи зависит, захиреет ли этот капитал, обесценится ли или будет прирастать русской культурой. Не суммой полученных знаний, а именно культурой, то есть правильной иерархией ценностей, полученным умением мыслить и чувствовать. Но так ли всё ладно в первичной ячейке общества? Родители, а часто один родитель, работают, зарабатывают деньги, чтобы накормить и достойно приодеть собственных чад. Когда уж тут формировать из них достойных членов не совсем достойного общества?

Ещё Иван Бунин в «Окаянных днях» отметил, что народ сам сказал про себя так: «Из нас, как из древа — и дубина, и икона». В зависимости от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емельян Пугачёв. Ну и что, что жизнь такая и чаще всего не устраивает? А сами-то на что? Неужели не желаем своим детям добра, счастья и долгих лет жизни? Любим же их безмерно, а сил на самое главное не хватает. И начинаем думать: «Да так ли это важно?» Если что случится — виноваты все, кроме нас. Детский сад плохо следит за здоровьем детей, школа их плохо учит, медицина плохо лечит. А когда посмотримся в зеркало, то давай на него пенять. Народную мудрость забыли: мол, «неча», пенять-то как раз и не следует. И загоняем проблему внутрь, откладываем в долгий ящик, оставляем на потом.

Обратимся к прошлым временам. Как же раньше обстояло дело с вопросами воспитания? В патриархальной России родители обычно тоже, как и сейчас, работали, а воспитанием детей занимались дедушки и бабушки. В высших слоях общества в дворянских семьях первыми наставниками были няньки и дядьки, опять же люди старшего поколения. Конечно, не у каждого дворянского отпрыска была своя Арина Родионовна. Но ведь и Пушкин у нас один. В русской, да и мировой, литературе довольно часто освещалась проблема отцов и детей, а вот о проблемах внуков и бабушек с дедушками нам почитать не удалось. Хотя, может, и есть такие книги. Не попадались. Зато много страниц детских воспоминаний классиков и современников написаны с большой теплотой, от сердца, и посвящены именно им. Именно люди старшего поколения могут понять детскую душу, направить её в нужную для благополучного существования сторону. Считалось же, что старшее поколение, накопившее огромный жизненный опыт с природой и людьми, научившееся за долгие годы преодолевать трудности, должно это опыт передавать младшим через сказки, былины, песни, пересказы и просто неторопливые беседы. Так собственно и происходило. В первой трети XX века старый уклад жизни оказался разрушен, семейные связи рвались, и продолжают рваться до сих пор. При царском режиме к пожилым людям относились с должным уважением, и позднее, при советской власти, был «старикам везде у нас почёт». А сейчас, в эпоху всеобщей компьютеризации, пенсионеры, и так не жалюемые государством, стали «лохами» (в лучшем случае — мамонтами). А какими им ещё быть, если до сих

пор живут по понятию «человек человеку — друг, товарищ и брат»? Время нынче другое, иные лозунги в моде — «Человек человеку — волк». Чему же старики могут научить своих внуков? Глупостям всяким, вроде честности и порядочности. Не актуально как-то.

Сейчас внуки, если приходят к старикам в гости, общаться не хотят. Дежурные вопросы — дежурные ответы. А всеми помыслами — там, в СЕТИ. Из рук смартфоны и гаджеты разные не выпускают, и мозги у них становятся деревянными. В сказке-то, как мы помним, Буратино от глупости спасла осуществлённая мечта — кукольный театр. А о чём мечтают современные внуки, не знаем. Они с нами не делятся.

И как тут не вспомнить семейное предание, которое передавалось из уст в уста несколькими поколениями наших предков. Произошло это в середине XIX века в одном из казацких сёл на берегу реки Медведицы. В ту пору казакам досаждали набеги калмыцких кочевников, прозванных за невообразимое по своей жестокости насилие над мирными жителями башибузуками. Кочевники не только грабили, но и убивали. Просто так, ради удовольствия.

Видимо, набегов не было несколько лет, и казаки утратили бдительность. Всё взрослое население с утра отправилось на сенокос. Дома остались старики да малые дети. И тут налетели на конях башибузуки. Под их воинственные крики, несущиеся издалека, старики успели на окраине села спрятать детей в большой яме, вырытой специально для подобных случаев, закидали ветками, строго-настрого приказав сидеть тихо. А сами кинулись на башибузуков, кто с вилами, кто с кольями. Надо было протянуть время, пока не подоспеет помощь. Полегли все — старики и старухи. Были зарублены и скинуты в ту же яму на ветки. Позже, когда подоспевшие взрослые стали поднимать оттуда испуганных детей, увидели, что те буквально залиты кровью.

Через несколько лет дети выросли. Но как сильно они отличались от своих сверстников из соседних сёл! Неразвитостью, малой эмоциональностью, отсутствием доброты. И прозвали их — дети-на-крови.

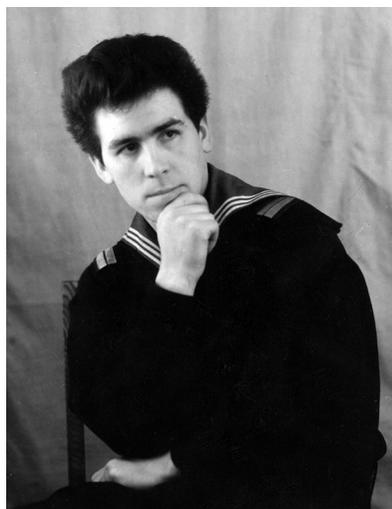
Вот и думайте сами. Все мы — в большей или меньшей степени — дети на крови.

75-летие поэта Владимира Скифа

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

Поэт эпохи Водолея

Владимир Скиф

Владимир Скиф — и в самом деле истинный поэт эпохи Водолея. И не только потому, что родился 17 февраля 1945 года, под знаком Водолея; всем творчеством своим он как бы предваряет наступающую эпоху Водолея, эпоху России. Может, и не стоит в нашей православной стране особо увлекаться лунными и прочими природными календарями, но ведь и русский мужик издревле не только в святцы заглядывал, а следовал древним природным календарям и приметам. Последуем и мы. Тем более, что мной давно уже задумана книга о писателях, рождённых февралём. Здесь и гениальный Юрий Кузнецов, чьё влияние, несомненно, чувствуется в стихах Владимира Скифа, здесь и Александр Проханов, Эдуард Лимонов, Влади-

мир Шемшученко... Наберётся добрый десяток творцов, отмеченных щедростью матушки-Природы. Впрочем, и я, грешный, — рождён февралём. «Февраль. Достать чернил...» это и про нас, видимо, написал в своё время Борис Пастернак. Думаю, сейчас не только в футболе и хоккее, но и в жизни нашей всеобщей русской, в культуре и науке, в развитии нашем, наконец, спустя двадцать лет дури и прозябания, наступает с великим трудом эпоха Водолея. И знаменосцами её, несомненно, становятся русские поэты:

*Я на тропинку неба выхожу,
Смотрю на землю из небесной выси.
Уж целый век себя я не щажу,
Я искру сердца над столетьем высек.*

*Я слышу горький человеческий вой,
Мне зябко жить среди провалов мира.
И страшно петь. Но я еще живой.
Меня спасла классическая лира.*

*И мой Байкал. И этот чистый свет,
Мои глаза и душу напоивший.
Я — светносец! Я ещё поэт,
Не зря, быть может, на земле светивший.*

Среди них, как равный среди равных, и автор этого стихотворения иркутский поэт Владимир Скиф. Если честно, то вовсе не Скиф, а Смирнов, Который Изменил Фамилию. Но, думаю, он поступил правильно: среди Смирновых затеряться легко даже могучему сибиряку, вот и гадай, чьи стихи вышли в центральной газете — того или иного Владимира Смирнова? Да и обличьем своим (кто знает, тот поймёт) он, конечно, походит на нашего предка скифа. Впрочем, и ко всему лучшему в творчестве талантливого иркутского поэта смело можно поставить эпиграф из Александра Блока: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы...». Природный, натуральный сибирский скиф. И родился под Иркутском в небольшом посёлке Куйтун (по-бурятски холод, мороз), и всё жизненное и творческое становление его происходило в городках и посёлках с такими экзотическими для москвичей названиями, как Харик, Тулун, служил в морской авиации на берегу Муравьиного залива под Владивостоком, а святым градом Китежем для него давно стал родной Байкал, где он знает южное и северное побережье, Малое Море и Ушканьи острова, а уж в районе достопримечательной Кругобайкалки каждую травинку, каждый мыс и каждый туннель. Поэт знает и зимний Байкал, и осенний, и летний; берега Байкала — его дурманящая постель, где всегда можно укрыться, спрятаться, в том числе и от житейской непогоды:

*На зимней даче сон глубок.
Я лёг и в бездну провалился,
Где сна таинственный клубок
В заулочек памяти скатился.*

Скиф, как байкальский водяной, бережёт и борется за свои родные просторы.

*Хлестанул по России напалм,
Все заборы в России упали.
Я смотрю: мой забор не упал,
Потому что забор — на Байкале.
.....
За забором звенит перебор
То баяна, то русской гитары...
Не пройдут через этот забор
Двадцать первого века хазары.*

Как сказал поэт на одном из байкальских праздников: «О Байкале, как о Пушкине, можно сказать, что “это — наше всё”. Байкал — это действительно всё. Я живу на берегах Байкала. Он — мой «цитатник», моё вдохновение. У меня о нём написано более ста стихотворений. Все они разные: о цветах и байкальских скалах, о самом Байкале — утреннем и ночном, зимнем и весеннем, о его характере и привычках, о его космическом, я бы даже сказал — библейском происхождении. Дом, в котором мы живём уже сорок лет, стоит в двадцати шагах от священной байкальской воды, дети в нём выросли, и вот сейчас внуки растут. Внук Лёничка, с которым я бываю на праздниках “День Байкала”, спрашивает у меня: “Деда, а Байкал, он — мой?” — “Да, — отвечаю я, — твой!” Без Байкала мы не мыслим своей жизни на благословенной сибирской земле».

*Здесь быть и жить необходимо —
У этих вод, у этих скал.
От зла да будет оградимо
Твоё вместилище, Байкал.*

Владимир Скиф — крайне разносторонний поэт. Это и сатирик, автор острых эпиграмм и пародий, и публицист, гневно выступающий против всех врагов России, и мастер стихотворного портрета, певец русской истории. Во всех жанрах он добивается весомых побед. Частенько один жанр накладывается на другой. Как, например, отделить историю от стихотворного портрета, а то и другое — от гневной публицистики в стихотворении, посвящённом памяти Вадима Кожина:

*Кричат, что Россия низложена,
Скатилась её голова.
Вадим Валерьянович Кожин
Твердил, что Россия жива!*
.....
*Избитая в кровь и острожная,
Земля ему будет верна...
...Вадим Валерьянович Кожин,
Пусть — Вам — будет пухом она!*

Или же в стихах о его любимом писателе Василии Шукшине:

*Склевали калину последние птицы
И нет ни души за окошком пустым.
Когда затухали на небе зарницы,
Василий Макарыч ушёл из больницы
В осеннюю волглую, тёмную стынь...*

Поэт называет героев своих портретов воинами русской земли. Но он и сам — воин не из последних. И всё же из всех его жанров я отдаю предпочтение пейзажной, природной лирике. Тут и душа Сибири, и душа поэта, тут и скифская душа. Всё-таки ничто не бывает случайным. И приглянулось ему прозвание Скиф именно потому, что скифское, кочевое, природное поведение, воинское верное служение и боевитость духа далёких предков оказались поэту наиболее близки. Он готов даже пожертвовать собой и своим поколением, чтобы дать дорогу новой, молодой — водолейной — победной России. Вот одно из лучших, пусть и печальных его стихотворений:

<i>Ухожу, проваливаясь в сумрак, Будто в бездну века ухожу, Небеса, окрашенные в сурик, В слякотную осень уношу. Сумрак тучный, вязкий, как болото, Чавкает прожорливою мглой. Унести мне в прошлое охота Тайны века под своей полой....</i>	<i>Чтобы сумрак, ослепивший души Грешного народа моего, До конца Россию не порушил, Не затмил Отчизны торжество. Под сырой осенней позолотой Оживаю от душевных ран... Из меня уходит сумрак плотный, Как с Байкала-озера туман.</i>
--	--

Это не только прекрасный образ, но и стиль жертвенно-трагически-героического поведения уходящего уже в прошлое первого послевоенного поколения. Смело беря удары на себя, журналы «Наш современник» и «Москва», возглавляе-

мые нашими жертвенными старейшинами — Станиславом Куняевым и Леонидом Бородиным (к сожалению, ныне ушедшим в мир иной), журналы, где Владимир Скиф — один из основных авторов, уносят с собой разломы и расколы русского бытия, всю грязь разрухи, дабы очистить место для возрождающейся России, для оживления родных убитых русских земель. И в этом смысле Владимир Скиф — жертвенный поэт. Может, так и древние скифы когда-то, погибая в бесчисленных сражениях с чуждыми племенами, освобождали место для нарождающейся Древней Руси?

*И встану и завою
Среди земных высот.
Охотник или воин
Мне целится в висок*

Владимир Скиф — один из представителей моего «поколения одиночек», «поколения Победы», ребят, рожденных в конце войны или сразу после неё. Мы были напоены духом Победы, мы играли всё детство в воинов-победителей, мы были уверены в своем счастливом будущем. Мы и себя никак не отделяли от Победы. Без всяких газет и парадов знали, что без вернувшихся фронтовиков, какими бы они ни были, не родились бы и мы. Об этом писал недавно ушедший от нас Николай Дмитриев:

*Я вместе с батькой выполз, выжил,
А то в каких бы был мирах,
Когда бы снайпер батьку выждал
В чехословацких клеверах.*

Об этом же пишет в стихах о воевавшем отце и Владимир Скиф: «То, что мой отец воевал, всё пережитое им: горечь поражений и радость выстраданной Победы — всё это в генах передалось и мне. Ведь не случайно в своих произведениях я много раз обращался и обращаюсь к кровотокающей и суровой теме войны».

*Предвоенный год. Весна.
Нет меня на свете,
Но я знаю, что война
Будет на планете.
.....
Я в неведение слепом,
Но мне всё известно:
Мама из дому и в дом,
Не находит места.
.....
Застывает у крыльца,
Будто бы чужая,
В сорок первый год отца
Мама провожает.
.....
На дороге липкий дождь
Хлещет по солдатам.
Ах ты, Господи! Ну что ж?
Буду в сорок пятом!*

Дети Победы, вроде бы самое благополучное поколение России за многие столетия! Но, может быть, именно поэтому свою войну, спустя двадцать-тридцать лет после рождения, мы безнадежно проиграли. Вослед за чувством Победы мы еще подростками попали в «оттепель» под тотальную дегероизацию, навязанную шестидесятниками, и даже если не соглашались со старшими братьями шестидесятниками, вынуждены были им уступить и реальную, и идеологическую власть. Увы, мы верили в Родину, верили в любовь, но конкретной социальной идеологии не имели, ни левой, ни правой, ни прокоммунистической, ни прокапиталистической, да и к православию приходили, как правило, поздно. Потому и оказались обречены на одиночество.

*Боже мой! Всё рушится в полёте,
Не спасает даже поворот...
Я один стою на повороте,
До Господних не дойдя ворот.*

Одиноким был и Владимир Скиф. Он мог искренне восхищаться творчеством свояка Валентина Распутина, но и ту старую деревню, воспетую Беловым, Астафьевым, Носовым и Распутиным, он уже не застал. Оставалась ностальгия, перешедшая в годы «перестройки» в резкое отрицание новых хозяев жизни. Всё его творчество, если не касалось оно скифской дикой природы, посвящено надломам и трещинам в русском сознании. Поэт озирается вокруг себя, ищет поддержки, но великое поколение отцов-фронтовиков уже обессилело, старшие братья-шестидесятники предали Русь и пляшут на её обломках, перебираясь в иные заморские страны, а много ли навоюешь в одиночном окопе? Лишь сжимается сердце поэта, когда он видит:

*Улетают к звёздам срубы,
Заселяет сердце грусть.
И луна целует в губы
Умиращую Русь.*

Период затмения у поэта держится достаточно долго, затмения и в надеждах на спасение страны, и в поэтических образах. Он с головой уходит в свою Скифию, в какую-то подземную, глубинную Русь.

*Не ощущается крепости жизни
В тёмном сцепенье земли и небес.
Воет душа об угасшей Отчизне,
Воет, как пёс, обездоленный лес.*

Для него волчий ли, собачий вой — не отрицательная характеристика души, а состояние собственного одиночества, внешне вполне благополучного. Для него девизом становится мысль Генриха Гейне: «Весь мир надорван по самой середине. А так как сердце поэта — центр мира, то в наше время оно тоже должно самым жалостным образом надорваться. В моём сердце прошла великая мировая трещина». Не будем сравнивать ни таланты двух разных поэтов, ни сами страны, но во что я искренне верю, это в надорванность таланта самого Владимира Скифа. Он бы и сам желал преодолеть, забыть свою трещину души, потому уходит в разные победные, жизнеутверждающие жанры: пародии и песни, верлибры и четверостишия, пишет «Письма современникам» и стихи-портреты, вполне приличные и значимые стихи. Но всё-таки определяющим в его истинной поэзии является расколотость сознания оставшегося не у дел поколения.

*Я иду вдоль долины плоды молодые калины,
Чтобы ягоды счастья от камня тоски оторвать,
Но в руках тяжелеют холодные слитки-рубины...
Ну, зачем ты, калина, камнями надумала стать?!*

Что оставалось пропащему, потерянному в городских ли джунглях, в лесных ли далях поэту с занемевшей душой, особенно когда вослед за «оттепелью» и «застоем» последовала оглушительная, разрушительная для миллионов русских людей «перестройка»? Из спокойного, несколько меланхоличного поэта вырастет боец русского сопротивления.

*Занемела душа — в ней такая печаль и пустыня.
Я — Отечества сын, у которого сердце болит,
Оттого что в стране, до озноба родной и постылой,
Прокатился, как смерч по земле, чужеземный болид.*

Иные его стихи девяностых годов вполне могли бы стать манифестами восстания. Ни о какой политкорректности в его стихах говорить не приходится. Он физически чувствует, как оскудевает культура, как поэзия уходит из русской жизни. Он ещё надеется, что многочисленному отряду патриотических писателей удастся воодушевить, зажечь общество, к штыку приравнять перо. Он верит, что пропащие русские люди спасения ради возьмутся, наконец, за «АКМ».

*И я подумал: смрад гремющий,
Или Москвы большой гарем
Его разбудят, и — пропащий
Вдруг превратится в «АКМ».*

Но за «АКМ» если и брались, то террористы или насильно мобилизованные на чеченскую войну сельские ребята. Увы, но, даже возвратившись с постылых и ненужных кавказских войн, никто на штурм оккупированного Кремля не собирался. Все горячие призывы поэта оказались не услышаны, не перешли в живое действие.

*Кто там в очередь встал на поминки
По России — у пыльных оград?
Миномёт, раздолбай их в суглинке!
Дай им очередь в ад, автомат!*

Все дудки певцами были переломаны. Одно из лучших стихотворений этого опустошённого периода посвящено трагическому разлому между государством и народом, «мимости» всего происходящего в жизни страны.

*Мимо русла влиает река,
Мимо неба текут облака.
Мимо Родины ходит мужик
И судьбой своей не дорожит.*

.....
*Книга движется мимо ума,
Мимо поля текут закрома.
Мимо святости ходит народ,
Мимо жизни Россия идет.*

Казалось бы, всё — тупик. Но есть еще и природа, есть ещё и своё скифство, есть просторы России, которые спасают народ не только от чужих завоеваний, но и от собственного разрушительства и разочарования. Природа сама идёт к нему в стихи, минуя все метафоры и размеры. «И не стихи уже... Саранки Высоким слогом говорят». Так в будущее поэта ведёт уже и прошлое родной истории, и неугасающая мощь самой природы. Иногда эти темы в стихах Скифа соединяются, поэт падает в изнеможении на красный клевер, но за этим красным клевером в памяти всплывают красный клевер на орденах фронтовиков, красный клевер раненых солдат. Значит, русскому поэту надо держаться. Держаться даже среди чудовищ. Ибо любые чудовища из сна или из реальности — вызывают рано или поздно неизбежный народный отпор. Поэт готов и Скифию свою отдать на закляние ради спасения Руси.

*Пора туман и подоплёки
Со смысла скрытого срывать.
Пора, пора орлиный клёкот
В штыки и пули отливать.*

Боль топит монстров, а Россия вновь приходит в себя. И пусть «ходит вдоль русского края Третья война Мировая...», за молитвами о русских святых, за портретами русских великих поэтов, от Николая Рубцова до Юрия Кузнецова, приходит время новой надежды. Может, и сама поэзия спасает Владимира Скифа, утешает его душу, врачует раны. А дальше приходит очищение и возрождение.

*Но высоко стоит Православье,
Демон зла не объявится в нём.
Оживают в любви и во славе
Русский крест, Русский мир, Русский дом.*

Иные прощальные, поминальные, горестные стихи связаны с конкретными событиями, потрясшими его душу. Но за конкретным плачем, за конкретным переживанием уже просматривается и мотив нашего всеобщего отщепенства, спасения. Вот, к примеру, «Поминальные стихи» памяти погибшей в чудовищной авиакатастрофе Марии Распутиной, дочери писателя:

*Подать бы ей, как чудо, руку жизни
И выхватить из пламени, обнять...
Но мы сошлись на этой горькой тризне,
Нам слёз души не скрыть и не унять.*

*И лишь одно нам светит утешенье,
Что посреди Петровского поста
Мария в Наивысшем услуженье
Была нужна и призвана туда.*

Уходят из жизни поэта друзья и соратники, исчезает, казалось бы, весь русский материк, как исчезла Матёра в повести Валентина Распутина, но что-то заставляет цепляться за жизнь, и не только чисто биологически, не только в уповании на «цветистую даль заповедного милого края», где всегда для отдохновения и успокоения отыщутся родные очаги, ручейки, перелески. Природа спасает, но быть певцом собственной робинзонады посреди всеобщего запустения и катастрофы Владимир Скиф не желает. Набравшись сил от родной скифской природы, поэт

жадно тянется ко всем намечающимся росткам русского возрождения. Он готов кричать вместе с болельщиками: «Вперед, Россия!». И лозунг этот, завуалированный спортивными победами, на самом деле обращён ко всем — мыслителям, политикам, ученым, строителям, воинам:

*Поднимай свой меч, оплавленный
Русским пламенем побед!
Ярославной хватит плакаться,
Ведь тебя сильнее нет!*

И уже понятно, что наш народный «Русский крест» предназначен не только для распятия страны и народа, но и для последующего очередного воскресения:

*Засмеёмся и отринем грусть,
Встанем на холме, на возвышении,
Чтоб очистить от пилатов — Русь,
Уберечь её от поношения.*

*Притекут в Россию благодать,
Исцеленье, радость и сияние.
Быть распятой, значит испытать
Высшее, святое Богознание.*

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

Новокрестьянские поэты: исповедничество в слове

О ПРИЧИНАХ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ К РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ И ЕЁ ПЕВЦАМ

О Русь, взмахни крылами!

Сергей Есенин

И разбитою рукою
Я крещусь, крещусь.

Сергей Клычков

С кровью на ланитах,
Сгибнувших, убитых
Не исчезь, любя.

Николай Клюев

Тема репрессий против русских писателей в Советской России XX века, казалось бы, хорошо изучена. Даже несколько избита. Хуже того — после очередной «русской революции» 1991–93 гг., пришедшие к власти так называемые «шестидесятники» (они же «кухонная оппозиция режиму» с заслуженной антисоветской фигурой в кармане) даже составили свой собственный пантеон страдальцев. В основном — представителей творческой интеллигенции.

И с ними трудно поспорить — действительно, многие из попавших в «шестидесятнические святцы» одарённых людей страдали, жили в атмосфере страха и доносительства: на них доносили, да и сами они — нередко сообщали куда следует (архивы ВЧК/ОГПУ/НКВД/МГБ/КГБ до сих пор засекречены), коллективные расстрельные письма подписывали (это-то вплоть до 1993 года) и так далее.

Повторюсь — об этом много написано. Но одно для меня всегда оставалось загадкой. Почему страдальцы с «философского теплохода» (**Бердяев, Ильин, Лосский, Франк** и другие) были тихо и с комфортом отправлены страдать за границу? А страдальца **Ахматова** (жена расстрелянного «врага народа» и мать отбывающего заключение «врага народа») страдала в писательском посёлке Комарово (под Ленинградом) — на государственный счёт (и в блокадный Ленинград за ней и за другим страдальцем — Зощенко — был послан специальный самолёт, чтобы вывезти их, а не десять, к примеру, голодающих детей)? А страдалец Пастернак — страдал также на государственный счёт на собственной даче в другом писательском посёлке — Переделкино (под Москвой), а пьесы в его переводах шли по всей стране (и приносили исправный доход)? Почему ещё один страдалец (**Михаил Булгаков**) писал отчаянные письма Сталину о том, что недостаёт средств устраивать привычные приёмы гостям — и кровавый тиран распорядился возобновить пьесы писателя во МХАТе, а другого страдальца (**Андрея Платонова**) — лично раскритиковав за антисоветскую пьесу, Сталин препоручал на «перевоспитание» **Горькому** (и попутно одаривал двухкомнатной квартирой в центре Москвы)?

Безусловно, за всем этим были, скорее всего, и бессонные ночи в ожидании ареста, и липкий страх смерти, и «самые печальные на свете измены — себе самому». Но — почему на фоне всех этих страданий (без кавычек) была и остаётся только одна группа русских писателей, уничтоженная под корень, где убили всех, до единого?

На снимке Павел Васильев.

уже обличительно) — например, Маяковский с подачи Троцкого и Бухарина: «мужиковствующих свора» (6).

Все они были убиты. В два приёма: в 1925 году — расстрелян Алексей Ганин и убит (инсценировка самоубийства) Сергей Есенин; в 1937–38 гг. — расстреляны остальные: Павел Васильев, Сергей Клычков, Николай Клюев, Пётр Орешин.

Не высланы за границу, не отправлены на Колыму (на «перековку»). А расстреляны. Почему?

Подобную избирательную ненависть большевики проявили до этого только однажды: расстреляв сразу после переворота всех видных монархистов, до каких смогли дотянуться. Публициста М.О. Меньшикова (на глазах семьи), лидера «Союза русского народа» А.И. Дубровина, священномученика Иоанна Восторгова и других. При этом близких им по духу будущих лидеров Белого движения (устроителей Февральского переворота) в это же самое время отпускали под «честное слово»...

Чтобы понять причины столь избирательной ненависти новой власти к крестьянским писателям — надо постараться понять, что такое русское крестьянство вообще? И здесь нам помогут классики русской литературы, в частности — сначала уехавший от

На снимке Сергей Клычков, Пётр Орешин, Николай Клюев.

Я говорю о «новокрестьянских поэтах». Такой термин принят сегодня в литературоведении. В реальной литературной жизни этих писателей (не только поэтов, но и прозаиков) чаще всего называли «крестьянскими» (это нейтрально), а также «крестьянствующими» или «мужиковствующими» (это

На снимке Алексей Ганин.

революции 1917 года, а после «прощённый» советской властью и вернувшийся А.И. Куприн.

«Когда говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин», — писал Александр Куприн. — Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность» (3, 145).

Здесь Куприн сказал самое, как мне кажется, главное: не только отождествил понятия «русский народ» и «русское крестьянство», но и невыразимо печально отметил ту сословную пропасть, что отделяет его от народа.

Даже самые «народные» классики русской литературы это понимали, и когда говорили о своём «знании народа», подчёркивали внешний характер этого знания. Так Лесков писал: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного... Я с народом был свой человек, и у меня есть в нём много кумовьёв и приятелей» (4, 14).

То есть «я» отдельно, «народ» отдельно. То же можно сказать и про неудавшееся «опрошение» Толстого. И про «рыдающую музу» Некрасова, и о пророческом ощущении этого трагического раскола Блоком...

Только в начале XX века, с успехами земского просвещения в России и повсеместным распространением грамотности, сложилась такая ситуация, когда народ заговорил сам — своим языком и в лице своих же чрезвычайных и полномочных представителей: новокрестьянских поэтов.

Это случилось ещё до революции 1917 года, однако именно с этой революцией — новокрестьянские поэты связывали осуществление своей заветной мечты: построение «мужичьего рая» на Земле.

Проблема заключалась лишь в одном: идеологи и устроители победившей в Октябре большевистской доктрины так не думали. Больше того, уже начиная с «отцов-теоретиков» научного коммунизма именно крестьянство (7/8 населения России) рассматривалось как неисправимо «реакционный класс», на основании этого Энгельс (7) называл реакционными «целые народы» (известны его слова о русских и славянах вообще). Это — теоретики.

Что уж тут говорить о «практиках» военного коммунизма в лице Троцкого, Свердлова, Бухарина, Каменева и других?

Поэтому неудивительно, что другой яркий ненавистник крестьянства, уже упоминавшийся Максим Горький, прочтя роман Сергея Клычкова «Сахарный немец», писал Бухарину:

На снимке посмертное фото Есенина.

дана теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима...» (2, 188).

«Дорогой товарищ Бухарин» не стал медлить, и написал о лирике Есенина, определив её как «смесь из “кобелей”, “икон”, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и “трагической” пьяной икоты...» (1, 15).

Про последовавшие «оргвыводы» другого «дорогого товарища» — «товарища Маузера» — я уже писал.

Чем же так пугала крестьянская Русь и её идеологи — захвативших в стране власть марксистов-интернационалистов?

Ответ, как ни странно, мы можем получить из 1942 года, когда созданная страшным потом и кровью новая государственность висела на волоске.

И.Р. Шафаревич приводит в своей работе «Две дороги к одному обрыву» следующие сведения:

«В своих воспоминаниях Черчилль рассказывает, что, когда во время Сталинградского сражения он подивился самообладанию Сталина, тот ответил: это ничто в сравнении с тем, что ему пришлось пережить «в период коллективизации, когда было репрессировано 10 миллионов кулаков, в подавляющем большинстве убитых своими батраками». Естественно предположить, что «великий перелом», который был для Сталина страшнее войны с Гитлером, и являлся центральным действием» (1, 15) в послереволюционной истории России.

Чтобы понять, что происходило тогда в стране — достаточно вспомнить, что порядка 500 (!) крупных и мелких крестьянских восстаний полыхало в 20-30-е годы на просторах одной шестой мировой суши (9). От самых известных — Антоновского на Тамбовщине или Якутского в Сибири до малых вооружённых выступлений практически везде, где прокатилось кровавое колесо коллективизации.

Никогда власть интернационала так не шаталась, как в эти годы.

А что же крестьянские писатели? А они пишут. Сочувственно. Разочаровавшись в обещаниях новой власти. Осознав, что никакой «мужичий рай» пивными теоретиками научного коммунизма не планировался, так же как и их неистовыми практикантами. Что сами крестьяне, да и Россия в целом рассматривались практикантами всего лишь как хворост в топку мировой революции (тот же Лейба Троц-

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая цензура тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть

кий хотел, например, править миром из Нью-Йорка, там неизмеримо комфортнее и привычнее, к слову сказать, было «демону революции»).

И вот у Есенина за год до убийства появляется поэма «Страна негодяев» с узнаваемыми прототипами Троцкого (комиссар Рассветов-Лейбман) и Махно (лидер повстанцев Номах). С собою же в последнюю свою поездку в Ленинград он увозит готовую поэму «Гуляй-поле» (после смерти бесследно исчезнет). Клюев пишет «Погорельщину», Клычков — «Сахарного немца» и «Чертухинского балакиря». Произведения, где даются хотя и опосредованные, но очень нелестные оценки действительности.

И в отличие от «нытиков-интеллигентов» за крестьянскими писателями стоит сила, хотя и разрозненная, и сбита с толку, но единственная реальная сила в России — крестьянство, 7/8 населения страны. Тот же Троцкий, как пишет И.Л. Солоневич в «Народной монархии», заметил: «Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг Кулацкого Царя, — мы не удержались бы и двух недель» (5, 33).

Белые не догадались, «сословное» мешало, а вот красные очень хорошо понимали, кто есть хозяин земли русской. Так же как понимали, что впервые, пожалуй, за последние несколько веков у этого хозяина появились яркие, талантливые идеологи — плоть от плоти и дух от духа его.

Дальнейшее было «вопросом техники»...

Поэтому, особенно не доверяясь предателю Суворову-Резуну или гражданину Вермонта Солженицыну и их голословной цифири — возьмём за данность цифры человека, лучше кого-либо ещё осведомлённого о масштабах и конкретике репрессий: самого Сталина. Десять миллионов «кулаков, в подавляющем большинстве своём убитых своими батраками».

Про батраков не будем, зачем пояснять лидеру иностранного государства и временному союзнику необходимость применения боевых отравляющих веществ против собственного народа, массовые расстрелы заложников, войска НКВД и прочие детали «великого перелома». Достаточно и сказанного.

Но приведённых цифр вполне достаточно, чтобы на фоне десяти миллионов безвестных русских могил нам открылось подлинное исповедничество тех немногих, известных, кого в современном литературоведении принято объединять в группу «новокрестьянских поэтов».

Библиография

1. Шафаревич И.Р. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. // М.: Институт русской цивилизации, 2014.
2. Куняев С.Ю. Куняев С.С. Сергей Есенин.//М.: 2006.
3. «Сибирь», М.: 2019, № 4//Байборodin А.Г. Русский обычай.
4. Лесков Н.С. Избранные сочинения. М., 2004.
5. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Изд. фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991.
6. Журнал «Леф», М.-П, 1924, № 2//Маяковский В.В. Юбилейное.
7. «Россия и современный мир», М.: 2003, № 4//Шмелев Г.И. К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала.
8. Кожин В.В. Россия. Век XX. [http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2\(2\).htm](http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2(2).htm)
9. П.Ф. Алешкин, Ю.А. Васильев. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины. https://royallib.com/read/vasilev_yuriy/krestyanskie_vosstaniya_v_rossii_v_19181922_gg_ot_mahnovshchiny_do_antonovshchiny.html#934560

ВИТАЛИЙ ЗОРКИН

Поэма — это не стихи, а стихия

Я давно внимательно слежу за литературной и общественной деятельностью Анатолия Сосунова и могу отметить важную его особенность: он всегда открывает что-то новое. Он — ярко выраженный *первопроходец*. Никому из учёных, например, не пришло в голову сказать о Байкале то, что сказал Анатолий Сосунов в эссе «Память воды». Впрочем, это уже другая и очень интересная тема — я подробно рассмотрел её в своей книге «Не уйти от памяти».

Кто ответит основательно на вопрос: что такое пресс-акция? Ни в одном словаре, ни в одной публикации до 2002 года этого термина (как и самого явления) нет. Его ввёл в литературный обиход и успешно работает в этом жанре Анатолий Сосунов. В художественно-публицистическом коллаже «Россия снова кормит птиц» (журнал «Сибирь», № 349/1, 2013 г.) он пишет: *«Пресс-акция — это слово и дело: масштабная подача в полифонической форме животрепещущей социальной проблемы и вместе с тем конкретные практические действия рука об руку с разбуженной, воодушевлённой общественностью. Это — публицистическая композиция синкретического построя. Это — жанр».*

ЗОРКИН Виталий Иннокентьевич (1937, с. Маяки Читинской области — 2019, г. Иркутск). Исследователь-историк, филолог, писатель, журналист, путешественник, фольклорист. Окончил Иркутский государственный университет, в котором и трудился более 40 лет на научно-педагогическом поприще. Профессор, кандидат филологических наук, действительный член Петровской академии наук и искусств. Автор более тысячи публикаций в журналах и газетах России, 15 книг, из которых наиболее значительны: «*Роковая любовь великих людей*», «*Бывают странные сближения. Пушкин и Сибирь*», «*Иркутские градоначальники: воеводы и вице-губернаторы. 1661–1764 гг.*», «*Иркутские градоначальники: губернаторы и генерал-губернаторы. 1765–1805 гг.*». Лауреат и дипломант многих литературных премий и конкурсов. В 2015 году удостоен звания «*Иркутский мэтр журналистики*» с вручением золотого знака с бриллиантом. Заслуженный работник культуры России. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Критическое эссе «Поэма — это не стихи, а стихия» получено редакцией журнала незадолго до кончины автора.

Анатолий Сосунов — публицист особого рода: он не только автор и ведущий своих пресс-акций на страницах газет и журналов — он их главный режиссёр и постановщик на улицах и площадях. Слово и дело у него нерасторжимы: он пишет — как и действует, а действует — как и пишет.

Художественная публицистика — трудный и сложный род литературы. Она сродни самой высокой поэзии. Публицистическая поэма Анатолия Сосунова «С чего начинается родина?..» — это действительно поэма, по тем же *неформальным признакам*, что и, к примеру, поэма «Мёртвые души» Н.В. Гоголя. Признаки эти лучше всего сформулированы музыковедами применительно к поэме музыкальной: *оркестровое произведение свободной формы*.

Великий художник слова Иван Бунин писал: *«Я не знаю, что называется хорошим человеком. Верно, хорош тот, у кого есть душа, есть горячее чувство, безотчётно рвущееся из глубины сердца. Я не знаю, что называется искусством, красотой в искусстве, его правилами. Верно, в том заключается оно, чтобы человек, какими бы словами, в какой бы форме ни говорил мне, но заставлял бы меня видеть перед собою живых людей, чувствовать веяние живой природы, заставлял трепетать лучшие струны моего сердца»*. У Анатолия Сосунова есть власть над словом, и он всегда точно знает: ЧТО сказать и КАК сказать. А говорит он всегда бередящую душу правду, о которой, на мой взгляд, забыли многие современные журналисты. Писать, например, о птицах так, что к горлу подступает комок, и начинаешь почти физически чувствовать едва ли не кровную свою связь со всем миром, — по силам только настоящему большому мастеру (кстати, сам Бунин был выдающимся публицистом, его «Окаянные дни» — классика художественной публицистики).

Суд состоялся. Публицист Анатолий Сосунов приговорён к высшей мере профессионального признания — признанию «ярким и неподражаемым мастером», как сказано в золотом дипломе лауреата IV конкурса журналистов «Золотая Запятая». Решение вынесено судьями компетентными: в составе жюри — главные редакторы крупнейших областных газет, учёные-филологи, известные журналисты, работники культуры.

Признан факт в общем-то теперь уже очевидный: в нашей литературе работает своеобразный и сильный писатель со своей неповторимой творческой манерой и собственным оригинальным взглядом на мир, природу и человека.

В пресс-акции «Покормите птиц!» Анатолий Сосунов не подписывает своим именем тексты, созданные им по устным рассказам друзей и знакомых, а ставит подлинное имя рассказчика — такая подпись называется *аллоним*. В нашей литературе аллонимами давно уже никто не пользуется, а между тем есть случаи, когда это просто необходимо — и для убедительности материала, и для решения чисто художественных задач. Анатолий Сосунов в процессе своей работы над пресс-акцией с удивительной точностью уловил эту необходимость. Под аллонимами им созданы «Среди прохожих птицы узнают меня», «Русская миссия святого Зиновия», «Повод для раздумий», «А чё их кормить?..», «Каждый год в синичкин день», «Сегодня мы рисуем птиц» и потрясающий маленький шедевр экологической публицистики — «Реквием по убитым птицам», под которым стоит подпись его старого друга и соратника по Движению в защиту Байкала Георгия Николаевича Тарновского, фронтовика, известного учёного-минералога, художника и библиофила (свои собственные тексты Анатолий Сосунов во многих случаях оставляет вообще без подписи).

При вдумчивом изучении открывается, что все пятьдесят выпусков пресс-акции буквально пронизаны глубоко переосмысленной Анатолием Сосуновым идеей русского культуролога, философа и филолога Михаила Михайловича Бахтина о преодолении трагического разрыва *мира культуры с миром жизни*, о их равноправии, о *созидательном единстве многоголосия*. Яркий полифонизм «Покормите птиц!» позволяет вполне серьёзно вести разговор о публицистической симфонии, точнее — о публицистической фуге. Эта пресс-акция стала новым и значительным явлением в русской публицистике.

«У каждого в душе свой жанр», — заметил Антон Павлович Чехов. Того, кто займётся детальным анализом пресс-акции «Покормите птиц!», ждут удивительные открытия.

Помню, какое сильное впечатление произвели на меня мысли Анатолия Сосунова о «*природовосславляющем аспекте славянской культуры*», высказанные им в Гуманитарном центре-библиотеке имени семьи Полевых на им же и организованной встрече иркутских руководителей славянских центров культуры (публикация «Двенадцать» в газете Иркутского обкома КПРФ «Приангарье», 2 и 16 июня 2015 года), — я даже статью тогда написал в газету «Мои года». Меня, человека, всю жизнь работающего с книгами и имеющего громадную личную библиотеку, буквально поразила сама постановка вопроса — ведь сущность славянской культуры изучалась и подавалась много и по-разному, но здесь, пожалуй, впервые славянство было обозначено как *природосберегающий тип культуры*. Эта встреча положила начало интереснейшей дискуссии о славянстве, которую Анатолий Сосунов развернул на страницах газеты «Мои года» как очередную пресс-акцию под названием «Славянство: что это?». Своё кредо он изложил настолько поэтично, афористично и глубоко, что считаю необходимым привести его здесь полностью:

СЛАВЯНСТВО — ЭТО ЯВЛЕНИЕ ДУХА

ЧЕЛОВЕК не задохнётся в собственных отходах. ЧЕЛОВЕК не погибнет в атомном кошмаре. ЧЕЛОВЕК богоподобен и тем уже велик.

Но люди, недостойные великого Божьего дара — разума, будут волею свыше разума лишены и утратят человеческую суть, силу и власть в *потопе умственной инволюции*. Бог разум дал, Бог его и отымет — за ненадлежащее применение.

Только праведного Ноя праведные наследники — *сбор землян одухотворённых* — не канут в этом всевышнем акте *очищения человечества*.

Но ковчег праведных *соборян* будет уже иным: в *ковчеге духа* «тварь» будет только чистая. Нечистое же всё — канет вместе с *отбросом человечества*. Сгинет *власть окаянная*.

И чудный МИР — не разрушится, и дивная ПРИРОДА — не умрёт.

И будет ПРАВДА править — вить своё гнездо.

* * *

Одухотворённость хранит мир.

Будьте одухотворённы, но не пригнетайте МАТЕРИЮ в сердечном устремлении к ДУХУ — вслушайтесь, всмотритесь в это слово: *материя... мать... мать...*

Верьте в Творца, нашего отца-одухотворителя. Его творчество непостижимо и грандиозно. Его творения удивительны и совершенны. Первое ОТЕЧЕСТВО наше — Он. Восславим Творца!

Любите Твориню, мать-ПРИРОДУ нашу одухотворённую, неиссякаемый РОДНИК жизни и красоты. Первая РОДИНА наша — Она. Восславим Твориню!

Служите им — творителям своим надвечным; почувствуйте и осознайте себя — их частью. **Часть ли вы ОТЕЧЕСТВА и РОДИНЫ?..**

Быть **частью** — **счастью** быть: вы триедины и бессмертны, вы — **счастливы**.

* * *

Мир сотворён во имя КРАСОТЫ.

Хранить Творенье, открывать и множить красоту его — да разве можно выразить сильнее свою любовь, признательность и преданность Творцу?!

Как нет творений без творцов, так нет творцов, не любящих свои творенья: творец всегда Пигмалион, его творенье — Галатея.

Любовь незамутнённая к Творцу приходит от любви к Его твореньям, а не от страха за судьбу своей души — вот мудрости немеркнувшей начала. И пробный камень веры.

Мир мыслится СОБОРОМ КРАСОТЫ.

Любите, веруйте, храните. Где есть любовь, там смерти нет — разлука только. И надежда.

* * *

Где места нет Творцу — не может быть Культуры, где нет Культуры — там Человека нет.

Любить Творца! Хранить Его творения, беречь Его наперсницу творящую — Природу — и не молиться, а служить Ему делами.

(«Мои года», 5.6.2015 г.)

Вот с такими мыслями живёт и действует Анатолий Сосунов.

Глубокий знаток и ревнитель народно-обрядовой русской культуры писатель-сибиряк Анатолий Байбородин, принявший участие в возникшей полемике, между прочим заметил: *«Ярко и любомудро, с отзвуками былинной краснопевности пишет о славянстве Анатолий Сосунов, — словно вещий баян на киевских горах, возложив персты на гусли, с любовью поёт он о славянском природолюбии...* («Мои года», 15.1.2016 г.). *Его основательное произведение о славянстве и природе может быть напечатано в нашем альманахе «Иркутский Кремль»* («Мои года», 19.6.2015 г.).

Рассудочный путь экологического просвещения и воспитания, по которому уже идут Европа и Америка, в славянском мире, конечно же, не отменяется. Но то, что легко даётся дисциплинированному европейскому уму, не сразу и не вдруг войдёт в душу славянина, который «мыслит», как известно, сердцем. Славянина нужно либо принуждать, как это и было при социализме, либо заражать любовью — тогда он и горы свернёт. Кто мыслит сердцем, тот живёт эмоциями, и поэтому *«сердечный путь любви»* намного облегчит нам нелёгкую задачу спасения природы.

«Любовь есть жажда упоения прекрасным; любовь есть инструмент, которым красота спасает мир» — с этим афоризмом Анатолия Сосунова трудно не согласиться, ибо в нём образно и ёмко уточняется всем хорошо известное высказывание Фёдора Достоевского о спасении мира красотой.

Писатель Константин Федин сказал однажды: *«Мастер всегда должен быть мастером»*. На этом и поставлю точку.

ЛИЛИЯ ЛАДИК

Старая сказка на новый лад

О ТВОРЧЕСТВЕ СВЕТЛАНЫ ВОЛКОВОЙ

Неблагодарное это занятие, бледным языком писать о сказках Светланы Волковой. Легких, как полет одуванчика. Чистых, как целебный таежный родник под смородиновым кустом. Теплых, как ласковая материнская рука, исцелявшая наши детские ссадины и порезы.

Как там обычно все начинается? «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой», или «царь и царевна», или «мужик да баба». Кто из нас не помнит этот мощный, колыбельный, убаюкивающий запев, под который наша матушка-Русь испокон веков поднимала подрастающие поколения, напивая их верой в неизбежную победу добра над злом.

Из этого же глубинного, незамутненного истока проистекает камерное, на первый взгляд, творчество и нашей замечательной иркутянки, в котором сказочный канон (злключения героев, нарушающих те или иные запреты, появление скорых помощников и волшебных предметов, счастливый конец, ритмичность напевных повторов и другое) никогда не сковывают легкокрылого авторского воображения.

Творческая же фантазия Светланы Волковой воистину поразительна!

В одной из ее сказок старенькие, с заплатками на пятках валенки ходят сами по себе то к зайцу Евсейке, то к девочке Тайке, чтобы те не замерзли в зимнюю стужу. В другой озорной котенок по кличке Полосатый по дынному столбу забирется на небо, распускает там в пух облака, а потом запутывает в клубок дождевые нити. В третьей Лунный Заяц из пуговицы от старенького пальто Кати вырастивает для нее на Луне обновку.

Отрицательные герои также легко вписываются в нее. В сказке с загадочным названием «Куфадеи» появляются в подполье некие, похожие на огородные пугала, inferнальные герои: Куфадеиха и Куфадей, «тощий как скелет, в фуфайке и шапке ушанке». Во время отъезда хозяйки они мигом сбывают с рук чужое добро, продавая на базар корову, петуха и куриц, топор, сани и дрова. В конце концов продают само лето: бочки с дождями, корзины с облаками, бабочками и грибами. Есть на эту тему у автора и другой, не менее остроумный вариант. Пользуясь сварами соседей, воришки незаметно крадут у них... всю Проточную улицу с домами и заборами. Покидали их в мешки и айда с глаз долой в Сарафановский лес! «Была улица Проточная и нету Проточной!» («Пиво-квас»). Живите теперь как хотите, воюющие друг с другом люди, индюки и собаки. Вот такой поучительный фантастический урок!

Внимательно вчитываясь в тексты, никогда не знаешь, куда, стремительно оторвавшись от брэнного мира, зашвырнет тебя дальше вместе с главными героями траектория этого дерзкого поднебесного полета авторской фантазии, не лишенная изящества и грации.

Как у всякого зрелого мастера, есть у Светланы Волковой своя творческая география, где живут ее неунывные многочисленные герои: что-то среднее между провинциальным городом и привольным селом, в котором угадывается Иркутск с его старинными резными теремами и заснеженными трамвайчиками. Здесь мож-

но долго бродить по тихим улочкам, заросшим черемухой и тополями: Потерянка, Подгорная, Кузнечная, Снежная, Озерная... От названий их веет уютным, охранительным теплом. По ходу трамвая встречаются знакомые остановки — «Каланча» и «Дом со львами», а на окраине, близко подходящий к улицам, шумит Сарафановский лес, где по ночам жгут костры цыгане, промышленяющие разбоем и воровством.

Все в этой сказочной местности родное, узнаваемое.

И если однажды, скрипнув тяжелой дверью, мы войдем в один из домов, стоящих на этих улочках, сразу от порога дохнет на нас сдобным теплом беленая русская печка, веселым солнышком ляжет под ноги вязаный из старых тряпич кружок и заалеют на подоконниках — от радостной встречи с долгожданным гостем — герани в горшках.

Отдавая благодарный поклон этому уходящему патриархальному миру, автор искусно воссоздает красоту его быта и житейского уклада, возвращая новому, преимущественно городскому поколению такие полузабытые слова, как «ушат», «кисет», «плошка», «поддувало» и другие.

Живописуя эстетическую и нравственную устойчивость этого мира, веками созидаемого ушедшими поколениями и живущего по законам живой народной совести, автор утверждает его как основу жизненной гармонии. Но устойчивость эта не бывает сама по себе. Она может держаться только на чьих-то надежных плечах, на постоянных усилиях и нравственном напряжении верных ее охранителей.

Кто же они, эти скромные часовые, всегда стоящие на страже этого светлого, цельного, душевно здорового мира? Простые люди с трудовыми мозолями: плотники и кузнецы, охотники и лесники, отцы и деды, матери и, конечно же, бабки-няньки. В сказках они ловят рыбу, косят сено, смолят лодки, вяжут теплые шали и пекут душистые шаньги с творогом.

Вот перед нами дед Полешко, всего-то росточком с полено, «рубача как береста у березы, лицо будто топором вырублено, а доброе». Это он играючи мастерит для Пашутки санки-самозвонцы и туесок с золотым пояском, наказав мальчонке, что выше пояска бруснику в тайге добрым людям брать не положено («Дед Полешко»).

Благородная, одухотворенная старость, хранительница житейской мудрости и наследница многих крестьянских умений, показана автором и в образе бабки Анфисы, которая переходит из одной сказки в другую. В ней нет слащавой «пирожности» положительной (как принято говорить) героини. Она скоро на руку во гневе, в меру строга и отходчива с внуком, гостеприимна и ворчлива. Самое драгоценное качество ее натуры — сердобольная жалость ко всем и вся. Та щемящая интонация, с которой скупыми, но яркими штрихами выписана она автором в сказке «Ракитовый барашек» (заболевшая бабка Анфиса тоскует здесь о своей ушедшей молодости), дает основания предполагать, что этот образ вобрал в себя светлые черты матери и бабушки самого автора. Все остальные возрастные героини — бабка Ильинична, бабка Никитична и другие старики, выныривающие в последующих сказочных историях, лишь наследуют этот светлый образ, с его все покрывающей любовью, объединяющей и согревающей пестрых обитателей сказочных широт.

Очаровательная сказка «Мышка Прокопьевна» начинается с того, что кошка Василиса взялась мышей из дому выгонять. Надоели они ей и бабке хуже горькой редьки. Одни убытки от них! Но когда мышинная команда с писком и слезами ста-

ла покидать родимый дом, сердце бабки Анфисы не выдержало. «Дала им бабка Анфиса пятак, чтобы они на новом месте жили богато, до дверей проводила...»

Ну, как тут не улыбнуться и не вспомнить знаменитые слова Ф.М. Достоевского, размышлявшего о свойствах загадочной славянской души: «Эта драгоценная жалость наша...»

В народе часто говорят: «Он (она) ее (его) жалеет».

Жалеть, значит любить. Испокон веков на Руси такая жалость покрывала всех, не исключая людей пропащих и преступных. В этом смысле среди отрицательных героев трудно отыскать совершенно отпетых злодеев, воплощающих в себе предельное зло. Внимательно перечитывая перед этой статьей книги Волковой, я насчитала всего три таких персонажа. Это мертвящий все вокруг Собачий Мороз, Тащи-Хватай («новый русский», олигарх из последней пьесы «Снегуркина кукла») и подлая, завистливая кошка Сажа, которая ненавидит само небо, где вот-вот должна засиять рождественская звезда («Трубочист и Агаша»). При всей внешней наивности последней упомянутой сказки вдумчивый читатель сможет уловить в этом образе демонический оттенок его духовной сути. Все остальные герои так или иначе отчасти оправдываются автором, вызывая невольную симпатию и жалость «драгоценную нашу».

Размышляя над истоками дурных поступков этих несчастных бедолаг, автор приглашает читателя погрузиться в их прошлую, прожитую жизнь, где они по каким-то причинам не смогли получить достаточно любви и тепла от близких им людей.

Так в одной забавной истории девочка Катя попадает в дом братьев-воронов: «...все у воронов черное, печка закопченная. Под потолком люлька, а в люлке лежит вороненок». Он еще совсем мал, но душа у него уже черная, как его вороненые перья. Слишком жестко относятся к нему старшие братья-вороны. До утра рассказывала ему девочка сказку, «слушал, молчал вороненок. К утру у него выпало одно перо черное. Катя сожгла его в печке. Назавтра опять завела сказку с вечера». И так день за днем, пока черный, как смоль, вороненок не стал белым птенцом. («Село Котоваськино»).

И даже чумазая кочерга, которую Катя уважила, назвав ее по отчеству Кондрагьевной, сменила к девочке гнев на милость. Таких по-житейски узнаваемых (а не волшебных) ситуаций у автора довольно много.

С теплым, сострадательным юмором вылеплен такой же бедолага в «Резном Гребешке»: это Дядя Волк. Переживший утраты, обиженный на судьбу и зачерствевший сердцем, он похож здесь на угрюмого, одинокого бобыля, живущего в давно запущенном доме. Спасая дорогой его сердцу подарок матери, волшебный резной гребешок, Пашутка врывается однажды в его неуютное логово.

«Волк обувался — от удивления сапог из лап выронил.

— Ой, спрячь меня, дяденька Волк, — просит волка Пашутка. — Гонятся следом сороки. Хотят Резной Гребешок отобрать. Меня заклевать, защищать.

— Вот удивил, — рассмеялся Волк. — Когда это волки были малым ребятам защитниками? Да я всех коз в лесу разогнал. Я всех зайцев распугал! Не добуду сегодня ничего на охоте — и тебя не помилую!

Обул волк сапоги, заглянул в пыльное зеркало.

— Ох, и худ я стал. Шерсть как на бездомной собаке скаталась. Дай-ка мне, что ли, твой Гребешок.

Стал Гребешок Волка причесывать. Водит по мосластой спине. Гладит по лобастой голове. Нагнул голову Волк, глаза прячет, вздыхает:

— Так ласково меня только матушка гладила. А сорок я сейчас распугаю.

Взял Волк ружье — как пальнет!»

И здесь мы встречаемся с еще одним, очень важным, принципиальным убеждением автора. Чутко наследуя нравственные народные традиции, он утверждает мысль, которая всегда отчетливо звучала в нашей классической литературе. Сердце любого человека есть поле битвы добра и зла. И любая капля добра, с любовью отданная колеблющемуся между этими полюсами, способна высветлить мир в целом, усилить его гармоническое звучание и внутренне преобразить того, кто мог бы рухнуть в бездну окончательной душевной тьмы.

Когда зарождается зло в душе? Где его начало? Как детский писатель, на протяжении всего своего творчества с пристальным вниманием вглядывается Светлана Волкова в детское сердце. Детей по малой их безгрешности часто называют ангелочками. Но так ли безвинна детская душа — этот «чистый лист бумаги»? Сколько острых копий переломано уже в жарких дискуссиях на этот счет учителями, психологами и прочим ученым людом. Сколько было попыток и разных экспериментов и на западе, и у нас по воспитанию идеального гражданина, начав с этого самого «чистого листа».

Святоотеческая литература утверждает, что злое семя в сердце может проклюнуться из мимолетного худого помысла. Не остановленное вовремя трезвенной мыслью и доброй волей человека, оно может укорениться в нем и привести к трагедии нравственного падения, к ложной цели, которая способна исковеркать всю его дальнейшую жизнь.

Проблема зарождения зла в душе ребенка — одна из ведущих тем в творчестве Волковой. Особенно резко сфокусирована она в образе Пашутки.

Почти всех своих героев автор ставит в жесткую ситуацию нравственного выбора. Доброму, но азартному Пашутке, пуще всего на свете любящему волю-вольную, то и дело переходящему запретные границы, этот нелегкий, болезненный выбор дается особенно тяжело. В цикле сказок, озаглавленных как «Дед Полешко», автор проводит своего нетерпеливого героя через «воду, огонь и медные трубы». Нравственно взрослея в борьбе то с одним, то с другим соблазном, Пашутка постепенно учится держать свое слово («Моховой»), побеждать жадность («Гуесок — золотой поясок»), кичливость и хвастовство («Сосновые санки»), небрежное отношение к работе («Тислое Кесто»). Нелегко, ох, нелегко дается ему строгая наука самоограничения, без которой личность неминуемо соскальзывает в голое потребительство и бесчувственный к чужой боли эгоизм.

Образ девочки Тайки в другом цикле, обозначенном как «Лоскутный половичок», как бы возвращает нас к уже знакомой бабке Анфисе. Тайка — ее внучка, наследница благородных черт ее характера. (Впрямую это, правда, не говорится, но читается между строк.) Кто из нас не помнит того восторга, когда однажды, вдруг (!) от бабушки или мамы перепадала нам в детстве серебряная монетка в десять или двадцать копеек старыми деньгами? Какими счастливыми богачами чувствовали мы себя тогда! Какие жгучие мечты о долгожданном, вожделенном лакомстве кружили наши головы!

Вот и Тайке выпало такое счастье. Крепко зажав пяточок в ладошке, шла она на базар, чтобы усладить себя там конфетой-тянучкой и попить сиропу с газом. Глядь, а на углу сидит бедная старушка с пучками увядшего укропа. «Тайка вздохнула, достала свой пяточок, у бабки укропу купила. Да только что делать с этим укропом? И дома зарос им весь огород («Укропная принцесса»). В другой истории

Тайка возвращает золотую подкову чудесной лошадке, которая дарит ее на счастье другим людям. Стукнет она копытом под окнами больного старика, и тот здоров, проскачет мимо дома девицы, и та сразу найдет в траве обручальное кольцо. «Весело, легко бежит лошадка». И только Тайка замечает «как лошадке больно. Очень больно по камням бежать неподкованной. Наклонила она золотую голову, и никто не видит, как она плачет. Если бы булыжники видеть могли, они, наверное, стали бы мягче» («Лошадка золотой масти»). Дополняет ее образ сказка «Собачий Мороз». Одна-одинешенька на студеной улице выдирает здесь эта маленькая девочка вмерзшие в землю камни, чтобы соседские мальчишки не бросали их в бездомного щенка Заплатку. (Чем-то в этой сказке Тайка напоминает мне Валентину из пьесы Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», которая вот так же упрямо, на смех людям, без конца чинила калитку, чтобы прохожие не топтали траву и цветы в палисаднике, а обходили бы его стороной).

Никто из нас не способен вычерпать океан мирового зла. Но одну-то, другую каплю убавить из него можно? И... если не я, то кто же? Если говорить уж очень серьезно, то лучших героев в сказках Светланы Волковой отличает чувство личной ответственности за все, что происходит вокруг них. Академик Дмитрий Лихачев называл это когда-то «надличностным бытием человека».

Есть и в Тайке, в этой сибирской девчонке с нежным апрельским именем что-то негромко-героическое, несмотря на то, что она тоже проходит суровую школу житейских соблазнов. А их у нее не меньше, чем у Пашутки. Справедливая и строгая, тонко чувствующая красоту, одаренная сострадательным сердцем, Тайка нередко сворачивает с прямой дороги в сторону. То в шикарные хоромы богатого Шмеля, у которого вместо стекол в окнах разноцветные леденцы, а ставни из расписных пряников («Завидно же!»). То на луг, где резвятся беззаботные стрекозы, для которых вся жизнь праздник («И мне бы так!»). То в сад, где волшебным поет соловей, который кажется ей лучше всех. Дома Тайке бывает скучно, хоть и ждет ее там всегда верный, надежный друг — мышонок Сухарик. Вот и сейчас он ест только черные сухарики, а белые копил для Тайки («Лоскутный половичок»).

Заметим, кстати, что именно в честь этого серого, и, казалось бы, вовсе неприемного героя, названа вся книга. «Сказки мышонка Сухарика» — самый полный, красочный сборник с теплыми, озорными иллюстрациями художника Александра Муравьева. На IX Международном конкурсе детской литературы, проходившем в Тобольске, эта книга принесла Светлане Волковой звание лауреата премии им. П.П. Ершова.

Но какие такие подвиги совершил Сухарик? Маленький, слабосильный мышонок стал в сказках «переводчиком» серьезных авторских размышлений для самых маленьких читателей. По своей сути мышонок Сухарик — это зеркальное отражение уже названных положительных героев, только в малышковом варианте. В этом смысле сказки Светланы Волковой удивительно скомпонованы в книге. Они похожи на большую матрешку, в которую вставлены ее копии, одна меньше другой, в зависимости от возраста той аудитории, которой они предназначаются. Дед Полешко, бабка Анфиса, Тайка, Пашутка, мышка Прокопьевна и мышонок Сухарик — все они как бы выстраиваются перед нами в ряд, убывая по возрасту, но сердцевина у них, безусловно, одна.

Тайка по сравнению с мышонком, конечно же, адресована более старшим детям. Чуткий читатель, давно знакомый с творчеством Волковой, конечно же, почувствует: в этой девочке мягко и ненавязчиво просвечивают автопортретные

черты ее создателя. Тема жертвенной любви, заявленная в этом образе и, по всему видно, очень важная для автора, давно и глубоко звучала у него и в более раннем периоде творчества.

Так, старый Зонт мечтает укрыть от непогоды весь город («Старый Зонт»). А добрый слон каждое утро опускает в телефон-автомат звонкую монетку, чтобы пожелать знакомым и незнакомым людям доброго утра («Слон Горошек»). Одна из моих любимых сказок этого периода совсем уж коротенькая и, казалось бы, вовсе незатейливая. Каждую ночь, когда засыпает город, по лунным рельсам бежит маленький Паровозик с цветными вагончиками. Он вывозит из города чужие тяжелые обиды, чтобы утром, когда люди проснутся, все увидели: город по-прежнему полон птиц и разноцветных воздушных шаров («Тихий Ночной Паровозик»).

Вот и все! Но вывозить чужие обиды способен лишь тот, кто может нравственно возвыситься над собственной обидой. Стать сильнее ее. А это уже подтекст для раздумий взрослого читателя. Сказки Волковой всегда многослойны и адресованы не только детям, но и зрелой, думающей аудитории, каждый найдет в них свои сокровища для ума и сердца.

В основе настоящей любви лежит добровольная жертва — не устает повторять нам автор эту, изрядно подзабытую сегодня истину. Только такая любовь «сильнее смерти». Только она творит настоящие чудеса. Но чудо у Волковой всегда связано с болью... Ведь чтобы оно свершилось, кому-то нужно пожертвовать своим любимым «Я». Добровольно и осознанно пойти на самоограничение ради другого человека. А это для каждого из нас ой как непросто!

Хочется отметить еще одну очень важную, сквозную тему, которой дорожит и в разных вариациях повторяет автор уже много лет. Пожалуй, она одна из самых сокровенных.

Это тема, связанная с таинственным даром творчества и трудным служением ему. Еще Ф.М. Достоевский сказал, что «красота спасет мир». Знаменитое изречение его давно стало крылатым. Но видимо, каждый честный Мастер той рукотворной красоты, что зовется Искусством, переживает его однажды как личную, внутреннюю драму постоянного выбора между земным соблазном и духовным призванием. Понять эту постоянную внутреннюю борьбу несложно. При бережном отношении к полученному свыше дару, вся жизнь такого человека обречена на тернистый путь. Все силы ума и души своей слагает преданный призванию, честный Мастер на его высокий алтарь. И, как это нередко бывает в жизни, за довольно скудную плату... А кому не хочется жить красиво? Всем хочется.

Тогда правда ли, что «не хлебом единым жив человек»? Может не стоит все-таки тратить единственную, драгоценную жизнь на это самое Художество? И тут самое время вспомнить другое изречение о том, что красота, как известно, требует жертв. И немалых...

Какая-то грустно-поднывающая струнка слышится мне за строчками нежных, в чем-то неразгаданных сказок Волковой, таких, как «Дождик Дударик», «Конек-Ковылек», «Царица стрекоз», «Моховой» и «Золотая веснушка», недавно вышедшая из-под ее пера. Странные, воздушные героини, похожие на детские пред-рассветные сны, поселились в них между строк.

Скользит, летит по голубому лунному лучу легкий Конек-Ковылек, ветром подкованный. Ростиком он мал, всего-то с наперсточек, но враз может стать быстроногим скакуном. Дружит он только с пастушкой Тимошкой. Да вот беда! Не выдержал долго Тимошка этой тайны, решил похвастаться, в цирк привел своего

верного друга напоказ. В шелковом плаще и сапогах-ботфортах вышел с ним на арену, щелкнул хлыстом, как дрессировщик. И тут же исчез Конек-Ковылек, как растаял. Кем был для Тимошки его необычный друг? Таинственным даром свыше, потерянным ради честолюбия и красивой, богатой жизни?

А вот другая история. Ходит между оконных рам, между морозных стекол с узорчатым лесом в мягких валенках старичок Моховой ростом с кедровую шишку. Глаза у него яркие, как незабудки. Поливает на подоконнике герани в горшках. Заветное, волшебное слово знает он, скажет его совсем неслышно, и все вокруг сразу станет другим. «Бывало выдует к вечеру печь, бабке топить неохота. Она к Моховому. Он печь по беленому боку погладит, что-то тихо ей скажет. И в доме тепло. Мороз за окошками ходит, оконные стекла морозит, белого света в домах не видать. Бабка Анфиса бежит к Моховому: «Скажи свое тихое слово». Моховой свое тихое слово шепнет — мороз на ту сторону улицы и перейдет. Сразу окошко оттаит, засинеет в нем небо, покажется улица». Завещал Моховой тихое слово Пашутке с условием: если тот придет к нему за стекло. Дал ему слово Пашутка, да улизнул с ребятами на коньках. И так было трижды. А на следующую зиму не пришел к нему Моховой... Стал тосковать Пашутка, ребячьи шалости ему уже не в радость. И дни тянутся один за другим серые да скучные. Какую же тайну скрывало в себе тихое слово, и почему передать его можно далеко не каждому?

Играет на камышиной дудочке под дырявым кувшином маленький Дождик Дударик, ребятишек баюкает. А старшие братья — Проливень, Косой да Ситный над ним насмеваются: «Вот мы — огороды поливаем, грибы ситом сеем. А ты что? Пустая забава твоя камышинка! Кому нужна такая музыка?». Замолк опечаленный Дударик. Да только не растут без его камышиной музыки ни репа, ни морковка. И не алеют на грядках маки. Что же это за музыка? Какая животворящая сила живет в ней? Где слышал ее, откуда принес ее людям Дударик? И почему именно его в конце этой сказки усаживают на знатном пиру на самое почетное место?

Как всякий мастер, одаренный ответственностью перед порученным ей свыше талантом, Светлана Волкова не может не размышлять о печальном положении культуры, имеющей слабый голос в современном потребительском мире. Вот откуда эта печаль и тихая горечь, которые слышатся у нее не только в последнее время. Хваткие по жизни, рационально прагматичные люди склонны считать таких чудаковатых, незаметных для них «дудариков» пустым мусором сегодняшнего общества, нацеленного на успех, комфорт и богатство. Но во что превратится наша жизнь без их камышиной дудочки, взывающей к «разумному, доброму и вечному»?

Как видим, многие размышления автора, читаемые между строк в подобных сказках, выходят далеко за рамки темы «счастливого детства». Адресованы они, безусловно, зрелому, взрослому читателю, размышляющему «о времени и о себе».

Но вернемся еще раз к нашим загадочным персонажам. Какими бы таинственно-причудливыми ни были все эти по-своему одухотворенные автором герои, видится мне за ними образ человека, бережно несущего в руках священный сосуд особого Божьего дара, называемого талантом. Это все те же верные часовые, охраняющие чистоту и красоту этого мира, в котором им всегда жилось и будет житься нелегко.

Детские сказки пытаются писать многие. Видимо потому, что внешняя их форма кажется простой и доступной, тем более, что мы впитываем их еще во мла-

денчестве, с молоком матери. Но сказочная волшебная муза — довольно капризная особа. Почему она привлекает одних и сторонится других? Откуда, из каких мест и времен вынырнул однажды в Иркутске ее светлый ручеек? Загадочная это штука. Но, вникая в родословную историю того или иного автора, кое-что можно все же вычислить о ней.

«Меня всегда озадачивала необычная, довольно редкая девичья фамилия мамы — Керетова, — говорит Светлана. — А не так давно (это было для меня настоящим открытием!) я узнала: на Русском Севере у Белого моря есть и река, и деревня, и село с таким названием. Посмотрела фотографии, а там все-все родное для меня!»

В бывшей Архангельской губернии, действительно, доньше обозначено на карте село Кереть. И река такая есть. Мохнатые могучие ели, будто сошедшие с полотна Васнецова, сумрачно смотрятся в синие озера. Вдоль рек стоят похожие на величавые, гордые корабли, уплывающие в вечность, столетние избы с точеными балясинами у крыльца и тяжелыми охлупнями на крыше, увенчанными крутогрудыми коньками. Исстари жили здесь мореходы, предприимчивые купцы и, конечно, рыбаки, бравшие обычно на свой промысел «бахаря», который расцвечивал их трудовые будни народной утехой — сказками, за что и полагалась ему своя законная доля в богатом улове. В Керети родился и жил известный «бахарь» — Матвей Коргуев, от которого ученые записали более ста сказок, в основном волшебных, изданных потом в двух томах.

Родовая летопись Керетовых начинается в этих местах. Оттуда пришел в Пензенскую губернию и дед нашего автора Иван Павлович Керетов, который позже, после Столыпинской реформы, переселился в Сибирь. Безграмотный крестьянин, унаследовавший от предков не только цепкую хозяйскую хватку, но и богатырский размах своего собственного домостроя, он сумел здесь выучиться на машиниста паровоза, и часто брал в поездки Светика — любимую свою внучку. Одна из последних сказок Волковой («Фуражка с молоточками») посвящена ему.

«Летом я часто жила у бабушки с дедушкой в Зиме, — вспоминает Светлана. — Он такой красивый, высокий дом там поставил, что от земли до окон рукой не достать. Когда приходило время мыть окна, к бревенчатой стене приставляли длинную лестницу, чтобы дотянуться. И хозяйство у него было большое, хлопотное, голосистое. Коровы и кони, свиньи и овцы, гуси, куры. Все это он держал. Со всем справлялся. В тайгу очень любил ходить. Ягоды, грибы... На зиму все это заготавливалось им в каких-то огромных объемах: в большие берестяные короба. Однажды, помню, проснулась, он уже из тайги пришел и в короба всю добычу сыпал. И вот стоят они рядком, друг к дружке. Смотрю — в одном брусника алеет. В другом — темная, как лазурит, голубика. В третьем оранжевые рыжики смеются. И все такое цветное, как будто драгоценные камни сверкают. Я заплакала: «Вы почему меня в лес не взяли?» А мама моя (она была «детский человек», с природным художественным вкусом и выдумкой) мне и говорит: «Светочка, так мы бы тебя взяли, но ты же утром спала! Я из городского сада даже духовой оркестр под окна привела, чтоб тебя разбудить. Трубы трубили, барабаны били, а ты все спишь и спишь...». Как только я этот духовой оркестр «увидела», так мигом слезы у меня и высохли!»

Легко ли затеять свою неповторимую сказку? Внимательно вникая в творческий почерк Светланы Волковой, понимаешь: на самом деле настоящая сказка — крепкий орешек. Только с виду проста, а внутри, в ядре своем довольно премудра. Окончившая филологический факультет Иркутского университета, и как человек

пишущий, Волкова, конечно же, хорошо знакома с русской и зарубежной классикой, отголоски которой при внимательном чтении можно угадать в ее текстах: басни Крылова, сказки Баженова, изумительные сказочные фантазии Писахова, голос Андерсена и Гофмана. Все эти тонкие, навеянные русской и зарубежной классикой образы, конечно же, впитаны ею еще со школьной скамьи. Но лишь самостоятельный талант способен принять их влияние, не растворив в нем свою личность. Неповторимая особенность ее сказок, по моему глубокому убеждению, объясняется теми истоками, из которых они, в основном, родились. Это не только разнообразные народные, но и авторские, литературные сказки. Ведь не определяется же народность, в конце концов, только тем, есть ли среди героев Волковой традиционные герои: Иван-царевич, Змей Горыныч и Баба-Яга...

На самом деле все гораздо сложнее и тоньше. Не только оригинальный сюжет с его волшебными чудесами делает сказку самобытной. Но еще много и других разных тонкостей. Творческий почерк Светланы Волковой, ее особый, ритмично-напевный язык легко узнаваем почти с первых же строк любой чудесной истории. Сказки этого автора живописны, необычайно музыкальны и поэтичны. Но поэзия эта особенная. Она сродни детскому творчеству — импровизированному и шероховатому, когда от полноты чувств сердце ребенка подскакивает, как звонкий мячик, и незатейливые стишки рождаются как бы сами собой. Так и у нашего автора. То ласковые, укачивающие волны колыбельной слышны в них, как в сказке «Резной гребешок»:

*«Баю-баю-баюшки,
Вы усните, заюшки.
Время пряже куделю прять,
Время белому снег упасть».*

То, как бы приплясывая на бегу, врываются в них звонкоголосые рифмованные детские заклички, припевки и дразнилки. Довольно часто эта прозрачная и как бы пронизанная солнечными лучами внутренняя музыкальность сказочных историй начинается с первых же строк — в зачине, или, наоборот, завершает их. Вот начало двух таких историй: «Шесть котят у Василисы. Пять серых белолопых, а шестой — озорной» («Мышка Прокопьевна и Полосатый»). Или: «На задворках в сарае, где крыша худая, семь братьев-дождиков жили. Исправно все семеро людям служили» («Дождик Дударик»). А вот завершение третьей. «Пиво-квас, пиво-квас, помири скорее нас!» («Пиво-квас»).

Есть в ее творческой биографии и другие интересные факты, которые говорят о том, что музыкальное звучание ее сказочных историй было оценено давным-давно. Уже после первой книги, вышедшей в свет и разлетевшейся далеко из Иркутска (а это был сборник ранних ее произведений «Облачный пудель»), в далекую Сибирь неожиданно пришло письмо из Германии. На музыку московского композитора Ф. Моделя на сцене Мюнхенского театра была поставлена детская опера по ее сказке «Приключения Синего Фартучка». Эта же первая книга была переведена на иностранные языки в Прибалтике и Финляндии, а еще несколько сказок — «Облачный пудель», «Девочка и остров», «Слон Горошек» юные таланты из Кишинева превратили в красочные мультфильмы. Последняя, только что опубликованная пьеса «Снегуркина кукла» также необычайно музыкальна по своему внутреннему звучанию.

И, завершая наш разговор, хотелось бы сказать еще о самом, пожалуй, глав-

ном. Не каждому дается редкий дар — способность сохранить на долгие годы творчества то свежее, доверчивое восприятие мира, воспринимаемого как чудо, где слиты воедино фантазия и реальность, где чище краски и ярче звуки, где каждый новый день падает с небес бесплатным драгоценным подарком, а время длится как вечность, останавливаясь над зеленой лужайкой, точно летняя радуга после ливня. Увы, у большинства из нас этот детский, ослепительный земной рай, где так легко дышится и так звонко смеется, с возрастом навсегда остается в прошлом. И нет потом покоя измученной душе... Радужные осколки этой сияющей райской гармонии, где нет вражды и смерти, живут во многих сказках Светланы Волковой, вот почему они так притягательны и для взрослых, израненных жизнью сердца.

Она и сейчас хранит в себе дар этого детского, доверчивого видения мира как самое главное богатство, которое щедро раздаривает, как и прежде, своим читателям.

В сказке «Трава-лебеда» изнывающий от июльской жары и скуки Пашутка мечтает шмыгнуть за забор и нырнуть в блаженную прохладу речки. Это ли не огромное счастье в летнюю пору для ребенка? И вот что дальше здесь происходит. Пожалела его, шепнула Пашутке Трава-Лебеда волшебное слово, обернувшее его белым гусенком, отодвинул он в заборе дощечку, «...шмыгнул в щель — и на речку. По реке селезни плавают, важные, в жемчуга и изумруды разряжены. А серые утки по берегу ходят, на коромыслах из озера воду носят. Бережно несут, ни капли не расплещут. У них в саду сад, а в саду растет виноград. Плавает гусенок в белой рубашонке, ныряет. Важные селезни его не обижают, камешками изумрудными, жемчугами забавляют».

Яркое, самоцветное описание это завораживает почему-то и меня, взрослого читателя. Какое-то забытое, прекрасное воспоминание, медленно и сладко потягиваясь, просыпается во мне, начинает ворошить, будоражить и манить к себе душу. Ах, вот это оказывается, еще о чем! Как же я сразу этого не поняла?

Созданные как венец творения в чудесном, неувядающем саду и ниспавшие с его высоты на бедную нашу планету, мы заметно «оземленились» тут, прикипели к одному лишь земному попечению, ослепли и оглохли так, что зачастую не слышим и не хотим уже слышать ту прекрасную, тонкую музыку небесных сфер, где нам дано было высшее предназначение человека — преумножать красоту и божественную гармонию сотворенного мира.

Как близко прикасалась к этому утерянному раю иной раз душа наша в детстве, и как далеко до него стало потом! Ужели навсегда потеряны они для нас — и тот земной, детский, и этот вечный, манящий к себе небесный рай, и все мы обречены теперь изнывать от бесконечной, ничтожной суеты, тревоги и глухой неудовлетворенности любимыми земными успехами? Ужели навсегда потеряны они?

Нет, говорит нам автор, о котором так долго вели мы сегодня речь. Не потеряны. Есть три золотых, но вовсе не волшебных ключа, которые могут заново открыть для нас ту, однажды затворенную дверь.

Первый из них — любовь. Второй — доброта. Третий — чистая совесть.

Памяти народной артистки России Людмилы Стрижовой

ТАТЬЯНА САЗОНОВА

Солнце видела я в отраженьи росы...¹

ОЧЕРК

На снимке: Людмила Стрижова.

Стрижиха, Стрижуля, Стриж

Так называли ее друзья. Внезапно и стремительно унеслась Стрижуля от нас ввысь, и до сих пор никак не привыкнем мы к тому, что на земле ее не стало. Эту пустоту от ухода Людмилы не заместить. Ее так было много, эти брызги чувств, детская несдержанность в радости и в печали, шепотное клокотанье негодований и восторгов, сочные анекдотические истории, которые мы могли переслушивать много раз. Она занимала все пространство вокруг себя. Занимала не актерским или человеческим эгоцентризмом, а чтобы нам жилось радостно, весело... полегче. В ее теплой душе всегда можно было найти приют. С тяжестью на сердце вспоминаю последние месяцы ее жизни. Непосредственное эмоциональное дитя, казалось бы, она должна

была бурно воспринять смертельный диагноз. А еще и врач, молодой, симпатичный, так правду-матку резанул, когда она робко спросила его об операции, что дыхание перехватывает: «Да какая вам операция, у вас уже метастазы кругом». В детском недоумении рассказала об этом и... затихла. Она тихо несла эту свою жуткую болезнь. Мы навещали Люду, мерили сахар в ее крови, утешали как ребенка: вот, мол, и показатели неплохие, сахар понижается, она согласно кивала, что, может, и поживет еще, подыгрывала нам, чтоб не переживали. Последние слова перед уходом — и те были не о себе, о муже: «Пусть Саша не плачет».

¹Окончание. Начало в № 6 за 2019 год.

У меня остались радиоинтервью со Стрижовой, к счастью, я щедро записывала ее для радиопередач. Остались небольшие заметки, а самое главное — неутихающая сердечная память. Вот и хочется вспомнить о Людмиле Стрижовой, и как о человеке, и как об актрисе.

«Заревела навзрыд, когда дали роль Акулины Ивановны»

Перебираю стрижовские роли в иркутском ТЮЗе — и все старухи. Да что театр?! «Старушечьи» роли за ней ходили по пятам и в училище. Тогда играть старух ей было страшно обидно. Об этом она расскажет позже, уже со смехом, в одном из радиоинтервью:

Стрижова: «Когда я училась в училище, я, конечно, больше играла старух, и я до того расстраивалась, до слез. Заревела навзрыд, когда дали роль Акулины Ивановны в «Мещанах». Ну, что такое, опять старуха!? А потом мне педагог Виктор Борисович Мерецкий сказал: «Не плачь... Дура ты дура, твои роли все впереди, когда повзрослеешь. Ты будешь играть, когда тебе будет лет за сорок». Мерецкий оказался прав. Так в жизни Стрижовой и вышло. Но вот роли старух ей и в театре, как я уже сказала, не по возрасту рано доставались. Так, «странную» миссис Сэвидж ей выпало играть в 50 лет. «Мне режиссер все время говорит: «Людя, ты очень молодая, походку шаркающую оставь. А вот энергию, которая у тебя есть, ты будь любезна к этим ножкам приспособь, ты попробуй. Тебе ведь пока еще 50 лет. А она старше, Сэвидж, она глубокая старуха». И вот опять недавно играю спектакль и чувствую, что меня немножко толкает на молодую походку. Э-э-э, стоп, Стрижова!, — говорю себе!» С «молодой походкой» на сцене ей пришлось «бороться» всю свою актерскую жизнь.

«Всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу»

Эти строки любимого Василия Макаровича Шукшина Стрижова процитировала в одном из интервью. Чувство родной земли жило в ней глубоко, цепко. Помогало ей в неустроенные минуты жизни.

Стрижова: «Я родилась в Ново-Ленино. Это моя самая любимая родная точка на земле. С какой-то оказией или вообще что-то немножко трудно на душе, приезжаешь в Ново-Ленино — и такое ощущение, будто тебя кто-то пожалел, кто-то сказал тебе ласковые слова. Как мамка мне говорила: «Людка, одевайся теплее, на улице холодно. Одевайся теплее, на улице мороз». Она думала, что вот так она сбережет меня. Вот это ощущение родного — оно непередаваемо. И я хочу привести мысли В.М. Шукшина из книги «Нравственность есть правда». Они мне очень близки. Он пишет: «Родина, у меня есть чувство, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может, мне это нужно, — думаю я, — чтобы постоянно ощущать в себе житейский запас, всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу. Одно дело жить и бороться, когда есть куда вернуться, другое дело, когда отступать некуда. Я думаю, русского человека во многом выручает сознание вот этого: есть куда отступать, есть где отдышаться, собраться с духом. И какая-то огромная

мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. И не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу». Вот это мне очень близко и знакомо. Вот просто лучше и не скажешь».

Родное Ново-Ленино прозвучало однажды из уст Стрижовой и с гордым вызовом высокому театральному жюри. Об этом рассказывала двоюродная Людина сестра Лида Нефедьева, человек с заразительным чувством юмора, свойственным всей стрижовской породе. Странно вспоминать, но в театральное Люда поступала четырежды.

Нефедьева: «Один раз она поехала поступать в Москву. И перед последним туром была генеральная репетиция. Достаточно серьезное жюри было, народные артисты и заслуженные артисты. Люда читала какое-то произведение. И вдруг подзывает ее одна артистка из жюри и говорит: «Ты зачем поступаешь сюда?» Она говорит: «Хочу быть артисткой». — «А кто на тебя придет смотреть?» Люда сначала смутилась, а потом говорит: «Пол-Ново-Ленино». Артистка спрашивает: «Это еще где?» — «А это в моем родном Иркутске». Вот так...»

Вместе с Лидой мы смеялись над этим дерзким стрижовским ответом в столице. Когда около сорока лет спустя, в 2006 году, ей дали звание народной артистки России, на бенефис в Иркутский ГЮЗ приехало не пол-Ново-Ленино, кажется, было все Ново-Ленино.

« Пой, Людочка, пой »

«Актерское» у Стрижовой заточало под сердцем с раннего детства. Для нее поступление в театральное училище было не случайным, не «за компанию», актриса — это была судьбоносная профессия, о чем она засвидетельствовала в одном из радиointервью.

Журналист: «Людмила Ивановна, давайте вспомним, если это возможно, когда вы почувствовали в себе талант, дар Божий?»

Стрижова: «Ну, такого не могу о себе сказать, что я почувствовала талант, дар Божий, а было огромное желание петь. У меня была сестра Вера. Вера умерла в шесть лет. Я о ней из рассказа мамы знаю. У нее такой был замечательный голос, она так пела хорошо. Даже братья говорили: «Ну, Людка, ты против нее...». Вера в шесть лет заболела дифтерией. И не спасли. Мама работала уборщицей в школе, отец на фронте. Есть нечего, голодали, недоедали. Мать перебивалась, как могла, то очистки соберет, то еще что. Вера в семье, хоть и младшенькая, была какой-то заводилой. И она успокаивала братьев: «Ну, ладно, Генка с Юркой, что вы? Мама сейчас придет и принесет нам что-нибудь поесть». И мама рассказывала мне: «Я отработала свою уборщицкую смену и вот иду в очередной раз домой и думаю: чем я буду ребятишек кормить? А они уже выглядывают меня в окошко — несую там что-нибудь поесть или не несую? Захожу, они стоят около печки рядышком все — и поют: «На позицию девушка провожала бойца. Темной ночью простились...». Я посмотрю на них: «Да нет у меня, ребятишки, ничего». А Верка: «Да, ничего, мама, ничего». И братьям: «Темной ночью простились на ступеньках крыльца». Поют у печки. Я уйду в комнату, в слезы. Что там говорить? Конечно, крутилась, но было очень тяжело, очень».

После этого стрижовского рассказа понимаешь, что позже, на сцене, из зна-

На снимке: Людмила Стрижова в юности.

ющей души актрисы шли горестные слова распутинской старухи Анны, которая все не может забыть стыд перед дочерью Люсей, стыд за то, что чиркала молоко из Зорькиного вымени, когда корова была уже общая, колхозная: «Это еще в ту голодовку было... Все они ись просят, плачут, а их накормить-то разве маненько надо. Намучилась я с имя. Ой-е-ей...».

Выступления и благодарный зритель — все это началось у Стрижовой в раннем детстве. С песни и началось.

Стрижова: «Песни я пела любовные, у новогодней елочки. Девчонка маленькая стоит: «Ах, кавалеров мне вполне хватает...». Родные хохочут. Меня заставляют:

«Пой, Людочка, пой еще. Пой вот эту: «Бежит река, в тумане тает, бежит она, меня маня». «Давай живей, Людка, пой!» — «...но нет любви хорошей у меня». Я думала, что это взрослые на меня смотрят, смеются? Про любовь — о-о! Ну, тогда я, конечно, не понимала, что такое любовь. Но тянулась к этим песням. (Стрижова смеется.) Патриотические пела: «На границе часто снится дом родной». Мои братья любили те песни, которые исполняли Кибкало и Прошин. Одна вошла в песенную программу мою: «Вернулся я на родину. Шумят березки стройные. Я много лет без отпуска служил в чужом краю (Стрижова по ходу рассказа начинает, конечно же, напевать). И вот иду как в юности я улицей Заречною, и нашей тихой улицы совсем не узнаю». Эта песня настолько мне запала в душу, что я даже не мыслила программы без нее. Это любимая песня моего старшего брата. В семье еще было три парня. Я самая младшая. Они на моих глазах ухаживали за девчонками, рождались любовные отношения, женились, свадьбы играли. Переживали страшные потери. Мой брат трагедию просто пережил любовную. Когда звучала песня Кибкало: «И в час, когда над крутым утесом светят звезды... та-та-та-та..., я вспоминаю черные косы и неподвижный твой силуэт». Для меня было потрясение: брат мой плачет. А он хоккеистом был, ключица у него поломанная. Я говорю: «Юрка, ты что так плачешь? Больно тебе?» — «Да, Людка, больно. Подрастешь, узнаешь». Я поняла уже тогда, что это не физическая боль была, а боль другого порядка. Брату очень сочувствовала, когда он сильно был влюблен и переживал. Думаю: «О, как он переживает. Любовь это вот такое чувство. Неужели меня тоже коснется?» (Смеется).

Журналист: «Коснулось ведь?»

Стрижова: «Коснулось, коснулось... У меня очень хорошо пела мама. Пели замечательно тетки мои: тетя Маруся, тетя Шура. Они часто собирались и вместе пели. Тогда был популярен, я бы сказала, городской шлягер, он перемешивался с деревенским фольклором. Ну, вот такие песни: «Оля любила цветы... головку наклонит, милый, смотри, василек, мой поплывет». «На Муромской дорожке стояли три сосны» — мама очень любила эту песню. Да... потом: «Меж высоких хлебов затерялось небогатое наше село». Мама пела и «Волга реченька широка, я прихожу к тебе с тоской. Мой сердечный друг далеко, и куды скрылся дорогой». У нее много было песен, сейчас все не вспомнишь. Я очень жалела, что

На снимке: Людмила Стрижова с актером Виталием Венгером.

тогда их не записывала. Ну, тогда мы все были какие-то бесшабашные. Но все равно я какие-то песни запомнила. И некоторые песни пронесла по жизни, и даже в спектаклях пела песни мамкины. В «Последнем сроке» ее песню пела. Про матроса. «Вы матросы-моряки, где же ваши шляпки? Поцелуй меня, моряк, в аленькие губки». Прощальная такая песня была. Или вот: «Почему твое личико бледно?..» Танго, не танго? Или жестокий романс? «Почему ты задумчива так? Почему не блестит, как бывало, в твоих глазках веселый огонь?» Мы исполнили ее в спектакле «Бег».

Журналист: «Людмила Ивановна, я знаю всех ваших родных, всех трех ваших братьев. Они не пошли по стезе актерской, но Господь какой-то щедрой горстью бросил на вашу родовую артистический талант. Братья — интересные заводные рассказчи-

ки, рассказывают с жестами, с мимикой, все изобразят. По какой линии пошел этот дар актерский — по материнской или по отцовской? Откуда он в вашей родове?»

Стрижова: «Я думаю, и по материнской, и по отцовской. Папа был с большим юмором человек. Причем он был малоразговорчивый. Он мог очень точно характеристику человеку дать. Иногда прозвище точное припечатать. Он очень ритмичный был человек. Это по походке в тайге чувствовалось. А вот когда папа танцевал, приплясывал, он только вот так ножкой притопнет и ручку поднимет — и это было изумительно. Мама великолепно рассказывала, причем она сама по себе любила рассказ, она любила это, и удивительно рассказывала. И поэтому братья действительно артисты, особенно брат мой Боря, тот вообще был очень одаренный. Артистичная натура. Я очень жалела, что он не стал артистом, потому что он был бы великолепным комедийным актером. Да и Юра тоже с юмором, и Гена. Это все, наверное, от родителей».

«Она падает на колени и подъезжает к столу жюри»

Уже после Людиного ухода из жизни спрашиваю Лидию Викторовну Нефедьеву: виделся ли актерский Людин дар еще в детские, в подростковые годы?

Нефедьева: «Вы знаете, в нашем детстве после окончания учебного года были, так называемые, дни отработки. Мы должны были отработать на пришкольном участке. За каждым классом был закреплен участок в огороде школьном. И мы все летом приходили сюда с удовольствием. Прополоть там или полить что-то. Люда очень была талантлива всегда. И сообразительна. Она иногда принимала такие решения: надо начать репетировать. После окончания вот этого огородного сезона мы всегда выступали. У нас был баянист Владимир Емельянович Дерфлер. Он необыкновенно любил Люду, потому что она лучше всех пела и вообще выступала.

И она всегда к нему подойдет, бывало, мы все на грядах, она подойдет: «Когда будем репетировать?» И он, наверное, прекрасно понимал, что она уже устала работать. И мы все уходили репетировать...»

Журналист: «Отлынивали от грядок?»

Нефедьева: «Было и такое. Было. Надо признаться. И все знали, что Людмила у нас первый человек, артистка, к ней подходили и просили: «Возьми меня репетировать, возьми меня». И она уже выбирала».

Журналист: «Лидия Викторовна, вспомните, в детстве, в школе копировала ли она кого, изображала?»

Нефедьева: «Копировала. Она очень хорошо копировала нашу пионервожатую. У нас была пионервожатая, она же учитель биологии. В высшей степени интеллигентная женщина. У нее был такой неторопливый говорок, своеобразный. Людмила великолепно ее копировала. Потом она могла за дверью класса прокричать голосом директора. И нам уже было ясно, что все должны замолчать и ждать, что будет дальше. У нас в Ново-Ленино был клуб, у железнодорожного вокзала, при клубе площадки. А мы, дети железнодорожников, имели там полное право находиться. В разные игры играли, в том числе, и «в войнушку». Люда любила играть «в войнушку»... Людмила песнями военных времен могла поднять, что называется, взвод и идти брать какую-то высоту. За ней шли».

Журналист: «Но вот когда она стала поступать в театральное, не однажды же она поступала, вы верили, что поступит?»

Нефедьева: «Когда окончили школу, все пошли поступать в институты. Люда сразу всем наотрез, и родным, и знакомым: «Только в театральное». Поступала четыре года и очень надеялась. И мы в душе очень верили, что она будет артисткой, но вот все думали, почему ее не берут. И вот четвертый год, четвертый раз поступает. Прошла все туры, остался один тур — танец. И я с ней поехала на этот последний тур. А я сама когда-то танцевала, и говорю: «Вот так, Люда, вот этот лучше танец». Она говорит: «Нет, это последний год, когда я поступаю, или-или». И вышла она танцевать цыганочку, что было не в ее характере вообще-то. Но, видимо, до того настроена была поступить в этом году, что так эту цыганочку выдала! Самый финал... последнее па... она падает на колени и подбегает к столу жюри. Жюри все падает от великолепия исполнения и от смеха».

«Ты про этого воробья сто раз нам рассказывал»

Часто по молодости Люда говорила, что надо взять ребенка в детском доме. Но так и не взяла. «Ребенок» у нее был. Это муж — Сашечка, режиссер Александр Валерианович Ищенко.

Когда на байкальской даче я утром однажды взялась сварить манную кашу, Люда проговорила: «Я сама, Танюшка, сварю. Сашечка любит пожиже...». А «Сашечка» из той же породы, что и она: режиссер от Бога, мудрый, проницательный, насквозь видящий природу человека, людские типажи, актерскую суть, но... но сущий ребенок, растерянный и доверчивый, в собственной жизни, в житейских делах своих. Горько и забавно вспоминать, но напоследок Стрижова все заботливо прикидывала, с кем Саше лучше остаться после ее ухода из жизни. Даже по телефону прежнюю жену, хорошую отзывчивую женщину, просила, чтобы она приехала к Сане.

На снимке: Людмила Стрижова с мужем, режиссером Александром Ииценко.

За один верхоглядный поступок корю себя. Люду для радиопередач я записывала чаще, чем Валериановича. Речь ее колоритной была, сама манера рассказа сочная, говорит-говорит, потом вскочит с дивана и все в лицах тебе изобразит. Не однажды Саша «врезался» в наши беседы для радиопередач с одним и тем же рассказом, рассказом о том, как он в войну голодал. Саша начинает рассказывать, и я его обрываю: «Да, знаем, знаем про

твоего воробья. Ты уже про этого воробья сто раз нам рассказывал». И продолжаю записывать интервью с Людой. Вот теперь спохватилась — оказывается, этого Сашиного рассказа в моих радиозаписях нет. А вспоминал он о том, как мама его, Евдокия Ивановна, во время войны с ружьем охраняла тары с хлебом под Симферополем. Евдокия и еще одна женщина. Хлеб выдавали по карточкам, тары пустели, и тогда Саша с соседкой, долговязой девчонкой, бросались к поддонам, сгребали оставшиеся крошки и жадно совали их в рот. А еще все вспоминал он, как эта худая долговязая подружка по его голодному детству поймала своими длинными худыми пальцами воробья, который залетел в дом. Воробья они заварили кипятком и съели. Вот не стало Сани через три года после Люды, переслушиваю с ним записанные интервью, и нет в моих записях его душераздирающего рассказа про воробья и про голодного пацаненка из военной поры. Как досаду и корю себя.

«Он артистов любит»

Валерианович — большая удача Стрижовой. Казалось, он был в ее жизни уже тогда, когда она его еще и не знала. Нынче мимоходом встретились с подружкой Люды, талантливой тюзовской актрисой Ниной Ольковой. Пока шли один квартал по улице Ленина, чисто по-женски многое успели перебрать в разговоре. Вспомнили и о Стрижовой, конечно же. И наш женский разговор невольно вышел к истории знакомства Люды и Александра Валериановича. Нина Ивановна хорошо помнила то время. Как необычно, по-театральному, будто выстраивал какой-то драматург, эта семейная история началась. Только в театре пошли разговоры, что для постановки спектакля приехал новый режиссер, только актеры что-то прознавали о нем, переговаривались, одна из первых брошенных Стрижовой фраз звучала так: «Будет моим мужем». Откуда? Почему? Но Валерианыч стал ее мужем — и на всю жизнь. В 1991–1992 годах я работала в ТюЗе педагогом. Люда меня сюда завала, этим помогла мне тогда найти работу. Хорошо помню: она все время искала Валерианыча в театре. Дверь литчасти под лестницей в старом здании ТюЗа всегда открыта. Заскочит Стрижова. Именно не зайдет, заскочит или заглянет. Неспешно у нее редко что получалось. А тут тем более. Скользнет взглядом по нашей комнатухе под лестницей, спросит, не видела ли я Сашу? — и бежит прочь, дальше, на поиски. Она все время его искала и догоняла. Казалось, ей без него

было трудно жить, дышать, существовать. Он тогда был силен и уверен в себе, теперь понимаю, что силу и уверенность придавала ему и вот эта преданная Людина любовь. Мне он виделся, правда, тогда седым, элегантным ... и старым. А было ему в ту пору чуть за пятьдесят. С Людой у них разница в десять лет. Он не особенно на людях баловал Люду своим вниманием. Искала его она. А как она высоко ценила режиссерский талант Ищенко! У меня сохранилось газетное интервью от 2000 года, где мы говорим со Стрижовой о ее бенефисном спектакле «Странная миссис Сэвидж» и, конечно же, о режиссере-постановщике этого спектакля.

Журналист: «Людмила, я знаю, что ты бесконечно можешь восхищаться своим мужем, режиссером Александром Валериановичем Ищенко. Этому свойству многим женам у тебя бы поучиться. Вы с ним живете уже девятнадцать лет, а от тебя все слышу: «Мой Саня с нами разбирает спектакль до мелочей, только слушай и делай», «Мой Саня — гениальный мужик!» Я и сама люблю смотреть и репетиции, и спектакли Александра Валериановича. Меня трогает, что он, пронительный и умный на репетициях, до изумления доверчив в собственной жизни. Я люблю его спектакли за то, что все артисты в них играют. А еще в его спектаклях всегда есть «мелодия», настроение, как в хорошем рассказе. Но ты и при артистах не стесняешься его хвалить. Люди скажут: «Ну, нахваливает своего мужика». Верно же?»

Стрижова: «Пусть что угодно говорят. Валерианыч — редкий режиссер, который дарит артистам процесс работы над ролью. Да-рит. Это режиссер, который любит артистов. Я с ним работала в трех театрах, и знаю, как он относится к артистам. Мы же артисты — и странные и неуравновешенные, порой капризные, как дети. Но он артиста любит. И когда в зрительном зале народ то хохочет, то плачет, то затихает, а потом нам звонят и благодарят — это все Сашечкина заслуга. Почему я должна стесняться?! Я им восхищаюсь. Хотя, когда выходила за него замуж, меньше всего думала, что он режиссер. Когда он переступил порог моей комнаты в общежитии, я поняла, что назад он «этот порог» не перешагнет».

Это газетное интервью, напомним, из 2000 года. Страстное отстаивание ищенковской режиссуры вполне объяснимо. Какая вольница тогда шагнула на сцену! В этом же интервью мы говорили со Стрижовой о современных режиссерских, так сказать, трактовах.

Журналист: «Тебе хорошо: у тебя есть муж — режиссер. Но артисты чаще всего люди подневольные. И чего только режиссер не предлагает им порой сыграть. Помнишь, не так давно по телевизору показывали фрагменты чеховской «Чайки»: Аркадина, прошу прощения, сидит верхом на Тригорине, распластавшемся на полу. Наши земляки рассказывали, как они поехали в Москву, купили билет за 120 рублей на эту «Чайку», и как покинули зал на середине спектакля, не выдержали режиссерской «трактовки». Контролерша театра им сказала: «Как я вас понимаю». Тебе приходилось с такой режиссурой сталкиваться?»

Стрижова: «Да, у меня была такая ситуация. Был у нас один режиссер, товарищ Н. Он решил ставить Мольера, и предлагает мне роль Тартюфа. Я, простая здоровая баба, рабоче-крестьянская женщина, я его спрашиваю: «Тартюфа?» — «Да». — «Но это же мужская роль?» — «Да». — «Можно грубо?» — спрашиваю я. — «Конечно». — «Простите, но там есть сцена с Эльмирой. Тартюф соблазняет жену Оргона. Чем я буду соблазнять? Артисту все надо конкретно знать — чем?» Он говорит: «Понимаете, это что-то типа — «оно». Я расхохоталась: «Понимаю. Значит, я попала в разряд сексуальных меньшинств?» Режиссер на это ничего не

мог мне ответить. Ни-че-го! И тут я отказываюсь: «Вы не знаете, про что ставите спектакль». Я когда Борису Николаевичу Преображенскому, тоже одному из любимых моих режиссеров, рассказала про это, а он ставил «Тартюфа» в нашем ТЮЗе, он расхохотался своим хрипловатым басом и сказал ту же фразу: «Так ты что, Стрижова, — из сексуальных меньшинств?» Может, кому-то дорог авангардизм, ведь это авангардизмом попахивает, но я вспоминаю, как однажды сказала Татьяна Доронина: «Хватит душить народ авангардизмом». Мне кажется, русскому человеку и русскому артисту в рамках авангардизма тесно. Ему нужна душа, характер, тепло».

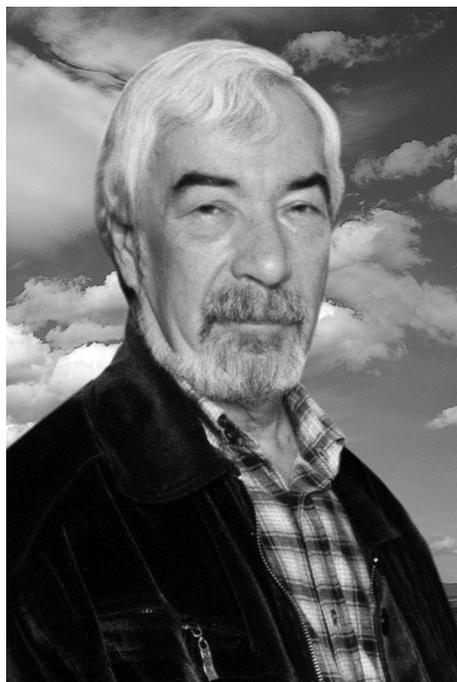
Режиссеры-шестидесятники

Позже, когда уже были сыграны Стрижовой главные роли ее жизни, в одном из газетных интервью она скажет: «Во многом мне помог муж, а вернее режиссер Ищенко, он упрочил мою веру в себя». Вот! Вот именно необходимые слова: они укрепляли друг в друге «веру в себя». Как ни банальна мысль, но это главная скрепа в творческой семье. И еще в этом же стрижовском интервью: «Мой актерский путь — подарок судьбы. От доброй Кормилицы в «Ромео и Джульетте», просто-душной Нади в «Любовь и голуби» и неудачливой Ани Хороших в пьесе «Прошлым летом в Чулимске» до вселенски мудрой Дарьи в «Прощании с Матерой», сильной духом Анне в «Последнем сроке» — эти героини мне как родные, потому что отстаивают правду и справедливость». А еще они ей были «как родные», поскольку ставил и репетировал с ней родной и любимый «Сашечка». И только в спектакле «Последний срок» она работала с Сашиним другом, единомышленником и соратником, режиссером Виктором Трегубенко. Валерианых, повторюсь, очень сдержанно хвалил Люду на людях. Но цену ей знал. И давал ведущие роли

не как жене своей, а как талантливой актрисе. Когда Люды уже не стало, я брала у него интервью. Он вспоминал о Стрижовой хоть и в прошедшем времени, но по интонации слышно было, что сердцем Саша так и не понимал, что ее уже нет на белом свете.

Журналист: «Александр Валерианович, какой все-таки дар был больше отпущен Люде: комический или драматический? Спрашиваю, потому что в роли Дарьи она открылась как драматическая актриса, в «Изобретательной влюбленной» — комическая? А на ваш взгляд, какого склада она была артистка?»

Ищенко: «Человеку было дано и то, и другое. Кстати, она никогда не придавала значения похвалам. Конечно, было приятно: «О, как хорошо сделана роль!» — говорили критики, предположим, в Москве. Интервью у нее брали в Москве. Она ни-

На снимке: Режиссер А. Ищенко.

когда не придавала этому значения, она не знала, как в своей профессии сделать плохо. Органичность у нее была природная. Я бы хотел это подчеркнуть: несмотря на то, что она была прелестный человек — была у нее «животная органичность».

Журналист: «Кстати, этого добиваются все учителя, когда человек начинает учиться в театральном, ведь так?»

Ищенко: «Конечно. А у нее уже это все было. В Минске Люда сыграла совместный проект с белорусами. Это был ноябрь 2005 года. Театр белорусской драматургии. «Трибунал» Макаенка поставил Онисенко, белорусский режиссер. Я ж там тоже «Короля Лира» ставил. «Прошлым летом в Чулимске» я там ставил. Меня приглашали дважды туда... Группа там тюзовская была. Тупица Олег играл, Попкова Люда играла, Володя Безродных играл, они все уехали сразу, улетели самолетом. Стрижова тоже сыграла и уехала. И сижу я в зале на вручении наград. У Фрейндлих был юбилей. Она привезла свой спектакль и сыграла его. Пастухов, Янковский, Стрижова. У всех золото. Я опупел, потому что в такую компанию попасть — это серьезное признание. Люде дали на «Золотом витязе» Золотой диплом за роль в «Трибунале» Макаенка. Мне вручили стрижовский диплом. Я не скажу, что она обрадовалась, она просто удивилась. «Во, во! Компания-то какая, цени себя, девушка», — сказал я».

« Это ваша победа »

Так вот, поначалу моих друзей «повенчал», конечно же, театр. Потом, это уже в 2000-е, у Люды родилась мечта повенчаться с Сашей в церкви. Думаю, что она об этом не однажды с Ищенко заговаривала. А совершенно было таинство венчания в 2003 году, в День Победы, отцом Каллиником в Михаило-Архангельском храме. Во время вечерни, до венчания, Ищенко очень волновался, выходил из храма на перекур, не знаю, правда, удавалось ли ему в ограде церкви перекурить. Он не особенно был приучен к богослужениям. Помню, как однажды Люда все-таки привела его на исповедь и причастие. Валерианыч, наверное, долго обдумывал, готовился. Шел к аналою на деревянных от волнения ногах. Потом нам рассказывал, что на исповеди сказал батюшке: «Каюсь, виновен во всех грехах, кроме убийства и гомосексуализма». Нас тогда это повеселило... И вот венчание. На головы Саши и Люды надели венцы. Со спины Люда смотрелась как царица, прямая, величаяя. Валерианычу брачный венец оказался великоват, он боялся его уронить с головы при поклонах — и потому спина была напряжена, кланялся скванно. После венчания о. Каллиник сказал моим друзьям: «Не случайно венчание свершилось в День Победы. Это ваша победа». Взбудораженные, возбужденные, возвращались домой и признавались друг другу, что из венчального таинства все мы четко уловили тогда одну фразу: «Но да убоится жена мужа своего».

« Не надо аплодисментов, здесь не театр »

Она его не боялась, она всю жизнь боялась за него. При его неурядицах Люда места себе не находила, металась и делалась сама не своя, его профессиональным успехам радовалась больше, чем своим. А сколько же она с ним пережила! Пом-

ню, как в 2000 году из-за всех нервных театральных событий вокруг Ищенко она забыла про свой день рождения. День рождения приходится у Людды на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, на 14 октября. Я ей телефонным звонком напомнила: «Сегодня же Покров и твой день рождения». Она расплакалась: забыла. Но не удивительно, что забыла. Все совпало у них в тот год. Во-первых, переезд на новую квартиру. Их старый дом, где теперь Торговая площадь Чекотова, сносили. По собственному, конечно же, Сашиному выбору, Ищенко переехали в дом на улице Желябова, рядом с гостиницей «Ангара». Но квартира еще не отапливалась, окна в доме были как пустые провалы. Прежние хозяева, выезжая, снимали рамы, забирали стекла, до бесстыдства домовитые, вытаскивали листовничные плахи с пола. Мои приятели, сами готовые все и всем оставлять, были обезоружены такой хозяйственной хваткой. От холода спасались под одеялом. И только одна Евдокия Ивановна, Сашина мама, человек военной поры, отважно боролась с невзгодами: готовила обеды, мыла посуду, гуляла с собачкой Чоли, кормила кота Мурзика.

В этом же году бурлил и Иркутский ТЮЗ. Новый директор Н. вводил свои правила. У неугодного Ищенко нашел ахиллесову пяту для увольнения: «за пьянку». К чести Александра Валериановича, зелье он никогда не принимал во время работы над спектаклем. Репетиции от его «слабости» не страдали. Снимал напряжение, грусть-тоску только после премьеры. Ищенко на происки директора подал иск в суд о незаконном увольнении и восстановлении на работе.

И вот на Николин день двухтысячного года шло судебное заседание. Помню, какое душевное напряжение был этот суд для всех нас, для артистов, для друзей. До последней минуты не знали, чья возьмет. Но все-таки трудно представить, что творилось тогда в душе у Стрижовой. Она ведь знала, как это режиссеру искать новое место работы. Новый город, новый коллектив... Шел ей в ту пору 51 год. Да и у Саши позади была уже длинная и беспокойная судьба, исколесил вдоль и поперек Россию. Приговор был вынесен на другой день, к вечеру: Ищенко восстановили на работе в театре! Мы от радости и нервного напряжения захлопали. Судья опустила голову, чтобы скрыть улыбку, и проговорила: «Не надо аплодисментов, здесь не театр». Все рассмеялись. Шутка судьи была очень остроумная. Дня три мы жили просто в эйфории от победы.

Это была далеко не первая история, когда судьба неласково обходилась с Валерианычем. Ищенко не однажды, в лицах, рассказывал нам, как был исключен в 60-е годы из партии и из театра по статье «Недоверие». Читал неположенную литературу, которую, коли ты такой «любопытный», можно было читать только тайком, как часто потом шутили, «ночью под подушкой». Быть бы Ищенко «похитрее», может, и обошлось бы все. Но нет, это не в его натуре. От идеологического «недоверия» Сашу спас режиссер Борис Дубенский. История из 60-х осталась в памяти и в записи: в радиointервью с геологом Зинаидой Морозко из байкальского поселка Култук, хорошей знакомой Ищенко и Бориса Дубенского.

Морозко: «Однажды Александр Валерианович рассказал мне такую историю. В 1968 году, после окончания Харьковского театрального института, он стал работать на Сахалине. Дал кому-то почитать «Собачье сердце» Булгакова — и на него донесли. Вызвали в ЦК и сказали, что больше в идеологической сфере он работать не будет. Долго он мотался по стране, нигде его не брали — ни актером, ни режиссером. И кто-то ему подсказал: «Езжай в Томск, там есть Дубенский — человек, который сможет тебе помочь». Приехал. Борис выслушал его, встретился с Егором Лигачевым. Лигачев тогда был первым секретарем Томского обкома КПСС.

Саше сказал: «Завтра приходи в обком». Тот приходит, а Дубенский с Лигачевым играют в шахматы. Лигачев спрашивает: «Что? Этот читатель?» — «Этот». — «Ну ладно, иди, читай». И разрешил взять его в театр. Здесь Ищенко ставил спектакли под псевдонимом Шишкин. Это была девичья фамилия его матери, Евдокии Ивановны».

Потом Борис Дмитриевич Дубенский на долгие годы станет добрым товарищем Валерианыча уже в Иркутске. С какой любовью и почтением Саша всегда говорил о нем! Ведь в такой трудный час своей судьбы он его встретил. Во время летних отпусков в 90-е приезжал на дачу к Дубенскому в Култук, пока не купил здесь свой маленький домик. Вместе писали байкальские пейзажи, поскольку и тот и другой, кроме режиссерской профессии, хорошо владели кистью. Дубенский был профессиональный художник, Саша чувствовал и композицию, и цвет. Не случайно в свое время пошел в Биробиджанское художественное училище и окончил его. У меня на стене его култукский пейзажик, где он «отважился» писать деревянный домик под пригорком в окружении летней зелени. Попробуй разглядеть оттенки этой летней зелени! Ищенко их видел. Другой пейзаж «Пик лета» — и снова буйство зелени.

А какая была жажда учиться! Именно жажда. Тогда такие слова, как «амбициозный» и «успешный» звучали бы диковато. Но как тянулись к знаниям! Ищенко, как я уже сказала, окончил Биробиджанское художественное училище. Затем актерский факультет Днепропетровского театрального училища! Работал артистом в драмтеатре Кривого Лога. Окончил Харьковский театральный институт по профессии режиссер. Выпало большое режиссерское счастье: стажировался в Большом драматическом театре у самого Товстоногова. А спектакли ставил в Южно-Сахалинске, в Томске, в Новокузнецке, где работал в 80-е главным режиссером, в Калининграде, Советске, Семипалатинске, Алма-Ате, Благовещенске, Тынде, в Минске... И, конечно, в Иркутске.

« Пусть Саша не плачет »

Да, Ищенко бывал, как мы говорили, в «глубоком пике». Да, он «расслаблялся» в трудные дни жизни, «расслаблялся» после премьерного напряжения. В это время от Стрижовой неслись совершенно отчаянные телефонные звонки. И в такие дни в доме Ищенко обязательно звучал Вахтанг Кикабидзе, популярный в ту пору артист и певец. А еще — седой головой, усами и бородой Ищенко очень походил на Кикабидзе. Кикабидзе поет:

*В ночную форточку окна
Пусть летит колечко дыма,
Необходима тишина,
Мне тишина необходима.*

Валерианыч пускает колечки дыма в форточку и выразительно подпевает. Куда деваться, поем и мы вместе с Кикабидзе, поем громогласно, дружно, на весь дом, поем уже в пятый раз: «Мне тишина необходима». Люду уже «тошнит» от этой песни, но она шутит: «Вахтанг в нашем доме как родня». Звучит и другая песня Кикабидзе, «Письмо из экспедиции», о бездомном сыне, который далеко на севере, в экспедиции, где сыро и одиноко. И он просит: «Напиши мне письмишко, мама». Саша опять хватается пульта, ставит «Письмишко» с самого начала и

заливается горячими слезами: «Мама, я в разлуке с вами болен...». В это время маленькими шаркающими шажками выходит из своей комнаты его родная мама, Евдокия Ивановна. Ей бы отдохнуть. Но она уже давно и мудро поняла, что ее сын — режиссер. Саша влетает в ее комнату, выключает телевизор, чтобы никакие звуки не мешали песне.

*Сын у вас бродяга, невидимка,
но и вы — как призрачная дымка.
Напишите, разгоните тучи,
нам обоим сразу будет лучше.*

Теперь вот запоздало сокрушаюсь: как не хватает Ищенко. И в десятый раз послушала бы этот душеспитательный вопль об одиночестве, эту любимую песню Валерианыха, мудрого искушенного человека, беззащитного пацаненка из военной безотцовщины, из недоигранного детства.

И еще об этой замечательной паре одна забавная бытовая сценка. Помню, как-то одним новогодним утром пришла к ним в гости. Увидела моих друзей и рассмеялась, вот сроднились-то: Ищенко и Стрижова почти в одинаковых клетчатых байковых рубашонках, как близнецы, как сестра и брат... Удивительно ли, что последние Людины слова перед уходом были о муже: «Пусть Саша не плачет».

«Обезьянничанье»

Это слово о Стрижовой услышала от Ищенко. «Обезьянничанье у Стрижовой природное», — говорил он. Как режиссер этим качеством Стрижовой Саша восхищался. Вот одна незабываемая история. Утром в Рождество 2009 года после праздничного богослужения в окрыленном настроении пошли в гости к Стрижовой. Пригласила она нас с приятельницей, матушкой Ниной, на беляши. Ну, думаем, неужели? Стрижова? Беляши? Стряпня непростая? Беляши всегда пекла, пока была жива, уважаемая наша Евдокия Ивановна. До ее искусства Стрижовой, как и нам всем, было ох как далеко. Мы в большой комнате с Сашей толкуем о том о сем, она на кухне. Не утерпели, заглядываем на кухню и немеем от удивления. Стрижова с потрясающим искусством, какому поучиться кулинарам, отбивает о доску лепешку. Кусок теста летит в воздухе, точно и резко шлепается в одном месте, как у заправской стряпухи, она подхватывает уплотненный кусок теста и снова — об доску! Потом музыкальными пальцами, как по клавишам, быстро расправляет эту лепешку по краю и ложкой кладет на нее ароматный фарш, после этого скорыми наметанными движениями присбиливает тесто вокруг мяса — и на сковороду. Беляши шипят в масле, она легко подхватывает их со сковороды — сочные, корочка золотая, мясо душистое — кладет на блюдо. Причмокнешь звучно, и пальцы в щепотке от губ отмахнешь: «Как смачно!» — известный жест, который Люда любила и неподражаемо пользовалась им. Наповал сразила она нас своими беляшами в тот праздник Рождества. Мы давай выспрашивать, как это она освоила такую трудную стряпню? Валерианович объяснил все просто: она «обезьянничала» наметанные движения Евдокии Ивановны. Стрижовская актерская память сохранила пластику в процессе приготовления блюда.

А вот еще. Посещение рынка было в семействе Ищенко ритуальное. Так и стоит перед глазами картина: Стрижова ходит по рынку не спеша, долго разглядывает витрины, этикетки, ценники, просит продукт на пробу, поджигает губы: нет, мол,

не вкусно, просит другой продукт, снова приценивается, торгуется, просит самое свежее... Такая вот обстоятельная покупательница... В конце концов покупает далеко не самый отменный товар.

Когда мы все вместе счастливо проводили в сентябре один из отпусков в Севастополе, в гостях у театрального художника Юрия Суракевича, то часто, конечно же, ходили и на рынок. Стрижова подходила ко всем ларькам и приценивалась ко всем продуктам, что вызывало мое возмущение: ну, что на рынке столько торчать, если рядом Черное море?! Когда же она стала останавливаться возле каждой деревянной лавки со свеклой, долго крутила в руках этот овощ, торговалась с теньками, я была просто обескуражена: ладно еще абрикосы, вишня, но свекла в Севастополе?! Теперь понимаю: ее просто захватывала шумная народная стихия многолюдного рынка, она входила в роль покупательницы, она проживала эту роль, «обезьянничала».

«Надо говорить о горе с сухими глазами»

«И где вы, артисты, жизнь наблюдаете: квартира — театр — Дом актера, актерский бар — снова квартира — театр — Дом актера — бар?...» Иногда, смеясь, такую задиристую фразу бросала я своим друзьям. Да не надо было Стрижовой никуда ехать и ходить, чтобы «изучать» жизнь, характеры, типажи. В этом смысле ее собственный дом был «полная чаша». Когда мы с Людой близко сошлись, жила она уже с Александром Валериановичем и двумя почти 80-летними бабушками — тетей Симой и Евдокией Ивановной. Надо было иметь Людину уживчивость, чтобы ладить в одном доме и с мамой, и со свекровью. Поначалу, правда, было не все просто. Прихожу однажды к Стрижовой в праздник Крещения Господня. Недалеко друг от друга жили тогда. Вижу, Люда между двумя бабушками, как между двумя капризными детьми. Одна пошла за святой водой в церковь. У порога Люда спросила: «Евдокия Ивановна, вы в церковь?» Евдокия Ивановна, как мне показалось, чем-то недовольная, буркнула в ответ: «Да, в церковь». Я стою и про себя возмущаюсь: чем ей невестка не угодила? Потом, когда поглубже войду в их жизнь, я сдружусь с Евдокией Ивановной, буду удивляться ее житейскому мужеству, поражусь, до чего она стойкая сильная женщина, как много она испытала на своем веку, полюблю ее, и даже в последний путь придется мне ее обмывать. А пока: и чем, думаю, невестка нехороша?

Другая бабуля, тетя Сима, тоже, как мне кажется, ревностно выглядывает из своей комнатки. Ей тоже необходимо Людино внимание. Драмы в трех комнатах с тремя деревянными дверьми нешуточные. У одной — это у Серафимы Васильевны — в лице все добродушно округлое: глаза, нос картофелиной, полные круглые губы и какое-то выражение добросердечия и беспокойного материнства. Эмоции все на лице и на языке. У Люды многое от тети Симы. Другая бабушка — суровой породы. Волос пышный, короткий, завитой. Нос с горбинкой. Помню, как, отставив перед собой прямую правую ногу и руку положив на бедро, затягивается сигаретным дымом у открытой форточки. Не сразу поймешь, что у нее на уме. Никогда не закричит, не вспылит, не пожалуется.

Тетя Сима — артистка. Сидит на маленькой кухоньке, у стола, начинает вспоминать о тяжелом детстве, когда с подростков впрягали в работу, и сразу заворо-

жит своим говором. Однажды Люда мне опять же для радиопередачи рассказывала, как тетя Сима в детстве учила детей уму-разуму.

Стрижова: «Она нас скромно учила, но довольно вразумительно. Допустим, мы провинились. Мама ставила меня в угол, брата ставила в угол. Борю, брата моего. Но самое главное, она разыгрывала драму, будто она собиралась уходить из дома. Да разыгрывала так убедительно: «Все, дети, я ухожу, вы не слушаетесь меня, я ухожу в другой дом, буду жить с другими». Я плакала отчаянно: «Мама, не уходи!». Это, правда, продолжалось недолго, мама нас, конечно, щадила, и сразу же: «Вот смотрите, дети, будете плохо себя вести, я уйду». Это я очень хорошо запомнила».

Журналист: «Это сильнее всякого ремешка на вас действовало?»

Стрижова: «Абсолютно. Как это без мамы мы останемся? Куда она уйдет? Да, как это вообще без мамы? А она уже: «Никуда я от вас не уйду. Ведите себя хорошо». Вот это я почему-то запомнила. А потом у нас был с братом такой случай. У нас в Ново-Ленино есть сад Томсона. И вот мы там воровали огурцы. Я стояла на стреме, а брат мой воровал. Мешок огурцов принесли во двор, всех стали кормить. Все едят, довольные. Мать выходит во двор: «Что это вы тут делаете?» Мама увидела по нашим глазам, что-то не то. Чуть больше полмешка оставалось. Она тут же сказала все унести туда, где мы взяли. Пошли. И я, и Борька... Она с нами. Мы это все несли в слезах. Стыдно. Идем красные как раки. Пришли: «Извините, мы у вас украли». И все просили прощения. Мама отдала деньги за недостающие там огурчики. И вот я запомнила на всю жизнь, что брать чужое нельзя».

В 2000 году в газетной статье о Стрижовой я писала: «Вспоминаю: когда Людмила репетировала роль старухи Анны в «Последнем сроке», она как-то особенно близко прибилась к своей матери, Серафиме Васильевне...». Они всегда были тепло и душевно близки. Но тогда с ролью старухи Анны, да... так и было, она особенно жалась к тете Симе, не знаю, может, очень хотелось согреть ей «последние сроки» материнской жизни.

Сашина мама, сдержанная на эмоции и воспоминания Евдокия Ивановна, все-таки однажды тоже поведает нам о своем детстве. Что ее тогда растревожило и расположило к воспоминаниям, не помню. Какой-то был праздник, небольшое застолье, на столе — традиционные свекровкины аппетитные вареники с картошкой. Села Евдокия Ивановна, прикрыла глаза и вспоминала...

Семья у Евдокии большая была, и ее отдали в семью брата. Из далекого-далекого детства одну сцену ее память держала восемь десятков лет. «Вот жена брата постряпала пирог. Дети все ее сели за стол, и я села. Все тарелочки держали, и я держу. Жена положила всем пирог, а мне нет. Я убежала из-за стола, спряталась, плачу, плачу... Брат у жены спросил: «Почему ты ей не положила пирог?» — «Ой, я забыла». Он толкнул ее, да неловко. Она упала с крыльца. Потом рассказывала, что ребенка скинула». Евдокия с прикрытыми глазами вспоминала спокойно, отрешившись. Слишком далеко было уже ее детство. Люда потом, когда Евдокия уходила в свою комнату, прошептала как актерское откровение для себя: «Надо говорить о горе с сухими глазами. Мы, артисты, хлюпаем носом, а надо иногда говорить с сухими глазами». Рассказала Евдокия нам тогда и как «кулачили» ее семью. «Отца моего звали царь Николка. Он походил на царя. Четыре работника у него было. Валенки валяли. Пришли: «Где тут царь Николка живет? Валенки надо». И раскулачили. Забрали лошадь, корову и один дом, который дед для отца строил. Александр Валерианович родился в 1938, в 41-м отец ушел на войну.

Саша рассказывал, как перед уходом на фронт (мы удивлялись, что этот момент осталась в памяти совсем маленького ребенка) отец взял сына на руки, подбросил его над головой, потом усадил на плечи, пошел по двору, да споткнулся неожиданно. Саша помнит, как полетел в клумбу... Только отец вернулся с войны, «пошутил» неудачно в сельсовете: перекрестился, как на икону, на портрет Сталина. Кто-то донес. Забрали, домой уже не вернулся. Евдокия осталась одна с сыном и всю длинную жизнь одна прожила. И уж точно: никогда Евдокия «носом не хлюпала», мы не видели. Не хочется никаких прямых параллелей проводить между житейскими историями и Людиными ролями, но «наблюдать» жизнь ей было где. Казалось, и играть не надо — бери готовенькое...

Помню, сидим у Стрижовой. Январь, елка новогодняя уже осыпается. Дождинки на елке переливаются. К Люде приходит младший брат Боря. Между делом сообщает о соседке, тети Симиной хорошей знакомой, наверное, ровеснице, сообщает, что умерла. Трудно забыть, как, подавшись всем телом вперед и руки уткнув в колени, тетя Сима, вытянув вопрошающей трубочкой губы, все переспрашивает: «Да неужто и Тараканиха умерла?» Сидит, молчит, думает и посреди нашего разговора снова спрашивает Борю: «Да неужели и Тараканиха умерла?» И снова затихает, сидя на кровати, что-то перебирает в голове своей. Потом, глянув на Борьку, заключает: «Теперь моя очередь помирать». «Не накликай», — дергается Боря. Года через четыре похоронили и тетю Симу. «Мамка перед смертью просила, — говорила Люда, — «на тарантайке по этой дороге свезете меня. По свету расходитесь с поминок». По свету и разошлись». Тяжело Люда перенесла материн уход. Почти всю жизнь рядом. А еще: «Никто теперь мне не скажет: «Людка, оденься теплее», «Людка, куда голоуша пошла, простынешь?»

Не могу не вспомнить и «последний срок» Евдокии Ивановны. Прожила она 92 года. И все около невестки и сына. Неожиданно слегла, когда Люда уехала на гастроли в Улан-Удэ. Вечером позвонил Ищенко. Голос нервно дрожит. Сказал, что ночью вызывал врача: матери совсем плохо. Я пришла. Говорит Евдокия с трудом. Слабость у нее, в сон тянет. Глаза закрываются, а руки все время что-то теребят-теребят. Говорит: «Домой пойдем, домой». — «Да вы же дома, Евдокия Ивановна». Думаю, видно, к Господу «просится домой». На руках и ногах не кожа, уже темная шкурочка висит, пальцы на ногах скрючились, как у птички, ноги холодные. Поменяли с Валерианьчем ей белье, помыла ее. Она меня похвалила: «Молодец». Потом, помню, прошептала еле слышно: «На смерть моете?» — «Да нет, нет, Евдокия Ивановна». Люда вернулась с гастролей и старательно ухаживала за слегшей свекровью около года, до последнего часа. Переворачивала, мыла, меняла постель и белье. Люда, добрая душа, все успокаивала свекровь: «Еще подниметесь, Евдокия Ивановна». А Евдокия: «Да я, Люда, и не хочу жить. Устала». Мы тогда удивлялись: как так? как можно устать от жизни? Теперь понимаю, еще бы не устала: прожить 92 года, и такая тяжкая жизнь, не жизнь, а ноша. Ушла Евдокия Ивановна сентябрьским вечером. Когда уносили ее из дома, шестидесятипятилетний Саша по-детски испуганно убежал на кухню. Не мог видеть, как ритуальщики выносят мать в узле в казенную машину.

К «последнему сроку» обеих своих бабушек Люда уже сыграла распутинский «Последний срок», роль старухи Анны. И откуда все знала про этот «срок»? А ведь знала. Уже после Людиного ухода из жизни я позвоню в Кемерово режиссеру-постановщику этого спектакля Виктору Трегубенко. Он вспомнит о стрижовской игре солнечно и восторженно.

Журналист: «Виктор Николаевич, припомните 1994 год, когда вы приехали в Иркутск и репетировали на сцене ТЮЗа «Последний срок». Старуху Анну играла Стрижова. Как репетировалось?»

Трегубенко: «Я другой должен был ставить спектакль-то. Что-то там не получилось с распределением ролей, и Людмила Ивановна предложила: «Не попробовать ли нам поставить «Последний срок?»»

Журналист: «Это от нее шло предложение?»

Трегубенко: «От нее, от нее. Работалось удивительно празднично и мучительно. Ну, договорились мы о ролях, о сценах, о решениях. Замысел и все прочее... Начались репетиции. И смотрю, Людмила Ивановна... как-то мне нечего ей сказать. Я всякий раз, не показывая этого, конечно же, никому, мучительно пытался найти какой-то повод, какое-то замечание сделать ей, какую-то корректуру внести, что-то подсказать. И так радовался, когда у меня что-то находилось. Поднимешься на сцену, что-то там шепнешь, смотришь, на сцене все, что нужно. И опять я, что называется, без работы. А я же режиссер. Мне же нужно как-то свои амбиции реализовывать. Я же должен замечания делать, подсказывать там что-то, а мне нечего подсказать. Вот это для меня было трудно».

Журналист: «На нее эта роль «легла» — да?»

Трегубенко: «Я ее не воспринимал как актрису. Роль — Стрижова — и образ. Все. Понятия актрисы там не было. Поэтому в работе с ней я, повторяюсь, был почти безработным. И вообще эта актриса была и остается для меня от земли и от неба. Необыкновенная профессиональная и человеческая отзывчивость. Она вообще была мягкой, полетной и... и совсем решительной собранности. Была всегда деятельной и выразительной. И никогда не замечал я в ней какой-то тени уныния и подавленности. Одним словом, Стрижова!»

«Он хотел, чтобы у него была такая бабушка, как вы»

Тети Симины ворчания у порога: «Людка, не ходи голоуша, простынешь» — одна только эта материнская фраза, которую и я не однажды слышала в стрижовской квартире, могла дать тон роли. Я не видела, к сожалению, Стрижову в роли бабушки Натальи в спектакле по рассказу Валентина Распутина «Женский разговор». Она играла его во Франции, на французском языке. 2010 год был объявлен Годом России во Франции и Годом Франции в России. По этому случаю там выставляли свои работы молодые художники из Иркутска, выступал Театр народной драмы, во Франции же был показан и «Женский разговор» в постановке А.В. Ищенко. Помните рассказ: шестнадцатилетняя Вика приезжает к бабушке в деревню после тяжелой злой беды, после аборта. Между внучкой и бабушкой ночью происходит сокровенный разговор, где Наталья вспоминает свою молодость, молодость военных и послевоенных лет. Непростой разговор выходит. Трудно ищут две женщины из разных эпох общий язык. Стрижова уже сыграла к этому времени роль Настены в «Живи и помни», Анны в «Последнем сроке», Дарьи в «Прощании с Матерой». Трудность новой постановки была особого рода. За пять месяцев Люда должна была одолеть роль на французском языке. Она читала мне дома целые куски спектакля на французском, я изумлялась, как быстро она выучила чужой язык. Трудно, правда, представить, как этот прекрасный распутинский рассказ с сочным народным говором поддался переводу на французский.

Потом я взяла у Стрижовой интервью, спрашивала: поняли французы ее французский, слышали, о чем был непростой «женский разговор»?

Стрижова: «Мы провезли спектакль по трем небольшим французским городкам. Мне особенно запомнился первый спектакль, который мы играли в лицее, благотворительный. Там были ребята четырнадцать — шестнадцати лет».

Журналист: «Подростковый возраст?»

Стрижова: «Да, подростковый возраст. Это огромный лицей с уклоном русского языка. Ребята как наши: бегают, играют, шумят. Для нас сделали площадку хорошую, нам она очень понравилось: деревянный пол, даже поскрипывали половицы, когда мы ходили. Мы волновались. Это была премьера».

Журналист: «Волновались — поймут ли французы в а ш французский?»

Стрижова: «Да, поймут ли н а ш французский, потому что, когда я услышала, как разговаривают французы, сразу приуныла, как я далека от них».

Журналист: «И все-таки поняли?»

Стрижова: «Поняли! Поняли! Самое интересное, что школьники поняли, о чем мы играем. В конце спектакля была такая длинная пауза, а потом они стали хлопать. Когда начался разговор, они долго не уходили, они все спрашивали: сколько месяцев работали, сколько ставили спектакль, как давался французский язык?»

Журналист: «Но главное: поняли или нет французские лицеисты смысл распутинского «Женского разговора»?»

Стрижова: «Поняли. У нас шел с ними разговор о любви. Там же хорошая фраза есть у Распутина: «К нему прижаться потом надо, к родному-то мужику, к сужемому-то... все честь по чести, по закону, по сговору, а не по обнюшке». То есть мы не животные. Мы должны с любовью, чтобы это был твой любимый мужчина, единственный, тебе посланный Богом, или ты ему, посланная Богом. Так лучше, так человечнее, так слаще. Они поняли, о чем разговор. После спектакля подошел ко мне мальчик, как-то так прикоснулся к щеке, поцеловал и что-то сказал. Я не поняла, что он сказал. Потом подходит их учительница и говорит: «Он вам сказал, что он хотел бы, чтобы у него была такая бабушка, как вы».

Журналист: «Аж мороз по коже от такого зрительского признания».

Стрижова: «Дело в том, что у них такого нет. Может, больше родители занимаются воспитанием, а не бабушки, я не знаю, во французских семьях не была, ничего не могу сказать, но, видно, нехватка какой-то теплоты есть. Хотя там очень любят детей. Но вот такого душевного подхода, такого душевного разговора... я думаю, у русского человека это крепче. Может, сострадания больше у нас. Но каждой нации хочется любви, доброты, нежности, тепла — люди все одинаковые. И когда она перевела, я говорю мальчику: «Ой, спасибо, огромное спасибо тебе». В общем, ребятам очень понравилось. Потом многие подходили и благодарили нас».

Я все пыталась Стрижову о ее вундеркиндском усвоении французского, но поняла, что язык она не освоила. Она только выучила роль на французском. Память у нее была очень хорошая. Но видите, как выучила и как сыграла... И этот вызубренный французский, наверное, сумела согреть материнской интонацией: «Людка, платок надень!.. Людка, не ходи голоуша, простынешь!»

« Земля у нас родкая »

А какая колоритная жизнь окружала Люду в Култуке летом! С избыой двух незабываемых бабушек оказался ищенковский дачный домик на одной улице Октябрьской: Антонидой и Валентиной Колесниковыми. Мать и дочь. Обе бабушки

грузные, низкорослые, с тяжелыми ногами и с обаятельно, по-детски выпяченной нижней губой. Когда в августе, в жаркие дни мне удавалось вырваться в Култук на несколько дней, то со Стрижовой заходили к култукским бабушкам за куриными яйцами. В домашнем хозяйстве Колесниковых, кроме огорода, было 18 курочек и петух. Самый красивый, говорили, в Култуке петух, и пестрые терракотовые курочки. Петух еще и страшно умный. Колесниковы рассказывали: где какая тревога, опасность для курочек, петух стучит клювом в низенькое окошко их старенького домика. Вечером тоже долбит клювом в стекло, когда подводит к воротам свою куриную ватагу. Мы эти повадки умного петуха с Людой знали, и всегда, проходя мимо, останавливались, смотрели, как он гордо водит кур на прогулке по летней траве. Люда приглядывалась, наверное, к петуху внимательнее, чем я, она же тюзовская актриса, играет в сказках птиц и, как говорила Люда, «зверушек». Заходили в избу купить яиц и забывали про покупку, когда начинала говорить старуха Антонида. Антониде было уже за 90 лет. Ей очень нравилось удивлять людей своим возрастом. Руки двигаются, ноги помаленьку, но ходят, голова ясная, речь твердая, сочная. «Она лучше меня выглядит», — говорила добродушная дочь. Голоса у обеих, и у матери, и у дочери, низкие, звучные, с твердым мужским «р»: «Земля у нас родкая», — рассказывает Антонида. Мы замираем в восторге от такого слова — «родкая». Тут и дочь замолкает.

На дорожке между цветочными клумбами бабуся еще больше изумляет нас своей речью: «А третьего года на такие уступки саранки мне пошли. Набычились поначалу, а в день рождения все как одна расцвели. И что это мне природа на такие уступки пошла?» Антонида считала, что и жизнь ей «шла на уступки». Всю жизнь она отработала на железной дороге. Когда пригоняли вагоны, гальку, щебенку, глину, то давали два часа на то, чтобы разгрузить. Антонида и напарница вдвоем управлялись. Ко Дню железнодорожника Антониде принесли Благодарственную грамоту. Она растерялась, что ее помнят в конторе — и всплакнула. Потом повторыла этот рассказ не однажды, и всегда на том месте, где рассказ доходил до вручения грамоты, морщилась, боролась с собой — и все-таки не могла удержаться от слезы. Как немного надо простому русскому человеку. «У нас родова непорочная, — рассказывала Антонида с твердым «ч». — Нет воров. Никто не сидел». Когда Антониде исполнилось 93, она, как и Сашина мама Евдокия Ивановна, все время стала говорить: «Устала я жить: ни сил, ни дороги». — «А что, бабушка, неужели устали жить?» — все пытали мы ее. — «А как же ты, милая, думала?»

Такие вот колоритные култукские бабушки. А их красивый, амбициозный петух вполне мог «постучаться в окошко» тюзовской сцены...

«Где же ты, моя любовь?»

Помню ищенковский спектакль «До третьих петухов» с хождениями сказочного Ивана-дурака за справкой, уведомляющей, что «не дурак». Вослед за В.М. Шукшиным Ищенко с сарказмом и печалью посмеялся над всей «чертовщиной» нашей жизни, начиная со справочных волокит. Артисты в этом спектакле натащивались и напелись от души. Тюзовцы любили и умели петь. Хороший спектакль. На сцене все живет, дышит, бродит. А Стрижова? Обаятельная искрометная Баба-Яга. Эта роль — ее конек. Как новогодняя елка в ТЮЗе, Люда распускает длинные космы, вяжет платок узлом на лбу, надевает длинную, в пол юбку — и пошла к детворе, которая, кстати, не боялась почему-то стрижовскую Ежку. «Три-

ста лет мне в бок, не за горами старость, где же ты моя любовь, в каких краях осталась?» — сочно, гулко поет Стрижова в спектакле. Каждая клеточка тела живет музыкальным ритмом. Весь зал, кажется, готов заплясать вместе со стрижовской Ежкой цыганочку. Зажигательная Баба-Яга, предприимчивая, хитрованистая... и в то же время — Ищенко же не мог не углубить образ, а Стрижова охотно пошла за режиссером — в то же время эту усатую Ежку томит простое человеческое чувство — женская недолюбленность.

Людмила однажды пошутила: мол, играю Бабу-Ягу уже без грима...

Я нравлюсь вам?

А вот другая комическая роль Стрижовой, несколькими годами ранее сыгранная, — вдова Белиса из спектакля «Изобретательная влюбленная» Лопе де Вега. Белиса — суровая старушенция — становится по-девичьи доверчива и обаятельна, простодушна и комична, поверив, что в нее влюблен молодой Люсиндо. Это март 1991 года. Люде еще нет 42 лет. В роли Эрнандо, слуги Люсиндо, Николай Кабаков. Сцену между двумя талантливыми артистами с природным комическим даром трудно забыть. Вдовица Белиса безоглядно и патетически объясняется в любви к Люсиндо: «Когда неожиданно я узнала, что я внушаю вам любовь». То, как стрижовская Белиса произносит слово «любовь» старушечьим низким голосом, застревающая на букве «л», надо слышать. «Я родилась как будто вновь, я словно бы моложе стала. Я нравлюсь вам?» Ах, какой момент в жизни старой и суровой Белисы! Какой миг! «Вас привлекает мой вид? И это не мечта?» Тогда, на спектакле, мы хорошо и весело смеялись над заблуждениями этой уморительной Белисы, жеманной, кокетливой, грубовато некрасивой и простодушно поверившей в неотразимость своих женских чар... Ради нашего «веселого настроения» Валерианович и поставил «Изобретательную влюбленную» в то время.

Начало 90-х — тяжелые для страны годы. На сценах идут жесткие социальные драмы. А Ищенко поставил о любви. Он, как всегда, жил и работал «вопреки». Я записывала тогда с ним интервью для «Восточки». Начиналась статейка так: «Я иду к режиссеру за интервью. Но обычный в таких случаях вопрос: «Почему поставили именно эту пьесу и именно сейчас?» — мне кажется утилитарно-серым и скучным перед той стихией любви, которой дышат герои «Изобретательной влюбленной». Это столь же нелепо кажется мне, как спросить, почему сейчас, в середине марта, поползли снега и заискрились талые воды — ведь так всегда было в природе».

И вот ответ Ищенко на мой вопрос: «Театр призван приносить удовольствие и наслаждение людям, но при этом совершать благородное дело наставления в истине. Так считал Лопе де Вега. Его мысли не устарели и по сей день... Думаю, если и осталось сейчас в людях что-то экологически чистое, так это природное, естественное желание, чтобы в тебя влюбились, или ты полюбил». И дальше в том газетном интервью я спрошу постановщика «Изобретательной влюбленной»: «А не трудно ли было актерам «зажить» такими прелестными проблемами героев Лопе де Вега, да еще в комедийной интерпретации, когда сегодня повсюду идут драмы жесткие, с надрывом?» — «Актеры, как и зрители, устали от житейских проблем, от жестокости нравов. И еще я сказал актерам: «Если вы не полюбите своих наивных героев, на сцене ничего не произойдет. Наивность — не глупость. В ней — прелесть, аромат, вкус жизни, самой природой заложенные сердечные

желания. Допускаю даже, чтобы взаимоотношения актера и героя строились на таком завистливо-щемящем чувстве: мне бы твои заботы». Ищенковский спектакль, повторюсь, дарил зрителю радость посреди трудной жизни начала 90-х.

«Быть женой режиссера — особое послушание»

Начало двухтысячных — активный актерский период в жизни Стрижовой. Где-то в эту пору снится мне сон, будто дали мне играть роль мудрого китайца с косичкой. Я должна сидеть в позе лотоса и отвечать на реплики Стрижовой. Но слов китайца я, конечно же, запомнить не могу, и просыпаюсь от страха перед кулисами. Страх забыть слова роли — примерно такие сны снятся многим. Ну, казалось бы, у меня понятно откуда: Людины и Сашины рассказы про репетиции. Увы, нет! Этот процесс я почти не знаю, я не много слышала откровений моих друзей о работе над постановкой. Если в обычные дни, во времена репетиционного затишья, неумемные телефонные звонки от Стрижовой уже с утра штурмовали мою квартиру, такой у нее был темперамент бурный, ничего не могла держать внутри, всем хотелось поделиться, высказаться, то с приходом репетиционных сроков — все! Наступало затишье! Она просто пропадала из поля зрения. Телефон молчал. Тут и я стеснялась ее тревожить звонками. Позвоню лишь иногда: «Ты что-то пропала с экранов радара?» Почти никогда не слышала исповедей о сомнениях в роли, о работе над ролью. Наверное, у многих артистов этот процесс потаенный. Остается в стенах театра. Было и другое: большая часть стрижовских ролей на иркутской сцене, как я уже говорила, готовилась под Сашиным управлением, а Сашины правщиков Люда не принимала. Таких в природе не могло и существовать. Разве можно сомневаться в верности Сашиных режиссерских решений? Нет-нет...

Все-таки вспоминаю «репетиционные моменты», свидетелем которых мне быть доводилось. Мы с Сашей в комнате, телевизор, разговоры, Люда готовит чай на кухне, и мы начинаем вдруг слышать, как она что-то говорит сама себе, потом сама себе отвечает, слов не разобрать, но по интонации догадываемся: разговор непростой, жесткий... Вот такие «репетиционные» моменты Стрижовой невольно подслушивались мною. Валериановичу они были, конечно же, давно и хорошо знакомы. И вот еще. Я уже говорила, что она как-то рассказывала в интервью про распутинскую старуху Дарью. Про свою роль в спектакле «Прощание с Матерой». Но в том-то и дело — ни слова о «роли», никакого «порога перевоплощения». Рассказывает о событиях спектакля не от лица актрисы Стрижовой, а от лица старухи Дарьи. Не со стороны наблюдает ее переживания, ее говор, а словно бы рассказывает события из своей жизни: «Я ему говорю, Павлу: «Могилки, значит, так и оставим? Могилки наши, изродные?»...

О репетициях под Сашиным управлением я тоже спросила в недавнем эфире у моих гостей — актрис Наташи Маламуд и Алены Партысь.

Маламуд: «Я очень хорошо помню репетиции спектакля «Прощание с Матерой». Как-то Александр Валерианович просто остановил репетицию и начал говорить Людмиле Ивановне замечания, как и что делать. И помню, она его покорно слушала и выполняла все, что он говорил, абсолютно все задачи. В театре и на сцене она не была его женой, она была его актрисой. На репетициях она покорная и послушная. И в то же время тонкая и мудрая. Вот это все в ней».

Журналист: «Но это все-таки с Александром Валериановичем такая тонкость и покорность, или со всеми режиссерами были у Стрижовой?»

Маламуд: «Со всеми, мне кажется».

Партысь: «Я играла с Людмилой Ивановной и в спектаклях Александра Валериановича, и в постановках других режиссеров. Она репетировала очень профессионально, она слушала режиссера безоговорочно. Она выполняла все задания, которые давал режиссер. Но когда она репетировала с Александром Валериановичем, у нее был дополнительный трепет и нежность. То есть она переживала и за себя, и «за того парня»... И не дай Бог, чтобы кто-то из актерской братии (актерская братия сложная), кто-то что-то сказал, кто-то чем-то недоволен, она переживала еще больше. Тогда, когда молодые артисты, в том числе и я, начинали, мы же все были очень амбициозные: «Нам это не нравится, это не нравится», — она всегда говорила: «Алена, Алена, лучше послушай режиссера да сделай, как он говорит! Сделай!» Еще хочу сказать, она всегда была на сцене примером, она всегда была готова к репетиции. По части профессионализма это был большой человек. К сожалению, сейчас в театре таких людей крайне мало. И молодежь воспитывать уже некому».

Журналист: «Она не давала все-таки Валериановича критиковать?»

Партысь: «А попробуй только!» (Смех).

Маламуд: «И тем не менее она все равно в театре на репетициях, снова повторяю, я это помню, она прежде всего была актрисой, а женой — уже за пределами театра».

Партысь: «Это и говорит о большом профессионализме, о большой выдержке, сдержанности и терпении, потому что быть женой режиссера в театре это отдельное послушание. Она трудилась бесконечно. Помимо театра она преподавала в Театральном училище. Она была и общественным человеком. Она и над ролью трудилась постоянно. Ну, это какой-то непрерывный процесс».

И актерской песней она занималась. Она выбирает момент, когда в театре никого нет. Володя Тюменцев ей помогает, звукорежиссер. Она поет. По всему театру раздается ее голос, ее песни».

Маламуд: «Ее уже невозможно было не слушать».

Партысь: «Мы все шли и слушали. Мы пели вместе с ней. Она любила, когда вместе с ней поют. А по части драматических ролей я хотела бы сказать, что Людмила Ивановна обладала такой потрясающей энергией, харизмой. При ее простоте, искренности, убедительности, она была и глубоким человеком. Ей не надо было что-то особо придумывать, когда она играла какие-то драматические роли в спектакле. Например, в «Прощании с Матерой», в «Последнем сроке». От ее игры зритель получал тот самый катарсис и то самое потрясение, ради чего и поставлен спектакль».

Маламуд: «Вот в простоте и есть эта сложность, глубина. Мы же всегда идем на сцене от партнера. За себя скажу: волноваться — это вообще не с ней. Когда я вела с ней сцену, я таяла в ней. Она мне столько давала. И мне было с ней так легко, просто очень. И даже комические роли, они были с таким глубоким драматизмом».

Партысь: «Людмила Ивановна из таких людей: держись за нее и не пропадешь. Вот если со Стрижовой, то все будет нормально. Расскажу историю про «Маленького принца» Экзюпери. Евгений Кравкль написал потрясающую музыку к этому спектаклю. Я играла там Маленького принца. И вот объявили, что мы

будем слушать песни Кравкля для этого спектакля. И приходит Людмила Ивановна. Она в этом спектакле не занята. Ну, пришла да и пришла. Песни там были изумительные. Каждая песня — это отдельный спектакль. Людмиле Ивановне они тоже понравились. И тут вот к вопросу о жене режиссера. На следующий день мы узнали, что мы никто в этом спектакле петь не будем, потому что будет петь в этом спектакле Людмила Ивановна Стрижова. Вот что значит быть женой режиссера (Смеемся). И она была введена в этот спектакль как душа спектакля. И она исполняла эти песни. Она была на сцене всегда. И когда ты идешь от сцены к сцене, тебе нужно развивать роль и не всегда хватает каких-то эмоций, стоит посмотреть на Стрижову, она тебе все даст».

Маламуд: «Потом, после ее ухода, один год Конкурс актерской песни носил ее имя... Знаете, у меня с ней была такая история: мы с Людмилой Ивановной как-то разоткровенничались, и я ей говорю: «Людмила Ивановна, а можно я спою песню, которую вы поете?» Речь, кстати, шла не об одной песне. И она так по-дружески мне сказала: «Да пой».

Журналист: «Не пожалела «свои» песни?»

Маламуд: «Нет. У меня было даже ощущение, что она меня благословила. И тот, кто с ней разговаривал, о жизни, о песне, там, где она давала свое согласие, мне казалось, это было неким благословением».

Партысь: «И вот Людмила Ивановна ушла из жизни, и из театра ушла песня. Из театра ушла душа, и действительно без нее земля опустела...».

Меня всегда покорял в Стрижовой абсолютный слух. Схватывала мелодию на лету и пропевала ее в самых сложных местах с виртуозной точностью. А музыку любила во всех ее проявлениях. Лишь было бы это настоящим, талантливым, одухотворенным. И вот отрывок еще из одного моего интервью со Стрижовой, записанного в 2003 году.

Журналист: «Людмила Ивановна, в эти новогодние дни, в Рождественские Святки были у вас какие-то музыкальные сильные впечатления?»

Стрижова: «Я в последнее время стала очень любить оперу. И меня совершенно потрясла Нетребко, Анна Нетребко. Потрясена ее голосом, ее талантом, ее актерской игрой. Она очень хорошо движется на сцене, движется великолепно, прекрасно чувствует пространство, ощущает его. И все это в приложении к ее голосу. И как женщина она красавица. Это все естественное дополнение. Она просто изумительная певица. Мне еще очень понравился концерт Евгения Дятлова по телевизору, концерт актера, который был знаком по сериалам. Но это просто здорово, просто замечательно. Сильный голос. А песни у него как мини-спектакли, какая-то судьба в каждой песне своя. Причем многие исполнители этих песен знакомы нам, но он по-своему так поет, что я была просто поражена. Например, «Как за меня матушка все молила Бога, все поклонны била, целовала крест...». Я так позавидовала, но по-актерски, хорошо позавидовала. Эх, зараза, захотелось тоже что-нибудь сделать...».

Включаю теперь эту песню в исполнении Дятлова. Понимаю, что Люда сразу тогда все услышала: и о забубенной судьбе сыночка, за которого матушка «все молила Бога», услышала, как душа этого неприкаянного мужичка мечется между земным, где все «засада» да «западня», и небесным, где «журавль по небу летит», увидела судьбу человека.

«Будем спасать Матёру»

На снимке: Людмила Стрижова в роли старухи Дарьи в спектакле по повести В. Распутина «Прощание с Матёрой».

Уже девять лет шел на сцене Иркутского ТЮЗа распутинский «Последний срок» со Стрижовой в роли старухи Анны, когда Ищенко, а это был 2003 год, ставит «Прощание с Матёрой». В роли старухи Дарьи — также Стрижова. По словам Ищенко, он еще в Семипалатинском театре хотел обратиться к «Прощанию», но не было талантливого мальчика для роли Коляни, и актрисы труппы были еще молоды. Молоды к началу двухтысячных для распутинских старух были и актрисы иркутского ТЮЗа. Но для того, чтобы сыграть эти роли, иркутские актрисы созрели. Вот только «ножки» приспособить к возрасту им в этом спектакле, пожалуй, было непросто. В возрастные роли тогда талантливо, органично вошли и Нина Олькова, и Людмила Попкова, и Любовь Почаева, и Валерий Елисеев и Галина Проценко. Зрело, мастеровито, правдиво играли все артисты: Владимир Безродных, Олег Тупица, Николай Кабаков, Владимир Привалов, Михаил Ройзен. Убедительно сыграл роль Андрея, внука Дарьи, молодой артист Михаил Цыбань. Хорош, трогателен был и Коляня, внучонок Симы, в исполнении второклассника Саши Косованова. Никто никому из артистов не уступал и в то же время «не тянул на себя одеяло».

Режиссер-постановщик, слагая инсценировку, каждому дал возможность сыграть характер. Стройным ансамблем сыграли. Но... но рождался спектакль, разумеется, непросто. В интервью журналисту Светлане Мазуровой Ищенко рассказывал, что еще два года назад пытался подступиться к «Матёре». Вот именно «подступиться», как к крепости. Просто немыслимо, кажется, на сцену перенести эту эпическую повесть, где каждое слово выношено и поставлено на место. Как взять эту «крепость»? Надо было крепко вооружиться. «Перечитал все имеющиеся инсценировки, они меня не устроили, сделал свой сценический вариант, который прочитал Валентин Григорьевич. Он признал, что этот вариант добротный, что-то в нем поправил, написал пару новых монологов и благословил на постановку», — скажет в мазуровском интервью Ищенко. В том же роде будет и признание Стрижовой: «Роль Дарьи — это такое человеческое и творческое испытание». Еще бы! Помните Дарьины слова, которые она говорит внуку Андрею: «Ты со мной, Андрюша, не спорь, не спорь. Я мало видела, да много жила. На че мне довелось смотреть, я до-о-олго на его смотрела, а не походя, как ты». Как вот это сыграть: «На че мне довелось смотреть, я до-о-олго на его смотрела»? Стрижовой снова поможет родное Ново-Ленино. Представит: а ее бы родную землю затопили? Больно... И вся эта боль наполнит душу Дарьи в прощании с Матёрой.

Сдавал «Матёру» Ищенко в середине июля. Он, как принято на сдаче, сидел с

микрофоном за режиссерским столиком. Рядом, по левую руку — Валентин Григорьевич Распутин, Владимир Скиф, несколько журналистов. На последнем ряду художник-оформитель спектакля Юрий Суракевич. Суракевич нашел выразительный образ для эпического повествования.

Нет нужды говорить, как я переживала за друзей. Переживала за Люду, которой достались длинные монологи. Мало сыграть, надо еще и отчетливо донести до современного зрителя каждое распутинское народное слово. Не заметила, как мои переживания перекинулись к сценическому действию. От сцены, где Матёра все-таки «соединила» Дарью, сына Павла, внука Андрея хоть на время, от сцены прощания Анастасии и Егора с Матёрой, от этих сильных сцен мои глаза набухали слезами. После первого действия все разошлись из зрительного зала. А у меня, конечно же, была журналистская задача записать хотя бы пару распутинских слов о новом спектакле. Распутин оглянулся, наверное, хотел тут же поделиться впечатлениями, увидел лишь меня — и подошел. Я поднялась навстречу. Увидел сразу мои покрасневшие влажные глаза, это, возможно, расположило его к разговору. «Вам не кажется, что вот этот монолог о Петрухе Звонникове надо убрать?» — спросил он. «Я уж наплакалась в первом действии... Не знаю, может, и стоит. Мне как-то не показалось». — «А потом, что-то кричат много. Может, где-то лучше шепотом сказать, сильнее будет действовать», — продолжал свои непосредственные чувства высказывать Валентин Григорьевич. А я опять в защиту: «Мне вот эта сцена прощания с Анастасией понравилась. И то, что упала она на колени, сильно действует». — «То, что упала, это хорошо. И то, что Егор споткнулся — хорошо. Но о сокровенном, может, не так надо кричать?» Я пожала плечами, помолчала и проговорила: «Все-таки эпическую вещь вы написали. Каждое слово на сегодняшний день падает. А Людин монолог «о совести» наполнится со временем. Сегодня же только сдача». — «За Люду я меньше всего переживаю», — сказал Распутин. «Егор хорош», — продолжала я. «Да, Елисеев — хороший артист», — ответил Валентин Григорьевич. И тут я, почувствовав сокровенность момента, проговорила: «Вы мне потом пару слов на магнитофон скажете?» — «Таня, с вами опасно становится сидеть», — засмеялся Валентин Григорьевич и пошел на свой ряд.

После сдачи спектакля Валентин Григорьевич выйдет к сцене и скажет, что материал воспринимается современно, хотя написан лет 25–30 назад. Ну, а после этого с актерами у него будет уже отдельный и более длинный разговор. Месяца через два Светлана Мазурова запишет интервью с авторами и исполнителями. Прочитую распутинские слова: «Мне нравится спектакль. И нравится инсценировка. Ищенко на удивление бережно отнесся к моему тексту, все самое главное он взял. Это повесть, перенесенная на сцену с наибольшей точностью и с наименьшими потерями. Режиссер не испугался большого текста, длинных монологов, которые взяла на себя актриса Стрижова. Никто бы не смог лучше нее вытянуть их, она же смогла, мне кажется, донести смысл через эти монологи наилучшим образом. Я замечал, что наибольшее волнение охватывало меня, когда читались они. У меня, конечно, особое, авторское отношение. Но ведь актерам надо было это волнение донести, этот трагизм передать».

Стрижовой потом довелось, или пришлось — не знаю, какое слово употребить — играть при авторе «Матёру» четыре раза! Испытание невероятное. Стрижова об этом говорила. На Международном театральном форуме «Золотой витязь» в Москве за постановку «Прощания с Матёрой» тюзовцы получили Серебряный диплом. В одном из интервью я расспрашивала у Стрижовой и о «Матёре».

Журналист: «Людмила Ивановна, согласитесь, что «Прощание с Матёрой» писалось для другой России, доперестроечной. А вам теперь приходится играть на Россию молодую. И все-таки есть в этом спектакле сцены, вы же всегда, артисты, чувствуете кожей, когда зал затихает, замолкает, в зале напряженное внимание, есть такие сцены? И «затихает» ли молодой зритель?»

Стрижова: «Когда объявлено было, что скоро будут затоплять земли, нам-то старухам все еще не верилось, что все это произойдет на самом деле, все казалось, это не с нами будет, это будет потом. И когда Богодул приходит и говорит: «Могилы зорят, кладбище рушат», — это уже явственно всех ударило в сердце и душу. Я, Дарья, спрашиваю: «Где? Говори толком, не рви ты душу, не тяни». — «Да, черти». И вот мы, все старухи бежим на это кладбище. И я там бросаюсь первая. Когда пожарщик несет памятник, я палкой его бью. У него выпадает этот памятник: «Марш отсюда, марш, нечистая сила». Все встали за эти могилочки родные, где лежат отец и мать Дарьи, мать Веры, то есть все те, кто в Матёре жил, работал. И вот это кладбище, для нас оно святыня, это же предки наши. И когда мы видим, что это рушится, все поднимаются. Я очень люблю эту сцену, когда они крестом с могилы прижимают этого пожарщика, они его прямо на землю вают. Хорошая сцена. Я ее очень люблю, по накалу люблю».

Журналист: «И зритель внимательно смотрит: и молодой, и зрелый?»

Стрижова: «Внимательно, внимательно. И молодой, и зрелый. Я очень люблю эту фразу, когда меня спрашивает сын мой, Безродных Володя, хороший актер, я его спрашиваю: «А могилки, значица, так и оставим?» То есть он уже уезжает, уходит. Говорит: «Мать, давай, я за тобой...». Я говорю: «Нет, покуль тут буду, до самого последнего». А как я их-то оставляю, старух-то? Я-то более обеспеченная из всех старух. А они-то нет. Сима вообще одна с малышом в этой деревне чужая. Катерина осталась одна, у нее сынок в пожарщики ушел. Я смотрю на него и говорю: «А могилки наши, значица, так и оставим? Могилки наши изродные под воду?» Он говорит: «Ну, мать, ты же знаешь, ну, некогда было, ну, не мы одне...». И я ему фразу говорю, которую я очень люблю: «Ежели мы с тобой кинули, и нас с тобой кинуть не задумаются. Нелюди мы, ух, нелюди».

Журналист: «Людмила Ивановна, но часто к вам приходили после спектакля в гримерную, вот сюда, где мы сейчас с вами сидим, часто приходили люди с благодарностью, потому что бывает такой сердечный порыв после спектакля артисту сказать слова добрые?»

Стрижова: «Приходили, бывало. Я помню одну женщину, она смотрела спектакль. После спектакля меня вызвали: «Людмила Ивановна, вас там ждут». Я вышла, и стоит женщина. И она так стала меня обнимать, и целовать, и благодарить. И самое-то главное, она плакала. А один мальчишка — моя знакомая рассказывала — ему семь лет, она привела его на спектакль. И семилетний мальчишка смотрел этот спектакль. И он пришел домой, стал строить балки, стулья ставить, собрал их — я вам вот сейчас рассказываю, а у меня чуть не слезы — собрал их всех и говорит: «Садитесь, будем спасать Матёру, чтобы ее никто не затопил. Баба, ты сядь здесь, деда, ты сядь здесь. Я вот этот стул поставлю вот здесь, вы уж тут держите, чтоб никто ее не затопил». Мальчишка! Семь лет! Меня это так поразило. Я говорю: «Надо же, Господи, казалось бы, ну что семилетний ребенок, а нет, понимает, гены-то все равно заложены, куда деть-то?»

« Меня просто поразило, насколько артисты правдивы »

В Иркутске, как известно, все театры и музеи рядышком, перейди дорогу — и ты на спектакле другого театра. Много ли из творческих людей было таких, кто «переходил дорогу» — не знаю, не берусь сказать. Стрижова и Ищенко любили чужие спектакли, ходили на выставки в музеи, радовались чужому успеху и таланту. Вот один из незабываемых «походов». Чудным осенним днем пришли на концерт «Звезды на Байкале». Довольнехонькие: у нас есть билеты. Но вот печаль — за стеклянной дверью Музыкального расстроены лица людей, которые очень хотели, но не смогли попасть на концерт. И тут появляется Владимир Шагин. Поздоровались с ним, кивнули на толпу за стеклом и сказали: «Жалко людей». Было чувство, что мы попали в минуту директорских колебаний. Он немного помолчал... и отдал приказ открыть дверь. Счастливая толпа ворвалась в театр. Решительным тоном опытного директора Шагин крикнул: «Все на балкон, чтобы я никого не видел в зале!». Наверное, люди эти запомнили концерт на всю жизнь. Нам посчастливилось услышать, как Спиваков с «Виртуозами» играли Баха, Моцарта, Шостаковича. За фортепиано — Денис Мацуев.

А вот еще о любви и уважении моих друзей к чужому таланту. Если иркутский поэт Ростислав Филиппов редко читал свои стихи на публике, впрочем, не любил читать их и в тесной дружеской компании, то Валерианович при каждом удобном случае декламировал при народе стихи товарища на память:

*И эта строгая графичность
Мне позволяет различать:
Вот дом. Вот дерево. Вот личность...*

Не забыть, как Ищенко, будто от имени всего поколения, своего и филипповского, бросал в нас последние бескомпромиссные строки стиха, «припечатывал»: «Вот Каин, вот на нем печать».

Трогательными были отношения Ищенко и Стрижовой с художником Владимиром Тетенькиным. Саше посчастливилось с Тетенькиным писать пейзажи на Байкале. Рассказывал: «Тетенькин ходит-ходит, смотрит-смотрит на Байкал, долго смотрит, не пишет. Я уж удивляюсь — почему не пишет? А он все ходит, все смотрит. Потом берет кисть — и пишет быстро, почти в окончательном варианте». Саша учился у него, как надо живописать. В 2003 году пошли в музей на персональную выставку Тетенькина, а потом и в его мастерскую. Работы тянули к себе. Мы жадно переходили от одной картины к другой. После его выставки в Художественном музее спустились вниз, на первый этаж, к работам молодых художников. Контраст удручающий. Бесчувствие к свету, к цвету, форме. «Тяжелый рок», — сразу сказал Ищенко. В ту пору многие работы молодых, как дурно нагримированные проститутки, словно бы вопили: «Купите меня!»

И вот мы у Тетенькина в гостях, в мастерской. Тетенькин рад нашему приходу. Ноги у него уже совсем плохие, но он поднимается с кресла и изящно обласкивает моих друзей: «Как я рад, дорогой друг, что ты пришел», — говорит Саше. Потом усаживается и произносит примерно такой монолог: «Жду, когда кондрат хватит. Не люблю долгожителей. Занудные люди, морализируют. Все должны вокруг них крутиться. Учат. Надо сверкнуть — и уйти».

Люда в гостях у Тетенькина говорит немного, но жадно смотрит, от души сме-

ется застольным тетенькинским афоризмам и прибауткам. При артистизме Тетенькина даже артисту лучше помолчать. Он и больной при полном параде: серый пиджачок с крапом, черная рубашка, густо-пунцовый галстук с кругляшами в цвет пиджака. Руки небольшие, изящные, на левой — перстень с большим выпуклым прозрачным камнем, говорит, с цирконием. Руку с сигаретой держит на отлете, богемно... И, конечно же, сыплются знаменитые тетенькинские поговорки, над которыми смеемся от души: «Ну что? Будем пить или глазки строить?» «Была бы эта бутылка озером, мимо которого я иду на работу». Анекдот Тетенькина из той же оперы: «Муж спрашивает жену: «Ты пиджак почистила?» — «Да» — «И брюки почистила?» — «Да» — «И ботинки почистила?» — «У тебя что — и в ботинках карманы?» Люда на все эти присказки отзывается тут же повтором, старается произнести анекдоты в той же, тетенькинской интонации, копирует какой-то выразительный жест. Ну, что тут скажешь: «обезьянничанье» природное. Тетенькин рассказывает, как привез в Китай сложную, по его выражению, работу: белая роза на белом фоне. «Это непросто сделать. Иногда фон труднее написать, чем сам предмет», — просвещает художник нас... Трубка у Тетенькина потухает, он переходит на сигареты. Полная сковородка окурков. Прощаемся. Уходим. Говорим о Тетенькине: какой светоносный человек... .

Памятна и еще одна теплая дружеская встреча. Мои друзья отправились в Черемховский театр драмы: Володя Гуркин сдавал на родине спектакль по своей пьесе «Байкальская кадриль». Завлит сообщила Гуркину: «Владимир Павлович, вас ждет сюрприз». Слышу радостный вскрик: «Стрижова!» Как он обрадовался Саше с Людой... До чего хорошо играли черемховцы! В эту пору «душа» со сцены уходила, в цене были формальные, так сказать, находки и решения. А тут — хоть и простенький сатиновый красный занавес на сцене, и кресла в зале, как в старых кинотеатрах, а вот душу артисты не потеряли. Проживали комедию правдиво, без раздражающего столичного нажима «на простонародность». Мошкина — теплая женщина: сморщит нос, глянет озорновато, одно удовольствие смотреть. После первого действия мои товарищи просто «обрушились» на Володю с похвалами. Он, кажется, и не ожидал такого. Ищенко сказал, что именно через эту, черемховскую постановку, открыл для себя, что в пьесе есть любовь. Прежде не разглядел... Замечательная была поездка. Как друзья радовались встрече друг с другом.

Конечно же, и Саша и Люда не оставались в стороне от иркутских театральных фестивалей. Вот в 2009 году я для радиопередачи спрашиваю у Стрижовой о впечатлениях от Фестиваля современной драматургии имени Александра Вампилова.

Стрижова: «Фестиваль мне понравился очень. Мне понравилось очень много спектаклей. Это и спектакль Додина, Петербург, это и «Вдовый пароход» — Камчатка. Что смогла, я посмотрела. Наиболее сильное впечатление произвел спектакль «Бабилей» по прозе Абрамова. Это Москва, Театральное объединение «Провинция». На меня не то что «произвел впечатление», меня просто потряс этот спектакль. Сейчас вообще эта тема модная... нет, не то что модная, неправильно сказала, «народная тема» — всегда к ней пытаются обращаться в театре. И здесь люди рассказывают о себе, о своих бедах. Но рассказывают настолько достойно, настолько не истерично, настолько они убедительны. Меня просто поразило, насколько артисты правдивы, насколько точны. Ни тени фальши. Все

бабки разные. Характеры настолько сочные, настолько яркие. Причем они яркие в своей простоте. Смотришь и думаешь: «Господи, так вот это и есть наш народ». Это так же, как поражают шукшинские образы. Меня это потрясло. Я наревелась, наплакалась. Причем это не нытье, когда: «Ну да, плохо живем, плохо жили». Это не нытье, а, я бы сказала, великая деликатность народная, великая деликатность не обидеть человека, вытерпеть страдания, даже слово «деликатность» не совсем тут подходит, способность достойно перенести страдания. Там идет сцена с писателем, они говорят: «Вот пенсия маленькая». А писатель: «Так что же вы? Давайте я напишу письмо». И написал, как выйти из этого положения: давайте, мол, с богатых заберем деньги и отдадим вам. А она сидит, бабушка, и говорит: «Свое. Свое, а не чужое дайте». Они не хотят получить деньги, которые им положены, за счет тех, богатых. Они думают: должно воздаться народу за их труды, за их работу. Это должны думать наверху, их руководители, правители. Они даже правителям подсказывают, что это нехорошо, что это стыдно — у кого-то брать и отдавать. Вы дайте нам свое... Для меня это просто было потрясение. Я давно такого не испытывала в театре. Для меня это была высота. Это та высота, к которой нужно стремиться».

Спектакль этот, кстати, переживший долгую сценическую жизнь, стал в тот год Лауреатом вавпиловского фестиваля в Иркутске.

«Поднимается на сцену мальчик из зрительного зала...»

Многое можно вспомнить о Стрижовой. Многое растревожено в сердце и в памяти... Для меня и теперь Стрижова «не ушла». Вон смотрит с фотоснимка из 80-го года. Ей едва перевалило за тридцать. Кучка приятелей. Уселись пирамидкой с детьми. Люда — вершина этой пирамидки. Мы все, конечно же, под влиянием Стрижовой, по-театральному слегка подмалеваны. Сама она и вовсе будто только из гримерки: черная мушка на кончике носа, мушки на щеках, маленький бантик на макушке — кикимора и только. Глядит в объектив и, кажется, сдерживает молодые хлещущие эмоции лишь на короткий момент фотовспышки. Чуть пониже — другой снимок со Стрижовой: ей уже за пятьдесят, она, конечно, рядом с Александром Валериановичем Ищенко, он опустил руку с сигаретой, смотрит весело, молодо и насмешливо, а в Стрижовой, вижу, появляется тишина. К этому времени она уже сыграла «последний срок» старухи Анны. Но... но надолго ли эта тишина? Въявь слышу, как Стрижова в лицах рассказывает об одном из «смешных» спектаклей «Зайки-Зазнайки»: «Зашли Волк и Лиса в дом, и вот пока мы, зайцы, совещаемся, что делать, поднимается на сцену маленький мальчик из зрительного зала и кричит: «Стойте! Послушайте меня, меня послушайте! Я должен сказать, что делать!» Мы ошарашены. Нам-то что делать?» Рассказывает как анекдот — и заразительно смеется... И снова всплывает в памяти, как Стрижова надрывно говорит: «Ежели мы кинули, и нас с тобой кинуть не задумаются. Нелюди мы, ух, нелюди». Знаю: Валентин Распутин, «Прощание с Матёрой», Стрижова в роли старухи Дарьи. Конечно, знаю, но все кажется мне, что это Стрижова однажды кому-то с болью бросила эти слова... А то вдруг вспомнится, как педагог Стрижова на Конкурсе

чтецов «Русское слово» переживает за своих маленьких подопечных. Школьник ничтоже сумняшеся читает уморительную небылицу Писахова «Перепилиха», а педагог Стрижова переступает с ноги на ногу, теребит в руках носовой платочек от переживаний, от волнения же не совсем естественно смеется, где смешно, чтобы поддержать ребенка зрительской реакцией. Не знаю, почему, но за ребят из Дома творчества Люда всегда больше, чем за себя, переживала... А еще — все не оставляет память тот живописный рассказ, где темпераментная цыганка с широкими сибирскими ладошками и новоленинской решимостью покоряет жюри при четвертом поступлении в Театральное училище. Как в детских играх «в войнушку»: надо «высотку взять» — и с песней бросает взвод на неприятеля. «Самый финал... последнее па... она падает на колени и подъезжает к столу жюри. Жюри падает и от смеха и от великолепия исполнения». Сколько в жизни Стрижовой потом было «высоток». Не страшилась, брала...

2019 год

АЛЕКСАНДР НИКУЛИН

Вспоминая Семена Климовича Устинова

Семен Климович Устинов

— Я — Сибирячок, веселый мальчишка, родился на Байкале, когда упала большая шишка, — обычно так я представляюсь нашим маленьким посетителям отдела природы Иркутского областного краеведческого музея, когда в костюме Сибирячка провожу какие-то мероприятия, связанные с природой нашего края. Журнал «Сибирячок» и самого юного эколога и краеведа Байкала детям представлять не нужно. Его и журнал, названный в честь него, знают достаточно хорошо в нашей

области. В журнале публикуются наши известные писатели, журналисты, художники; с их помощью маленькие читатели знакомятся с историей, краеведением, биологией и экологией Прибайкалья.

Одним из постоянных авторов этого журнала был Семен Климович Устинов — известный сибирский писатель, эколог, популяризатор сохранения животного и растительного мира.

Знакомство

В 2003 году, учась на 4-м курсе факультета охотоведения, я устроился подрабатывать в качестве лаборанта в Байкало-Ленский заповедник. Коллектив заповедника весьма радушно принял меня, поэтому работать было очень интересно.

И вот однажды я увидел, что Соня Бунтовская, моя коллега и добрый друг, разговаривает с высоким пожилым человеком в форменном костюме сотрудника заповедника. Я к тому времени привык, что многих коллег не знал в лицо, поскольку они довольно часто бывали на полевых занятиях и возвращались в контору только для отчетов и написания научных работ.

Я подошел ближе, и мы пожали друг другу руки. Рука у него твердая, но в то же время в ней почувствовалась легкость.

— Очень приятно познакомиться, — проговорил он спокойным голосом, и на лице его появилась радушная улыбка.

— Давайте попьем чаю, — предложила Софья, — сейчас как раз обед начинается.

— С удовольствием, — согласился Устинов. — Саша, присоединяйся.

Я не отказался. Так, за чаем я и познакомился с удивительным человеком, общение с которым продолжилось почти 15 лет.

Спустя полгода, в сентябре 2003 года, проходя преддипломную практику в заповеднике, я был в верховьях Лены. По областному радио мы услышали поздравления Устинову с 70-летием.

— Жаль, что не можем лично поздравить Семена Климовича, — сказал Александр Игнатьевич Демин, старший научный сотрудник, с которым я был тогда на полевых.

— Ничего, Александр Игнатьевич, — успокоил я его, — вернемся и поздравим.

Поздравить удалось уже в октябре, хотя день рождения Семена Климовича приходился на 1 сентября. Тогда, может, я впервые увидел, как коллеги с теплотой относятся к нему. Каждый старался сказать ему что-то доброе и сокровенное, и радушная улыбка Семена Климовича могла быстро развеять какую-то грусть.

В это время у него вышла из печати книга «Волчья песня», и сотрудники незамедлительно решили приобрести ее, тем более была возможность получить автограф автора. Приобрел книгу и я. Эта была первая книга, которую мне подписал Семен Климович.

Сердечная доброта

Меня всегда поражала его доброта ко всем, кто его окружал. Никогда я не слышал, чтобы Устинов кого-то ругал, резко критиковал. Его щедрая и добрая улыбка, блеск веселых голубых глаз позволяли собеседнику забыть о плохом и полностью переключиться на приятную беседу. Хорошо поддерживал беседу и его знаменитый «устиновский» кофе (как он говорил), который собирал сотрудников заповедника вокруг Семена Климовича. Позже вместо кофе появился чай. Помню, однажды, когда мы уже работали вместе, он пригласил меня на «устиновский» чай, и я спросил:

— Семен Климович, а где же знаменитый «устиновский» кофе?

Он прищурил свои глаза и сказал:

— Здоровье, Саша, знаешь, не позволяет его пить, вот перешел на чай. — И при этом от души рассмеялся.

Он был совершенно бескорыстным человеком, каждому давал какие-то рекомендации, советы, которые на деле очень помогали человеку.

В 2009 году, когда готовился к печати прозаический сборник участников литературного объединения, в составе которого был и я, мне захотелось узнать мнение Семена Климовича о небольшом рассказе, который я задумал там опубликовать. В этом рассказе я вспомнил один из веселых моментов из студенческой жизни на факультете охотоведения, во время практики в тайге. Я подошел к нему и спросил, может ли он дать рецензию на мой рассказ.

— Конечно, оставляй, — сказал Устинов, — через несколько дней скажу тебе.

Устинов сдержал свое слово. Он пришел ко мне тогда в музей заповедника, в котором я работал экскурсоводом. Он сел, развернул мою небольшую рукопись и начал:

— Саш, я твой рассказ прочитал. Написано интересно, есть хорошие образы, мне вот тут понравилось, как ты написал про лес. Но кое за что следует тебя слегка пошлепать: зачем вы зайцев ловили петлями? Это ж варварский способ. — Он немного вздохнул и добавил: — Хотя не скрою: в детстве точно так же косых ловили. Так что давай, посмотри свои ошибки и публикуй.

Спустя месяц или полтора рассказ «Стой, косой» был опубликован.

К сожалению, это был единственный раз, когда он рецензировал мои литературные труды. Но для меня этот рассказ ценен не только тем, что это воспоминание о студенчестве, но и тем, что одним из его рецензентов был Семен Климович.

Совместная работа

В заповеднике мы с Семеном Климовичем занимались просветительской деятельностью, но у каждого была своя аудитория. Однажды мы все же смогли поработать вместе: в 2009 году в отделе природы Иркутского областного краеведческого музея, в котором я сейчас работаю, состоялся экологический праздник «День Медведя» для школьников. Семен Климович участвовал как эколог-исследователь, у меня была роль хозяина тайги, Михайлы Потапыча. Для того чтобы юные посетители узнали о том, что Семен Климович долго и плодотворно занимался исследованием жизни косолапого, я от имени своего героя рассказал детям об авторе книги «Год и вся жизнь медведя».

Я всегда поражался тому, как он детально описывал своих героев книг. Не важно, кто или что это было: ручей или веселая птичка, каждому из них он одинаково отдавал ту Любовь, которой следовало бы поучиться очень многим людям.

Помню, когда он подписывал мне книгу «Загадочные тропы кабарги», я у него спросил:

— Семен Климович, ваши книги «Год и вся жизнь медведя» и «Загадочные тропы кабарги» являются библиографической редкостью, тем более изданы давно: в 1987 и 1989 годах. Вы бы не хотели их переиздать, чтобы была возможность людям приобрести их?

— Я бы с удовольствием, Саша, это сделал, — ответил он, — но на переиздание нужны довольно большие деньги, а у меня таковых нет.

Переиздание все-таки произошло: в 2016 году, за год до смерти Семена Климовича, отдельной книгой вышли эти две книги под названием «Аборигены тайги».

По моим наблюдениям, он к деньгам относился весьма сдержанно. Помню, когда в 2008 году к его 75-летию вышла книга «Визит к Берендею», в это же время в Иркутске проводился областной экологический праздник «День Байкала». Книга вышла в хорошем твердом переплете, с цветными фотографиями. Желая поскорее продать тираж книг, он принес несколько экземпляров к памятнику Александру Третьему, на бульвар Гагарина, где проводился праздник. Продавал он совсем дешево: за 200 рублей, лишь бы отдать деньги издателю. Я ему предложил хотя бы за 250 рублей постараться, чтобы ему как автору хоть что-то досталось.

— Ну, если у тебя получится, то Бога ради, — согласился он.

На этом празднике удалось продать три книги.

Первую книгу у него купила моя мама, которая пришла на праздник. Еще две книги мне удалось продать горожанам, гуляющим на набережной.

— Хорошо бы с Семеном Климовичем пойти в какой-нибудь совместный маршрут или поход, — сказал я как-то мечтательно в беседе с Федором Зайцем, своим однокашником и коллегой.

— И не рассчитывай, Саня, — ответил Федор, затягиваясь сигаретой, — он ходит в маршруты один, не любит, когда с ним кто-то ходит.

— Но он же ходит иногда с группой туристов, — попытался я возразить. — Тем более он человек общительный.

— То туристы, Саня. Так что даже не просись к нему, в походах он любит быть один.

Мы перевели как-то тему и уже не возвращались к ней. Но в том, что Семен Климович любит уединение, я убедился, когда устроился подрабатывать сторожем в конторе заповедника. Он довольно редко спускался ко мне вниз из гостевой комнаты, и то, если ему нужно было позвонить по городскому телефону, или все ж время от времени хотел совместно поужинать.

Он терпеть не мог курильщиков. Наблюдая за нашими курящими коллегами, всячески пропагандировал здоровый образ жизни.

— Что они находят в этой соске дьявола? — говорил он с юмором о сигарете и курильщиках, — кроме вреда ничего в ней нет. Меня батя как-то сразу отучил от этой привычки.

Даже в своей книге «Добыть зверя» он написал следующие слова, как он их назвал, заповеди отца: «Это мразь, греховный порок, знаешь, сколько деревень спалили табашники? И потом: к какому же зверю ты подберешься, кто к тебе на солонец придет, если кашель да вонь такая?».

Зато очень любил шутить и за своим «устиновским» кофе, и за чаем. Запивая какую-нибудь конфету чаем, он посмеиваясь повторял слова Братца Опоссума из «Сказок дядюшки Римуса»:

— Еще один финик украду — и все!

Как правило, участники чаепития понимали его шутку и дружно смеялись вместе с ним.

Вообще, общаться с молодежью он любил. Ему хотелось узнать, чем живет современная молодежь, какие у нее интересы. Однажды меня попросили провести экскурсию для первокурсников-охотоведов. Недолго думая, я подошел к Семену Климовичу и спросил, может ли он в качестве дополнения выступить перед студентами нашего общего факультета.

— Конечно, я с удовольствием, — обрадованно сказал Семен Климович, услышав мою просьбу, — ты только скажи, когда и во сколько они будут?

Я ему назвал день и время встречи.

— Ну что ж, я в этот день буду здесь, в Иркутске, поэтому охотно выступлю перед ребятами, — сказал он.

Он выступил, и некоторые из ребят купили у него книгу «Добыть зверя», получив от него и личный автограф. Один из студентов, Миша Будлянский, услышав, что есть книга «Волчья песня», захотел ее приобрести. Но к тому времени ее практически не стало в продаже, хотя я по совету Устинова обращался даже в «Байкальскую экологическую волну», но там весь тираж был уже разобран.

После ухода из заповедника

После ухода из заповедника в 2010 году я с Семеном Климовичем стал реже видаться, работы в музее всегда предостаточно: различные экскурсии, лекции, выставки, командировки в разные уголки Иркутской области не всегда позволяли видаться, как прежде. Однако мы иногда встречались: временами он навещал отдел природы и заодно приносил свои личные вещи, которые он решил отдать в фонды музея. В эти короткие минутки нам и удавалось пообщаться, рассказать о житье-бытье, поделиться приятными новостями.

Постепенно здоровье Семена Климовича стало ослабевать, и он не мог так часто приходить и радовать нас своим присутствием. Но тут выручала мобильная связь: мы стали общаться по телефону, хотя телефонная связь — это, конечно, не живое общение.

Очень интересно Семен Климович передавал приветы. В конце беседы он обычно говорил:

— Кланяюсь, кланяюсь перед всеми. Всем большой привет.

Обычно я звонил Семену Климовичу, поздравляя его со всеми праздниками,

начиная со дня рождения и заканчивая нашими профессиональными праздниками, например, Днем охотоведа.

Но однажды с поздравлениями Семен Климович меня все ж опередил: буквально за три дня до нового, 2012 года, он мне сам позвонил, поздравил. Помню, я был приятно удивлен его звонком:

— Ты меня всегда поздравляешь, — сказал он со смехом, — вот я и решил, Саша, тебя тоже поздравить чуть заранее с праздниками новогодними.

— Спасибо, Семен Климович, — ответил я. — Тогда я вас поздравляю первым с Рождеством.

— Договорились, — сказал Устинов.

Последние встречи

Однако и телефонные разговоры стали реже у нас случаться. И дело даже не в том, что мы отделились друг от друга, а просто Семен Климович стал довольно часто оказываться в больницах то с одной проблемой, то с другой. Не хотелось его беспокоить лишний раз, поэтому когда я узнавал, что ему стало лучше и он выписался, то звонил ему и интересовался его здоровьем.

Но самым страшным и для него и для нас стала новость о том, что он болен раком. Всем известно, что эта болезнь весьма непредсказуемая, и неизвестно, сумеет ли человек справиться с ней. Поэтому я очень обрадовался, когда узнал, что 19 января 2016 года в библиотеке имени И.П. Уткина будет презентация книги Семена Климовича «На заповедных просторах». Мне хотелось с ним по возможности побольше пообщаться, но придя туда, увидел своих друзей — Соню Агееву-Бунтовскую, коллег-экологов со станции юннатов и из заповедника, и все они хотели того же — сказать добрые, ободряющие слова всеми любимому человеку. Увидев Семена Климовича, я не сразу его узнал: у него были отросшие седые волосы и борода. Прежде я не встречал его в таком виде. Помню, когда я еще работал в заповеднике, я отрастил бороду, и он, увидев меня с моей огненно-рыжей бородой, сказал со свойственной ему доброй улыбкой:

— Ты, Саша, мне напоминаешь богатыря Святогора. Настоящий русский богатырь! — и по-дружески, по-отечески похлопал меня по плечу.

Но сам он не отращивал бороды. Всегда был гладко выбрит, подтянут. А бороду я у него видел только на фотографиях во время его бесконечных полевых, когда матушка-природа открывала ему свои тайны, а он потом щедро передавал нам их через свои книги.

Презентация книги «На заповедных просторах» в библиотеке им. И. Уткина была одной из последних встреч с Семеном Климовичем. Он всем был рад, и это заметно прибавляло ему сил.

Так получилось, что мне не хватило книги. Семен Климович сказал мне:

— Саш, ты прости, что не могу подарить тебе свою книгу. Следующую книгу обязательно тебе подарю.

На что я ему ответил:

— Ничего страшного, Семен Климович. Конечно, и не одну еще подарите.

На прощание мы все сфотографировались.

Как потом оказалось, это была моя последняя фотография с ним.

Следующая книга не заставила себя долго ждать: у него вышло переиздание двух книг: «Год и вся жизнь медведя» и «Загадочные тропы кабарги» под общим

названием «Аборигены тайги». 24 июня презентация происходила в библиотеке имени И.И. Молчанова-Сибирского. Вместе с коллегами по отделу мы приехали туда.

На сей раз мне удалось получить и книгу, и последний памятный автограф от автора. По Семену Климовичу было видно, что заметно устал от жары летней и от болезни своей.

— Саш, потом подойдешь, — сказал он мне.

Презентация прошла быстро, поэтому гости разошлись довольно скоро.

— Семен Климович, до встречи, спасибо большое за книгу, — сказал я, пожимая ему руку.

— До встречи, до свидания, Саша, — сказал он мне.

Это была наша последняя «живая» встреча.

Дни вихрем пронесются в нашей жизни, календарь только успевает отсчитывать дни. На дворе царит апрель. Уже достаточно тепло, солнышко греет хорошо, оттого и на душе как-то радостно.

— Здравствуйте, Семен Климович, — говорю я радостным голосом.

— Привет, Миша, — очень тяжелым голосом говорит мне в ответ Устинов.

Миша?!

Он еще что-то сказал еле-еле, и я понял, что дело, видимо, совсем плохо, раз он меня не узнал, да еще говорил тяжелым голосом.

Буквально через месяц, 23 мая, я думал: позвонить ему или все ж дожидаться Дня охотоведа, который будет через четыре дня. Но, учитывая, что в прошлый раз ему было плохо, и Семен Климович впервые меня не узнал, я понял, что откладывать не стоит: кто знает, это может оказаться последним звонком. И я набрал телефон Семена Климовича:

— Алло, Семен Климович, здравствуйте, — сказал я в трубку, когда услышал привычное: «Я слушаю».

— Здравствуй, Саша, — сказал он.

Слава Богу, мелькнуло в голове, он меня узнал. Значит, не все так плохо. Может, в прошлый раз просто неудачно позвонил?

— Как дела? — спросил я по привычке.

И тут впервые вместо веселого и задорного смеха я услышал:

— Саш, я плох...

Я попытался поддержать, но он повторил:

— Саш, передай всем, что Устинов плох, — сказал он, тяжело дыша, и замолчал.

От этого у меня в горле и в груди что-то сжалось.

— Кто это? — услышал я в трубке женский голос со стороны. Скорей всего, это была его жена.

— Это Саша Никулин, — ответил ей Устинов.

Я понял, что сейчас мы уже не поговорим, и решил положить трубку.

Это был наш последний разговор.

6 июня. Светит летнее солнце. Солнечные зайчики играют и веселят людей. На душе тепло от прихода лета. Лужи от вчерашнего дождя быстро высыхают, что тоже очень приятно.

Я радостный захожу в свой отдел, здороваюсь с коллегами, захожу к Ирине Николаевне Шитиковой — заведующей отделом природы Иркутского областного краеведческого музея и моей давней коллеге по заповеднику.

— Саша, сегодня умер Семен Климович, — говорит она тихим голосом.

Когда знаешь, что человек вот-вот умрет, воспринимать смерть, потерю человека будто бы легче, но ты понимаешь, что уже никогда не услышишь голос, который тебя радовал, общения прежнего не будет, останется только Светлая Память о нем.

— Когда и где будут похороны? — спросил я у нее.

— Позвонят — сообщат, — ответила она.

Похороны проходили буквально через день, 8 июня, в Байкальске. Я поехал один от всего нашего отдела на машине, предоставленной заповедником. Рядом со мной были Соня, Лена Хомколова, Валентина Николаевна — наш специалист отдела кадров в заповеднике. Народу было не так уж много, в основном все близкие ему по духу люди: коллеги по заповедному делу, литераторы, родные, близкие.

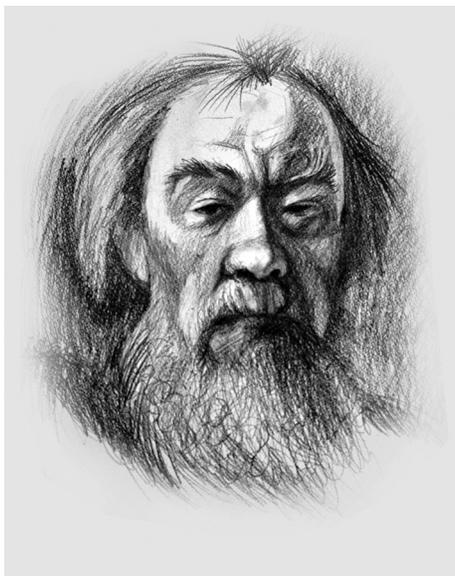
Его приютила родная байкальская земля. Та самая, на которой он родился, здесь он ходил по тайге, исследовал, писал книги, делился наблюдениями со своими читателями и слушателями, которые приходили к нему на лекции. Герои его книг, бесспорно, будут жить, наставлять и учить людей тому вечному Добру, которого нам катастрофически не хватает в нашей повседневной жизни.

Спасибо, дорогой Семен Климович, что Вы были. Уверен, что каждый, кто соприкасался с Вами, сохранит в сердце Ваше магическое и неповторимое тепло и сможет передать его другим, как эстафетную палочку, как олимпийский огонь.

ФЕДОР ЯСНИКОВ

«...К свету... из ночной тени...»

Ф.Л. Ясников. Автопортрет.

Ясников Фёдор Леонидович, в прошлом году отметивший семидесятилетний юбилей, — бывший актер Иркутского городского театра народной драмы, актер кино, а также публицист и литератор, а изначально — художник-портретист, книжный иллюстратор. Принимал участие в художественной выставке «Портреты Иркутских писателей». Оформлял сборники русских и зарубежных сказок, книги иркутских писателей В.Распутина, А.Байбородина, А.Горбунова, А.Семёнова, Т.Суровцевой, С.Волковой и других. Ныне Ясников Фёдор Леонидович — и фотохудожник, произведения которого представлены в этом номере журнала «Сибирь». Наша беседа была долгой, познавательной, поучительной, назидательной.

Бывая в Кутулике, я всегда искренне рада повидаться с этим философствующим и, одновременно, лёгким, ясноглазым человеком. В жизни он скромный, сдержанный, деликатный. Но через время и расстояние он видится мне необычным, будто вымышленным мною же, в моём деревенском детстве. Яко сказочник, который является из резного ларца или из-за печки, когда взрослых нет дома.... Или дедушка-сосед, у которого в кармане всегда для меня припасена конфетка или затейливая штуковина. Словно я — маленькая, а он умудрённый, белёсый, по-хорошему лубочный — обо всём ведает, всё на свете знает. Лампадка горит в избе, в углу на чистых расшитых полотенчиках заботливой рукою расставлены образа. И так, вечера напролёт размышляем мы о жизни нашей земной, о правде и неправде. А иногда он рассказывает свои байки — задорные, хитро-мудро заверченные ради потехи и чистой радости. Но потехе — час, а теперь пошёл серьёзный разговор:

— *Фёдор Леонидович, всемирная паутина выдаёт нам разнообразные факты о вашей деятельности: художник, декоратор, актёр и даже писатель. Скажите, кто зародил в вас столько талантов? В роду вашем были художники, писатели, может быть, музыканты?*

— Матушка моя, урождённая Ольга Николаевна Черемисинова, была на редкость одарённым человеком, мне не досталось и десятой доли ее «даров». Во-первых, она обладала абсолютным слухом и великолепным контральто, подобного

которому мне не доводилось слышать, к тому же была удивительно артистична. Училась в Иркутском училище искусств, когда оно ещё было педагогическим техникумом, у основателя училища Ивана Лавровича Копылова. Сочиняла стихи, в совершенстве знала английский язык, занималась поэтическими переводами. В любом из этих занятий она могла достичь больших высот, но время, тяжёлое время... Бабушка моя, мамина мама, была женой врага народа. До революции они жили в Петергофе. Когда началась смута, её муж (дед мой) ушёл с Врангелем... А бабушке моей с двумя детьми (обе дочери, мама была старшей) пришлось бежать. Хотели в Китай, как многие тогда, но не получилось, застряли в Иркутске. Статус жены врага народа не позволял бабушке устроиться на работу, поэтому работать пришлось маме, а её сестричка Анечка была ещё слишком мала.

С моим отцом Леонидом Владимировичем Ясниковым матушка познакомилась в техникуме. Отец имел недюжинный живописный дар, хорошую крепкую школу (учился у Александра Ивановича Вологодина), но всю жизнь проработал скульптором, исполняя малопривлекательные заказы — надо было кормить семью.

Мои старшие брат и сестра тоже не были обделены талантами. Сестра Наталья, которая на десять лет старше меня и на год старше Николая, окончила наше Иркутское училище искусств, потом Мухинку (ЛВХПУ) и стала интерьерщиком. Старший брат Николай, как и мама, имел абсолютный слух и пел баритоном. Особенно он любил петь, когда мы с ним оставались дома одни. И рисовал прекрасно, но предпочёл медицину, стал стоматологом.

Каждое сказанное собеседником слово воссоздаёт вполне осязаемые образы. Интеллигентная семья: мама — по-дворянски утончённая, трепетная, почти воздушная, но с несгибаемым стержнем. И сильный, безусловно, талантливый, надёжный и сильный отец...

— Я уже говорил, что матушка моя из Петергофа-Петербурга... Жизнь моей бабушки и двух её дочерей после революционных событий круто изменилась и напоминает романы Стивенсона или Купера... Родичей гнал страх — в поезде могут остановить, арестовать, а посему кочевали на перекладных. Бабушка моя, Жозефина Брониславна Борейша — из польских повстанцев, мой дед Николай Петрович Черемисинов, который ушел с Врангелем, был до революции инженером-путейцем и участвовал в строительстве Кругобайкальской железной дороги. Жену свою он нашёл здесь, в Сибири. В Иркутске у бабушки был брат Роман Брониславович — управляющий лесопильного завода, который находился на Шишиловском острове.

Переправившись на санях по льду через Байкал, примчались в Иркутск на Шишиловский остров, к брату. Выбраться в Китай не сумели, но, правда, началась вполне сносная жизнь... А вскоре брата арестовали, и сносная жизнь закончилась.

Отец мой Леонид Владимирович Ясников из рода волжских купцов. Как их семья оказалась в Иркутске, мне не ведомо. Папа был молчалив и не любил утомительных бесед. Деда своего, папиного отца Владимира Тимофеевича Ясникова, я успел застать и припоминаю, как сидел у него на коленях. Держал он меня бережно, словно хрустальную вазу — боялся уронить. В семье жила легенда, что какой-то пра-пра из Ясниковых был иконописцем на Волге. Легенда эта греет мне душу...

— В нынешние времена лучше других устроен тот, кто умеет продавать свой талант (или рядом есть так называемые продюсеры — продвиженцы). А как тонкому рефлексирующему художнику (в широком смысле этого слова) не

утратить дар, не выгореть, не загубить себя от невострёбанности, отчаяния и несправедливости?

— На это скажу одно, Господь дал тебе талант, будь добр, реализуй. Всевозможные несправедливости даются человеку, художнику для укрепления души, для возмужания. Сколько на свете скромных гениев, мы и не подозреваем! Сидят, бедолаги, в своих «каморках», красят чего-то на всяких клеёночках... Но посмотрите — стоят по Руси великолепные древние храмы, в храмах иконы и росписи по стенам, а кто знает о людях, сотворивших эти чудеса?! Феофана Грека, Дионисия, Андрея Рублева мы знаем только благодаря церковным летописям, работе ученых-исследователей. Сами же они нисколько не радели о своей славе. Всё это создано ради Бога. Мы все, во всяком случае, большинство, грезим об известности, но лучше всё же, когда о тебе никто не ведаёт, а Господь знает... Вот вспомнилось: в улан-удэнском музее под открытым небом стоят удивительные ворота — затейливая накладная резьба, гармоничная раскраска, глаз отвести невозможно. Спрашиваю, кто делал? Никто не знает имени мастера. Оказывается, безымянный мужичок за кормежку и крышу над головой сотворял это чудо. Сотворит и дальше идет по деревням... Хотя издревле писатели, художники, композиторы подписывали свои произведения, чем подтверждали полную ответственность за сотворенное.

— *Мне, представителю другого поколения, предельно любопытна жизнь вашего поколения. И, вроде бы, это не «глубокая старина», но, с другой стороны, всё загадочное, будто открыл шкатулку с непостижимым механизмом... Художник, писатель создается уже в детстве, ибо «все мы родом из детства». Искусство вошло в Вашу жизнь уже в детстве, развилось в юности?*

— Безусловно, мы все родом из детства. Если хорошенько его изучить, можно предсказывать будущее человека, я думаю. Мы с моим детским другом бредили искусством. Не понимали, что может быть важнее искусства. Как же тяжело было разочаровываться... А важнее искусства — любовь к Вышнему и ближнему, без сей любви живет лишь искусство от князя тьмы и смерти...

Что примечательного случилось в детстве? Говорят, в человеческой жизни нет места случаю. Примечательно же всё: мамыны сказки вечером при керосиновой лампе, оранжевый снег за окном, маленький игрушечный самолётик — зелёный, с красной звездой, с кабиной для лётчика (для меня, разумеется) и с пропеллерами, которые можно было крутить.

Примечателен был и мой друг Борис Шуньков... Дружили наши матушки, эта дружба перешла к нам. Вот с Борисом-то мы и бредили искусством...

Я жил на старинной иркутской улице, бывшей Семинарской, теперь Польских Повстанцев; здесь началось моё осознанное детство. Была улица эта весьма необычной: тут и речной порт, тут и железная дорога, тут же и подобие деревни, и все это в обычном городе. Многие дворы нашей улицы были деревенскими усадьбами с огородами, стайками, свинарниками, сеновалами, амбарами... Хозяева держали коров, свиней, коз, даже коней и всякую мелкую живность. А по причине того, что рядом река, естественно, многие имели лодки и, не особо скрываясь, во дворах сушили и чинили рыболовные сети.

То, что я назвал речным портом, не совсем верно: был это скорее всего угольный причал. Он находился почти напротив моего дома, там, где улица Декабрьских Событий (бывшая Ланинская) пересекала нашу и упиралась в ворота причала, сквозь которые, громяхая кузовами и цепями, самосвалы развозили по городу уголь. Над причалом постоянно крутили своими жирафьими шеями башенные

краны, с которых свисали чудовищных размеров ковши — такого ковша хватало, чтобы с одного раза загрузить самосвал. Под кранами висели горы чёрного угля.

Теперь относительно железной дороги. Это была узкоколейка, связывающая железнодорожную товарную станцию с Куйбышевским заводом. Бывало, часами, а то и сутками вдоль улицы стояли длинные составы из небольших вагончиков со всякой всячиной типа песка, кокса, мраморной крошки, каких-то железяк. По вагончикам прыгали козы, у состава подолгу мычали коровы, желая перебраться на другую сторону улицы.

Весь Божий день, а зачастую и ночь, наш околоток скрежетал, гудел, громыхал, ревел, визжал, блеял, утрами же пели петухи....

А Борис жил на улице Желябова (Большая Трапезниковская), на первом этаже углового деревянного двухэтажного дома. Дом, в котором он жил, огромный как корабль, окаймлён деревянным тротуаром. Большие, когда-то темно-зелёные, а теперь выцветшие ворота, по которым мы нещадно били мячом, играя в футбол. Большая калитка с тяжелым литым кольцом, которое надо поворачивать, чтобы открыть калитку. Рядом скамейка и Борькино окно. Во дворе дома, прямо в центре, находился старый глубокий колодец, прикрытый уже замшелой от времени, сырой и тяжелой крышкой, сделанной из лиственничных плах. Воду из колодца давно никто не брал, говорили, что в нём кто-то утонул. Иногда мы с Борисом поднимали крышку и подолгу молча смотрели в колодезную глубину, где тёмная вода смутно отсвечивала небо, насквозь пробирая нас заворачивающей жутью. Его потом зарыли, этот колодец.

Во дворе, слева от ворот, — большой амбар из толстых лиственничных брёвен, с тяжелой низкой дверью. Прямо от ворот, через двор, — кладовки, где хранили уголь, дрова и разную рухлядь. За домом — малый сад, где росли две высокие, корявые, раскидистые старые яблони, утомленно свешивая длинные ветви на крышу. И стояла лестница, по которой мы с Борисом забирались и, бывало, просиживали там, на крыше, целыми днями, жуя яблочки, читая вслух или рассказывая друг другу всякие выдуманные и невыдуманные истории. Там зарождались наши самые невероятные планы.

В детстве, лет шести, семи, мы играли, как сказали бы теперь, в «дальнобойщиков». У нас с Борькой имелись самосвалы, не настоящие, конечно, игрушечные, но для нас они были более настоящие, чем настоящие. Все по-настоящему! Обхватив руками кабину самосвала, мы «выезжали» из «гаража» и грузились «коксом», «углем», «мраморной крошкой». Потом Борис выписывал «путевки», и мы отправлялись. «Трасса» наша пролегла по Желябова до Каландарашвили (Грамматинская), оттуда поворачивала на Халтурина (Медведниковская), там, где-то под тополями, был пункт назначения. Борис отмечал «путёвки», и мы выгружали одно, загружали другое и продолжали путь до Декабрьских Событий и до Желябова — домой. Такое «кругосветное» путешествие. В пути «дальнобойщики» и «обедали», и «ночевали», и «перекуривали», и попадали в «аварии».

Возвращались мы, как правило, уже затемно. Выгружались, Борис отмечал «путевки», самосвалы заезжали в «гараж», и усталые «дальнобойщики» шли домой.

Потом был цирк. Тоже самый, что ни есть, настоящий — с афишами, которые очень красиво писал Борис, с фокусами, которые придумывали сами, и клоунадой. Уличная детвора рассаживалась в кухне на стульях. Три раза звенел звонок (ко-

локольчик), раскрывались двустворчатые двери Борькиной спальни и начиналось представление... Выступления наши принимались «публикой» благосклонно, но иногда слышались и недовольные выкрики. Недовольные, как правило, выдворялись и «артистами», и самой «публикой».

Еще был кинозал, где мы «крутили» диафильмы, которых у Бориса было предостаточно. «Публика» рассаживалась по местам согласно «купленным» билетам. Гас свет и начинался сеанс. Текст под картинками мы с Борисом читали по очереди, иногда распределяли роли по голосам. В этих диафильмах вижу первопричину, отчего Борис Шуньков решил заняться кино.

Последним нашим вполне детским увлечением был Театр теней. Отец мой сделал нам ширму с экраном. Написали сценарий «Кот в сапогах», хотя от сказки «Кот в сапогах» там не было ничего. Сделали картонных кукол, большой сапог, в котором куклы должны были прятаться, от кого не помню. После первой же репетиции решили, что все это мышьяная возня, что детство кончилось, что пора заняться кино.

Детских «примечательных» воспоминаний много: папина скульптурная мастерская, которая находилась тогда на улице Красного Восстания — сырой и холодный подвал. Это потом она переехала на Халтурина... Хорошо помню замерзающую на зиму Ангару, по которой мы с братом переходили на другой берег по прозрачному местами льду. Помню тот первый год, когда Ангара перестала замерзать, потому что построили Иркутскую ГЭС — для меня это было величайшее потрясение, потому что вдруг нарушилось нерушимое.

Детство зажигается в глазах вспоминающего. Это такой чудный период, когда забывается голод, драные штаны и подзатыльники. Зато помнятся «Театр теней», «оранжевый снег под окном» и легкокрылый «зелёный самолётик»...

На просьбу припомнить первый актёрский опыт, Фёдор Леонидович отвечает, что никогда не мечтал быть актером, но поиграть на сцене хотелось. Когда стал служить художником в Иркутском городском театре народной драмы, где главный режиссер Михаил Корнев, часто приходилось бывать на репетициях, и вот там «хотение» переросло в «острое желание». Ясников поведал о том Михаилу Георгиевичу, который «соблаговолит» взять его на роль дьяка в спектакле «Ночь перед Рождеством» по Гоголю. Было много репетиций, и удачных, и таких, после которых хотелось проклясть тот день и час, когда вздумалось окатиться на сцене.

— И вот — премьера...

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.

Приближается мой выход, я в рясе, поверх надета теплая безрукавка, на голове скуфья, на ногах валенки, стою за кулисой... и вот пора — выход! А ноги не идут, я их не чувствую, их просто нет. В голове гул — таково могло быть чувство колокола. А выходить-то надо. И вот мои руки (честное слово, я не отдавал им никакой команды!) берут мою правую ногу и переставляют вперед, понуждая к ходьбе... и ноги пошли. Из моего занемевшего рта сыпались какие-то слова. Я полагал, что всё, провалился. Но потом, на разборе спектакля, режиссер никаких особых нареканий мне не сделал, чем я был до крайности удивлен. Вот таков мой первый

актерский опыт. В дальнейшем я еще не раз и не два, а гораздо больше проклинал свое неумное желание залезть на сцену, а теперь скучаю по сцене.

Фёдор Леонидович создал в Кутуликe любительский театр. Помню, говорили о постановках, о том, что такой досуг просто необходим селянам. Но: «мужиков-то не хватает, у меня в театре четыре женщины и один всего бородатый... догадайтесь кто!» Ясников был и режиссёром, и руководителем-завхозом, и тем самым «единственным бородатым» актёром. К моему большому сожалению, недавно он сообщил, что театра больше нет.

— *Ваше окружение — люди творческих профессий. С кем из писателей и художников ныне здравствующих вы близки по духу, по мировосприятию? Кого случилось написать, чьи портреты в вашем исполнении мы можем увидеть?*

— Так получилось, что Союз писателей стал почти постоянным местом моего обитания. Виновата в этом не только наша, более чем сорокалетняя, дружба с прозаиком Анатолием Байбородиныным, дело в том, что именно там я нашёл подтверждение и поддержку моему, складывавшемуся тогда, миропониманию.

Если вы знакомы с произведениями здешних писателей, то вы согласитесь с тем, что иркутское писательское сообщество было самым сильным среди других региональных сообществ. Говорят, с Иркутской литературой могла соперничать лишь Вологодская, когда там жили Рубцов и Астафьев... Возможно, тайна сего кроется в содружестве писателей, что сошлись в знаменитой «Иркутской Стенке». Пишу слово с большой буквы потому, что оно, по моему убеждению, означает огромное и благотворное явление, никогда не бывшее в литературе. Разве что в пушкинскую эпоху, когда писатели и поэты читали друг другу свои творения. «Мы рассчитывали на свои силы и на поддержку друг друга, это было творческое содружество, в котором во время обсуждения наших рукописей говорилось полная правда», — так говорил о «Стенке» Валентин Распутин. К сожалению, явление это целиком принадлежит «шестидесятникам», оно не имело продолжения. «Стенка» разрушилась с уходом её атлантов. Как известно, вдохновителем создания «Стенки» был Александр Вампилов...

Будучи другом известных иркутских писателей, я написал несколько их портретов. Есть портрет прекрасного иркутского поэта Бориса Архипкина, Царство Небесное ему. Борис приходил ко мне позировать, усаживался на приготовленное место, я ставил ему стакан в подстаканнике, наливал чай. Борис насыпал в чай полстакана сахара, доставал из кармана конфетки двух видов — круглые, крупные, разноцветные, обваленные в сахаре и карамельки в обертках. Я писал, Борис пил чай с конфетками и читал стихи, много стихов — и свои, и любимых поэтов. Он обладал потрясающей памятью. Писал портрет другого прекрасного иркутского поэта — Василия Козлова, поэзию которого я особо люблю. Но к нему я отнёсся более строго — все сеансы ему приходилось стоять. И он мужественно перенёс сие мучение. Есть портрет Альберта Семеновича Гурулёва — представителя помянутой «Стенки», замечательного сибирского прозаика, в произведениях которого воистину живет любовь к ближнему, к родной сибирской земле. Рисовал и Анатолия Байбородина, но портрета так и не сделал, не знаю почему. Может, стало не интересно...

Мне посчастливилось иметь дружбу с фотографами, фоторепортёрами, фотохудожниками. Работы Ясникова отличаются удивительным пониманием природы-матушки и природы человеческой. Глубина и гармония в обыденном, привычном, но ярком, жизненном, оттого бесподобном. Будь то кутуликское чахлое

болотце, или стая журавлей — всё красочно, эмоционально. Дабы дать наиболее явную характеристику портрету, скажу, что каждый хочется рассмотреть детально, изучить выражение лица, каждую веснушку, налюбоваться вдоволь, более того, с каждым персонажем увидеться воочию.

Так чем же отличается фотоискусство от любительского фотографирования, а фотохудожник от, скажем, живописца?

— Фотография — буквально воплощенная мечта Фауста (остановись, мгновение). Существует ли грань между искусством и не искусством? Фотоискусство — это пронзительный взгляд. Более цепкий, пристрастный, чем у любителя. В фотографии важна школа. Знание правил композиции, пространственной композиции, законы светотени (занимаясь плёнкой, приходишь к техническому освоению фотодела). Но это еще не искусство, для искусства мало иметь школу. Самое главное, чем должен обладать фотограф — любовью к миру, любовью ко всему существу. Каждая частица этого мира, каждая секунда его жизни для фотохудожника дорога и важна! В искусство фотографии, как и в любое другое искусство, с холодным, равнодушным сердцем лучше вовсе не лезть.

Почему меня привлекла фотография? Ну, попоряд всего из-за лени — не нужно делать подрамники, натягивать и грунтовать холсты (шучу, конечно). А тут ещё подоспела цифровая технология, раздолье для ленивого.

Вы спрашиваете, возможно ли создать шедевр мирового уровня? Может быть, где-то пылится и желтеет какой-нибудь фотошедевр, но за невероятным обилием фотографий мы не в состоянии его разглядеть. А каковы критерии? Тут ведь всё дело в критериях. Судя по мировым выставкам, фотография шагнула в запретные края, она может такое, что иной раз кажется — не человек это делал... не человек. Словно делала это, в лучшем случае, бездушная машина, настолько выверено, выхолощено и холодно. Чудо тоже может быть злым.

Самое трудное в фотографии, на мой взгляд, выявить и сохранить акцент. Художнику «проще» подчинить на холсте окружающую среду главному на картине — центральному объекту. Фотографу приходится работать с тем, что случайно попало в кадр. До появления фотошопа со случайностями воевать было труднее.

Фотошоп — ни хорошо, ни плохо. Это инструмент, набор инструментов. Злоупотреблять им не стоит. Но возможно воспользоваться, дабы исправить досадные случайности.

Живопись и фотография — это совершенно разные технологии. Художник, взявший в руки фотоаппарат, или фотограф, взявший в руки кисть — по существу они оба изменили своему делу. Их «видение» от этого вряд ли пострадает, но они оба занялись ДРУГИМ делом. Невозможно и нельзя сравнивать живопись и фотографию. Пропасть между ними во много раз огромнее даже, чем между монументальным полотном и карандашным наброском.

— Фёдор Леонидович, а теперь приспело время поговорить о идеях и смыслах творчества... Вы видели две эпохи — одна безбожная, но, в некоторой степени, чистая, романтическая; другая — с Богом, но так ли она хороша во всём остальном?

— Во-первых, почему вы решили, что сейчас с Богом? Декларация — это еще не вера. Я, например, совершенно не вижу, что народ сегодня с Богом. В безбожные времена Бога в душах было больше. Атеисты-коммунисты думали, что они Бога отменили. Какая самоуверенность! Бог в душе русского человека более тысячи лет! Разве можно его отменить разом? Кроме того, коммунисты «смягчи-

ли» свой атеизм тем, что взяли на вооружение Божии заповеди — кодекс строителя коммунизма их атеистическая редакция. Однако, удар по вере, по Церкви был нанесен страшный. Постепенно вера стала уходить из народа, заменяясь на идолопоклонство — кто-то стал верить в то, что Бога нет (это тоже религия, ибо не доказано), кто-то выбрал себе Золотого тельца, кто-то Пана (природу), кто-то на место Бога посадил Человека. Но по существу большинство еще оставались православными, то есть — совестливыми. В переводе с греческого Евангелие — Благая Весть, таким образом, совесть означает — несущий весть, благую весть о Боге. Иначе говоря, советские люди, многие уже не сознавая того, все еще несли весть о Боге!

Сегодня, когда русский человек получил «свободу», когда все можно, уходит совесть. На моих глазах, когда грянула перестройка, многие кинулись в религию — кто от безысходности, кто для имиджа, кто для моды. Человеку, прожившему три четверти жизни в безбожии, по-настоящему прийти к вере трудно. Но всё же, должен сказать, что процесс обретения веры, воцерковления в народе идёт. И, кажется, совесть помалу возвращается. Поживём — увидим...

— *Не за горами юбилей Иркутска. Хочу спросить, что для вас значит Иркутск. Старый город... и город новый.*

— Для меня новый город уже потому нехорош, что он уничтожил все моё детство и юность. Он уничтожил всё, что я любил, чем дорожил. И всё же Иркутск — моя родина. Я помню время, когда на улице встретить легковую машину было редчайшим везением. Потом жители долго рассказывали друг другу об увиденном, как о величайшем чуде. Воду в бочках развозили лошадки по дворам. Заезжает во двор такая лошадка, возница, частенько «под мухой», ведет её под уздцы и кричит: «Во-о-ода-а-а!!!!!». Две копейки ведро. Дворы, стайки, заборы, чердаки — наше мальчишечье царство. Как же мы по-доброму жили. Сейчас и детей-то на улице редко увидишь, а увидишь, так какие-то хмурые, не улыбочивые, наверно родители от компьютера отлучили.

Видимо, новый город для новых людей, но будут ли они, эти новые люди, испытывать добрые чувства к новому городу? Наверно, это другая жизнь, и мне не понять. Но мне жаль моих внуков и правнуков, которые не будут гонять мяч и бить им по большим деревянным зеленым воротам, не будут лазить по заборам и чердакам, играя в «войнушку», не будут гонять свои игрушечные самосвалы вдоль деревянных тротуаров, не будут лузгать семечки, сидя на лавочке и рассказывая друг другу всякие небылицы...

— *Мечтали, что будет город-сад. А будет ли?*

— Я ни о каком городе-саде не мечтал, мне был по сердцу мой старый Иркутск. Понимаю, конечно, что время не стоит на месте, но куда оно ведёт, вот в чём вопрос. Мне сдаётся, что архитектурная руинообразная гигантомания плохо кончится, она вскоре раздавит человека, лишит его воли, превратит в муравья... Дай Бог, чтобы я был неправ. Гармония, соразмерность с человеком осталась только в деревне. Говорят, деревня спивается. По селу Кутулик, где я теперь живу, этого не видно... Но если пьянство деревенское и было, и есть, то это от того, что власть бросила деревню, обрекла ее на вымирание.

А Иркутск — вся моя жизнь. Там жили мои родители. Там всё, что мне дорого, всё, что меня убивало и возрождало. Там все мои любимые ныне здравствующие и те, кого уж нет. Я, конечно же, иркутянин, и мне никогда уже не стать никем иным, даже если бы мне пришлось жить еще семьдесят лет где-нибудь в земных

«райских кушах». Иркутянин — это призвание, если хотите. Я не знаю иркутян, уехавших отсюда навсегда, уехавших и сжегших все мосты, зато я знаю иркутян, всю жизнь уезжавших из Иркутска и всю жизнь возвращавшихся в Иркутск, знаю мечтавших уехать, но так и не собравшихся. Я также знаю людей, приехавших в Иркутск и ставших иркутянами еще более «коренными», чем коренные иркутяне.

Я люблю Петербург, но я не смог бы там жить, в граде Петра нет иркутского уюта и тепла. Впрочем, в последние времена и наш Иркутск стремительно теряет и уют, и тепло, превращаясь, стараниями наших архитекторов, в Вавилон. Впрочем, как и все губернские столицы, что обращаются из художественно красивых, уютных и теплых в стылые, мертвотушные мегаполисы, «не помнящие родства».

— У человека с большим жизненным опытом всегда хочется попросить рецепт «правильной жизни»...

— «Рецепт» правильной жизни — десять заповедей Христа, и главная из них «новая»: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:34–35)

Апостол Павел писал: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...» (1 Кор. 13:4–8)

Что касается счастья, грех человеку пенять — он гораздо больше счастлив, чем несчастлив. Правда, иные и не понимают, что счастливы.

— Кто привёл вас к вере? Что лично для вас Бог?

— Кто привел к вере?.. Честно признаться, я до сих пор не могу утверждать, что я верующий. У Тютчева есть стихотворение «Наш век»:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушён,
Невыносимое он днесь выносит
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры — но о ней не просит.
Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутою дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»*

Это во многом про меня... Твердо знаю одно, без Бога не до порога. Без Бога жизнь превращается в страшную, жестокую бессмыслицу (бес-смыслица, смысл беса). Без Бога можно оправдать любое, самое мерзкое деяние. Посмотрите — нынче в почете плотские извращения, которые ведут к вырождению человечества. Это теперь называется толерантность. За нетерпимость к извращенчеству в Европе уже садят в тюрьму! До сих пор только вера в Бога и спасала род людской. Недаром Его зовут Спаситель.

Фёдор Леонидович — самобытный, редкостный, основательный. Можно сказать — «домовитый». В чём-то причудливый и оттого, в общем и целом — дико-

винный. Носитель русской культуры, русского исконного мышления. Но с уважением и приятием внешних традиций, культуры, всего уникального и выдающегося. Мы говорим о Западе, о его ценностях:

— Вы имеете в виду европейскую культуру? Отвечу, если не возражаете, цитатой из Достоевского, из его пушкинской речи: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (...) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, всё это славянофильство и западничество наше — есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически оно необходимо. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть — всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

Конечно, есть чему и у Европы поучиться, но прежде надо познать своё. Например, дети прежде изучают своё окружение. Иначе Европы не понять правильно. По-настоящему любить Европу возможно только зная и любя своё, русское. Наши сегодняшние западники, всячески очерняя и понося Россию, по-настоящему и Европу не любят. Это про них сказал Александр Сергеевич Пушкин, что им все равно: «бегать ли под орлом французским, или русским языком позорить всё русское — были бы только сыты».

Современных художников я почти не знаю, авангарда не люблю, считая его злокачественной опухолью и нашей, и западной культуры. Из европейских мастеров выделяю Рембрандта, Шардена... Из наших — Поленова, Саврасова. Люблю работы Рокотова, Перова — особенно портреты Достоевского и Островского. Пейзажи Василия Федорова трогают меня больше, чем пейзажи знаменитого Коро. И не только от того, что это наш русский пейзаж. У Фёдорова пейзаж «вочеловеченный»... Русское искусство, где русское эпитет, — проповедь восхитительной и сострадательной любви к ближнему, к родному народу.

*Беседу записала и подготовила к печати Алена Шипицына
Декабрь 2019 года*

ЭДУАРД АНАШКИН

Тревога о родном

О книге критики и публицистики В. СЕМЕНОВОЙ
«ПОД НЕБОМ РОДНЫМ И ТРЕВОЖНЫМ»

Пристальным вниманием к творчеству и судьбам писателей-сибиряков, чьи имена стали знаковыми для современной русской литературы, отмечена новая книга Валентины Семеновой, выпущенная в серии «Моя Сибирь» издательства «Вече». Достаточно назвать два имени — Распутин и Вампилов, — как все становится ясно. И это фактор душевного и духовного сопричастия. А вот фактор профессиональный состоит в том, что Валентина Семенова, при всей своей любви к литературе, никогда не уходила от острых вопросов современности. Ведь именно острые вопросы и делают литературу современной и актуальной. Многие очерки и статьи прежде, чем стать книгой, прошли проверку в известных литературных журналах, как региональных и центральных: «Сибирь», «Наш современник», «Простор» и других...

Возможно, кто-то спросит, увидев обложку книги: «Почему это родное небо видится писателям тревожным?» Да ведь потому, что оно — родное, и остается родным, хотя его безоблачное сияние порой сменяется шквалом из дождя и снега.

О том, что тревожит наше сибирское и российское литературное и жизненное небо, честно написано в книге Семеновой. А название этой книге дал, что совсем не удивительно, а закономерно, очерк о роли Валентина Григорьевича Распутина в жизни земли Иркутской. Конечно, Распутин — писатель не просто всероссийского, но и мирового уровня. Но тем более интересно читателю, каким образом это мировое литературное явление, которое в мире называют Валентин Распутин, связано со своей малой родиной, с той землей, откуда его корни. Я бы назвал Распутина не просто явлением литературы. Это явление русской природы, русского духа, связанного с природой. Отсюда и такое разнообразие граней распутинской темы, которое отражено Семеновой: «Распутин и Иркутск: защита памятников старины». «Распутин и Байкал: борьба с Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом». «Распутин и православный «Литературный Иркутск». «Распутин и Восточно-Сибирское книжное издательство». «Распутин и Дни русской духовности и культуры «Сияние России». «Распутин и альманах «Тобольск и вся Сибирь»...

Сибирь была и осталась навеки главной любовью Валентина Григорьевича... Ныне становится все безлюднее эта великая земля, на которой выпала честь родиться героям книги Семеновой. Давая России ресурсы для жизни, Сибирь, как мать, изнемогающая под тяжестью забот о детях, сама делается слабее. А ведь слова о том, что могущество России будет прирастать Сибирью, сказаны не вчера. И сегодня они актуальнее, чем были раньше! И речь не только о материальном, ведь ресурсы сибирские — не только нефть, газ, золото, алмазы и прочее, что Го-

сподь в изобилии дал благословенной земле. Это в первую очередь — сибиряки. Люди совершенно особенного склада, я бы сказал — русские люди в наиболее полном их воплощении! Сибирь, словно некий таинственный тигель, выплавляет людей высокого алмазного ранжира. Достоевский без сибирской ссылки не стал бы тем Достоевским, перед которым склонилась не одна Россия, но и весь мир. Чем был бы XX век великой русской литературы без писателей-сибиряков — Распутина, Вампилова, Астафьева и многих других?..

Будучи при жизни признан русским классиком, Распутин никогда не восседал в башне из слоновой кости. Он был не наблюдателем, но творцом современности, и не только в литературе. Он жил и творил в потоке самых актуальных проблем своей страны. Кто-то скажет, мол, отнимал золотое время и талант от возделывания русского литературного поля. А я не соглашусь! Ведь жизнь питала распутинский гений, потому все, что создавал классик на ниве словесности, было так живо воспринимается народом, для которого он тратил свои силы.

Поднимать огромную тему — Распутин и его малая родина — дело непростое и очень ответственное. Тут нужна и широта кругозора, и скрупулезность при рассмотрении фактов и деталей. От души хочу поклониться Валентине Семеновой, что она взялась за этот гуж! Ведь то, что перечислено выше, это далеко-далеко не вся распутинская тематика. Сюда следует добавить и Аталанку с Усть-Удой, Порт Байкал, Иркутскую православную женскую гимназию и Иркутскую областную библиотеку им. И.И. Молчанова-Сибирского. Добавить сотрудничество писателя с издательством Сапронова, с иркутскими театрами... И всюду он был своим, родным!

Книг о Распутине сегодня пишется немало. Благо живы еще люди, которые имели счастье знать его лично. Я и сам, грешный, не мог удержаться, чтобы не рассказать современникам, каков он, «мой» Распутин, которого я увидел впервые совсем молодым человеком на том легендарном, упоминаемом здесь Читинском зональном семинаре начинающих писателей. Но то, как пишет Семенова о Распутине — отлично от многого о нем сказанного именно своей добротной хрестоматийностью. В том числе и тем, как органично вписана распутинская тема в тему сибирской литературы, не подминая ее под себя, а высвечивая лучшее.

Первая статья, открывающая книгу, «Оправдание или спасение?..» является своего рода личной духовной платформой автора в осмыслении литературы, жизни общества и конкретного человека. Эта статья о том, что заветы, данные в Библии, не только не устарели, но именно сегодня, когда каждый из нас делает свой выбор между добром и злом, без подсказок партии и прочих руководящих сил, именно сегодня можно соотносить нашу жизнь и литературу с канонами библейскими. Вся лучшая отечественная литература, в том числе созданная в советский, официально атеистический, период — православна по сути своей. От произведений наших выдающихся писателей исходит тот свет, который иначе как библейским и божественным назвать нельзя. Он пронизывает произведения, дает им гарантию если не вечности, то очень-очень долгой жизни. Он уводит от вездущей сиюминутной конъюнктуры. Соотнесение ветхозаветных и новозаветных заповедей в трактовке Семеновой поражает своей простотой и глубиной в применении к нашей стране. Это именно то, что люди старшего — нашего! — поколения привыкли называть человеческими отношениями, где поддержка, взаимопомощь, желание отдать себя на общее дело лежало в основе жизни. Когда слова «человек человеку друг, товарищ и брат» не звучали как анахронизм. Это движение настоящей литературы — к человеку, к душе его, помощь в непростые времена. И движение души читателя — навстречу Слову.

О том, какой вклад внесли писатели в духовную жизнь не только своего края, но и России в конце 1980 — начале 1990-х, автор свидетельствует в беседе с составителем-редактором «Литературного Иркутска» — газеты, на несколько лет взявшей православное направление. Читатели знают, как много потрудился Распутин в этом издании, но мало кому известно, что инициатором первого православного выпуска, посвящённого 1000-летию Крещения Руси, была молодая, но уже уверенно заявившая о себе писательница Валентина Сидоренко. Это благодаря ее энергии, с какой погрузилась она в православные источники, поднятые из редких фондов, вслед за первым появились новые выпуски, и были привлечены к сотрудничеству современные авторы из богословской сферы, а также известные писатели России, кому был близок православный взгляд на действительность. В беседе прозвучали имена тех, кто входил в редколлегию, активно помогал выходу газеты, кто раскрывал важные темы с духовной точки зрения, и вся эта информация дается, что называется, из первых рук.

Кто знает, почти тогда внимательнее наша измотанная реформами страна статью Распутина «Интеллигенция и патриотизм», вышедшую в январе 1991 года, и сделай правильные выводы, может, не произошло бы столь резкого падения под откос... В 1993 году «Литературный Иркутск» прозвенел на всю страну тем, что опубликовал материалы круглого стола, проведенного совместно с авторами журнала «Наш современник»: Вадимом Кожинным, Ксенией Мяло, Татьяной Глушковой, Игорем Шафаревичем. И конечно, Валентином Распутиным. Горжусь, что у меня есть этот номер ЛИ — библиографический раритет, подаренный В. Семеновой, тоже принимавшей участие в газете.

Надо сказать, что слова «От автора» содержанием книги подтверждаются полностью: всё что написано — не плод «досужих размышлений», а собственный опыт участия в событиях или свидетельство о них.

Особая боль исходит от страниц, посвященных Восточно-Сибирскому книжному издательству, которому Валентина Семенова отдала много лет. Его расцвет в 70-е годы и гибель в перестроечное время проходили на ее глазах, в текст естественно вплетены воспоминания о том, как им с коллегами не удалось остановить обрушения. Спустя годы бывший редактор дает свое видение катастрофы и говорит о важнейшей роли государственного издательства как регионального культурного центра, собиравшего литературные и краеведческие силы. При этом вовсе не отвергается и книгоиздательство частное. Просто у них разные задачи, считает автор.

Заголовок «Быть или не быть в Иркутске театру юного зрителя?» говорит сам за себя. Это написано по горячим следам борьбы иркутской общественности за назначение театра служить детству. И здесь авторский взгляд не сторонний, это личный опыт дискуссий в кабинетах чиновников и на газетных полосах, с обоснованиями и выводами.

Можно открыть книгу в любом месте — будет ли это статья об «Утиной охоте» А. Вампилова или о прозе А. Гурулёва, В. Нефедьева, В. Огаркова, поэзии Т. Суровцевой и А. Горбунова, или о постановках Распутина и Шукшина на иркутской сцене, или своего рода диалог со Ст. Куняевым о поэзии Серебряного века, переходящий в размышления об истоках творческого порыва, — везде чувствуется самостоятельность и взвешенность авторского подхода к оценке явлений, проблем, судеб. И потому не побоюсь сказать: книга Валентины Семеновичевой выходит за рамки местной литературы и убеждает, что «малая родина» — понятие не территориальное.

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

В Иркутске вспомнили про драматургов: пора!..

О СБОРНИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ «В КОНТАКТЕ»

Таких книг в Иркутске не выходило давно. Наверное, не всё, что пишется в наших краях для сцены, издателям удалось охватить, но появилась надежда, что сборники пьес, а может и отдельные книги отдельных авторов, отныне появляться будут.

Под одной обложкой шесть авторов: Олег Малышев, Алексей Просекин, Анна Иоффе, Валерий Хайрюзов, Юрий Баранов и Светлана Волкова; двенадцать пьес: у четверых по две, у одного — три, ещё у одного — одна. Остановлюсь на авторах, в той или иной степени уже ступивших под свет рампы.

После короткого предисловия Виталия Сидорченко, актёра и писателя, открываю первого драматурга — Олег Малышев, три пьесы. Читаю одну за другой, вспоминаю сетования на отсутствие достойной современной драматургии, и прихожу к выводу, что была бы не против увидеть все три на сцене. Кстати, первая, по которой назван сборник, уже идёт в Иркутском тюзе им. А. Вампилова — надо посмотреть. Очень нужная тема — о двух подростках, которые не просто подружились в Сети, но и помогли друг другу. Он, вполне здоровый паренёк, отчего-то потерявший желание жить, и она, девочка с серьёзным заболеванием, но с огромной жадной жизни и большим запасом любви ко всему: к природе, людям близким и дальним. Этим запасом она делится с новоприобретённым другом, и они оба находят силы, чтобы преодолеть испытания.

Фоном, на котором развивается история, звучат голоса их ровесников — тусовочно-жаргонное общение подростков, «выбирающих житьё». Все они на пороге расставания со школой и, судя по разговору, дети обеспеченных родителей. Стремление к комфорту при помощи «зелёных баллов», «бабла», поиск окольных путей к цели — вот их жизненный интерес. Автор хорошо показал резкий контраст мировосприятия в молодёжной среде, а заодно и то, как по-разному можно пользоваться интернетом.

При знакомстве с пьесой «Дорогой подарок» из жизни деревни, подумалось, что театр отвечает не только перед зрителем во время спектакля, но и за зрителя — каким он выйдет из зала. После «Дорогого подарка» он выйдет приободрённым, я уверена, а именно в этом нуждается сегодня деревенский человек. Хотя бы из-за истории Илюхи, который попал под власть зелёного змия, да так, что кажется, никогда и не выберется. Но автор убеждает: такое возможно. Потому что у Ильи появилась не иллюзорная, а реальная цель в жизни — помочь Марии, что спасительно для него самого. Характеры — и убеждённой в своём праве на материнство Марии, и её властной родительницы — прописаны уверенной рукой, идея добрососедства, взаимовыручки в трудный час тоже дорогого стоит, поскольку выражена не плакатно, а через образы и действие. К пьесе уже присматриваются профессиональные театры, и очень бы хотелось, чтобы её обязательно увидели в сельских Домах культуры и клубах.

Другая, точнее уже третья, среда Малышева — городская — в лирической комедии «Вишенка для капитана». Герои: он — морской офицер, она — врач-психолог. При первой же встрече меж ними пробежала искра, и оба почувствовали это. Но будучи уже достаточно зрелыми людьми, они осторожно, и в то же время энергично начинают продвигаться друг к другу. Можно сказать, получился психологический этюд, и он удачен. В диалогах есть напряжение, за ними интересно следить, юмор сдержанный, без нажима. Один штрих: не заменить ли в эпизоде с пролитым кофе брюки, например, рубахой — в интеллигентной компании герою лучше оказаться с обнаженным торсом, чем в одних трусах — вконец избитый комический штамп, от которого можно отказаться без потерь.

Пьесу Алексея Просекина мне доводилось рекомендовать для читки на Вампиловском фестивале несколько лет назад. Первая новелла затронула вновь и с прежней остротой: четыре боевика ведут на расстрел своего ровесника-земляка и никак не могут выполнить приказ — всё оттягивают и оттягивают, в итоге он сбегает. Следующие две новеллы — нарастание кровавых событий (это Кавказ 1990-х годов), и в финале из всех действующих лиц остаётся в живых только один. Трудно понять, кто против кого воевал, таков характер войны тех лет, и она ещё не ушла в историю, раны напоминают о себе. По этой, видимо, причине «Расстрел» поставлен всего один раз, хотя на двух фестивалях современной пьесы — в Омске и Москве — её автор стал победителем.

Несколько слов об «Иннокентии» Валерия Хайрюзова. Спектакль по этой пьесе не один год идёт в Иркутском тюзезе им. А. Вампилова. И здесь мы имеем пример того, как много значит тема.

Вначале Валерий Хайрюзов, известный прозаик и малоопытный в общем-то драматург, проникся и восхитился необыкновенной личностью митрополита Московского и Коломенского Святителя Иннокентия, его деяниями, и написал пьесу. Потом пьеса попала к режиссёру Виктору Токареву, который прочитал её и тоже проникся уникальным материалом, дальше актёры подхватили этот настрой, все дружно поработали вместе с автором, и получился добротный спектакль. Он успешно идёт на гастролях, и город Иркутск может гордиться тем, что именно здесь, на родине Святителя впервые со сцены прозвучало слово о великом земляке. Поэтому призываю молодых: пишите пьесы о выдающихся людях Сибири! Вы достигаете, по меньшей мере, трёх целей: во-первых, обогащаете себя, погружаясь в историческую эпоху и судьбу крупной личности, во-вторых, просвещаете народ, предлагаете ему идеал, что немаловажно, в-третьих, такую пьесу в вашем городе обязательно поставят.

Теперь о пьесе «Солнечная сторона Меркурия» Анны Иоффе. По стечению обстоятельств нынешней осенью я как раз погрузилась в театральную тему, и вдруг натыкаюсь на пьесу о режиссёре, и более того — о режиссёрском театре. Прочитала на одном дыхании.

О том, что Анна Иоффе пишет пьесы, известно давно. Несколько из них поставил режиссёр Александр Гречман, в том числе и на сцене тюза — спектакль «Дуэль», посвящённый судьбе А.С. Пушкина. Было заметно, что А. Иоффе больше интересуется историко-литературная тематика, во всяком случае, как точка опоры. И вот пьеса о театре, причём современном. Этот материал уже полностью свой: юность отдана игре на сцене народного театра «Диалог», тогда же проявился интерес к драматургии.

Первое моё удивление — само отношение к театру. Все герои пьесы — талантливые люди. Талантлив режиссёр, талантливы все три актрисы, помощник режиссёра — просто суперзвезда в своём деле. И электрик не просто электрик — он ещё и философ! И сын режиссёра, не пошедший по стопам родителей — он талантливый зритель. Нет ни ссор, ни зависти, театр для всех дом родной, и все преданно служат своему режиссёру. Но конфликт есть, и весьма значительный, но на другом уровне.

Прежде, чем к нему перейти, задам вопрос: кого не хватает в этой дивной (без всякой иронии) компании? Не сразу догадаетесь: талантливого драматурга. Он как бы и не нужен. Забудем и мы о нём на время. (В скобках замечу: он вообще-то есть — это бесталаный случайный автор, родственник влиятельного лица, которое может помочь режиссёру, в случае постановки пьесы, заполучить собственный театр.)

Плохая пьеса как раз подтверждает высокие способности режиссёра — он делает из неё хороший спектакль. В сущности, режиссёр выступил в роли драматурга, он соавтор, а это дано не каждому.

И здесь-то начинается самое главное. Режиссёрский театр прописан точно, тонко, остроумно, и не в чьих-то словах, а в характерах, отношениях, развитии действия. Я не знаю, какую задачу ставила перед собой Анна Иоффе. Может, она хотела пропеть гимн режиссёрскому театру, солнечной его стороне? Но оказалась задета и теневая. Мне интересно: это случайно вышло или сознательно?

Мы видим режиссёра в зените своей славы и силы. Для него всё материал: и текст пьесы, и актёры. Он может вознести актрису, вылепить её, сделать звездой, как свою жену, а может сломать судьбу, как это случилось с Натальей. Она прекрасно сыграла роль Нины Заречной в его спектакле, но всего лишь однажды. Больше ни в одной роли он её «не увидел» и ни разу не пригласил. А она не хотела ни с кем из режиссёров после него иметь дело. Теперь она ждёт, она просит у него хоть что-нибудь сыграть, а он говорит: нет, ты не подходишь. Произошло, по сути, моральное убийство — она спивается.

К заново сотворённой пьесе подошла молоденькая актриса. Она давно восхищается этим режиссёром, и вот она играет у него, она счастлива, на его волне творит чудеса, ловит всё на лету и идеально воплощает. Нет, она не марионетка, как это было у Мейерхольда в годы зарождения режиссёрского театра. Тогда внутренний мир артистов всё-таки оставался почти не задетым. Теперь режиссёр требует полной отдачи себе. И Василиса может повторить судьбу Натальи. А может и нет, может, их союз продлится ещё на пять или десять спектаклей, это неизвестно никому, в том числе и самому режиссёру.

Итак, режиссёр ныне — если не Бог, то второй после Бога. Он упоён своими фантазиями и принадлежит только им, самонадеянно считая, что они нисходят на него откуда-то сверху. Это не факт, и это временно. Режиссёрский театр, как и всё на свете, проходит свой путь от расцвета до спада и увядания. Звоночки уже идут. И в пьесе А. Иоффе они есть. Например, Василиса всё-таки уже не Наталья. Она вовремя всё поняла. Это видно из её слов: «Вы любите её (жену). А я — замысел. Со мной вы ставите любовь...» Она наверняка не станет просительницей ролей, хотя может откликнуться, если он позвёт.

Но самый громкий звонок исходит от самого режиссёра. Да-да! Тот звонок — его внезапное решение ставить «Вешние воды» Тургенева. Идея настигла в пиковый момент, когда он всех прогнал, когда рухнул расчёт на влиятельное лицо и

свой театр. И режиссёр возликовал. Сын поздравляет его с воскрешением. И все к нему возвращаются. Думаю, не станет дело и за женой — куда, от кого и зачем ей лететь!..

Но состоится ли воскрешение? Не уверена. Сильно настораживают слова режиссёра о будущем спектакле: «“Вешние воды” — это поток обрётённого и потерянного. Нет, это целый водопад... Но нужна вода. Живая вода. Надо, чтобы она ощущалась. Чтобы звучала. Чтобы в ней ощущался свет...» и т. д.

И суперзвезда-помреж уже здесь, и, как ни в чём не бывало, сообщает, что технически это всё исполнимо: гидроизоляция, трубы, отвод воды...

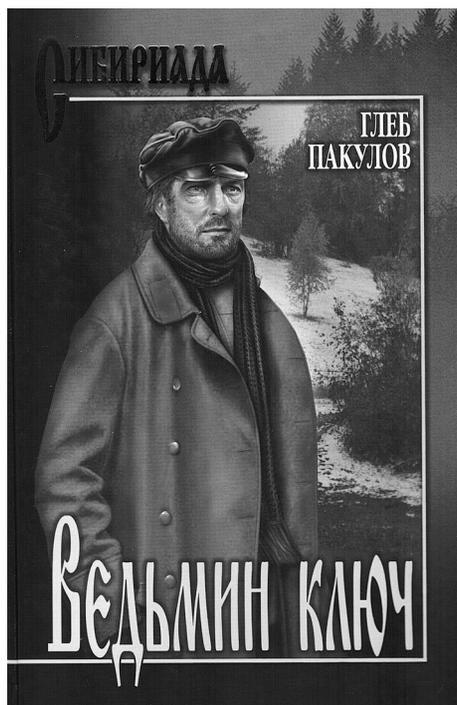
Нет, воистину лучше не придумай! Если «Вешние воды», то надо много воды! Какая «гениальная простота»! Значит, если пьеса называется «Гроза» — пусть беспрерывно со сцены грохочет гром и сверкают молнии, если «Вишнёвый сад», то пусть везде будут вишнёвые деревья, на каждом шагу вишнёвые лепестки и листочки!

Для меня же финал наступил чуть раньше, где-то в конце режиссёрского монолога. Иначе что же: наша песня хороша, начинай сначала?

Наверное, не стоит. Мне как зрителю эти режиссёрские придумки просто смешны. Я не пойду это смотреть. Я хочу видеть повесть Тургенева, добросовестно инсценированную для спектакля, а не потоки воды фантаста-чаровника Чарушина, и имею на это право. Достиг он высшей власти, конечно, но тем большее падение! Нельзя к Тургеневу подходить так же, как к неумелому новичку. Если с новичком можно дать себе волю на любую выдумку и будешь молодец, то с классиком надо, напротив, включить ограничитель: как бы не повредить шедевра! Да, ты второй гений, но не после Бога, а после гения-драматурга, гения-прозаика. Здесь уже выходит на первый план не режиссёрская изощренность, а нравственное начало.

Нет, я далека от мысли предрекать гибель режиссёрскому театру! Просто становится всё очевидней, что ему предстоит измениться, и жизнь подскажет, как. И потому я добавлю к жанру, определённому этой пьесе, одно слово: драма с улыбкой *сочувствия* или даже *соболезнования*. И я желаю Анне Иоффе, чтобы её пьесу поставил режиссёр, не считающий себя доверенным лицом Всевышнего, и поставил так, как она написана.

Книжная полка

Пакулов, Г.И.

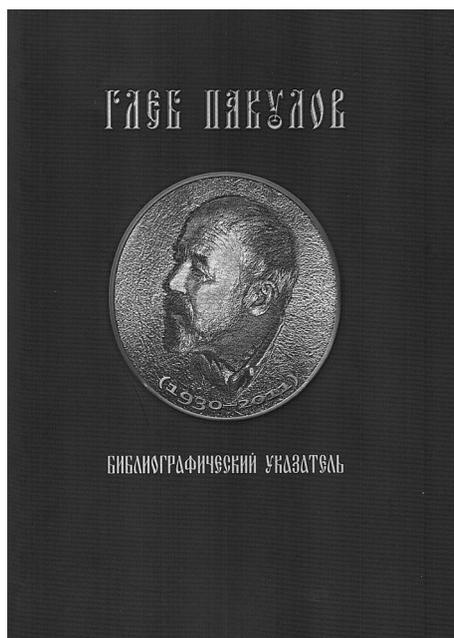
Ведьмин ключ: повести, роман / Глеб Пакулов. — М.: Вече, 2019. — 480 с. — (Сибириада).

По мнению критиков, писателю Глебу Пакулову были подвластны самые разные жанры, что позволило ему создать целый ряд достойных произведений. Пакулов — мастер приключенческой прозы, герои его повестей — геологи, рыбаки, деревенские жители — отличаются сложными, противоречивыми характерами, но, пожалуй, главным действующим лицом его историй является суровая тайга, перед которой все равны.

В книгу также включен исторический роман «Варвары», повествующий о жизни и быте скифских племен.

Глеб Пакулов (1930–2011) : библиогр. указ. / сост.: Л.А. Мирманова при участии Л.А. Казанцевой ; предисл.: Т.Г. Бусаргина ; ред.: Г.А. Борисова [и др.] ; худож.: Е.Г. Павлова. — Иркутск : [б. и.], 2019 (Тип. «Репроцентр А1»). — 320 с. : ил. — Прил.: «Вы снова здесь, изменчивые тени...» ; Тот вечер и та ночь... / Т.Г. Бусаргина ; Слово о величии и скорби / А.Г. Байбородин ; Фотографии из семейных альбомов Пакуловых и Бусаргиных / сост. С.И. Переносенко.

Библиографический указатель посвящен известному русскому писателю Глебу Иосифовичу Пакулову. Содержит материалы (в том числе архивные) о его жизни и творчестве. Впервые наиболее полно отражено участие Пакулова в неформальной организации писателей «Иркутская стенка» (1960–1970-е гг.). В качестве приложений публикуются воспоминания Т.Г. Бусаргиной «Вы снова здесь, изменчивые тени...», «Тот вечер и та ночь...», очерк А.Г. Байбородина «Слово о величии и скорби», а также подборка фотографий из семейных альбомов Пакуловых и Бусаргиных (1915–2011 гг.). Издание предназначено литературоведам, библиотекарям, краеведам, а также всем, кто интересуется историей русской и сибирской литературы XX–XXI вв.

Баранов, Ю.И.

Небесная жизнь и собачьи души: рассказы. / Ю.И. Баранов. — Иркутск : Сибирская книга, 2019 . — 176 с.

Рассказы, из которых состоит новая книга иркутского прозаика Юрия Баранова, написаны чистым, лаконичным, простым в хорошем смысле слова, литературным языком.

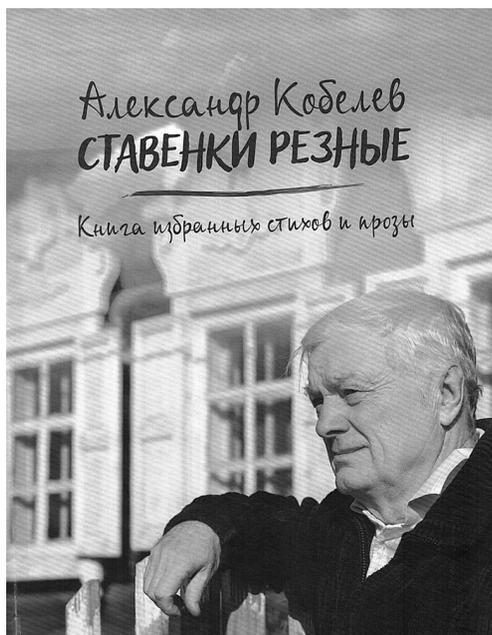
Автор смог создать на своих страницах некую неповторимую атмосферу, передающую ярко и образно внутреннюю жизнь героев, в которой хорошо себя чувствует читатель, сопереживая и сострададая людям и собакам.

Баранов, Ю.И.

Над островами дней : стихи / Ю.И. Баранов. — Иркутск: [б.и.], 2019 (Тип. «Принт Лайн»). — 120 с.

Новая книга Юрия Баранова представляет собой сборник как новых стихотворений поэта, так и стихов, уже любившихся читателям. Кроме того, в разделе «Стальные стрелы» опубликованы тексты песен, посвященных летчикам, а также гимн Дальней Авиации.

Кобелев А.А.

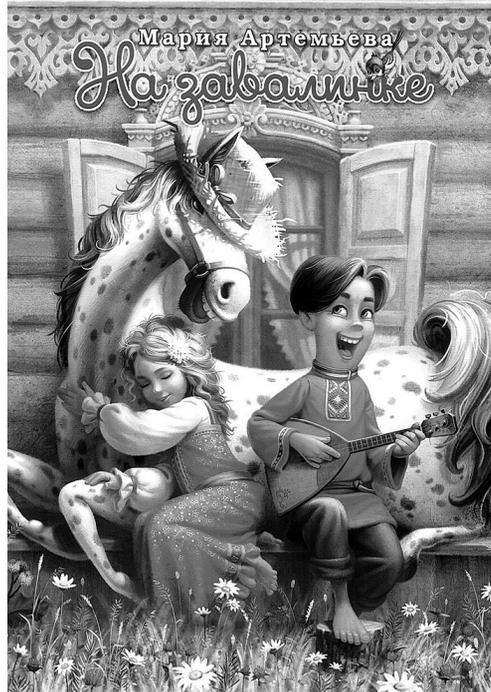
Ставенки резные : книга избранных стихов и прозы / А.А. Кобелев. — Иркутск : ИЦ «Сибирь», 2019. — 288 с.

«Ставенки резные» — пятая книга Александра Кобелева. В новой книге представлены стихи, написанные в последние годы, а также частично входившие в предыдущие публикации. Впервые в книге опубликована проза автора: публицистическое повествование «Шалонинск. Сказание о моей деревне», рассказ «И это всё о нас...» и повесть «Розовая чайка».

Артемьева, М.И.

На завалинке : стихи для детей / М.И. Артемьева ; худож. Д. Серков. — Иркутск: [б.и.], 2019 (Тип. «Принт Лайн»). — 72 с. : ил.

Вышла в свет прекрасно иллюстрированная новая книга детского поэта Марии Артемьевой. Вот что сама автор говорит о ней: «Сегодня вы открываете новую книгу — «На завалинке», в которой вас ждёт много интересного: вы узнаете, как и зачем подшивали валенки, как школьники собирали макулатуру, зачем в огородах ставят чучело, как приходит волшебный сумрак и многое другое. Кроме этого, вас ждут новые считалки и скороговорки».

Литературные пародии

Высокочитимые читатели!

За главный приз нашей особо популярной рубрики «Сумочка к ребру» по итогам 2019 года разгорелась нешуточная борьба. Среди претендующих на награду были и мэтры, и дебютанты, наделенные особым даром тешить читающую публику. Но можно ли считать дебютантом Ольгу Фокину, столь мастерски вывернувшую наизнанку известную детскую песенку «В лесу родилась ёлочка». Автору текста сей песенки Раисе Кудашевой и в страшном сне не могло привидеться, что найдется литературный стахановец, выдающий на-гора стихотворные шедевры, при виде которых так и хочется воскликнуть: от какой же шубы сей рукав! Разумеется, не могу не процитировать:

*В лесу родилась ёлочка.
Росла там целый год.
Согреет все иголки
Наш дружный хоровод.*

И быть бы Ольге Фокиной победителем, когда бы не появился на страницах нашей рубрики литературный пахарь, считающий: как народ глаголет, так и писать надобно. Говорят же не кОрова, а кАрова. И писать следует кАрова. И ударение в словах расставлять по собственному разумению. Вот так-то.

Не буду утруждать вас, дорогие читатели, цитатами из виршей сего пиита. Достаточно перечитать любой из номеров нашего журнала. А посему, «Сумочка к ребру» достается под барабанный бой и фанфары Владимиру Артемьевичу Седых. С чем его и поздравляем, плавно переходя к чтению новых «шедевров».

СТЕПАН ПРАВДОРУБСКИЙ

Мысли вырвались на волю

Растение женщина

*Закуришь сосновую трубку,
Запахнет осенней строкой.*

*Залезешь к красоте под юбку,
А там уже кто-то другой.*

Андрей Коровин (Москва)

Другой

Курил легкомысленно трубку.
И был я, конечно бухой.

Хотелось к жене мне под юбку,
А там оказался другой.

Я тут же, друзья, возмущился
И двинул его по балде.
А он ведь совсем не смущился
И вдруг оказался везде.

С тех пор однозначно замечен
Другой под рубашкой моей.

Не буду я больше беспечен,
По мудрым советам врачей

Я бросил куренье и водку,
И больше к жене ни-ни-ни.

Сменил я сегодня походку.
Попробуй, меня обмани!

Пояс верности

*Если надела пояс,
Верность здесь ни при чём.
Поезд, уходит поезд.
Поговори плечом.*

*Крутит кольцом на пальце
Ключиком у виска.
Ты приручила зайца
Розового соска.*

Андрей Корвин. (Москва)

Заячий поцелуй

Если надела пояс,
Поездом зарифмуй.
Блеклая падает морось,
Заячий поцелуй.

Ключиком звякнут рифмы.
Метафор густая тьма.
Кормят нас алгоритмы,
Поэзия глухонема.

Проснулась муха

*Проснулась муха. Значит, скоро март.
И в мухе я поэзию нашёл.
Да-да, друзья поверьте, это так.
Стихи — когда на сердце хорошо.*

Виталий Кузнецов. (Северо-Муйск)

Стихам труба

Проснулась муха, громко зажужжав.
Она весны воинственный зуав.
Поэзии и солнца в ней судьба.
А без поэзии стихам «труба».

Про муху тут же написал сонет
И мухобойкой завершил сюжет.

Я носила туфли

*Я носила туфли на шпильках.
Я стригла так коротко волосы,
Что породнилась с газоном.
Я отказала многим, а некоторым
Позволила больше, чем ты думаешь.
И все это, чтобы не быть похожей
На тебя,
Мама.*

Анжела Пынзару. (Красноярск)

Мысли вырвались на волю

Я так коротко подстриглась,
Что прикинулась газоном.
Все весною обострилось.
Надышусь опять озоном.
Откажу, потом позволю
В обнаженности метафор.
Мысли вырвались на волю.
Применить пора бы раптор.

ВЛАДИМИР СКИФ

О, женщина!

*Мы расставались на исходе дня.
Нет, не запричитала, не завыла.
А через день она уже меня
Легко и так естественно забыла.*

Константин Ваншенкин

Мы расставались на исходе дня.
Как у меня под ложечкой заньло!
Она же не взглянула на меня,
Ни рук не заломила, не завыла!

Мне кажется — завыл бы сатана,
Узнав, что я — Ваншенкин! —
уезжаю.
Завыли бы друзья... (Воображаю)
Завыли бы, но только не она.

Мне это расставанье не забыть.
Известностью себя не успокоить.
Приеду я — и напишу такое,
Что ей придется все-таки
завыть!

Ни тот и ни другой

*...Во мне умирает прозаик,
Его отвечает поэт...*

Петр Вегин

Когда я поэзией занят,
Тогда начинается бред:
Во мне оживает прозаик,
Его убивает поэт.

Поэт его долго терзает,
Но стоит лишь свет потушить,
Как вдруг начинает прозаик
За что-то поэта душиТЬ.

А утром, угрозы бросая
Жене за вчерашний обед,
Во мне выпивает прозаик,
Ему подливает поэт.

До ночи, до полного мрака
Сидим в кабинете втроем...
И вновь начинается драка:
Друг друга чем попадя бьем.

Поэт меня книгою треснул,
Прозаик ударил ногой:
Они литераторы, дескать,
А Вегин — ни тот, ни другой.

События

Наши юбиляры

Начавшийся 2020 год богат на юбилеи.

Поздравляем январских, февральских и мартовских писателей-юбиляров:

С 75-летием — Владимира Скифа и Геннадия Аксаментова;

С 70-летием — Николая Зарубина, Юрия Кочуру, Валентину Сидоренко, Анатолия Байбородина и Олега Слободчикова;

С 65-летием — Татьяну Назарову и Любовь Московенко.

**Желаем сибирского здоровья и вдохновения,
байкальской стойкости и новых книг!**

Наши лауреаты

Поздравляем Валентину Сидоренко с присуждением Национальной премии имени Эдуарда Володина «Имперская культура». Валентина Васильевна стала лауреатом премии в номинации «Проза» за роман «Страстотерпицы».

Поздравляем Владимира Скифа, Евгению Молчанову и Дарью Тимкович с получением премии губернатора Иркутской области за достижения в области культуры и искусства по итогам 2019 года.

Они отмечены коллективной наградой в номинации «Просветительская деятельность» за воплощение в жизнь важного издательского проекта:

Издание книг «Живём и помним. Воспоминания о Валентине Распутине», «Сцены звучащий глагол. Воспоминания об Александре Вампилове», «Каменный цветок. Сто поэтов о войне».

Также Владимир Петрович удостоен почётной грамоты главного редактора журнала «Берега» (Калининград) Лидии Довыденко по итогам 2019 года.

Поздравляем Валерия Хайрюзова с ежегодной премией журнала «Наш современник» за лучшие произведения 2019 года.

Премия присуждена за рассказ «По главной сути, жизнь проста», опубликованный в 1-м номере журнала «Наш современник».

Новости Иркутского Дома литераторов

1 октября прошла презентация 4-го номера журнала «Сибирь» за 2019 год. В номере можно прочесть прозу москвича Владимира Личутина, братчанина Анатолия Казакова, поэзию Юрия Аксаментова и Александра Обухова и многое другое. О номере рассказали главный редактор журнала Анатолий Байбородин, редактор отдела поэзии Владимир Скиф, редактор отдела прозы Светлана Зубакова, директор редакции Юрий Баранов, а также Александр Обухов, Валентина Семёнова, Александр Лаптев и остальные гости.

10 октября поэт и прозаик, член Союза писателей России Андрей Хромовских презентовал свою новую книгу «Двойная жизнь». Поддержать своего собра-

та по перу приехал из Верхоленска поэт и прозаик Александр Никифоров, подчеркнувший, что Андрей Анатольевич остается поэтом, даже когда пишет прозу, и в подтверждение своих слов зачитал несколько коротких отрывков из книги. А поэт Сергей Корбут, выступивший в роли редактора, рассказал о работе над повестью... Нет, не столько о своей, сколько об авторской. О трепетном отношении автора к историческим деталям («Когда Андрей Хромовских узнал, что такая-то должность в данном уезде не стала избирательной, то переселил героев в другой уезд, где реформа прошла спокойно и должность действительно стала избирательной»). Но самое главное, как заключил Сергей Владимирович, не сама точность в деталях, конечно же, а умение сочетать её с живостью языка и увлекательным сюжетом, создавая яркое, подлинное искусство.

2 и 3 ноября студия «Слово» Иркутского Дома литераторов и театр «Диалог» давали спектакль по творчеству Александра Вампилова «Я люблю людей, с которыми всё может случиться».

12 ноября в Иркутском Доме литераторов прошла «Встреча с книгой и её автором: В.А. Семёнова, «Под небом родным и тревожным». В новой книге Валентины Андреевны, вышедшей в издательстве «Вече», собраны статьи разных лет: «Оправдание или спасение?.. О двух Заветах и отношениях между людьми», «Игрище. Об «Утиной охоте» Александра Вампилова», «Театральная эпопея Виталия Сидорченко. По страницам книги «Иркутский академический им. Н.П. Охлопкова» и многие другие. Перед нами не просто книга, а скорее отчет за три десятилетия работы на литературной ниве. Валентина Андреевна через призму православия, русской классической художественной и духовной литературы осмысляет творчество наших земляков. И главное, что о ком бы она ни писала, неизменно остаются её собственное отношение к правде, искусству, жизни. О прозе ли Валентина Распутина, о драматургии Александра Вампилова, о творчестве ли ныне здравствующих писателей — везде мы видим свойственное Валентине Андреевне единство взгляда или же сомнения. В обсуждении приняли участие писатели, литературоведы, те, о ком писала Валентина Семёнова, и те, кто близко их знал. Писатель Юрий Баранов рассказал о работе с издательством «Вече», благодаря которой иркутских авторов теперь с удовольствием печатают в Москве. Поэт Владимир Скиф вспомнил все изданные книги в серии «Моя Сибирь». Литературовед Валентина Иванова поделилась мыслями, которые возникают после прочтения книги. Начинаящий критик Елена Жданова с неожиданной стороны, через понятие «игры», проанализировала образ автора. Выступили Владислав Огарков, Сергей Эпов, Виталий Сидорченко, Максим Живетьев — каждому было что сказать.

19 ноября прошла презентация 5-го номера журнала «Сибирь» за 2019 год. О напечатанных произведениях рассказали главный редактор Анатолий Байбородин, редактор отдела поэзии Владимир Скиф, редактор отдела прозы Светлана Зубакова, директор редакции Юрий Баранов и присутствующие авторы.

22 ноября в Иркутском Доме литераторов состоялась презентация новых книг Анатолия Григорьевича Байбородина, вышедших в московском издательстве «Вече»: «Сокровища Сибири. Очерки и статьи» и «Деревенский бунт». Поздравить автора смогли не только присутствующие в зале. Было зачитано приветственное письмо Анатолию Григорьевичу от главного редактора издательства «Вече» Сергея Дмитриева, а редактор отдела художественной литературы Олег Солдатов прислал своё аудиообращение. Во время презентации прозвучали отрывки из

интервью Анатолия Григорьевича, в котором он поведал о своей жизни, семье и творчестве. О своих книгах автор рассказывал сам. «Сокровища Сибири» — это тот народный, крестьянский жизненный уклад, на котором и держится земля русская. Однако А.Г. Байбородин подчеркнул, что уже давно является городским жителем, что и подтверждается многочисленными «городскими» рассказами, которыми изобилует книга «Деревенский бунт». Но, конечно, есть в ней и горячо любимая классическая деревенская проза. Например, рассказ «Озёрное чудо», открывающий книгу и посвящённый Валентину Распутину, поражает чувством природного волшебства, таинственного знания того, что сегодня — ещё осень, а вот завтра — уже зима, и смена времён года не зависит от календарной даты...

25 декабря состоялась презентация 6-го номера журнала «Сибирь» за 2019 год, посвящённого графу Николаю Николаевичу Муравьёву-Амурскому, генерал-губернатору Восточной Сибири. На презентации выступили авторы номера поэт Василий Скробот, профессор, доктор исторических наук Александр Дулов, критик Валентина Семёнова и многие другие.

29 декабря в Иркутском Доме литераторов состоялось отчётное годовое собрание Иркутского регионального отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России. Собрание прошло в формате концерта «Здравствуй, это я!», подготовленного молодёжным литобъединением Иркутского Дома литераторов «Азь-Арт». На концерт приехали «азартовцы» не только из Иркутска, но и из соседних городов — Шелехова, Ангарска и Усолья-Сибирского. Концерт открыла молодой поэт и композитор Милена Минина. Она исполнила две свои песни и два романса. «Азартовцы» Дмитрий Белых, Марина Ножнина и Наталья Добаркина прочитали стихи, Любовь Головина, Максим Живетьев и Юрий Харлашкин — рассказы. На концерте присутствовали и старшие коллеги. Поэт и прозаик Светлана Шегебаева посоветовала объединить вокруг «Азь-Арта» разнообразную творческую молодежь: аккомпаниаторов для литературных вечеров, иллюстраторов для будущих книг, театралов для постановок произведений. Критик Валентина Семенова пожелала совмещать работу, семью и литературное творчество. Прозаик Владимир Максимов прочитал стихи о литературном призвании. Поэт Владимир Скиф порадовался возрождению литературных студий при Иркутском Доме литераторов и вспомнил легендарный ТОМ (Творческое объединение молодых, в которое входили Валентин Распутин, Александр Вампилов, Глеб Пакулов и многие другие ставшие классиками писатели). Заместитель директора Иркутского Дома литераторов Светлана Зубакова отметила, что творческая молодежь в Иркутске самоорганизуется и, главное, тянется к искусству. Молодой критик Елена Жданова поблагодарила за дружескую атмосферу на собраниях «Азь-Арта».

13 января в Иркутском Доме литераторов прошла презентация нового издания. В свет вышел первый номер альманаха «Ангарские ворота». Авторы проекта — Виктор Балыков, Валерий Дмитриевский и Владимир Сазонов — рассказали о своей задумке и о тернистом пути от сбора рукописей до сдачи в типографию.

25 января в Иркутском Доме литераторов состоялась презентация «Библиографического указателя по творчеству Глеба Пакулова». Книга вышла к 90-летию со дня его рождения. Из общего ряда подобных изданий презентуемый указатель выделяется тем, что будет интересен широкому кругу читателей. Кроме библиографических материалов, он содержит биографию писателя и воспоминания, написанные его вдовой Т.Г. Бусаргиной, статью А.Г. Байбородина и редкие фотографии. На презентацию пришли как ценители творчества Глеба Пакулова,

хорошо знавшие его лично, так и читатели его книг. Т.Г. Бусаргина представила издание. Составители указателя Л.А. Мирманова и Л.А. Казанцева рассказали о проделанной архивной работе. Владимир Скиф, Иван Козлов, Владимир Максимов и другие друзья и почитатели таланта поделились воспоминаниями о писателе, впечатлениями от его книг, почитали стихи и почтили память Глеба Пакулова.

Утраты

26 января 2020 года на 88-м году жизни скончался Гусенков Владимир Павлович, известный иркутский прозаик, поэт, редактор, член Союза писателей России.

Владимир Павлович Гусенков родился 30 апреля 1932 года в Иркутске. Окончил военно-музыкальную школу. Затем учился в Иркутском художественном училище. Впервые начал печататься, когда учился в музыкальном взводе Сталинградского училища. В 1957 году поступил в Иркутский государственный университет на историко-филологический факультет. В студенческую пору стихи Владимира Павловича стали печататься в областных и районных газетах, в альманахе «Ангара», в сборнике сибирской антологии. В 1961 году вышел первый сборник стихов «Корабли выходят на орбиты». Затем последовали публикации прозаических произведений. После окончания университета Владимир Павлович работал редактором в Восточно-Сибирском книжном издательстве. В 1963 году открывал с молодым коллективом Братскую студию телевидения. В 1966 вернулся в Иркутск, где с тех пор и проживал. Работал в областных газетах. С 2007 года — член Союза писателей России. Повести и рассказы Владимира Гусенкова были переведены и изданы в Болгарии и Японии. Известен он и как составитель книги рассказов и очерков Ярослава Гашека «Вино лесов, вино земляничное». Им же сделана литературная запись книги А. Маценко «Записки врача». Владимир Павлович написал такие книги для детей, как «Корабли выходят на орбиты» (1961), «Между двумя рассветами» (1968) и «Мой бедный Артаньян» (1987). В последние годы жизни в творчестве поэта особое место занимала любовь к Родине, Иркутску. В стихах Гусенкова воспроизводятся красоты сибирской природы и бушующих рек. Большая часть произведений Владимира Павловича опубликована в журнале «Сибирь».

Иркутский Дом литераторов и ИРО Союза писателей России с прискорбием сообщают о невосполнимой утрате: 2 февраля 2020 года на 71-м году жизни скончался известный поэт, член Союза писателей России **Владимир Евгеньевич Скурихин**. Владимир Евгеньевич был тонким лириком, открытым и доброжелательным человеком.

Иркутское региональное отделение Союза писателей России, Иркутский Дом литераторов и Министерство культуры и архивов Иркутской области выражают глубокие соболезнования родным и близким, друзьям и соратникам покойных. Память об этих поэтах и добрых людях будет всегда жить в сердцах людей.

«СОБЫТИЯ» подготовил Юрий Харлашкин